Российское китаеведение:
история, современное состояние
и перспективы развития

Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
1724
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

TIBETAN LITERATURE IN THE CONTEMPORARY LITERARY PROCESS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Edited by Pavel L. Grokhovskiy

St. Petersburg State University Faculty of Philology
St. Petersburg
2014

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Под редакцией П. Л. Гроховского

Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2014

ББК 83.3(5)6+9
Т39

Печатается по постановлению
Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ

А в т о р ы:
П. Л. Гроховский, *Е. А. Завидовская*, *М. О. Смирнова*,
Н. Н. Михайлова, *А. А. Ильина*

Р е ц е н з е н т ы:
д-р филол. наук *М. Н. Суворов*,
канд. филол. наук *А. Н. Коробова*, канд. филол. наук *М. П. Петрова*

Т39 Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики / Под ред. П. Л. Гроховского. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 408 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1433-1

Первое в отечественном востоковедении комплексное исследование тибетской литературы в контексте современного литературного процесса КНР включает анализ культурно-исторических предпосылок и условий ее формирования: влияния политического и этнического факторов, специфики писательской и читательской среды, развития системы образования и прессы, формирования современного литературного тибетского языка, оценки со стороны критиков, использования сети Интернет. В книге представлен обзор корпуса текстов современной тибетской литературы.

Книга адресована китаеведам и тибетологам, а также всем интересующимся тибетской и китайской литературами.

ББК 83.3(5)6+9

Tibetan Literature in the Contemporary Literary Process in the People's Republic of China / Edited by Pavel L. Grokhovskiy. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2014. — 408 p., ill.

The first Russian study of Tibetan literature in the context of the modern literary process of the PRC includes the analysis of cultural and historical prerequisites and conditions of its formation (influence of political and economic factors, characteristics of authors' and readers' milieu, development of educational system and periodicals, reform of the literary Tibetan language, evaluation by critics, Internet usage). The book provides an overview of modern Tibetan literary textual corpus.

The book is intended for specialists in the Chinese and Tibetan studies, as well as for all those interested in the Tibetan and Chinese literatures.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-34-09004 «Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики»

© Коллектив авторов, 2014
© Филологический факультет СПбГУ, 2014
© С. В. Лебединский, оформление, 2014

ISBN 978-5-8465-1433-1

Предисловие

Коллектив авторов этой книги включает китаиста-филолога Е. А. Завидовскую (Университет Наньхуа, Тайвань), а также преподавателей и молодых исследователей (соискателей, магистрантов и студентов кафедры монголоведения и тибетологии СПбГУ) П. Л. Гроховского, М. О. Смирнову, Н. Н. Михайлову и А. А. Ильину. Разделы «Политика КНР в отношении литератур национальных меньшинств с середины XX в. на примере тибетской литературы», «Отражение этнического самосознания и специфика современной тибетской литературы, написанной на китайском языке», «Современная тибетская литература глазами китайских критиков» написаны Е. А. Завидовской, «Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР», «Корпус произведений современной тибетской литературы: основные источники и направления изучения» и «Изучение современной тибетской литературы — новая область тибетологии» — П. Л. Гроховским, «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый» и «Традиционное и новое в современной тибетской литературе (на примере поэтического творчества Дондуб Гьела)» — А. А. Ильиной при участии П. Л. Гроховского, «Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого современного тибетского ученого, литератора, просветителя» и «Значение газеты “Юлчог сосой саргьюр мелонг” (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке» — Н. Н. Михайловой, «Политика модернизации тибетского литературного языка как одна из предпосылок возникновения современной тибетской литературы» и «Современная тибетская литература в ряду других искусств: театр, популярная музыка, телевидение, кинематограф» — М. О. Смирновой, «Современная тибетская литература в сети Интернет» — М. О. Смирновой и Е. А. Завидовской.

В книге содержатся имена многих участников литературного процесса. Принята следующая система: при первом упоминании автора приводятся краткие сведения о его биографии, а также написание его имени по-тибетски в транслитерации Extended Wylie[1] и по-китайски, в русской транскрипции и иероглифами. Та же система принята для географических названий, названий различных организаций и изданий. В конце книги помещен указатель имен тибетских литераторов и деятелей культуры. Правильность написания китайских слов во всей книге проверена Е. А. Завидовской. Поскольку заглавные и строчные буквы используются в латинской транслитерации Extended Wylie для передачи различных графем, первая буква тибетских личных имен, географических названий и названий организаций и изданий не капитализируется в записи латинской транслитерацией, в том числе в библиографических ссылках.

В приложении — русские переводы стихотворений Дондуб Гьела «Водопад юности», «И здесь есть живое, сильно бьющееся сердце», «Утро в институте» и фрагмент его повести «Цветок, побежденный морозом».

Для китайского языка используется стандартная кириллическая транскрипция, для передачи написания тибетских слов – транслитерация Extended Wylie, для передачи их звучания была разработана система кириллической транскрипции, основывающаяся на следующих соответствиях:

Инициали (корневые графемы): k=к, kh=к, g=г, ng=нг, c=ч, ch=ч, j=дж, ny=нь, t=т, th=т, d=д, n=н, p=п, ph=п, b=б, m=м, ts=ц, tsh=ц, dz=дз, w=в, zh=ж, z=з, ‘ не передается, y=й[2], r=р, l=л, sh=ш, s=с, h=х, 30-я корневая графема тибетского алфавита не передается.

Гласные: a=а, i=и, u=у, e=э[3], o=о.

Финали (приписные графемы): g=г, ng=нг, d не передается[4], n=н[5], b=б, m=м, ‘не передается[6], r=р, l=л, s не передается[7]. Постфинали (вторичные приписные) s и d не передаются.

---

[1] http://www.thlib.org/reference/transliteration/#!essay=/thl/ewts (дата обращения 13.10.2014).

[2] Инициаль [у] передается отдельной буквой й только перед гласным [и], в сочетании же с гласными [а], [у], [э], [о] она записывается соответственно как я, ю, е, ё.

[3] Тибетский гласный [е] передается как [э] в абсолютном начале слога и как [е] после инициали.

[4] Перед финалью [d] гласный [а] переходит в [э].

[5] Перед приписной ‘ в сочетании с огласовкой i гласный [а] переходит в [э].

[6] Перед финалью [n] гласный [а] переходит в [э].

[7] Перед финалью [s] гласный [а] переходит в [э].

Сочетания инициалей с постинициалями (подписными графемами) y и r: ky=кь, khy=кь, gy=гь, py=ч, phy=ч, by=дж, my=нь, kr=т, khr=т, gr=д, tr=т, thr=т, dr=д, nr=н, pr=т, phr=т, br=д, mr= м, sr=c, hr=ш. Подписная графема l передается только в сочетании с корневой графемой z, zl=д. Подписная графема w не передается.

Преинициали (надписные графемы r, l, s и предписные графемы g, d, b, s, ‘) и препреинициаль (предписная графема b) не передаются, за исключением преинициали (надписной графемы) l в сочетании с инициалью (корневой графемой) h, lh=лх.

Особые случаи: сочетание преинициали (предписной графемы) d и инициали (корневой графемы) b, db передается так же, как инициаль w=в, сочетание преинициали (предписной графемы) d, инициали (корневой графемы) b и постинициали (подписной графемы) r, dbr передается так же, как инициаль r=р, сочетание преинициали (предписной графемы) d, инициали (корневой графемы) b и постинициали (подписной графемы) y, dby передается так же, как инициаль y= й[8].

Участники проекта заинтересовались изучением современной тибетской литературы на тибетском языке в 2010 г., тогда была подготовлена первая публикация на русском языке по этой теме[9] и стало очевидно, что главной проблемой для российских исследователей является недостаток материалов. В 2011–2014 гг. в ходе поездок в ведущие тибетологические научные центры и библиотеки Германии, Франции, КНР и Великобритании, которые стали возможными благодаря программам межвузовского сотрудничества СПбГУ с Университетом Гамбурга, Свободным университетом Берлина, совместной программе СПбГУ и DAAD «Дмитрий Менделеев» и финансовой поддержке СПбГУ в рамках проектов НИР СПбГУ 2.38.49.2011 «Памятники индо-тибето-монгольских буддийских средневековых наук: терминологические системы и структуры текстов» и 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность», П. Л. Гроховским было собрано много первоисточников на тибетском и китайском языках, а также научные публикации и неопубликованные диссертации западных ученых, однако опыт этих поездок показал, что и в европейских библиотеках дело обстоит

[8] Инициаль [у] передается отдельной буквой й только перед гласным [и], в сочетании же с гласными [а], [у], [э], [о] она записывается соответственно как я, ю, е, ё.

[9] *Гроховский П. Л.* Изучение современной тибетской литературы — новая область тибетологии // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы IV Международной научной конференции. 29 июня — 2 июля 2010 г. Т. 2. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 9–16.

не лучшим образом: подшивки литературных журналов, как правило, не являются полными ни в одной из посещенных библиотек, в связи с чем необходимо их комбинированное использование; публикации на французском и немецком языках, как правило, можно найти по преимуществу во Франции и в Германии соответственно. Наибольшие сложности вызвало решение задачи по сбору материалов по произведениям тибетских авторов на китайском языке, так как в большинстве университетов и библиотек Европы (за исключением, пожалуй, Национального института восточных языков и культур (Institut National des Langues et Civilisations Orientales, INALCO) в Париже) изучением и, соответственно, заказом соответствующей литературы для библиотек не занимаются ни тибетологи, ни китаисты. Решить эту задачу удалось благодаря посещению Китайской национальной библиотеки в Пекине. В первый год работы проекта большое содействие в сборе материалов на китайском языке оказал также Д.А.Терентьев.

Авторы благодарят за содействие при подготовке данного издания следующих зарубежных коллег: Франсуаз Робэн, Патрисию Скьяффини-Ведани, Франца-Ксавьера Эрхарда, Янгдон Дондуб, Церинг Шакью, Риику Виртанен, Нэнси Линь, Николь Уиллок, Лама Кьяба (Лама Джаба), Стивена Вентурино, Нимрода Барановича, Лорэн Хартли, Михаэля Балка, Церинг Тара.

Данное издание представляется авторам лишь одним из первых шагов на подступах к обширной, но еще очень мало известной за пределами проживания тибетцев современной тибетской литературе, прежде всего на тибетском и китайском языках.

Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР

Культура тибетцев, проживающих как в Китайской Народной Республике (КНР), так и за ее пределами, в современном состоянии является продуктом активного взаимодействия с культурами других народов — прежде всего Китая и Индии. До середины XX в. тибетское общество, напротив, характеризовалось чрезвычайной закрытостью от инокультурных влияний. Известные британские тибетологи Дейвид Снеллгроув и Хью Ричардсон в своей основополагающей книге «Культурная история Тибета» отмечают это «примечательное отличие между отношением тибетцев к индийцам и непальцам, когда они были заинтересованы в буддийской религии, и их отношением к любому другому народу и культуре, с которыми они впоследствии соприкасались»[1], привлекая внимание читателя к тому, что «в практическом взаимодействии как с китайцами, так и с англичанами они [тибетцы] последовательно терпели неудачу в том, что касается чужого образа мысли, и, более того, казалось, им не приходило в голову, что в стремлении понять другого человека может быть какая-то необходимость»[2].

Это во многом было обусловлено тем, что в тибетском обществе слишком большой вес имели монастырские иерархи, представлявшие крупнейшие монастыри школы Гелуг, они были лишены какой-либо практической заинтересованности в реформировании тибетского общества, в котором они занимали доминирующее политическое и экономическое положение. Наиболее выдающиеся представители тибетской политической элиты (например, Далай-лама XIII Тубтен Гьяцо, тиб. thub bstan rgya mtsho, военачальник

[1] *Snellgrove D., Richardson H.* A Cultural History of Tibet [Электронный ресурс] // New York; Washington: Praeger, 1968. P. 236. URL: http://books.google.ru/books?id=zzIAAAAIAAJ (дата обращения: 23.05.2011).

[2] Ibid.

Царонг[3] и министр Лунгшар[4]) и зарождающейся интеллигенции (например, Гедун Чопел[5], Дордже Тарчин[6]) пытались вносить коррективы в политическое и общественное устройство Тибета.

Ситуация коренным образом изменилась после подписания 23 мая 1951 г. Тибетско-китайского соглашения из 17 пунктов[7], когда необходимость во взаимодействии с коммунистическими властями КНР в политической, экономической и культурной областях стала очевидной для тибетского правительства во главе с Далай-ламой XIV Тендзин Гьяцо (тиб. bstan ‘dzin rgya mtsho). Последующие события в истории Тибета и, шире, КНР, оказали сильнейшее воздействие на все без исключения стороны жизни тибетцев, в том числе и на развитие тибетской литературы.

Средневековая тибетская литература

Тибетцы возводят свою письменную традицию к периоду правления царя Сонгцен Гампо (тиб. srong btsan sgam po, годы жизни — ок. 609–649), советнику которого Тонми Самбхоте (тиб. thon mi sam+b+ho Ta) приписываются заслуги по созданию тибетской письменности на основе индийских образцов и определению норм тибетского письменного языка и грамматики.

---

[3] Тиб. tsha rong (dza sag) (rim bzhi). См. о нем: *Goldstein M. C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 186–212.

[4] Тиб. lung shar. См. о нем: Ibid. P. 89–138.

[5] Тиб. dge ‘dun chos ‘phel. Подробнее см. раздел настоящей книги «Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого тибетского современного ученого, литератора, просветителя», с. 33–70. Также см.: *Lopez D. S. Jr*. In the Forest of Faded Wisdom. 104 Poems by Gendun Chopel. [Электронный ресурс]. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. URL: http://books.google.ru/books?id=Da7ussoD2F4C (дата обращения: 23.05.2011) ; *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. Reflections on Reality of the Tibetan Monk Gendun Chophel [Электронный ресурс] // Chicago; London: University of Chicago Press, 2006. URL: http://books.google.ru/books?id=DxmJmwDBUbkC (дата обращения: 23.05.2011).

[6] Тиб. rdo rje mthar phyin. Подробнее см. раздел настоящей книги «Значение газеты “Юлчог сосой саргьюр мелонг” (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке», с. 71–121. Также см.: *Fader H. L*. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin [Электронный ресурс] // Vol. I. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002; Vol. II. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004; Vol. III. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2009. URL: http://books.google.ru/books?id=mJ_YAAAAMAAJ (дата обращения: 31.07.2014).

[7] См. об этом: *Goldstein M. C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. P. 737–772.

Как отмечают составители и ответственные редакторы авторитетной коллективной монографии «Тибетская литература: жанровые исследования» американские тибетологи Хосе Игнасио Кабезон и Роджер Р. Джексон, для истории тибетской литературы характерны три особенности: возрастающее доминирование письменных форм над устными, возрастающая индианизация и постепенная интенсификация религиозных — особенно буддийских — задач[8]. Предложенная ими типология произведений тибетской литературы включает в себя восемь больших групп, объединяющих более частные функциональные жанры: история и биография, канонические и квазиканонические сочинения, философская литература, литература о путях религиозного самосовершенствования, ритуал, литературные искусства, нелитературные искусства и науки, путеводители и справочники[9]. Очевидна принадлежность данной системы функциональных жанров к литературе средневекового типа[10].

Произведения тех функциональных жанров, которые ближе всего к литературе в более строгом смысле слова, то есть к художественной литературе, объединены авторами данной классификационной схемы в группу под названием «литературные искусства» (Literary Arts)[11], включающую в себя эпос о Гесаре (тиб. ge sar sgrung)[12], поэзию[13], «роман»[14], а также трактаты по поэтике и сочинительству (тиб. rtsom rig)[15]. Произведения именно этих функциональных жанров составляют ту основу, на которой впоследствии будут возникать

---

[8] *Cabezón J. I., Jackson R. R*. Editor's Introduction // Tibetan Literature: Studies in Genre / Ed. by José Ignacio Cabezón and Roger R. Jackson [Электронный ресурс] // Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 1996 (Studies in Indo-Tibetan Buddhism). P. 14–15. URL: http://books.google.ru/books?id=-pJQjLzBBWgC (дата обращения: 23.05.2011).

[9] Ibid. P. 30–31. Подробнее об этом см. раздел настоящей книги «Значение газеты "Юлчог сосой саргьюр мелонг" (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке», с. 71–121.

[10] См.: *Рифтин Б. Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 9–116.

[11] *Cabezón J. I., Jackson R*. Editor's Introduction. P. 30–31.

[12] Поскольку предметом рассмотрения в данной книге является литература, тибетский эпос не будет подробно рассматриваться в настоящем разделе. См. об эпосе подробнее: *Samuel G*. The Gesar Epic of East Tibet // Tibetan Literature: Studies in Genre. Ithaca, New York: Snow Lion, 1996. P. 358–367.

[13] См.: *Jackson R. R*. "Poetry" in Tibet: Glu, mGur, sNyan ngag and «Songs of Experience» // Tibetan Literature: Studies in Genre. Ithaca, New-York: Snow Lion, 1996. P. 368–392.

[14] Романом это произведение названо лишь условно. Подробнее см.: *Newman B*. The Tibetan Novel and Its Sources // Tibetan Literature: Studies in Genre. P. 411–421.

[15] См.: *Kuijp L. W. J. van der.* Tibetan Belles-Lettres: The Influence of Daṇḍin and Kṣemendra // Tibetan Literature: Studies in Genre. P. 393–410.

первые образцы тибетской литературы современного типа, поэтому рассмотрим более подробно те из них, которые продолжают влиять и на современную тибетскую литературу.

Тибетские поэтические произведения подразделяются Р. Джексоном в 22-й главе рассматриваемой коллективной монографии «“Поэзия” в Тибете: *лу*, *гур*, *ньеннгаг* и “Песни Опыта”» на три жанра[16]:

• песни *лу* (тиб. glu) / народная поэзия — самый ранний, исконный жанр, в наибольшей степени ориентированный на устное воспроизведение на мелодической основе[17];

• *гур* (тиб. mgur) — жанр, который изначально был тождественен *лу* или представлял собой разновидность последнего, выполняя функцию восхваления своих или чужих достижений; в дальнейшем превратился в песни скорее буддийского содержания; образцы *гуров* могут иметь тибетские или индийские корни и носить устный или письменный характер[18];

• *ньеннгаг* (тиб. snyan ngag, букв. «благозвучная речь») — изысканная поэзия, построенная по строгим правилам индийской поэтики, существующая в письменной форме и написанная как на буддийские, так и на светские сюжеты и появившаяся не ранее XIII в., т. е. значительно позже двух других поэтических жанров[19].

Под «романом» в этой классификации подразумевается предмет рассмотрения главы 24 «Тибетский роман и его источники»[20] — единственное в своем роде произведение Докар Жабдунг Церинг Ванггьела (тиб. mdo mkhar zhabs drung tshe ring dbang rgyal, кит. Цайжэнь Ванцзе 才仁旺阶, 1697–1764) «Предание о Жонну Даме» (тиб. gzhon nu zla med kyi gtam rgyud, кит. Сюньну дамэй 勋努达美)[21], написанное между 1718 и 1723 гг.[22] Сюжет этого жизнеописания вымышленного персонажа — царевича Жонну Даме, самоотверженно практикующего Учение Будды, представляет собой творческую переработку автором мотивов и эпизодов из «Рамаяны»

[16] Ibid. P. 368–370. Перечисление разновидностей поэтических жанров во введении несколько отличается от их перечня в цитируемой статье Р. Джексона, в частности, включая в себя в качестве самостоятельной разновидности хвалебную поэзию (тиб. bstod tshogs) — см.: *Cabezón J. I., Jackson R.* Editor’s Introduction. P. 31.

[17] Ibid. P. 370–372.

[18] Ibid. P. 372–374.

[19] Ibid. P. 374–377.

[20] *Newman B*. The Tibetan Novel and Its Sources. P. 411–421.

[21] См. тибетский текст *mdo mkhar zhabs drung tshe ring dbang rgyal*. gzhon nu zla med kyi gtam rgyud. bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1979.

[22] *Newman B*. The Tibetan Novel and Its Sources. P. 419, n. 9.

и буддийских авадан[23]. Форма изложения, построенная как чередование прозаических и стихотворных фрагментов (санскр. campu, тиб. spel ma), соответствует канонам классической индийской поэтики эпических произведений (санскр. mahākāvya, тиб. snyan ngag chen po)[24]. Бет Ньюмен видит уникальность этого произведения, называемого ею «самым популярным произведением тибетской художественной литературы»[25], в том, что хотя оно и религиозного содержания, но предназначено, в первую очередь, для эстетического удовольствия читателя, и лишь во вторую очередь — для его нравственного воспитания.

Последняя разновидность сочинений включена Х. Кабезоном и Р. Джексоном в категорию «литературные искусства» по другим причинам: в эту категорию входят не литературные произведения, а трактаты по поэтике и сочинительству. Их краткий обзор приводится у Бет Ньюмен[26], а подробное рассмотрение дается у Леонарда ван дер Кюйпа в главе 23 «Тибетская художественная словесность: влияние Дандина и Кшемендры»[27]. Сложная и в высшей степени разработанная система традиционной индийской поэтики (санскр. kāvya, тиб. snyan ngag) составляет неотъемлемую часть индо-тибетской схоластической традиции: наряду с синонимикой (санскр. abhidhāna, тиб. mngon brjod), метрикой (санскр. chandam, тиб. sdeb sbyor) и драмой (санскр. naṭa, тиб. zlos gar) поэтика входит в число четырех индо-тибетских буддийских «малых наук» (тиб. rig gnas chung ba)[28], которые, в свою очередь, представляют собой ответвления (тиб. yan lag) одной из пяти индо-тибетских буддийских «великих наук» (тиб. rig gnas che ba)[29] — лингвистики (санскр. śabdavidyā, тиб. sgra rig pa)[30]. Тибетская традиционная поэтика опирается

---

[23] Ibid. P. 412–414.

[24] Ibid. P. 416–417.

[25] Ibid. P. 417–418.

[26] Ibid. P.

[27] *Kuijp L. W. J. van der*. Tibetan Belles-Lettres: The Influence of Daṇḍin and Kṣemendra. P. 393–410.

[28] Пятая «малая наука» — астрология (санскр. jyotiṣa, тиб. skar rtsis).

[29] Остальные четыре «великие науки» — буддийская религиозная доктрина (санскр. adhyatmavidyā, тиб. nang gi rig pa), логика и эпистемология (санскр. hetuvidyā, тиб. gtan tshigs kyi rig pa), медицина (санскр. cikitsavidya, тиб. gso ba'i rig pa) и ремесло (санскр. silpakarmasthanavidyā, тиб. bzo gnas kyi rig pa).

[30] *Kuijp L. W. J. van der*. Tibetan Belles-Lettres: The Influence of Daṇḍin and Kṣemendra. P. 393. Подробнее о месте традиционных наук в общей системе тибетской схоластики в сравнении с другими схоластическими традициями см.: *Dreyfus G*. The Sound of Two Hands Clapping: The Education of a Tibetan Buddhist Monk [Электронный ресурс] //

на единственный санскритский трактат, переведенный на тибетский язык и включенный в состав второй части буддийского канона «Тенгьюр» (тиб. bstan ‘gyur) на тибетском языке — «Зерцало поэзии» (санскр. kāvyadarśa, тиб. snyan ngag gi me long), написанный индийским ученым Дандином (санскр. daṇḍin, тиб. dbyug pa can) в VII в.[31] Многие выдающиеся средневековые и современные тибетские ученые являлись авторами комментариев к этому фундаментальному труду[32].

Таким образом, приведенные выше разновидности тибетских литературных произведений из категории «литературных искусств» могут представлять собой более или менее чистые образцы либо собственно тибетских фольклорных жанров (эпос, народные песни), либо жанров, возникших под индийским влиянием; представлены среди них и различные случаи смешения исконных и заимствованных литературных жанров. Жанры, возникшие под индийским влиянием, в свою очередь, могут иметь два разных источника: традиционную индийскую поэтику и компоненты индийского буддийского влияния медитативно-мистических традиций индийских сиддх, свободных от условностей классической индийской поэзии, причем в этом случае также возможны как чистые, так и смешанные случаи[33].

Berkeley: University of California Press, 2003. P. 101–106. URL: http://books.google.ru/books?id=lfHG136AfN0C (дата обращения: 23.05.2011) и *Kapstein M. T*. The Indian Literary Identity in Tibet // Literary cultures in history: reconstructions from South Asia / Ed. by Sheldon Pollock [Электронный ресурс] // Berkeley: University of California Press, 2003. P. 747–802. URL: http://books.google.ru/books?id=ak9csfpY2WoC (дата обращения: 23.05.2011).

[31] Издание санскритского и тибетского текстов см.: *Kāvyādarśa*. Sanskrit and Tibetan text / Ed. by Anukul Chandra Banerjee. Calcutta: University of Calcutta, 1939. Описание древнеиндийской поэтики на русском языке см.: *Гринцер П. А*. Основные категории классической индийской поэтики. М.: Наука, 1987.

[32] Так, например, см. критическое издание санскритского и тибетского текстов третьей главы «Зерцала поэзии», текстов одного санскритского и одного тибетского комментария и немецкий перевод санскритского первоисточника в диссертации Драгомира Димитрова: *Dimitrov D*. Śabdālaṃkāradoṣavibhāga. Die Unterscheidung der Lautfiguren und der Fehler. Kritische Ausgabe des dritten Kapitels von Daṇḍins Poetik *Kāvyādarśa* und der tibetischen Übertragung *Sñan ṅag me loṅ* samt dem Sanskrit-Kommentar des Ratnaśrījñāna, dem tibetischen Kommentar des Dpaṅ Blo gros brtan pa und einer deutschen Übersetzung des Sanskrit-Grundtextes. Teil 1–3. Marburg, 2007. См. также: *Kuijp L. W. J. van der.* Tibetan Belles-Lettres: The Influence of Daṇḍin and Kṣemendra. P. 395–398.

[33] Подробнее о взаимодействии схоластического и мистико-медитативного направлений в тибетском буддизме см., например: *Smith G. E*. The Life of Gtsang smyon Heruka / Among Tibetan texts: history and literature of the Himalayan Plateau [Электронный ресурс] //

Зачатки современной тибетской литературы (предмодернистские тенденции)

Во введении к коллективной монографии «Современная тибетская литература и социальные изменения» (2008)[34] Лоран Р. Хартли и Патриция Скьяффини-Ведани обращают особое внимание на важность влияния разговорных вариантов тибетского языка на развитие тибетской литературы в XX в. в связи с чрезвычайной консервативностью литературных традиций, опирающихся главным образом на заимствованные индийские модели[35]. На фоне общей консервативности исключениями выглядят произведения некоторых тибетских религиозных наставников и последователей, языковая форма этих произведений обнаруживает влияние разговорного языка, а содержание — явлений повседневной жизни: сочинения геше Потобы (тиб. dge bshes po to ba, 1031–1105) и других ранних учителей школы Кадам (тиб. bka' gdams), биография йогина XI в. Миларепы (тиб. mi la ras pa), написанная Цангньон Херукой (тиб. gtsang smyon he ru ka, 1452/3–1507/8), «любовные песни» шестого Далай-ламы Цангъянг Гьяцо (тиб. tshangs dbyangs rgya mtsho, кит. Цанъян Цзяцо 仓央嘉措, 1683–1706), автобиография Жабкар Цогдуг Рангдол-ринпоче (тиб. zhabs dkar tshogs drug rang grol rin po che, 1781–1851). В этих произведениях можно встретить предметы описания, не входящие в рекомендованные перечни традиционной индо-тибетской поэтики: например, восхваление тибетской природы без какой-либо видимой дидактической нагрузки. Ссылаясь на книгу Джэнет Гьяцо «Видения "Я": тайные автобиографии тибетского визионера»[36], Л. Хартли и П. Скьяффини-Ведани отмечают особое значение жанра автобиографии/дневника для «идиосинкретического, индивидуалистического и реалистического самовыражения (не говоря уже о воображаемом и магическом)»[37]. Мэтью Капстейн во введении к тибетскому

Boston: Wisdom Publications, 2001. P. 59–80. URL: http://books.google.ru/books?id=_XzJl-Trj6RMC (дата обращения: 31.07.2014).

[34] Modern Tibetan Literature and Social Change / Ed. by L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani [Электронный ресурс] // Durham and London: Duke University Press, 2008. URL: http://books.google.ru/books?id=xTtVgvlV49MC (дата обращения: 23.05.2011); *Hartley L. R., Schiaffini-Vedani P*. Introduction // Ibid. P. XIII–XXXVIII.

[35] Ibid. P. XVII.

[36] *Gyatso J*. Apparitions of the Self: The Secret Autobiographies of a Tibetan Visionary [Электронный ресурс] // Princeton: Princeton University Press, 1998. URL: http://books.google.ru/books?id=lmqSoNsRSx8C (дата обращения: 23.05.2011).

[37] *Hartley L. R., Schiaffini-Vedani P*. Introduction. P. XIII–XXXVIII.

тексту кратких жизнеописаний Наропы (тиб. nA ro pa) и Миларепы, включенных им в состав «Хрестоматии по классическому тибетскому языку», отмечает, что «для подобных сочинений часто бывает характерен нарочито разговорный стиль, тщательно воспроизводящий повседневную речь»[38].

В первой главе «Неортодоксальные взгляды и новые ортодоксальные стихотворения: тибетские писатели в начале и середине XX века» коллективной монографии «Современная тибетская литература и социальные изменения»[39] — Лоран Р. Хартли обращает внимание на произведения тибетской литературы первой половины XX в., в которых определенным образом нарушаются нормы классической индо-тибетской поэтики[40], и приводит в качестве наиболее характерных примеров стихотворения Гедун Чопела (1903–1951), Гитенгринпоче Лозанг Пелдена (тиб. sgis steng rin po che blo bzang dpal ldan, 1880/1881–1944) и Шелкар Лингпы (shel dkar gling pa, 1876–1913).

Л. Хартли усматривает признаки нового подхода выходца из Амдо[41] Гедун Чопела к поэтическому творчеству в том, что он сознательно использует диалектизмы и избегает чрезмерно сложных образных выражений-синонимов и украшений, характерных для индо-тибетской классической поэтики. Отправившись в Индию в 1934 г., Гедун Чопел получил возможность изучить санскрит и английский язык, познакомиться с произведениями индийской литературы, не переведенными на тибетский язык (в первую очередь, драмой Калидасы «Шакунтала»), произведениями английской литературы и английскими переводами других иностранных сочинений, а также рукописными текстами на доклассическом тибетском языке из Дуньхуана, содержащими наиболее ранние образцы тибетской поэзии (тиб. mgur), что сделало еще более заметным его внимание к исконно тибетским литературным формам[42].

---

[38] Tibetan and Himalayan Digital Library [Электронный ресурс]. URL: http://old.thdl.org/xml/showEssay.php?xml=/education/tllr/reader/Reader_Text_Intros.xml&l=RCTI04&m=ID (дата обращения — 21.08.2009).

[39] *Hartley L. R.* Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 3–31.

[40] Ibid. P. 3.

[41] Тиб. a mdo, северо-восточный район Тибета.

[42] *Hartley L. R.* Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 4–10. См. также: *Hartley L. R.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000): Ph.D. diss. Indiana University, 2003. P. 104–123. Диссертация Л. Хартли доступна в базе данных ProQuest Dissertations & Theses, ABI/INFORM Complete:

Самым известным произведением Гитенг-ринпоче, также уроженца Амдо, является стихотворение «Юный посланник Дондуб» (тиб. zhu ‘phrin pho nya gzhon nu don grub)[43], которое было написано, вероятно, в 1938 г. в традициях, восходящих к известной в тибетском переводе поэме Калидасы «Облако-вестник» (санскр. meghadūta, тиб. sprin gyi pho nya), однако содержало заметные черты новой литературы: использование разговорного языка, внимание к картинам природы и подробное описание действующих лиц. Это стихотворение стало объектом внимательного изучения тибетских литературоведов в начале 1990-х гг. и оказало влияние на творчество некоторых тибетских авторов, в частности, поэта Джу Келзанга (тиб. ‘ju skal bzang, р. в 1960 г.)[44].

В поэтическом творчестве Шелкар Лингпы[45], уроженца Центрального Тибета, высокопоставленного сановника в правительстве Далай-ламы XIII, по мнению Л. Хартли, также можно усмотреть новаторские черты, которые особенно заметны в стихотворении «Песнь — воспоминание о Лхасе» (тиб. lha sa dran glu), написанном в индийском городе Дарджилинг, куда Лингпа сопровождал Далай-ламу, бежавшего в Индию после вторжения китайских войск в Лхасу

[сайт]. URL: http://www.proquest.com. Подробнее о литературных произведениях Гедун Чопела см. в разделе настоящей книги «Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого тибетского современного ученого, литератора, просветителя», с. 33–70.

[43] См. тибетский текст стихотворения в издании *blo bzang dpal ldan*. zhu ‘phrin pho nya gzhon nu don grub // bod kyi dus rabs rim byung gi rtsom yig gces bsdus. pe cin: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang, 2008. sh. 223–248. URL: http://tbrc.org/link?RID=O3JT2951|O3JT29513JT2966$W1KG5420 (дата обращения: 13.08.2014). Также см. *blo bzang dpal ldan*. zhu ‘phrin pho nya gzhon nu don grub // rtsom yig gser gyi sbram bu. pod 3. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1988–1989. sh. 625–646. URL: http://tbrc.org/link?RID=O1PD98521|O1PD985212DB972012DB972132DB972222DB972312DB972402DB972492DB972792DB972932DB973072DB973212DB973592DB973772DB973952DB973772DB973952DB975022DB975062DB975102DB975142DB975182DB975222DB97526$W19680 (дата обращения: 31.08.2014).

[44] *Hartley L*. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 10–13.

[45] См. биографию Шелкар Лингпы в издании *dge rgyas pa bstan ‘dzin rdo rje*. shel dkar gling pa’i bka’ blon mi ‘gyur lhun grub rgyud bcas kyi lo rgyus mdor bsdus [Электронный ресурс] // bod kyi lo rgyus rig gnas dpyad gzhi’i rgyu cha bdams bsgrigs. khreng tu’u: si khron dpe skrun tshogs pa/ si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009. deb 8: sh. 187–195. URL: http://tbrc.org/link?RID=O8LS3516|O8LS35168LS4413$W1PD96945 (дата обращения: 13.08.2014). Подробнее о Шелкар Лингпе, фрагменты тибетского текста и английский перевод см. в статье: *Upton J. L*. Cascades of Change. Modern and Contemporary Literature in the PRC’s Junior-Secondary Tibetan Language and Literature Curriculum // Lungta. 1999. № 12. Contemporary Tibetan Literature. P. 17–28.

в феврале 1910 г. Хотя изобразительные средства Шелкар Лингпы характерны для классической индо-тибетской поэтики, они используются для описания тоски автора по родине, которой для него является Лхаса, и именно в применении традиционной техники к непривычному предмету описания и проявляется новизна[46].

Подводя итог рассмотрению творчества трех тибетских авторов первой половины XX в., Л. Хартли делает вывод о возникновении к 1930-м гг. новой тенденции в тибетской литературе, которая проявляется в интересе к событиям и явлениям общественной жизни, современниками которых были авторы[47].

Следует отметить, что хотя вышеприведенные тенденции, которые можно рассматривать как ведущие к зарождению модерна в тибетской литературе, представляют большой интерес, их следует воспринимать как достаточно предварительные и поверхностные, так как соответствующие литературные явления еще не стали предметом специального изучения в тибетологии и ожидают своих исследователей.

Политика властей КНР в области культуры национальных меньшинств в 1950—1960-е гг. и ее влияние на развитие тибетского языка и литературы

После подписания 23 мая 1951 г. Тибетско-китайского соглашения из 17 пунктов руководство компартии КНР предприняло ряд мер, направленных на внедрение новой идеологии среди тибетоязычного населения. Эти меры подробно рассмотрены Л. Хартли во второй главе ее диссертации «Контекстуально говоря: тибетский литературный дискурс и социальные изменения в КНР (1980–2000)», посвященной политике властей КНР в области развития современного литературного тибетского языка в 1950–1976-е гг.[48]

Л. Хартли выделяет четыре важнейшие области, оказавшие наибольшее влияние на возникновение и последующее развитие современной тибетской литературы[49] в 1980-е гг.: переводческие

[46] *Hartley L.* Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 13–14.

[47] Ibid. P. 14.

[48] *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 56–103. Подробнее см. раздел настоящей книги «Политика модернизации тибетского литературного языка как одна из предпосылок возникновения современной тибетской литературы», с. 122–133.

[49] *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 60.

группы[50], издательские проекты[51], газеты и другие СМИ[52], образовательные проекты[53].

Для перевода на тибетский язык политических директив, образовательных и пропагандистских материалов китайское правительство было вынуждено сформировать специальные переводческие бюро, включив в их состав таких представителей тибетской культурной, прежде всего монастырской, элиты, как геше Шераб Гьяцо (тиб. dge bshes shes rab rgya mtsho, 1884–1968)[54], геше Сунграб Гьяцо (тиб. dge bshes gsung rab rgya mtsho, кит. Санжэ Цзяцо 桑热嘉措, 1896–1982)[55], Муге Самтен (тиб. dmu dge bsam gtan, кит. Маоэргай Санмудань 毛儿盖-桑木旦 1923/1924–1993)[56]. В работе над переводом Конституции КНР, собрания сочинений Мао Цзэдуна и других текстов с китайского языка на тибетский принимали участие и другие тибетцы, например Джампел Гьяцо (тиб. ‘jam dpal rgya mtsho, кит. Цзянбянь Цзяцо 降边嘉措, р. в 1938 г., уезд Батанг 巴塘 провинции Сычуань, в составе частей НОАК попал в Тибет), в будущем автор первого тибетского романа «Келзанг Метог» (тиб. skal bzang me tog, кит. Гэсан мэйдо 格桑梅朵, 1980 г. на кит. яз., 1982 г. на тиб. яз.)[57].

---

[50] Ibid. 61–76.

[51] Ibid. 77–82.

[52] Ibid. 83–89.

[53] Ibid. P. 60–103.

[54] Подробнее о нем см.: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 61–64. Также см.: *Robin F*. La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Thèse de Doctorat. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2003. Vol. 1. P. 194.

[55] Подробнее о нем см.: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 67–70. Также см.: *Robin F*. La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 302.

[56] Подробнее о нем см.: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 66–67.

[57] Тибетский текст см. в ‘jam dpal rgya mtsho. skal bzang me tog. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1982. Подробнее о нем см.: *Hartley L.* Con*text*ually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 70. Краткую справку о жизни и творчестве Джампел Гьяцо см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Thèse de Doctorat. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2008. Vol. II. P. 269–271. См. также: Ibid. Vol. II. P. 308–309. Анализ романа см.: *Yangdon D*. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet: Ph.D. Dissertation. London: University of London, SOAS, 2004. 100–104.

Значительное количество переведенных в этот период с китайского языка материалов оказало основополагающее влияние на процесс формирования тибетского современного литературного языка — в первую очередь, на выработку новой терминологии[58]. В процессе работы над переводами были составлены терминологические тибетско-китайские словари[59]. Собрание сочинений Мао Цзэдуна на тибетском языке в четырех томах, подготовленное к печати коллективом из более чем ста человек, было выпущено в Пекине в 1967 г. тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров[60].

Отсчет новой эры тибетского книгоиздания Л. Хартли предлагает вести от создания «Издательства национальностей» в 1953 г., выпустившего за первые сорок лет своего существования более 1200 наименований книг на тибетском языке, причем половина была опубликована до 1980 г.[61] Хотя в основном это были публикации документов, политических материалов, трудов китайских политических деятелей, в Пекине, Синине, Лхасе, Чэнду и Ланьчжоу выходили и переиздания классических тибетских сочинений, грамматики и словари, учебные материалы, поэтические произведения и сказки[62]. Многие из выпущенных в тот период учебных материалов были подготовлены представителями тибетской монастырской элиты, активно привлекавшимися к преподаванию в национальных институтах в конце 1950-х — начале 1960-х гг.[63]

См. также: *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950: Ph.D. Thesis. London: School of Oriental & African Studies, University of London, 2004. P. 138–144.

[58] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 66.

[59] Ibid. P. 70. См., например, терминологические справочники tha snyad gsar pa'i phyogs bsgrigs rig gzhung skya rengs snang ba (tha snyad gsar bsgrigs). deb dang po. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1954. deb gnyis pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1955. deb gsum pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1956. deb bzhi pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1957.

[60] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 73–76. См. список наиболее важных участников: Ibid. P. 76. См. тибетский текст собрания сочинений Мао Цзэдуна в 4 томах ma'o tse tung gig sung rtsom gces bsdus. pe cin: [mi rigs dpe skrun khang], 1967.

[61] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 77.

[62] В том числе, было переиздано упомянутое выше в этом разделе «Предание о Жонну Даме» Докар Жабдунг Церинг Ванггьела. См.: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 78–79.

[63] Ibid. P. 80–81.

Газеты на тибетском языке, учрежденные в 1950-е гг., «Цинхайские новости на тибетском языке» (тиб. mtsho sngon bod yig gsar ‘gyur, выходила в Синине с 16.01.1951)[64], «Тибетская ежедневная газета» (тиб. bod ljongs nyin re’i tshags par, кит. Сицзан жибао 西藏日报, выходила в Лхасе с 22.04.1956)[65] также сыграли важную роль в процессе приближения нового тибетского литературного языка к разговорной речи. Радиовещание на тибетском языке из Синина было начато в 1951 г., вещание на коротких волнах из Лхасы — в 1956 г., а на длинных волнах — в 1965 г.[66]

Меры, направленные на создание в КНР системы светского образования на тибетском языке, были предприняты в 1950-е гг. с основания ряда институтов национальностей: Северо-Западного (Ланьчжоу, 1950), Центрального (Пекин, 1951), Юго-Западного (Чэнду, 1951), Юньнаньского (Куньмин, 1951), Цинхайского (Синин, 1956), Тибетской государственной школы (Сяньян, кит. 咸阳, провинция Шэньси, кит. 陕西, 1957), Тибетского (Лхаса, 1964) — к 1965 году их было уже 12[67]. Их первоочередной задачей была подготовка идеологически грамотных кадров для тибетских регионов в составе КНР. Так же как в переводческих и издательских проектах, во вновь учрежденных светских учебных заведениях, некоторые из них вели свою историю еще с докоммунистического периода в истории Китая, когда у власти была партия Гоминьдан[68], в преподавании были задействованы высокообразованные представители тибетской монастырской элиты. В 1951 г. в Управлении образования провинции Цинхай был образован Отдел образования национальных меньшинств и открыты начальные школы в районах проживания монголов и тибетцев[69]. В Лхасе первая начальная школа была открыта центральным правительством в 1952 г., через два года после вступления в Центральный Тибет Народно-освободительной армии Китая (НОАК) — прежде всего для обучения личного состава ОАК тибетскому языку. К 1957 г. число начальных школ на территории нынешнего Тибетского автономного района (ТАР) достигло 98. В 1956 г. в Лхасе была открыта первая официальная средняя школа, в 1960 г. в ней появились

[64] Ibid. P. 83–84.
[65] Ibid. P. 84–85.
[66] Ibid. P. 89.
[67] Ibid. P. 89–91.
[68] Ibid. P. 91–93.
[69] Ibid. P. 93–94. Предыстория светских образовательных учреждений в Тибете приводится там же. P. 94–97.

старшие классы[70]. В 1959 г. Подготовительный комитет ТАР издал директиву, предписывающую дополнять государственные школы местными школами, открытыми на средства общины (community schools); этой политики придерживались до середины 1960-х гг.[71]

Реализация перечисленных выше переводческих, издательских, медийных и образовательных проектов создала основу для возникновения современной тибетской литературы в 1980-е гг., однако этому предшествовал драматический период в истории современного Китая — период «культурной революции» (1966–1976).

Тибетский язык и литература в период «культурной революции» (1966—1976) в КНР

В действительности ухудшение положения в области тибетской языковой и культурной политики в КНР началось еще до «культурной революции». Л. Хартли ссылается на периодизацию истории образования в Тибете, предложенную тибетскими учеными Таго (тиб. rta go) и Бенко (тиб. ban kho) в 1982 г. По их мнению, наиболее благоприятные условия для развития тибетоязычного образования в Китае существовали с 1949 по 1957 г. В 1958–1965 гг. «некоторые аспекты национального образования претерпели серьезные изменения в результате проведения демократических реформ в Восточном Тибете и переходом от школ местного управления к государственным»[72].

По мнению Л. Хартли, аналогичная периодизация может быть применена и к другим областям тибетской культуры. Так, достижения в области издания словарей, поэзии, газет, классических трудов на тибетском языке в 1949–1958 гг. существенно отличаются от аналогичных предприятий в 1958–1966 гг. В августе 1957 г. в КНР началась кампания против правых элементов, в апреле 1958 — «великий скачок»; в 1956–1958 гг. «демократические реформы» проводились в тибетоязычных районах к востоку от р. Янцзы, с июля 1959 г. — в Центральном Тибете. Последствия этих политических кампаний ощутимо сказались на постепенном снижении количества литературных публикаций на тибетском языке (в том числе пере-

[70] Ibid. P. 97–98. Также см. о тибетском школьном образовании в рассматриваемый период: *Bass C*. Education in Tibet: Policy and Practice since 1950 [Электронный ресурс] // London, New York: Zed Bookss, 1998. URL: http://books.google.ru/books?id=cMg9W9NqjiUC (дата обращения: 23.05.2011).

[71] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 98–99.

[72] Ibid. P. 99–100.

водных), не имевших политического содержания[73]. Многие представители буддийского духовенства, ранее активно сотрудничавшие с китайскими властями, снизили степень своего участия или даже выступили с критикой отдельных проявлений проводимой властями культурной политики[74].

Во время «культурной революции» практически единственными печатными изданиями на тибетском языке оставались собрание сочинений Мао Цзэдуна и его же «Цитатник». Тибетский писатель Джампел Гьяцо усматривает особую роль тибетских изданий произведений Мао в том, что они «определенно способствовали сохранению и развитию тибетского языка в период “культурной революции”»[75].

В течение пяти лет (1966–1971) все учебные заведения были закрыты[76]. Многие выдающиеся тибетские ученые, получившие традиционное монастырское образование в докоммунистический период и стремившиеся передать свои знания новым поколениям путем преподавания и публикации учебных пособий, подверглись репрессиям со стороны китайских властей на основании выдвинутых в их адрес политических обвинений[77]. По мнению Джун Дрейер, это

---

[73] Ibid. P. 100–103.

[74] Ibid. P. 100–101.

[75] Цит. по: Ibid. P. 103. Так, с 1966 до 1980 гг. «Издательство национальностей» в Пекине не выпустило ни одной книги на тибетском языке, не имеющей политического содержания, за исключением одного китайско-тибетского словаря в 1976 г. — rgya bod shan sbyar tshig mdzod. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1976**.** Тибетологические публикации на китайском языке в рассматриваемый период включали в себя исследования народных сказок, песен и диалектов (в основном в провинции Сычуань). На тибетский язык были переведены некоторые медицинские и научные тексты, а также роман «Речные заводи» (кит. Шуй ху чжуань 水浒传) — произведение классической китайской литературы, публиковавшееся наибольшими тиражами при Мао Цзэдуне; тибетский перевод был выполнен в рамках борьбы с Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином в 1975 г. Также среди тибетских студентов (во всяком случае, в Амдо) получили распространение рукописные сборники (аналог китайских *шоучаобэнь* 手抄本), однако в отличие от китайских, содержавших развлекательную литературу, в них чаще всего публиковались традиционные тибетские грамматики и популярные народные песни. См.: Ibid. P. 81–82.

[76] Бóльшая часть учебных заведений в КНР была вновь открыта в 1971 г., тогда как Центральный институт национальностей в Пекине, Тибетский институт национальностей в Сяньяне, провинция Шэньси, и Юньнаньский институт национальностей — в 1972 г. Однако программы преподавания тибетского языка были восстановлены только после «культурной революции», в 1977–1979 гг. *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 99.

[77] Подробнее см.: Ibid. P. 81.

могло объясняться сознательной политикой, направленной на вытеснение старой культурной элиты чуждого классового происхождения, выполнившей к тому времени свою историческую роль, и ее замену новой элитой[78].

Задача создания современной тибетской литературы в КНР в 1980-е гг. и пути ее решения[79]

По мнению Перри Линка, во время «культурной революции» литературный процесс в КНР находился в парализованном состоянии[80]. К первым признакам приближающейся оттепели можно отнести мемориальную службу памяти Чжоу Эньлая 5 апреля 1976 г., смерть Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. и падение «банды четырех» (кит. сы жэн бан 四人帮) в октябре 1976 г. Однако в течение по-

[78] Цит. по Ibid. P. 102.

[79] В данном разделе не рассматриваются усилия китайских властей, направленные на развитие тибетской литературы на китайском языке за счет поиска и поддержки пишущих по-китайски талантливых авторов смешанного происхождения, наиболее известными из которых являются Таши Дава (тиб. bkra shis zla ba, кит. Чжаси Дава 扎西达娃, наст. имя Чжан Няньшэн 张念生, р. 1959), Алай (кит. 阿来, также Алег — тиб. a legs, р. 1959, уезд Маэркан 马尔康, тибетского автономного района Абэй 阿坝 провинции Сычуань) и Сэбо (кит. 色波, также Сэлпо — тиб. gsal po, наст. имя Сюй Минлян 徐明亮, р. 1956, авт. округ Ганьцзы 甘孜州, уезд Батанг 巴塘, провинция Сычуань, врач по образованию, позже стал писателем и критиком). См. об этом подробнее в разделе настоящей книги «Политика КНР в отношении литератур национальных меньшинств с середины XX в.: на примере тибетской литературы», с. 134–169. Также исследованию проблемы этнической и литературной идентичности перечисленных авторов и особенностей их творчества посвящены многочисленные исследования. См. о творчестве Таши Давы диссертации *Grünfelder A.* Tashi Dawa und die neuere Tibetische Literatur. Bochum: Projekt Verlag, 1999. (Edition Cathay, Bd. 41). *Schiaffini-Vedani P.* Tashi Dawa: Magical Realism and Contested Identity in Modern Tibet (China): Ph.D. Dissertation, University of Pennsylvania, 2002. Существуют и более масштабные исследования, затрагивающие творчество большего числа авторов. В том числе, о творчестве Алая см.: *Yangdon D.* Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 110–144. О творчестве Таши Давы см. Ibid. P. 188–217. Краткую справку о жизни и творчестве Алая см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 240–241. Краткую справку о жизни и творчестве Таши Давы см. Ibid. P. 318–319. Краткую справку о жизни и творчестве Себо см. Ibid. P. 287–288. О сюжете страданий в китаеязычной литературе тибетцев см. диссертацию *Yue Yue*. Le sujet des souffrances dans la littérature tibétaine sinophone: 1952–2000: Thèse de doctorat. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2006.

[80] Deep freeze. Подробнее см.: *Link E. P.* The Uses of Literature: Life in the Socialist Chinese Literary System [Электронный ресурс] // Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 41. URL: http://books.google.ru/books?id=qhBYxOitb-MC (дата обращения: 10.08.2014).

следующих двух лет в литературной жизни страны продолжалось затишье, так как литераторы и критики выжидали, не зная, какое политическое направление возобладает на этот раз[81]. Только после того, как на третьем пленарном заседании Одиннадцатого съезда Коммунистической партии Китая в декабре 1978 г. Дэн Сяопин призвал интеллигенцию «освободить свое мышление», чтобы содействовать достижению «четырех модернизаций» (в промышленности, сельском хозяйстве, военной сфере и науке и технике), авторы и издатели вновь ощутили возможность открытого самовыражения[82].

Тогда же стало исправляться положение во многих областях культурной политики. В 1976–1980-е гг. оживилась издательская деятельность на тибетском языке[83]. В 1977–1979 гг. возобновилось преподавание тибетского языка. К 1981 г. преподавание на тибетском языке было в значительной степени восстановлено, но по-прежнему отставало от более благоприятного положения с другими национальными меньшинствами КНР[84]. В 1978–1979 гг. видные представители тибетской религиозной элиты, выпущенные из тюрьмы, например Сунграб Гьяцо, Цетен Жабдунг (тиб. tshe tan zhabs drung, 1910–1985), Шардонг-ринпоче (тиб. shar gdong rin po che, 1922–2001), возобновили свою работу в высших учебных заведениях, а их труды были (пере)изданы и стали использоваться в качестве учебных пособий для преодоления «парализующего воздействия» «культурной революции»[85]. В октябре 1976 г. началась подготовка к созданию телевизионной станции в Лхасе, черно-белое вещание началось в мае

---

[81] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 154.

[82] Ibid. P. 155.

[83] Ibid. P. 103.

[84] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 99–100.

[85] Выражение Л. Хартли; в частности, «Основы поэтики *кавья*» (тиб. snyan ngag spyi don) Цетен Жабдунга, написанные в 1952 г., но изданные в 1981 г. (*tshe tan zhabs drung*. snyan ngag spyi don. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1981), и «Введение в поэтику кавья — открытая дверь к знанию украшения слов» (тиб. snyan ngag la 'jug tshul tshig rgyan rig pa'i sgo 'byed) Дунгкар Лозанг Тинле (тиб. dung dkar blo bzang 'phrin las, кит. Дунга Лосан Чиле 东嘎·洛桑赤列, 1927–1997), написанное в 1962 г., но опубликованное в 1982 г. (*dung dkar blo bzang 'phrin las*. snyan ngag la 'jug tshul tshig rgyan rig pa'i sgo 'byed. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1982); см. там же. P. 80–81. Особая роль «монастырского авангарда» (выражение Л. Хартли) в сохранении и развитии тибетской культуры в КНР подвергнута рассмотрению в кн.: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 147–150.

1978 г., цветное — в сентябре 1979 г.[86] Увеличилось количество газет на тибетском языке: в 1979 г. была основана «Тибетская техническая газета» (тиб. bod ljongs tshan rtsal tshags par); в конце 1970-х гг. в «Тибетской ежедневной газете» появилась первая литературная колонка (тиб. smyug gsar, букв. ‘новые ростки’ или ‘новые перья’)[87].

Китайские писатели возобновили поиски литературных образцов в целях модернизации литературных форм. Особая роль в этом процессе принадлежала произведениям Уолта Уитмена. Смягчение идеологического климата привело к резкому росту количества китайских литературных журналов — от нескольких наименований в 1976 г. до 110 к апрелю 1979 г. и 479 к 1983 г. В частности, в декабре 1978 г. был основан первый подпольный журнал «Сегодня» (кит. Цзиньтянь 今天), который специализировался на публикации китайской экспериментальной поэзии, прозы, эссе, литературной критики, переводов и обзоров иностранной литературы и во многом опирался на использование «литературных произведений из письменных столов» (кит. чоути вэньсюэ 抽屉文学) — рукописей, которые были подготовлены в более ранний период, но тогда не могли быть опубликованы по политическим соображениям[88].

Несмотря на бурное развитие литературного процесса на китайском языке после изменения политического климата в КНР, литературная ситуация в тибетоязычных районах страны не получила аналогичного развития. В значительной степени это объяснялось отсутствием светских литературных традиций в тибетском обществе. Когда в 1975 г. Лхасу посетил шведский журналист, изъявивший желание встретиться с тибетскими писателями, его просьба осталась неудовлетворена в связи с отсутствием таковых. С 1949 по 1980 г. не было опубликовано ни одного романа или повести, написанных тибетскими писателями, будь то на тибетском или китайском языке. Рассказы, написанные тибетцами, были немногочисленными[89].

---

[86] Ibid. P. 89.

[87] Ibid. P. 87–89.

[88] Другие американские авторы, произведения которых были допущены правительством КНР к широкому распространению по идеологическим соображениям: Марк Твен, Джон Стейнбек, Теодор Драйзер, Гарриет Бичер-Стоу, Эрнест Хемингуэй. См.: *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 155–157.

[89] Ibid. P. 158. Считается, что первый рассказ был написан Дордже Гьелпо (тиб. rdo rje rgyal po) еще в 1950 г., но опубликован только в 1980 г. См. rdo rje rgyal po. ye shes lha mo dang mgar ba stobs rgyal. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1980).

Для развития современной литературы на тибетском языке понадобились специальные меры, предпринятые китайскими властями в конце 1970-х — начале 1980-х гг.: проведение Второй всекитайской конференции, посвященной литературному творчеству нацменьшинств в начале 1981 г. в Пекине, создание первого журнала, посвященного литературам нацменьшинств, — «Национальные литературы» (кит. Миньцзу вэньсюэ 民族文学), учреждение НИИ национальных литератур при Академии общественных наук КНР в Пекине[90].

Десять тибетских писателей и поэтов (в том числе одна женщина), принявших участие во Второй всекитайской конференции, посвященной литературному творчеству нацменьшинств, обратились к Союзу писателей КНР и Государственному комитету по делам национальностей с ходатайством о проведении конференции по тибетским литературным произведениям, и 15–27 августа 1981 г. в Синине, столице провинции Цинхай, впервые в истории состоялась Конференция пяти провинций и автономного района по новой тибетской литературе (тиб. zhing chen dang rang skyong ljongs drug gi bod kyi rtsom rig gsar rtsom gyi bzhugs mol tshogs ‘du, кит. Цзан цюй ушэн (цюй) вэньсюэ чуанцзо хуйи 藏区五省（区）文学创作会议), организованная Бюро пропаганды провинции Цинхай и Комиссией по делам национальностей при финансовой поддержке Комитета компартии провинции Цинхай и правительства провинции. В ней приняли участие 70 поэтов, переводчиков, ученых, журналистов, преподавателей, политических и общественных деятелей и других участников литературного процесса, 40 из которых были тибетцами (менее 60 %)[91]. Одним из итогов конференции стало создание Группы по изучению тибетской литературы Китая и Бюро исследования эпоса о Гесаре в Китае[92]. По мнению Лорэн Хартли, именно проведение этой конференции обозначило начало развития современной тибетоязычной литературы в КНР[93]. В дальнейшем состоялось еще 5 аналогичных конференций (17 сентября — 2 октября 1982 г. — Лхаса, ТАР, 26 июля — 10 августа 1983 г. — Ланьчжоу, Ганьсу, ноябрь 1985 г. — Чэнду, Сычуань, 2–8 августа 1988 г. — Куньмин, Юньнань, июль-август 1994 г. — Синин, Цинхай)[94].

---

[90] Ibid. P. 160–161.

[91] Ibid. P. 161–162.

[92] Ibid. P. 163–164.

[93] Ibid. P. 166–169.

[94] Ibid. P. 165–166. Даты конференций приводятся по: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. I. P. 296–320.

Не меньший вклад в дело создания и развития современной тибетской литературы на тибетском языке внесли два литературных журнала: «Тибетская литература и искусство» (тиб. bod kyi rtsom rig sgyu rtsal, кит. Сицзан вэньи 西藏文艺), основанный в Лхасе в 1980 г., и «Легкий дождь» (тиб. sbrang char, кит. Чжанцяэр 章恰尔), основанный в Синине в 1981 г.; с 1984 г. они стали распространяться на всей территории КНР[95].

Однако несмотря на организационные меры, предпринятые властями, либерализацию политической ситуации и наличие возможностей для публикации, это не привело к мгновенному возникновению новых литературных явлений в тибетской культуре. Анализ содержания журналов «Тибетская литература и искусство» и «Легкий дождь» в первые годы издания показывает, что публикации состояли из:

1) поэзии, преимущественно в традиционной метрической форме;

2) рассказов (1–2 в номере);

3) произведений фольклора;

4) официальных материалов или объявлений;

5) очерков;

6) небольшого количества переводов с китайского и других языков[96].

Так, из 48 публикаций в четвертом номере «Тибетской литературы и искусства» за 1980 г. 32 % были переведены с китайского языка, 31 % носил фольклорный характер и лишь оставшиеся 36 % представляли собой современные оригинальные произведения на тибетском языке[97].

По мнению Л. Хартли, преобладание традиционных литературных форм в период с 1980 по 1984 г. обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, сама по себе возможность публикации классических произведений представляла особую ценность для тибетцев, так как их культура особенно сильно пострадала в период «культурной революции». Кроме того, идея модернизации литературных форм, их приближения к повседневности и разговорному

[95] *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 174–177.

[96] Ibid. P. 177–178.

[97] По оценкам тибетского литературного критика и историка Келзанг Еше (тиб. skal bzang ye shes, кит. Гэсан Иси 格桑益西,); цит. по: *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 178.

языку, практически не имела прецедента в тибетской культуре, а если и имела, то на периферии литературного процесса (см. настоящий раздел, с. 15–18)[98].

Однако со временем ситуация начала меняться: к концу 1981 г. количество оригинальных тибетских материалов в «Тибетской литературе и искусстве» достигло 80 % по сравнению с изначальными 36 %, а к концу 1982 г. в журнале были опубликованы произведения более ста тибетских писателей[99].

Нужно также иметь в виду, что с 1976 г. рассказы и очерки тибетских писателей стали публиковаться в газетах. Так, например, в период с 1976 по 1979 г. в газете «Цинхайские новости на тибетском языке» был опубликован ряд произведений молодого тибетского писателя Дондуб Гьела (тиб. don grub rgyal, кит. Дуань Чжицзя 端智嘉, 1953–1985), одного из наиболее продуктивных тибетских авторов периода после «культурной революции»[100], а в январе 1981 г. в «Издательстве национальностей» вышел его первый сборник «Рассвет ясного и простого письма» (тиб. ‘bol rtsom zhogs pa’i skya rengs, кит. Чэньси цзи 晨曦集)[101] с предисловием Дунгкар Лозанг Тинле, в который вошли 16 лучших произведений Дондуб Гьела 1970–1980-х гг.[102] Это был не только первый сборник самого Дондуб Гьела, но и вообще первый в истории современной тибетской литературы авторский сборник. В 1983 г. вышла первая антология под редакцией Дордже Гьелпо из очерков, рассказов и драматических произведений современных тибетских авторов, ранее опубликованных в газетах и журналах в 1980–1981 гг.[103]

Критик Келзанг Еше отмечает наличие в «Тибетской литературе и искусстве» прозаических произведений, затрагивающих следующие темы: лишения и несчастья при старом феодальном режиме и в результате политики «банды четырех» во время «культурной революции», общественная польза усердного изучения и практического

[98] Ibid. P. 178–180.

[99] Данные Келзанг Еше, цит. по: Ibid. P. 181.

[100] См. о нем подробнее в разделе настоящей книги «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. 193–208.

[101] *don grub rgyal*. ‘bol rtsom zhogs pa’i skya rengs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1981.

[102] Данные Пема Бума (тиб. pad ma ‘bum), цит. по: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 181.

[103] Ibid. P. 182–183. gsar bzhad me tog tshom bu. pe cin: mi rigs dpe skrun khang: 1983.

применения коммунистической идеологии[104]. Л. Хартли полагает, что к этому перечню можно добавить также обсуждение проблем современного тибетского общества и критику традиций и отмечает более узкий тематический охват и использование более ограниченных литературных средств ранней тибетской прозы по сравнению с рассказами и очерками 1990-х гг.[105]

Что касается тибетской поэзии в первые годы после «культурной революции», то, по мнению Л. Хартли, на нее оказали большое влияние поэтические произведения таких тибетских авторов, пишущих на китайском языке, как, например, Йидам Цеpинг (тиб. yi dam tshe ring, кит. Идань Цайжан 伊丹才让, р. в 1932 г.)[106]. По-настоящему всколыхнула тибетскую литературную среду публикация во 2-м номере журнала «Легкий дождь» за 1983 г.[107] первого тибетского стихотворного произведения, написанного свободным стихом, «Водопад юности» (тиб. lang tsho'i rbab chu, кит. Цинчунь цзилю 青春激流) молодого писателя из северо-восточной тибетской области Амдо Дондуб Гьела (под псевдонимом Рангдол, тиб. rang grol 'самостоятельно освободившийся')[108]. Оценивая это стихотворение ретроспективно, Л. Хартли отмечает в нем отчасти неловкое сочетание коммунистической риторики с тональностью манифеста идеалистически и националистически настроенной тибетской молодежи; отношение автора к прошлому собственного народа носит двойственный характер: он одновременно называет его «славным» и «горьким»; графические средства организации текста, по мнению Л. Хартли, используются автором не всегда последовательно и оправданно. Однако публикация этого стихотворения вызвала настолько востор-

---

[104] Цит. по: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 183.

[105] Ibid. P. 183–184.

[106] Ibid. P. 184–185.

[107] *rang grol*. lang tsho'i rbab chu. sbrang char. 1983. № 2. sh. 56–61.

[108] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 185. См. перевод на русский язык в приложении (с. 388–393). Ср. переводы на английский язык Л. Хартли: Ibid. P. 186–190. Перевод Цеpинг Шакьи (тиб. tshe ring shAkya) — в журнале «Маноа» — Mānoa. 2000. 12. No. 2. Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet. P. 9–13. Перевод на французский язык Франсуазы Робэн — *Dondrupgyäl*. Le torrent de la jeunesse // Siècle 21. Littérature & société. 2011. № 18. P. 10–14. Подробный анализ см. в разделах настоящей книги: «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. 193–208, и «Традиционное и новое в современной тибетской литературе (на примере поэтического творчества Дондуб Гьела)», с. 209–232.

женные отклики, что его автор быстро приобрел легендарную известность среди молодых тибетских читателей, а его литературные последователи провозгласили произведение «манифестом новой поэзии»[109]. Стихотворение «Водопад юности» стало одним из самых влиятельных литературных произведений, и особое значение данной публикации заключалось в том, что это было первое стихотворение такого рода, опубликованное в КНР (за пределами КНР аналогичные стихотворения, написанные тибетцами на английском языке, печатались и ранее)[110].

Л. Хартли отмечает в этом стихотворении сразу несколько особенностей, роднящих его с поэтикой Уолта Уитмена («техника каталогизации», акцент на пейзаже и красоте природы, повторы, порождающие ритм призывания, использование многоточий в конце строк), однако, по мнению поэта Джангбу, оно написано скорее не под непосредственным влиянием американского классика, а под влиянием современных автору китайских поэтов: Дондуб Гьел написал его, когда преподавал в Центральном институте национальностей в Пекине, где свободный стих быстро становился популярным среди китайской читающей публики, а среди китайских поэтов после 1979 г. видное место заняли представители «туманной поэзии» (кит. мэнлунши 朦胧诗)[111].

Уникальность творчества Дондуб Гьела заключалась также в том, что, несмотря на внимание к новому литературному языку, он обладал и глубокими познаниями в традиционной тибетской культуре, будучи одним из немногих тибетцев, получивших образование в этой области в период «культурной революции» благодаря отваге пожилых преподавателей в провинции Цинхай, продолжавших преподавать тибетский язык и родственные дисциплины вопреки официальным директивам. После окончания средней школы в 1976 г. он был принят на работу на Цинхайскую радиостанцию и начал писать для газеты «Цинхайские тибетские новости». В 1978 г. его

[109] Выражение поэта Джангбу (тиб. ljang bu, также известен как Серу, тиб. bse ru, настоящее имя Дордже Церинг, тиб. rdo rje tshe ring, р. в 1963 г.), цит. по: *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 190. Краткую справку о жизни и творчестве Джангбу см.: *Robin F*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 2. P. 38–39.

[110] *Hartley L*. Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 190–191.

[111] Ibid. P. 191–192.

отправили в Центральный институт национальностей (кит. Чжунъян миньцзу сюэюань 中央民族学院, тиб. krung dbyang mi rigs slob grwa chen mo) изучать тибетскую литературу под руководством выдающегося тибетского ученого Дунгкар Лозанг Тинле (см. выше). Получив диплом в 1981 г., Дондуб Гьел был оставлен там же преподавать для группы студентов, специализирующихся в области тибетского языка; именно тогда он и написал «Водопад юности», вскоре после публикации он вернулся в Цинхай, где стал преподавать в Педагогическом колледже уезда Чабча (тиб. chab cha, кит. Гунхэ 共和). Через два года он покончил с собой; существуют различные версии, объясняющие мотивы его самоубийства[112].

Несмотря на новаторский характер рассматриваемого стихотворения и его значительное влияние на последующий тибетоязычный литературный процесс в КНР, мгновенного расцвета тибетской свободной поэзии не последовало — другие аналогичные публикации появляются не ранее 1986 г. и становятся регулярным явлением в литературных журналах к 1989–1990 гг. Анализ, проведенный Л. Хартли, показывает особую роль «Водопада юности» Дондуб Гьела в популяризации этой поэтической техники — ни произведения Уолта Уитмена, ни стихи китайских авторов не оказывали существенного влияния на последующих тибетских авторов свободной поэзии, произведения которых публиковались как в официальных изданиях, так и в самостоятельно издаваемых ротапринтным способом; лишь в начале 1990-х гг. популярность Дондуб Гьела как автора свободной поэзии (тиб. rang mos snyan ngag) начинает уступать возрастающему влиянию его наиболее талантливого последователя — Джангбу[113].

Таким образом, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в КНР был предпринят ряд мер, направленных на формирование различных направлений современной литературы на тибетском языке, что привело к появлению и постепенному росту соответствующей литературной продукции, публикуемой прежде всего в литературных журналах.

В последующих разделах книги будут подробнее рассмотрены многие затронутые в настоящем разделе тенденции развития современной тибетской литературы.

---

[112] Ibid. P. 192–193.

[113] *Hartley L.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 193–205.

Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого современного тибетского ученого, литератора, просветителя

В Тибете все, что является древним, —
результат трудов Будды,
А все, что ново, — дело рук Дьявола.
Это печальная традиция нашей страны.

Гедун Чопел. Тибет, 1946 г.[1]

Гедун Чопел (1903–1951) — один из величайших тибетских ученых, литераторов и общественных деятелей XX в. Тибетцы ставят его в один ряд с выдающимися XIII и XIV Далай-ламами. В кругах тибетской интеллигенции как в самом Тибете, так и среди представителей иммигрантской общины он имеет статус «культурного героя»[2], а исследования жизни и творчества Гедун Чопела продолжают сохранять популярность не только у его соотечественников, но и у зарубежных тибетологов.

Интересным представляется тот факт, что жизнь Гедун Чопела обрамлена двумя определяющими событиями в современной истории Тибета: вторжением британских войск в Лхасу в 1904 г. и вступлением Народно-освободительной армии Китая в Лхасу в 1951 г. Годы жизни ученого совпали с одним из наиболее драматичных периодов в истории Тибета. В начале XX в. внимание сразу нескольких стран обращается в сторону обособленного и закрытого для каких-либо внешних контактов Тибета. Сталкиваются интересы Китая, Великобритании, России, а позднее и США, — внешнеполитическое

[1] Из фильма Schaedler L. "The Angry Monk: Reflections on Tibet". Switzerland, 2005.

[2] *Huber T.* The Guide to India. The Tibetan Account by Amdo Gendun Chopel. Dharamsala: Indraprastha Press, 2000. P. 1.

напряжение в регионе нарастает. Тем временем внутри самого Тибета власть переходит из одних рук в другие: Далай-лама, министры и регенты соперничают за возможность управлять государством. В конце концов, сторонники необходимой модернизации уступают в борьбе консервативно настроенной аристократии, что в дальнейшей истории Тибета приводит к вынужденному признанию вхождения в состав Китайской Народной Республики (КНР) в 1951 г.

Учитывая указанные обстоятельства, многие западные исследователи восхищаются неотступным стремлением Гедун Чопела к познанию мира, находящегося за пределами сферы интересов его тибетских предшественников и современников, а также его оппозиционными воззрениями борца с закостенелым традиционализмом тибетского общества и зачастую довольно ироничным чувством юмора.

Жизнь Гедун Чопела вдохновила швейцарского режиссера Люка Шэдлера на создание фильма «Разгневанный монах: размышления о Тибете», премьера которого состоялась в 2005 г. Автор фильма называет Гедун Чопела «ключом к пониманию Тибета». Свою историю о Гедун Чопеле Люк Шэдлер начинает так: «В ходе предпринятых мною попыток понять Тибет, принимая во внимание все имеющиеся там противоречия, мне вдруг попадается одно имя. Гедун Чопел — монах, живший в старом Тибете, скиталец между земными мирами. Он был представителем общества, которое на Западе склонны наделять ореолом излишнего мистицизма, но которое неизменно служило предметом его скепсиса. Для многих Тибет представляется близким к эталону гармоничного, идеального общества, возникшего благодаря сочетанию магии и духовности. С его точки зрения, тибетское общество более всего нуждалось в реформах…»[3]. В фильме рассказывается история человека, покинувшего свой дом ради поиска чего-то, что могло бы освободить традиционное тибетское общество от закостенелости; история изгоя, открытого для всего нового, ставшего чужестранцем у себя на родине и бесприютным на чужбине.

Биография Гедун Чопела

Гедун Чопел родился в Амдо, северо-восточной провинции так называемого этнического Тибета[4] (в настоящий момент — в составе провинции Цинхай, КНР). Приводятся разные годы рождения

[3] Из фильма Schaedler L. “The Angry Monk: Reflections on Tibet”. Switzerland, 2005.

[4] В данном разделе под словом «Тибет» будет подразумеваться весь регион так называемого «этнического» или «культурного» Тибета.

Гедун Чопела (от 1895 до 1905 года). Так, в биографии Шераб Гьяцо[5] и в предисловии к переводу «Трактата о страсти» Джеффри Хопкинса указан 1905 г.[6] Тем не менее Дональд Лопес и Леонард ван дер Кюйп, ссылающийся на упоминание этого года в сочинениях самого Гедун Чопела, датой его рождения считают 14 августа 1903 г.[7]

Отец Гедун Чопела — Алаг Гьелпо (тиб. a lags rgyal po, также известный как Алаг Пелден, тиб. a lags dpal ldan, и Нгагчанг Дордже, тиб. sngags ‘chang rdo rje) был ламой-перерожденцем секты Ньингма. Еще до того, как стало известно о будущем появлении Гедун Чопела, его родителей посетил выдающийся лама школы Ньингма — Додаг-тулку (тиб. rdo brag sprul sku). Он сообщил им, что обретет перерождение в лице их будущего сына, и в качестве предзнаменования оставил свой церемониальный головной убор. Позднее родители Гедун Чопела отправились в паломничество, имеющее конечной целью посещение священного для всех буддистов города Лхаса. Путешествие продолжалось несколько месяцев, и ко времени, когда они достигли монастыря Дордже Даг (тиб. rdo rje brag), расположенного неподалеку от Лхасы, Гедун Чопел был уже зачат. Послушники монастыря Дордже Даг считали, что будущий ребенок — это следующее перерождение того *тулку*[8], который посетил их ранее, и настаивали на том, чтобы родители Гедун Чопела остались в монастыре до рождения ребенка. Однако они решили вернуться домой, осознавая, что если родится девочка, то это посчитают предвестием дурного, а если родится мальчик, то монахи настоят на том, чтобы ребенок остался в монастыре на воспитание. Начав долгий путь обратно в Амдо, родители Гедун Чопела не успели добраться до своей деревни до рождения ребенка,

---

[5] *shes rab rgya mtsho*. dge ‘dun chos ‘phel // Bibliographical Dictionary of Tibet and Tibetan Buddhism / Ed. by Khetsun Sangpo. Vol. 4. The rnying ma pa Tradition: Part 2. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1973. P. 634–657. Английский перевод см.: *Mengele I*. dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. Dharamsala: Indraprastha Press, 1999. P. 49–75.

[6] Ibid. P. 49; *Хопкинс Дж.* Предисловие // Гедун Чопел. Тибетское искусство любви / пер. с англ. М. Малыгиной. М.: Путь к себе, 1996. С. 12.

[7] *Huber T*. The Guide to India. P. 30; *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. Reflections on Reality of the Tibetan Monk Gendun Chophel. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006. P. 5.

[8] Тиб. sprul sku — тулку — титул, который в тибетской традиции дают существам, официально признанным перерождениями великого лица или деятеля. The Illuminator Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary. Padma Karpo Translation Committee / Director and Chief Editor Mr. T. Duff. Electronic Version 5.10. 2005. January 1.

и мальчик появился на свет рядом с местом рождения Цонгкапы, прославленного основателя секты Гелуг. Уже вместе с новорожденным сыном они прибыли домой в деревню Жопунг (тиб. zho phung) в местности Сермоджонг (тиб. gser mo ljong) района Ребгонг (тиб. reb gong) Амдо.

Гедун Чопел, по-видимому, был весьма одаренным ребенком и к четырем годам уже научился читать и писать[9]. При рождении ему дали имя Ригдзин Намгьел (тиб. rig ‘dzin rnam rgyal), но на родине к нему относились как к перерождению Додаг-тулку и называли его соответственно.

Когда Гедун Чопелу исполнилось семь лет, на специальной церемонии в ньингмапинском монастыре Яма Ташикьил (тиб. g.ya’ ma bkra shis ‘khyil) он был официально наделен полномочиями ламы-перерожденца. Мальчик продолжил обучение дома с отцом и у других местных лам, обретая все большее общественное признание, в особенности благодаря своим способностям к стихосложению.

В 14 лет Гедун Чопел поступил в местный монастырь Дица (тиб. rdi tsha) школы Гелуг, где в течение трех-четырех лет изучал буддийскую логику и приобрел репутацию великолепного участника диспутов. Именно с этого времени его стали называть Худой Дица (тиб. rdi tsha skam po) — прозвище, которое соотечественники в Амдо закрепили за ним на всю жизнь.

Там же в Дица он был посвящен в монашеский сан и получил имя «Гедун Чопел». «Гедун» в переводе с тибетского означает «община» (санскр. saṃgha), а «Чопел» можно перевести как «распространение дхармы». Гедун Чопел и в самом деле находился в непростых отношениях с буддийской общиной в течение всей жизни; что же касается слова «дхарма», то этот термин достаточно сложно перевести однозначно, многие задаются вопросом, действительно ли он распространял дхарму. Как считает Д. Лопес, сам Гедун Чопел, вероятно, указал бы на то, что одно из десяти традиционных значений этого слова — «правда»[10].

В 1920 г. в 17 лет Гедун Чопел перешел в один из двух крупнейших монастырей Гелуг в регионе — Ладанг Ташикьил (тиб. bla brang bkra shis ‘khyil), насчитывавший 2500 монахов, где он завершил освоение курса логики и эпистемологии и начал изучать ступени буддийского пути.

---

[9] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 5.

[10] Ibid. P. 6.

Находясь в Дица и Ладанге, Гедун Чопел завоевал репутацию чрезвычайно умелого участника диспутов. Как-то раз Гедун Чопел смог защитить отвергаемую буддистами позицию джайнистов о том, что растения имеют душу[11]. Дж. Хопкинс рассказывает следующую историю: мастерски владея искусством ведения дебатов, на одном из экзаменов в монастыре Кубум Джампалинг (тиб. sku ‘bum byams pa gling) Гедун Чопел блистательно опроверг постулаты учебников, по которым сам занимался (составленные известным религиозным деятелем конца XVII — начала XVIII вв. Джамъянг Жепой, тиб. ‘jam dbyangs bzhad pa), отчего наставники монастыря лишились дара речи. Годы спустя, когда Гедун Чопел жил в Центральном Тибете, он узнал, что в монастырской гостинице Лхасы остановился человек, признанный реинкарнацией Джамъянг Жепы. Опасаясь, что огорчил этого человека критикой его предыдущего воплощения, Гедун Чопел нанес ему визит, чтобы в знак уважения преподнести белый хадак. Перерожденный лама не только не был обижен, но приветствовал Гедун Чопела стоя до тех пор, пока тот не присел первым[12].

В Ладанге Гедун Чопел познакомился с американским миссионером Марионом Грибинау (Marion Griebenow) и его семьей, проживавшими с 1921 по 1949 г. в городке недалеко от монастыря. В начале XX в. среди деревенской молодежи в Тибете длительные контакты с иностранцами случались очень редко[13]. Вероятно, какие-то ранние идеи и симпатию к внешнему миру, находящемуся за пределами Тибета, юный и любознательный Гедун Чопел получил в результате общения с Грибинау и его семьей. Возможно, именно с их помощью он в какой-то степени освоил английский язык.

Также в Ладанге Гедун Чопел узнал о паровых двигателях и самолетах и был совершенно очарован современной наукой, заметки о которой он впоследствии оставлял в своих путевых дневниках[14]. В это же время он отличился и тем, что самостоятельно сконструировал и построил моторную лодку, на которой пересек озеро около монастыря.

Гедун Чопел оставался в Ладанге до 1926 г. В некоторых источниках сообщается, что его попросили покинуть монастырь за критические высказывания относительно определенных положений, представленных в учебных пособиях, в то время как другие исследователи

[11] Ibid. P. 9.

[12] *Хопкинс Дж.* Предисловие. С. 13.

[13] *Huber T.* The Guide to India. P. 3.

[14] *Lopez D. S. Jr.* The Madman’s Middle Way. P. 9.

предполагают, что причиной его ухода стало изготовление механических игрушек[15]. Гедун Чопел с горечью говорит о своем исключении в стихотворении «Акростих, адресованный в Ладанг»[16] (1927). Он описывает, как прилежный молодой ученый вынужден уйти, в то время как развращенным монахам разрешено остаться. Обращаясь к божеству — покровителю монастыря, он пишет: «Увы! После того как я отошел от обычаев, ламы, неспособные толковать о чем-либо, сказали, что великий Нечунг[17] не разрешил мне остаться из-за моей чрезмерной гордыни. Если бы здесь был защитник дхармы, который совершает обряд очищения, как мог бы он позволить тем грязным порочным монахам остаться и скитаться повсюду, продавая чай, пиво и сушеную баранину? …Вместо изгнания в отдаленные города, долины и горные массивы того, кто испытывает чувство гордости, осваивая ученые трактаты, не было бы лучше отослать куда-нибудь тех, кто увлекается продажей мяса, пива или табака?»[18]

Какой бы на самом деле ни была причина его изгнания из монастыря, после непродолжительного визита домой Гедун Чопел покинул Амдо, чтобы в марте 1927 г. начать свое четырехмесячное путешествие в Лхасу — священный город, посещение которого считается необходимым для любого монаха Гелуг, желающего продолжать свой учебный путь и достигнуть высшего уровня просветления. Гедун Чопел поступил на факультет Гоманг (тиб. sgo mang) монастыря Депунг[19]. Для последователей секты Гелуг Лхаса имела статус интеллектуального и духовного центра Центральной Азии, где собирались монахи из самых отдаленных районов буддийского ареала, протянувшегося от Калмыкии на западе до китайской провинции Сычуань на востоке, от Бурятии на севере до Непала на юге.

В Депунге Гедун Чопел присоединился к землячеству (региональное подразделение внутри монастыря) Лубум (тиб. klu ‘bum), где он учился с наиболее выдающимися учеными, в том числе с одним из самых известных ученых Гелуг того времени — амдосцем Шераб Гьяцо. Хотя поначалу общение с Шераб Гьяцо складывалось непло-

---

[15] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 9.

[16] *dge ‘dun chos ‘phel*. bla brang la bskur ba’i ka rtsom // dge ‘dun chos ‘phel. gsung ‘bum. pod gnyis pa. [khreng tu’u]: si khron dpe skrun tshogs pa; si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009. sh. 508–509.

[17] Тиб. gnas chung, божество — хранитель монастыря.

[18] Цит. по: *Lopez D. S. Jr.* The Madman’s Middle Way. P. 9–10.

[19] Тиб. ‘bras spung, один из трех главных монастырей секты Гелуг в окрестностях Лхасы и самый крупный буддийский монастырь в мире с общиной из более чем 12 000 монахов.

хо, их отношения разладились, когда Гедун Чопел стал критиковать школьные учебники, которые он изучал еще во времена пребывания в Ладанге. Во время занятий с Шераб Гьяцо Гедун Чопел вступал с ним в ожесточенные споры, что в итоге привело к отказу Шераб Гьяцо обращаться к Гедун Чопелу по имени — с тех пор он называл его лишь «сумасшедшим»[20]. По мнению Тони Хубера, несмотря на то, что Гедун Чопел изучал философию высокого уровня и прекрасно освоил мастерство ведения диспута, он не был сторонником конформистских взглядов и его слабо интересовали монастырские церемонии и посещение занятий[21]. Гедун Чопел прекратил посещать занятия, но продолжал приходить во двор диспутов, часто бросая вызов лучшим ученикам и ставя в тупик своих сокурсников.

Рассказывают, что однажды Гедун Чопел победил в споре монгольского ученого Нгагванг Легдена (тиб. ngag dbang legs ldan), позже ставшего настоятелем Гоманга, а во время дебатов с главой соперничающего с Гомангом факультета Лоселлинг (тиб. blo gsal gling) Миньяг Кьорпоном (тиб. ‘bras spungs mi nyag skyor dpon), он занял настолько оригинальную позицию, что оппонент замолчал, тем самым признав свое поражение[22]. В другой раз Гедун Чопел заявил, что состояния Будды не существует, за что был жестоко избит разгневанными монахами, которые силой вынудили его отказаться от своего утверждения. Дж. Хопкинс считает, что эта история служит подтверждением ограниченности свободы мысли в учебных заведениях школы Гелуг, а Гедун Чопел при этом «далеко не всегда прибегал к обычным для тибетских ученых хитростям, посредством которых они делают вид, что их высоко критичные труды лишь разъясняют, а не пересматривают или опровергают суждения известных деятелей»[23].

В этот же период Гедун Чопел старательно изучал живопись и со временем смог получать достойный доход за свои танки с изображениями различных божеств.

Д. Лопес полагает, что какой бы ни была репутация Гедун Чопела среди товарищей, он был любимцем Пабонкапы (тиб. pha bong kha pa), самого могущественного ламы школы Гелуг на тот момент[24].

---

[20] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 11.

[21] *Huber T*. The Guide to India. P. 3.

[22] *Mengele I*. dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 53.

[23] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 13–14.

[24] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 11.

Несмотря на противоречивые сообщения о том, продолжал ли Гедун Чопел обучение в Лубуме, он, вероятно, все-таки оставался в монастыре до 1934 г. В Лубуме Гедун Чопел определенно завершил курс изучения Мадхъямики и, возможно, также окончил два последних курса по Винае и Абхидхармакоше, но не остался, чтобы сдать экзамен на получение почетной ученой степени *геше*, хотя позднее и приписывал себе этот титул (несколько его сочинений подписаны «Лама геше Чопел»)[25].

В 1934 г. Гедун Чопел познакомился с индийским ученым Рахулой Санскритьяяной. Санскритьяяне в ту пору было всего 40 лет, но пандита уже успел прославиться как санскритолог и активист индийского освободительного движения. Поскольку Санскритьяяне был необходим тибетский ученый, который мог бы сопровождать его в монастыри на юге Тибета для поиска рукописей на санскрите (привезенных туда во времена распространения буддизма в Тибете), он пригласил Гедун Чопела присоединиться к своей экспедиции. В результате ученый сопровождал пандиту Рахулу в Непале, а затем в Индии, где он и провел последующие 12 лет. В соответствующей статье «Ясного знания — большого тибетологического словаря, составленного повелителем ученых Дунгкар Лозанг Тинле» сообщается, что Санскритьяяна воодушевил Гедун Чопела на то, чтобы он, выучив санскрит, стал лоцавой (переводчиком)[26].

Самой авторитетной буддийской организацией в Индии в первой половине XX в. было «Общество Махабодхи». Видимо, по предложению Рахулы Санскритьяяны (который сам являлся членом данного объединения), Гедун Чопел тоже вступил в его ряды. Общество было основано в 1891 г. сингальским националистом и буддийским лидером Анагарикой Дхармапалой с целью восстановления Бодхгайи — буддийской святыни и места паломничества верующих. По словам Д. Лопеса, Гедун Чопел восхищался Дхармапалой и призывал своих соотечественников присоединиться к этому всемирному движению буддистов[27].

В 1938 г. после четырех лет, проведенных в Индии, Гедун Чопел вновь отправился сопровождать пандиту Рахулу в его краткой поездке в Западный Тибет для поиска рукописей на санскрите. По воз-

[25] Ibid.

[26] dge dbang dung dkar blo bzang ‘phrin las mchog gis mdzad pa’i bod rig pa’i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal. Delhi: China Tibetology Publishing House, 2006. sh. 605.

[27] *Lopez D. S. Jr.* The Madman’s Middle Way. P. 21.

вращении в Индию Санскритьяяна, возможно, способствовал тому, чтобы теперь Гедун Чопел последовал на юг, и в 1940 г. (или 1941 г.) с документами, необходимыми для путешествия, предоставленными президентом «Общества Махаободхи», Гедун Чопел отправился на остров Шри-Ланка, где провел 16 месяцев. Там он узнал о критике буддизма христианскими миссионерами и ответной реакции буддистов, увидел разницу между буддизмом на Шри-Ланке и буддизмом в Тибете. Несмотря на значительные исторические и доктринальные расхождения, Гедун Чопел все-таки смог выделить общую основу учений. Он был впечатлен беспрекословным соблюдением монашеской дисциплины сингальскими монахами, но при этом критиковал их за неприятие Махаяны и Тантры.

Много путешествуя и часто сотрудничая с другими учеными, Гедун Чопел стал хорошо известен в небольшом обществе европейских и американских энтузиастов-исследователей тибетского буддизма. Более того, он получил приглашение посетить Нью-Йорк от Теоса Бернарда («первого белого ламы» и первого американца, защитившего докторскую диссертацию о тибетском буддизме в Колумбийском университете Нью-Йорка), но Вторая мировая война помешала Гедун Чопелу принять приглашение[28].

В Индии, продолжая активно изучать английский язык, Гедун Чопел также освоил пали и санскрит, и в дальнейшем применял свои навыки в крупных переводческих проектах. По словам преподавателя санскрита, Гедун Чопел был настолько талантлив, что мог за день выучить такой объем текста на санскрите, на который у самого наставника уходили недели[29]. Ирмгард Менгеле подчеркивает, что «нельзя недооценивать тот факт, что некоторые работы Гедун Чопела доступны на английском языке, так как в отличие от санскрита (священного языка индийского буддизма), английский имел низкую репутацию среди тибетских ученых того времени. При жизни Гедун Чопела две попытки начать обучение английскому языку тибетских студентов закончились безуспешно вследствие протестов монастырских властей, опасавшихся, что любые западные нововведения могут навредить отношению учеников к буддизму и традиционному тибетскому образу жизни»[30]. Таким образом, Гедун Чопел, не найдя поддержки со стороны своих соотечественников, пытался изучать

[28] Ibid. P. 31.

[29] *Хопкинс Дж.* Предисловие. С. 16.

[30] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 4.

английский язык самостоятельно, считая его при этом противоположным тибетскому ввиду чрезвычайно сложного произношения.

Хотя в Индии Гедун Чопел добился определенного успеха и признания (например, сам Рабиндранат Тагор предложил ему должность преподавателя тибетского языка в университете Вишва-Бхарати в Шантиникетан), он нередко испытывал финансовые затруднения и скитался как нищий (иногда называя себя «умным нищим» / тиб. sprang po dpyod ldan)[31].

Последние два года в Индии (1944–1945) Гедун Чопел провел в пограничном с Тибетом районе Калимпонга-Дарджилинга, недалеко от Сиккима. В то время внутри Индии поднималось движение за независимость и нарастали антибританские настроения, Германия проигрывала, а гражданская война в Китае после поражения Японии разгоралась с новой силой. Калимпонг, находясь на пересечении торговых и туристических маршрутов из Тибета в соседние регионы, стал местом оживленной политической борьбы тибетских активистов. Так Гедун Чопел оказался вовлечен в дискуссии маленькой группы тибетцев, которая впоследствии стала известна под названием «Партия реформ Западного Тибета». Само название партии вызывает вопросы относительно целей ее участников. С китайского языка его можно перевести как «Тибетская революционная партия» (кит. Сицзан гэминдан 西藏革命党), на тибетском название звучит менее угрожающе — «Ассоциация борцов за изменение Западного Тибета» (тиб. nub bod legs bcos kyi skyid sdug). Гедун Чопел лично придумал эмблему партии — серп, меч и ткацкий станок, дополненные названием партии на китайском и тибетском языках[32].

Крайне критично относясь к правительству Тибета, коррупции и политическим интригам в монастырях Гелуг, Гедун Чопел нашел единомышленников в Партии реформ Западного Тибета. По мнению Гедун Чопела, Тибету были необходимы многосторонние реформы, если и вовсе не сама революция. Он предлагал заменить право монахов на владение имуществом выплатой жалований и был убежден, что членов правительства нужно обязать проходить обучение, а также запретить им заниматься торговлей.

Тем не менее отдельные исследователи ставят под сомнение участие Гедун Чопела в делах партии[33]. Несмотря на то, что Гедун

---

[31] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 13.

[32] *Хопкинс Дж.* Предисловие. С. 20.

[33] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 40.

Чопел писал на разные темы, откровенно политических сочинений у него не было, за исключением одной работы, в которой он выступил с критикой европейского колониализма[34]. И хотя Д. Сейфорт Руэгг считает, что партия была создана после того, как Гедун Чопел вернулся в Тибет в 1946 г.[35], М. Голдстейн утверждает, что Рабга Помдацанг[36] учредил партию до 1946 г. и, более того, выплачивал жалованье Гедун Чопелу[37].

В конце 1945 г. вопреки советам некоторых из своих тибетских товарищей и друзей-европейцев Гедун Чопел решил отправиться обратно в Тибет. Он следовал не традиционным маршрутом через Бутан, а избрал путь северо-восточнее, вдоль англо-тибетской границы, и, по просьбе Рабга Помдацанга, во время путешествия делал наброски для географических карт. Очевидно, Гедун Чопел не понимал, что карты и заметки, в конечном счете, предназначаются для китайской партии Гоминьдан, и поэтому отправил их Рабге в Индию обычной британской почтой. Письмо было перехвачено Хью Ричардсоном, британским торговым представителем в Гьелце (тиб. rgyal rtse), который в свою очередь посчитал необходимым предупредить полицию Калимпонга[38].

Гедун Чопел вернулся в Лхасу в начале января 1946 г. По прибытии он продолжил работать над изучением ранней истории Тибета на основе дуньхуанских рукописей и танских источников, совмещая это с путешествиями к местам расположения определенных тибетских крепостей и храмов, где он занимался исследованием древних надписей на сохранившихся колоннах.

По всей вероятности, после возвращения на родину Гедун Чопел стал «своего рода знаменитостью»[39]. Он встречался с различными представителями аристократии, временами — с европейцами

---

[34] Ibid.

[35] *Mengele I.* dGe-'dun-chos-'phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 8.

[36] Тиб. rab dga' spom mda' tshang. Семья Помда (тиб. spom mda') изменила написание своего имени на Панда (тиб. spang mda' tshang) после того, как получила во владение новые земли, из-за чего в источниках встречается расхождение в написании имени Рабга Помдацанга/Пандацанга). См.: *McGranaham C. Sa spang mda' gnam spang mda'*: Murder, History, and Social Politics in 1920s in Lhasa // Epstein L. Khams pa Histories: Visions of People, Place and Authority. Leiden, Boston, Cologne: Brill, 2002. P. 103–127.

[37] *Goldstein M. C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 461.

[38] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 40.

[39] Ibid. P. 41.

и собирал вокруг себя юных последователей, которых обучал поэзии и грамматике.

Помимо преподавания и работы над историческим сочинением «Белые анналы», Гедун Чопел помогал бывшему соученику по Депунгу геше Чодагу (тиб. chos grags) в составлении тибетского толкового словаря и давал уроки английского языка сыну министра Кашопы (тиб. ka shod pa)[40].

В том же 1946 г. (предположительно в конце июля–августе) Гедун Чопел, возвратившись из дома Тиджанг-ринпоче (тиб. khri byang rin po che), преподавателя юного Далай-ламы XIV, застал у своей двери двух государственных чиновников. Он был арестован по обвинению в распространении фальшивых денег и посажен в тюрьму, расположенную в здании суда Лхасы Шангце Шаг (тиб. shang rtse shag).

Во время обыска следователи обнаружили черную металлическую коробку, в которой были заметки и материалы текущих проектов Гедун Чопела, а также различные бумаги, содержащие информацию о тибетских пограничных областях и список членов правительства. При аресте Гедун Чопел настоятельно просил не трогать в его комнате кусочки бумаги и обертки от сигарет с записями, которые являлись основой составляемой им истории Тибета. Комната Гедун Чопела была опечатана, но вернувшись туда после освобождения, он обнаружил, что его бумаги и черная коробка бесследно исчезли.

В городской тюрьме Гедун Чопелу отвели отдельную камеру на верхнем этаже и разрешили получать еду и постельные принадлежности от друзей. Его постоянно допрашивали, а один раз высекли плетью[41]. Через несколько месяцев Гедун Чопел был переведен в тюрьму в районе Жол (тиб. zhol) у подножия дворца Потала. Условия там были хуже, но ему выдали материалы для фиксирования записей, и он смог продолжить работу над «Белыми анналами», писать письма и заниматься поэзией.

Д. Лопес сообщает, что просьбы Санскритьяяны и Юрия Рериха об освобождении Гедун Чопела не были рассмотрены (возможно, поскольку просьбу о помиловании они аргументировали тем, что дружба Гедун Чопела с Китаем окажется полезной для тибетского правительства, так как захват Тибета коммунистами неизбежен)[42].

---

[40] Ibid. P. 42.

[41] *Goldstein M. C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. P. 463.

[42] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 43.

Гедун Чопела освободили в 1949 г. (по другим источникам, в 1950 г.). Известно, что он получил трехлетний срок, однако точной информации о продолжительности заключения, датах ареста и освобождения, равно как и сведений о причинах ареста, нет[43].

В дополнение к сфабрикованному обвинению о подделке денег, Д. Лопес озвучивает несколько версий, за что могли осудить Гедун Чопела: за членство в Партии реформ Западного Тибета, за предполагаемую связь с Гоминьданом, за его философские воззрения или за то, что он поставил в неловкое положение тибетского министра Кашопу.

Современные тибетские исследователи убеждены, что свою роль в этом деле сыграл британский торговый представитель Хью Ричардсон[44]. Дискуссии об участии британского правительства в аресте и заключении Гедун Чопела продолжаются, но, по словам самого Х. Ричардсона, Гедун Чопел имел право отправиться куда угодно и когда угодно, и для Великобритании не имело значения, арестуют его или нет после того, как он вернется в Тибет[45].

Вероятнее всего, британская администрация ограничилась тем, что сообщила тибетскому правительству о существовании Партии реформ Западного Тибета и предприняла необходимые меры по предотвращению деятельности партии на территории Индии. И. Менгеле указывает, что арест Гедун Чопела скорее был связан с его эксцентричной манерой поведения по возвращении в Лхасу. Х. Ричардсон писал Б. Гулду в июле 1946 г.: «Они говорят, что Гедун Чопел постоянно настаивает, чтобы шапэ[46] дали ему интервью, он порицает тибетский буддизм как искаженный и восхваляет “новую мудрость” (которая, кажется, берет свое начало в Индии), благоприятно отзываясь о нацизме и, в общем, ведя себя очень эксцентрично»[47].

Необходимо отметить, что во введении к переводу «Трактата о страсти» Дж. Хопкинса приведена иная история ареста Гедун Чопела: калимпонгская группа выпускала брошюры с критикой тибетских порядков, и озабоченные этим британские власти в Индии разослали ее членам извещения с требованием покинуть страну. «Гедун Чопел, получив коварное “приглашение” от министра кабинета

---

[43] Ibid.

[44] Ibid.

[45] Цит. по: *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 9.

[46] Тиб. zhabs pad, члены тибетского кабинета министров.

[47] Цит. по: *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 9.

посетить Лхасу, в Цона (тиб. mtsho sna) был взят под арест и выслан в Лхасу, где на некоторое время его оставили в покое»[48].

В статье, посвященной Гедун Чопелу в тибетологическом словаре Дунгкар Лозанг Тинле также говорится о том, что «Гедун Чопел отправился в Лхасу, поскольку получил письмо из Тибета от Тиджанг-ринпоче и министра Кашо[пы] с призывом вернуться»[49].

Пятнадцатилетний Далай-лама, принявший на себя управление государством незадолго до освобождения Гедун Чопела, объявил амнистию. Правительственную печать на дверях тюремной камеры Гедун Чопела снял глава департамента по делам внешней безопасности Леушар Тубтен Тарпа (тиб. le'u (или sne 'u) shar thub bstan thar pa). Войдя в камеру, он увидел, что стены заросли паутиной, а немногочисленные вещи узника кишат червями. По выражению Дж. Хопкинса, Леушару показалось, что он «нарушил уединение знаменитого тибетского аскета Миларепы»[50]. На стене камеры были написаны следующие строки: «Да придет сострадание мудрецов к маленькому честному ребенку, покинутому всеми в лесной чаще, где раздается ужасающий рев упрямого тигра, обезумевшего от зависти»[51].

На момент ареста Гедун Чопела регентом при Далай-ламе был Тагдаг-ринпоче (stag brag rin po che), часть имени которого переводится как «тигр». Отдельные исследователи, к которым относится и Дж. Хопкинс, сходятся во мнении, что Гедун Чопел винил его в своем заточении[52].

Д. Лопес делает интересное замечание о существовании нескольких вариантов стихотворения и сообщает, что впервые эти полные горечи поэтические строки на стенах камеры упоминаются в биографии Гедун Чопела, написанной его учеником Лачунг Апо[53]. Встречаются, по крайней мере, три разные версии: непосредственно в самой биографии Лачунг Апо, в одном из сочинений[54] Гедун Чопе-

---

[48] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 21.

[49] dge dbang dung dkar blo bzang 'phrin las mchog gis mdzad pa'i bod rig pa'i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal. sh. 605.

[50] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 23.

[51] Цит. по: *Lopez D. S. Jr*. The Madman's Middle Way. P. 43–44; *Mengele I*. dGe-'dun-chos-'phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 69.

[52] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 23.

[53] Тиб. bla chung a pho, также был известен как Шераб Гьяцо (тиб. shes rab rgya mtsho) — не путать с другим Шераб Гьяцо, у которого Гедун Чопел учился в Депунге. *shes rab rgya mtsho*. dge 'dun chos 'phel.

[54] dge 'dun chos 'phel gyi snyan rtsom thor bu // mkhas pa'i dbang bo dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom. pod gnyis pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 408–409.

ла и, что существенно, незначительно отличающийся вариант в восьмой главе путевых заметок «Золотой песок. Истории странствий космополита»[55] Гедун Чопела, написанной, вероятно, не позднее 1941 года. Факт существования данного стихотворения почти за десятилетие до заключения Гедун Чопела в тюрьму не исключает возможности того, что то же стихотворение он оставил на стенах своей камеры, но, тем не менее, дает повод усомниться в том, что оно стало спонтанной формой выражения гнева на регента[56].

Ученые сходятся во мнении о неопределенности состояния дел Гедун Чопела после освобождения. Еще до заключения в тюрьму ученый был известен своим пристрастием к алкоголю и табаку. Одни говорят, что он пришел к алкоголизму в тюрьме и поэтому нуждался в регулярных передачах спиртных напитков от своих учеников во избежание сильного похмелья; другие считают, что он мало пил во время заключения. Но практически нет сомнений в том, что он пристрастился к спиртному после освобождения и не изъявлял особого желания возвращаться к прежним трудам, особенно после того, как обнаружил пропажу черной коробки и всех своих записей.

Шераб Гьяцо пишет, что после амнистии Гедун Чопел, сравнивая себя с драгоценной вазой из лазурита, которую разбили о камни, полтора месяца отказывался мыться, менять одежду, бриться и стричь волосы, доходившие ему до талии[57]. Однако это не помешало ему показать свои по-прежнему блестящие способности вышеупомянутому настоятелю Депунга Миньяг Кьорпону и четырем его ученикам, прибывшим к нему с визитом. Перед началом диспута Гедун Чопел к изумлению и негодованию своих гостей демонстративно стряхнул пепел от сигарет на бронзовую статую Будды Шакьямуни. Спор состоял в том, может ли Будда испытывать подлинное чувство удовольствия или боли. По истечении некоторого времени все пятеро, не в состоянии опровергнуть доводы Гедун Чопела, обронив: «Это странно», удалились[58].

После освобождения Гедун Чопела поддерживали друзья и поначалу предоставляли ему жилье. Впоследствии тибетское прави-

---

[55] *dge ‘dun chos ‘phel*. rgyal khams rig pas bskor pa’i gtam rgyud gser gyi thang ma // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. pod gnyis pa. sh. 1–312. pod gsum pa. sh. 1–184.

[56] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 43–44.

[57] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 69.

[58] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 23; *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 71–72.

тельство предоставило ему комнаты возле храма Джоканг (тиб. jo khang) над министерством сельского хозяйства в дополнение к пенсии и продовольственному пайку с предписанием продолжать труды над «Белыми анналами». Он этого не сделал: большая часть времени проходила в запоях, с редкими перерывами во время визитов к нему высокопоставленных лиц[59].

Войска Народно-освободительной армии Китая вошли в Лхасу 9 сентября 1951 г. В октябре у Гедун Чопела начался сильный кашель, жидкость перестала выводиться из организма, вызывая сильный отек (признаки прогрессирующего цирроза печени), — надежд на выздоровление практически не оставалось. В последние дни жизни, когда Гедун Чопел уже не мог ходить, он просил Лачунг Апо (одного из своих учеников) прочитать ему «Хвалу взаимозависимому возникновению» (тиб. rten ‘brel bstod pa) Цонгкапы (тиб. tsong kha pa) и «Устремление к основе, пути и плоду великой завершенности» (тиб. ‘jam dpal rdzogs pa chen po gzhi lam ‘bras bu dbyer med pa’i don la smon pa) Мипама (тиб. mi pham). Оценив красоту прозвучавших строк, он сказал: «Сумасшедший Гедун Чопел уже видел все в этом мире. Теперь я услышал, как говорит прославленная земля внизу под нами. Если бы я пошел посмотреть, интересно, каково бы это было?»[60] Как предполагает Дж. Хопкинс, это был намек Гедун Чопела на то, что он попадет в ад[61]. Он умер вскоре после, в 4 часа дня 14 октября 1951 г.[62] Ему было 48 лет. Через три дня его тело было кремировано.

Творчество Гедун Чопела

Гедун Чопел — несомненно, один из самых противоречивых тибетских интеллектуалов своего времени, жизнь и творчество которого до сих пор вызывают большое количество споров среди ученых. Он увлекался совершенно разными науками и искусствами, а его многообразное творчество включало в том числе литературные труды, относящиеся к самым ранним образцам современной литературы на тибетском языке.

По словам Д. Лопеса, Гедун Чопел мало писал в Тибете, основным способом его самовыражения были словесные диспуты во дворе для

[59] *Lopez D. S. Jr.* The Madman’s Middle Way. P. 45.

[60] Цит. по: Ibid. P. 45.

[61] *Хопкинс Дж.* Предисловие. С. 24.

[62] dge dbang dung dkar blo bzang ‘phrin las mchog gis mdzad pa’i bod rig pa’i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal. sh. 606.

дебатов, но во время пребывания в Индии ученый всерьез занялся написанием литературных трудов разного жанра и формированием собственного художественного стиля[63].

Труды Гедун Чопела можно разделить на три категории: собственные сочинения, переводы и работы в соавторстве. Среди собственных сочинений — «Трактат о страсти», «Украшение мысли Нагарджуны», «Белые анналы», «Путеводитель по Индии» и несколько других работ, которые будут рассмотрены ниже.

Его труд «Путевые заметки о паломничестве к некоторым святыням Индии»[64] (в дальнейшем эта работа упоминается как «Путеводитель по Индии») входит в число наиболее значительных сочинений, написанных Гедун Чопелом в Индии. Это путеводитель по буддийским святыням — местам паломничества в Индии. В 2000 г. работа была переведена на английский язык и исследована Т. Хубером[65].

Т. Хубер считает, что «Путеводитель по Индии» — «единственный систематический путеводитель, составленный до 1950-х гг. на тибетском языке, и дает новое представление об Индии, значительно отличающееся от того традиционного, которое существовало среди тибетцев в течение предыдущих столетий»[66]. Определенные композиционные элементы, по мнению исследователя, делают это сочинение «одним из первых примеров современной национальной тибетской литературы»[67]. Среди особенностей произведения — синтетический и критический подход к представлению современной исторической географии буддийских мест в Индии; функциональность путеводителя с точки зрения доступных на тот момент транспортных средств; наличие первых образцов современной тибетской картографии (лично выполненные Гедун Чопелом). Немаловажно и то, что путеводитель был написан как раз в то время, когда многие тибетцы вновь стали отправляться в паломничество к буддийским святыням Индии. Однако Т. Хубер говорит, что самоуверенный тон и фактические ошибки в путеводителе вызвали критику со стороны бывшего учителя Гедун Чопела — тибетского

[63] *Lopez D. S. Jr*. The Madman's Middle Way. P. 12.

[64] *dge 'dun chos 'phel*. rgya gar gyi gnas chen khag la bgrog pa'i lam yig // mkhas pa'i dbang bo dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom. pod bzhi ba. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 257–292.

[65] *Huber T*. The Guide to India. The Tibetan Account by Amdo Gendun Chopel. Dharamsala: Indraprastha Press, 2000.

[66] Ibid. P. 23.

[67] Ibid.

ученого Шераб Гьяцо, который справедливо отметил ошибку своего ученика в дате рождения основателя сикхизма, гуру Нанаки. Цитируя Шераб Гьяцо, Т. Хубер приводит следующее высказывание: «Явные несоответствия в этом путеводителе будут лишь источником бессмысленного беспокойства для сбивающихся с толку паломников»[68].

Несмотря на критичный отзыв, «Путеводитель по Индии» до сих пор считается одним из самых точных и полных описаний Индии на тибетском языке, и им до сих пор пользуются как паломники, так и тибетцы, проживающие в иммигрантской общине в Индии. Подтверждением этому служит большое количество переизданий, выпущенных с момента первой публикации сочинения[69]. Д. Лопес также указывает, что особым достижением Гедун Чопела в изучении важных буддийских археологических участков в Индии является установление точного места, где находился Будда, когда «впервые повернул колесо дхармы»[70].

Собирая материал для своих исследований, Гедун Чопел провел много времени, изучая санскритскую эротику и посещая публичные дома в Калькутте. Результаты экспериментов легли в основу одной из его самых знаменитых работ — справочнике «Трактат о страсти»[71]. К этому моменту Гедун Чопел совершенно отказался от обета безбрачия. Однако неясно, когда именно до прибытия в Калькутту он отрекся от монашества, не исключено, что это случилось еще до его отъезда из Тибета. По словам Д. Лопеса, «Трактат о страсти» стал вторым тибетским эротическим сочинением за все время существования тибетской литературы[72]. В 1992 г. Дж. Хопкинс и Дордже Юдон Ютог (тиб. rdo rje g.yu sgron g.yu thog) перевели «Трактат о страсти» на английский язык, а в 1996 г. вышел перевод М. Малыгиной с английского языка на русский[73].

По мнению Гедун Чопела, самой важной его работой является путевой дневник «Золотой песок. Истории странствий космополита» (тиб. rgyal khams rig pas bskor ba'i gtam rgyud gser gyi thang). Это самое объемное сочинение Гедун Чопела, насчитывающее

---

[68] Цит. по: Ibid. P. 26.

[69] Ibid.

[70] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. Preface vii.

[71] *dge 'dun chos 'phel*. 'dod pa'i bstan bcos // mkhas pa'i dbang bo dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom. pod lnga pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 1–72.

[72] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 34.

[73] *Чопел Г.* Тибетское искусство любви / пер. с англ. М. Малыгиной. М.: Путь к себе, 1996.

611 страниц, что составляет приблизительно половину всех его уцелевших произведений[74]. В 2014 г. Дональд Лопес и Тубтен Джинпа (тиб. thub bstan sbyin pa) перевели данное сочинение на английский язык[75].

И. Менгеле говорит, что в отличие от большинства тибетских ученых своего времени, Гедун Чопел использовал любой удобный случай для исследования оригинальных буддийских источников. Помогая Рахуле Санскритьяяне во время экспедиций в монастыри Центрального Тибета в поисках старых индийских рукописей, Гедун Чопел глубоко заинтересовался найденными материалами и осознал их ценность. Условия содержания и обращение с древними манускриптами в некоторых монастырях вызвало у Гедун Чопела возмущение, он называл это невежеством и осуждал тибетцев за подобное отношение[76]. По возвращении в Индию после полугодовой экспедиции с пандитой Рахулой в Тибет в 1938 г., Гедун Чопел работал в Бихарском научно-исследовательском обществе в Патне, куда были переданы на хранение собранные тексты. Там он внимательно изучил несколько рукописей на санскрите и сравнил их с выполненными ранее переводами, которые, как он выяснил, содержали ошибки.

Сопровождая Рахулу Санскритьяяну в его странствиях, Гедун Чопел получил уникальную возможность ознакомиться с прежде недоступными для тибетских историков дуньхуанскими рукописями о периоде Тибетской империи и историческими летописями эпохи династии Тан в Китае. Позднее он использовал полученную информацию в качестве основы для своей неоконченной работы по истории древнего тибетского государства — «Белые анналы»[77]. Эта книга имеет чрезвычайно важное значение: автор пытается демифологизировать историю Ярлунгской династии (ок. VII — IX вв. н. э.) в Тибете и обозначить роль тибетского государства как основной военной силы в Центральной Азии в течение VI–VII вв.

Дополнительными источниками, задействованными Гедун Чопелом при написании истории, послужили надписи на древних каменных стелах в первом тибетском монастыре Самъе. По мнению

---

[74] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 12.

[75] *Jinpa Th., Lopez D. S. Jr.* Grains of Gold: Tales of a Cosmopolitan Traveler. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2014.

[76] *Mengele I.* dGe-'dun-chos-'phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 2.

[77] *dge 'dun chos 'phel*. bod chen po'i srid lugs dang 'brel ba'i rgyal rabs deb ther dkar po // mkhas pa'i dbang bo dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom. pod dang po. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 168–242.

И. Менгеле, его подход к научным исследованиям напоминает современные методы. Он сравнивает документы и аналитически подходит к оценке достоверности древних источников[78].

Х. Ричардсон в своем обзоре «Белых анналов» благосклонно замечает, что работа Гедун Чопела, «хоть и незавершенная, представляет собой хорошо продуманный, конструктивный, интересный и отличный от всех предшествующих подход к изучению истории Тибета»[79]. В то же время Х. Ричардсон делает несколько критических замечаний относительно формы повествования, использованной Гедун Чопелом, и указывает на неправильную интерпретацию исторических источников. И. Менгеле, тем не менее, напоминает о том, что «Белые анналы» — это первая попытка Гедун Чопела провести исследование в соответствии с западными стандартами, используя опыт, полученный им во время работы с разными специалистами в Индии[80].

Из-за ареста Гедун Чопел так и не смог завершить работу над «Белыми анналами». Существуют противоречивые точки зрения относительно того, когда сохранившиеся отрывки из этого произведения были впервые опубликованы. Дж. Хопкинс считает, что вернувшись в Лхасу после многолетнего пребывания в Индии, Гедун Чопел «при финансовой поддержке благородного дома Хорканг (тиб. hor khang) опубликовал книгу по ранней тибетской истории “Белые анналы”»[81]. Но в предисловии к изданию «Белых анналов» пекинского «Издательства национальностей» (2007) говорится, что «это сочинение было составлено в 1946 году, последняя часть не была завершена и сохранилась фрагментарно»[82], т. е., вероятно, при жизни Гедун Чопела книга не была опубликована полностью. Дэн Мартин в «Библиографии исторических сочинений на тибетском языке» сообщает о трех изданиях «Белых анналов», первое из которых было опубликовано в Дарджилинге и датировалось 1964 г., а два других были изданы в Дхарамсале и Лехе (Ладак) и относились к 1978 и 1979 гг. соответственно[83]. Перевод «Белых анналов» на анг-

[78] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 3.

[79] Ibid.

[80] Ibid. P. 4.

[81] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 17.

[82] *dge ‘dun chos ‘phel*. bod chen po’i srid lugs dang ‘brel ba’i rgyal rabs deb ther dkar po. mi rigs dpe skrun khang, 2007.

[83] *Martin D*. Tibetan Histories. A Bibliography of Tibetan-Language Historical Works. London: Serindia Publications, 1997. P. 178–179.

лийский язык осуществил Самтен Норбу (тиб. bsam gtan nor bu) в 1978 г. в Дхарамсале[84].

Шумный и суетливый Калимпонг стал для Гедун Чопела тем местом, где его интеллектуальные изыскания могли быть менее ограниченны, чем в Лхасе с ее господствовавшим в то время консерватизмом и религиозностью. В Калимпонге Гедун Чопелу предложили сотрудничать в подготовке статей с единственной тибетской газетой того времени — «Зеркало Тибета» (полное название звучит как «Зеркало новостей из разных стран»[85]), основанной принявшим христианство тибетцем Дордже Тарчином.

По словам Д. Лопеса, «время, проведенное Гедун Чопелом в Южной Азии, можно охарактеризовать как последовательность неожиданных встреч с соприкасающимися гранями современности»[86]: ученый пишет о современной образованности, современных путешествиях, современной географии, современной археологии, современной науке, современной религии, современной любви, а события его произведений разворачиваются на фоне колониальной Индии и Шри-Ланки.

В выпуске «Зеркала Тибета» за 28 июня 1938 г. Гедун Чопел опубликовал эссе «Мир круглый или сферический»[87] под псевдонимом «Данпо Дхарма» (тиб. drang po dharma ‘Честная Дхарма’). В этом сочинении он не пытался доказать, что земля круглая (что категорически расходилось с традиционной буддийской космологией, которая в то время имела непререкаемый авторитет в Тибете), а лишь заявлял об этом, ссылаясь на данные западной науки. В статье звучит лейтмотив Гедун Чопела — «только упрямые и ограниченные тибетцы отказываются видеть истину»[88]. Гедун Чопел верил в европейскую научную систему, так как она основывалась на эмпирическом знании и поэтому была более совершенной, чем религиозные тексты. Тем не менее, не отвергая буддийскую доктрину,

---

[84] The White Annals (Deb-ther dkar-po) by Gedun Chos-‘phel / Trans. from the Tibetan by Norboo Samten. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1978.

[85] Тиб. yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Подробнее об этом издании см. раздел настоящей книги «Значение газеты “Юлчог сосой саргьюр мелонг” (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке», с. 71–121.

[86] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 13.

[87] “’jig rten ril mo’am zlum po” Yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. [Электронный ресурс] //Vol. X No. 1, 28.06.1938. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/pages/ldpd_6981643_000_00000385.html?toggle=&menu=maximize&top=&left= (дата обращения: 03.05.2014).

[88] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 17.

он утверждал, что острых противоречий между открытиями современной науки и буддийским воззрением нет.

Помимо буддизма, в своих путевых дневниках Гедун Чопел размышлял о так называемых новых религиях, появившихся в британской Индии: в частности, об учении Шри Рамакришны и о теософии Елены Петровны Блаватской и полковника Генри Стила Олкотта[89].

Во время пребывания за границей Гедун Чопел работал вместе с сингальскими монахами и индийскими брахманами, а также сотрудничал с европейскими учеными. После возвращения со Шри-Ланки он работал с Юрием Николаевичем Рерихом, русским востоковедом и буддологом, покинувшим родину по политическим причинам. Рерихи основали в Кулу, в штате Химачал-Прадеш, Научный институт гималайских исследований «Урусвати», где Юрий Николаевич совместно с Гедун Чопелом занялись трудоемким переводом «Голубых анналов», написанных Голоцавой Жонну Пелом (тиб. ‘gos lo tsa ba gzhon nu dpal) в 1476 г. В «Голубых анналах» встречаются многочисленные имена собственные, географические названия и наименования, которые было бы невозможно распознать без помощи эрудированного тибетского специалиста. Гедун Чопел оказал подобную помощь Ю. Н. Рериху, которую тот впоследствии охарактеризовал всего одним предложением в предисловии к книге: «Мне было очень приятно обсудить весь перевод с достопочтенным Гедун Чопелом, известным тибетским ученым, и я выражаю здесь искреннюю признательность за его полезные указания»[90]. Судя по кратким словам благодарности Юрия Николаевича Рериха, характеризующим Гедун Чопела как участника работы и учителя, руководившего переводом, можно сказать, что Рерих испытывал противоречивые чувства и не мог найти подходящей формы для упоминания своего тибетского коллеги. Д. Лопес отмечает, что, если представить весь объем выполненной работы (перевод и научный аппарат занимают почти 1300 страниц печатного текста), трудно поверить, что имя Гедун Чопела в качестве соавтора так и не появилось на титульном листе издания[91].

Семья Рерихов по меркам тех лет была состоятельной, и Гедун Чопелу заплатили за его работу. Но порой во время пребывания в Индии Гедун Чопел фактически нищенствовал, финансовые труд-

[89] Ibid. P. 28.
[90] *Roerich G.* The Blue Annals. Calcutta: Royal Asiatic Soceity of Bengal, 1949. P. XXI.
[91] *Lopez D. S. Jr.* The Madman’s Middle Way. P. 28.

ности возникли в том числе и в Калькутте, сразу по окончании работы над переводом «Голубых анналов». По словам его друга Ракра Тетонга (тиб. rak ra bkras mthong), в одном из стихотворений Гедун Чопел описывает переживания этого времени: «Три года жалких трудов в конце концов изнурили меня. Когда ты богат, они близко подкрадываются; когда ты беден, они, показывая в твою сторону пальцем, презирают тебя издалека. …Способности скромного ученого, стремящегося только лишь к знанию, разрушены жестокостью глупца, прогибающегося под тяжестью своего богатства…»[92]. Бенжамен Богэн и Юбер Деклер в одной из статей в журнале Международной ассоциации тибетологических исследований также пишут о том, что имя Гедун Чопела фигурирует в тексте перевода лишь в единичных случаях, и высказывают предположение, что это печальное стихотворение оскорбленный Гедун Чопел посвятил Ю. Н. Рериху[93].

В Калимпонге в сотрудничестве с Дордже Тарчином Гедун Чопел составил тибетско-английский словарь с эквивалентами на хинди[94]. А позднее, в Лхасе, он помогал бывшему соученику по Депунгу геше Чодагу в составлении тибето-тибетского словаря.

Вернувшись в Лхасу, Гедун Чопел начал преподавать философию Мадхъямики в своей собственной, весьма оригинальной интерпретации. Как сообщает Дж. Хопкинс, его ученик, ньингмапинец Дава Зангпо (тиб. zla ba bzang po), делал записи во время занятий и, объединив их с записанным в блокноте более ранним сочинением Гедун Чопела на тему достоверного постижения, составил на этой основе книгу под названием «Благое изложение сокровенной сущности середины: Украшение мысли Нагарджуны»[95]. Книга была опубликована в Лхасе, а затем в Калимпонге в 1951 г.

---

[92] Цит. по: *Lopez D. S. Jr*. The Madman's Middle Way. P. 32–33; dge 'dun chos 'phel. mi rtag pa dran pa'i gsung mgur // dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom. pod gnyis pa. sh. 499–502.

[93] Цит. по: *Kuijp L. W. J. van der* On the Composition and Printings of the Deb gter sngon po by 'Gos lo tsa ba gzhon nu dpal (1392–1481) [Электронный ресурс] // Journal of the International Association of Tibetan Studies. No. 2 (August 2006). URL: http:/www.thlib.org/collections/texts/jiats/#jiats=/issue02/ (дата обращения: 03.05.2014). P. 1.

[94] Словарь был издан значительно позже. См. *Tharchin G.* The English-Tibetan-Hindi Pocket Dictionary. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 1965; *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 15.

[95] *dge 'dun chos 'phel*. dbu ma'i zab gnad snying por dril ba'i legs bshad klu sgrub dgongs rgyan // mkhas pa'i dbang bo dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom. pod bzhi ba. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 1–80; далее упоминается как «Украшение мысли Нагарджуны»; *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 17.

«Украшение мысли Нагарджуны» считают вершиной творчества Гедун Чопела. В этой работе Гедун Чопел представляет собственный срединный путь, «путь между мудростью и невежеством, уверенностью и сомнением, верой и скептицизмом, — срединный путь, который ставит под вопрос все, что нам известно»[96]. В 2006 г. вышло подробное исследование «Украшения мысли Нагарджуны» и перевод на английский язык Дональда Лопеса[97].

В этом сочинении Гедун Чопел критикует данную Цонгкапой интерпретацию философии Мадхъямики и, следовательно, основные положения школы Гелугпа. Гедун Чопел предупреждал Дава Зангпо о том, что после его смерти книга может привести к возникновению противоречий и, если так случится, главное, чтобы ученик был осторожен и не забыл основные положения, разъясненные ему учителем[98]. Дж. Хопкинс говорит, что по содержанию «Украшение мысли Нагарджуны» является столь резким и вызывающим, что на сегодняшний день ряд консервативно настроенных гелугпинцев (которые, с одной стороны, не отрицают славу Гедун Чопела как блестящего ученого, но с другой — не могут представить, чтобы разумный человек критиковал Цонгкапу) пытаются утверждать, что основополагающие идеи, содержащиеся в «Украшении мысли Нагарджуны» на самом деле принадлежали не Гедун Чопелу, а ньингмапинцу Дава Зангпо[99]. Современный тибетский ученый Дунгкар Лозанг Тинле, автор «Большого тибетологического словаря», дополнительно отмечает, что он не включил «Украшение мысли Нагарджуны» в список основных трудов Гедун Чопела, так как авторство этого сочинения вызывает множество вопросов[100].

По словам Дж. Хопкинса, работа была крайне серьезно воспринята современниками Гедун Чопела, появилось три ее опровержения, написанные Дземе Лозанг Пелденом (тиб. dze smad blo bzang dpal ldan), его ученым коллегой из колледжа Гоманг в Депунге — Ёнтен Гьяцо (тиб. yon tan rgya mtsho) и бывшим учителем Гедун Чопела — Шераб Гьяцо[101].

---

[96] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. xi.

[97] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. Reflections on Reality of the Tibetan Monk Gendun Chophel. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006.

[98] Ibid. P. 42.

[99] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 20.

[100] dge dbang dung dkar blo bzang 'phrin las mchog gis mdzad pa'i bod rig pa'i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal. sh. 606.

[101] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 20.

Помимо написания собственных трудов, Гедун Чопел, сотрудничая с другими учеными, занимался переводами различных текстов с санскрита и пали на тибетский язык и с тибетского на английский. В Индии Гедун Чопел осуществил перевод с санскрита на тибетский драмы Калидасы «Шакунтала»[102], нескольких глав «Бхавадгиты»[103], части «Рамаяны»[104], большого отрывка из Вед[105] и фрагментов из «Уданаварги»[106], а также перевел полный текст «Дхаммапады»[107] с пали на тибетский[108].

Гедун Чопел писал газетные статьи, занимался стихосложением как на тибетском языке, так и на английском, сочиняя на разные темы. Ему нравилась «игра слов», он превосходно владел искусством акростиха, сочетал различные стили и приемы и умело использовал числа в поэзии. Например, в «Трактате о страсти» можно встретить следующие строки: «Те, кто делится друг с другом особыми секретами, за кем неуместно третьему смотреть и кого неуместно пятому уху слышать, становятся лучшими из возлюбленных в мире»[109].

Д. Лопес считает, что в своих литературных произведениях Гедун Чопел, используя богатую лексику, элементы разговорного языка, непринужденные рассуждения и иронию даже по поводу самых обыкновенных вещей, развил особый высокоинтеллектуальный стиль. О собственной манере письма Гедун Чопел кратко говорит в начале главы о Шри-Ланке в своем путевом дневнике: «То, что я написал, однако, не является трактатом, эссе или текстом. Я описал разговор, который трудно вести, так как мой рот разделен

---

[102] «Шакунтала» — известная санскритская пьеса прославленного индийского поэта и драматурга Калидасы, представляет собой вольный пересказ одного из эпизодов «Махабхараты».

[103] «Бхавадгита» — священное индуистское писание, часть индийского эпоса «Махабхарата».

[104] «Рамаяна» — древнеиндийский эпос на санскрите, один из важнейших священных текстов индуизма, датируется IV в. до н. э.

[105] «Веды» — древнейшие священные индуистские писания на санскрите, составляют четыре сборника, включающие собрание гимнов, богослужебных формул и объяснений к различным особенностям ритуала.

[106] «Уданаварга» — собрание афористических изречений, приписываемых Будде Шакьямуни и его ученикам, сочинение составлено на санскрите и не входит в буддийский канон.

[107] «Дхаммапада» — знаменитый буддийский сборник высказываний этического характера, составленный на пали, входит в буддийский канон в качестве части Суттапитаки.

[108] *Хопкинс Дж*. Предисловие. С. 16.

[109] *dge ‘dun chos ‘phel*. ‘dod pa’i bstan bcos // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod lnga pa. sh. 33.

с вашими ушами многими йоджанами [йоджана — единица измерения расстояния, равная приблизительно 8 километрам — *Прим. авт.*]»[110]. Тем не менее, по выражению Д. Лопеса, произведения Гедун Чопела не содержат каких-либо непечатных выражений, а наоборот, искусно продуманы и свидетельствуют о высокой образованности[111].

В творчестве Гедун Чопела западные ученые отмечают ориентированность произведений на современную тематику и присутствие иностранного влияния, полученного во время его путешествий. Лорэн Хартли полагает, что «современная» манера сочинения, дополняемая ощущением особого местного колорита, могла быть развита Гедун Чопелом еще до того, как он достиг 19-летнего возраста и поступил в монастырь Ладанг[112].

Что касается тибетских литературных критиков, обычно они обращают внимание на «местную» специфику его поэзии и автохтонные источники вдохновения. Исследователи характеризуют работы Гедун Чопела как ясные для понимания, свободные от чрезмерной художественности и использования витиеватых синонимов, типичных для популярного стиля *кавья* и поэзии того времени[113]. Живой разговорный язык его произведений, со следами амдоского диалекта, имеет сильный «местный» акцент и необычное чувство юмора[114].

По словам Л. Хартли, некоторые ученые высказывают предположение, что «разговорный» стиль сочинений Гедун Чопела может быть следствием необычного образования, которое он получил в 15 лет в монастыре Дица в Амдо[115]. Уже освоив основы кавьи и демонстрируя блестящие способности в переводе даже самых сложных поэтических форм, он был вдохновлен своим учителем Кенчен Гедун Гьяцо (тиб. mkhan chen dge ‘dun rgya mtsho) на продолжение трудов. Гедун Чопел признавал это раннее влияние на его литера-

---

[110] Цит. по: *Lopez D. S. Jr.* The Madman’s Middle Way. P. 13.

[111] Ibid.

[112] *Hartley L. R.* Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century // Modern Tibetan Literature and Social Change / / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 5.

[113] *Кавья* — художественный стиль, которым пользовались индийские придворные поэты начиная с VII в. н. э., характеризуется обильным употреблением фигур речи, метафор, сравнений и гипербол.

[114] *Hartley L. R.* Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 6.

[115] Ibid.

турную мысль: «Мой учитель Кенчен имел отличный от других метод обучения стихосложению. Во время летних каникул или когда мы выходили на прогулку, он обыкновенно говорил: “Смотри, Гедун Чопел! Те слоны в небе устали нести воду. Они могут лишь медленно передвигаться по дороге богов”. Он не называл вещи своими обычными именами, такими как “вода”, “дерево”, “цветок” или “гора”. Он скорее обращался к действию, выполняемому предметом: “медленно передвигается”, “пьет ногами”, “растет из воды”, “держит землю”. Сначала это лишь забавляло меня и вызывало чувство неудобства. Но, размышляя об этом позже, я понял, что метод Кенчена — это абсолютная необходимость для преподавания изящной поэзии»[116]. Кенчен Гедун Гьяцо призывал своих учеников сочинять только тогда, когда они, тронутые какой-то сценой, чувствовали потребность в этом. Гедун Чопел в свою очередь пришел к выводу, что лучшие поэтические строки получаются, если «пишешь только то, что сказал бы без лишних слов»[117]. В конце концов, Гедун Чопел применил это наблюдение и по-новому взглянул на религиозную и общественную действительность, его мощным инструментом стала резкая ирония.

Гедун Чопел писал для большой аудитории тибетцев, зачастую то обвиняя их в узости кругозора, то превознося их, с тем, чтобы они всерьез отнеслись к тому, что он хотел донести до них. Пытаясь модернизировать способ мышления и укоренившиеся стереотипы тибетского общества, он критиковал все, что безоговорочно приспосабливало традиции, вследствие чего его поведение зачастую отличалось эксцентричностью и шокировало окружающих.

Л. Хартли выделяет три основных фактора, оказавших влияние на литературное творчество Гедун Чопела.

1. Восхищение Гедун Чопела «Шакунталой» Калидасы. Это сочинение он перевел и позднее рекомендовал своим ученикам в Лхасе в качестве образца. Один из его учеников вспоминает, как Гедун Чопел говорил ему и его другу: «Калидаса — автор “Шакунталы” не был буддистом, но был бóльшим экспертом, чем Дандин[118] …В сочинении не следует употреблять чрезмерное число синонимов. Основной смысл должен быть кратким, ясным и

[116] Ibid.

[117] Ibid.

[118] Дандин — знаменитый индийский поэт и теоретик поэзии VII в. н. э., его работам присущ изысканный поэтический стиль, включающий многочисленные метафоры, эпитеты, сравнения и т. п.

простым для понимания. Как говорят, лучшее сочинение понимают с первого прочтения»[119].

2. Английская литература и английские переводы иностранных авторов. К этим произведениям Гедун Чопел получил доступ в Индии. Он не только читал и работал с текстами на английском языке, но и самостоятельно сочинил на английском несколько поэм и эссе, которые публиковались «Обществом Махаводхи» с 1939 по 1941 г.[120] В то же время его сочинения на тибетском языке не обнаруживают прямых заимствований. Наоборот, Гедун Чопел самоуничижительно относился к своим способностям воспринимать английскую литературу. Рассуждая о том, что во всей полноте дух национальной поэзии можно ощутить только через разговорный язык, он признался, что сам не чувствовал английскую поэзию: «Я пытался почувствовать вкус поэзии на английском, но такое понимание, каким владеют они, так и не пришло ко мне. Более того, даже когда кто-нибудь объяснял мне, я никогда до конца не понимал их образа мышления. Я думал, что это возможно изменить, если написать что-нибудь на английском языке. Но, когда я закончил такое сочинение, результат получился странным. Поэтому, мне кажется, если ты не привык использовать язык с детства, сочинять на нем будет невозможно. Таким образом, играет роль, хорошо ты знаешь разговорный язык или нет»[121].

3. Возвращение поэта к первоначальным тибетским поэтическим формам — песням-*гурам*[122] VII и VIII вв., найденным в Дуньхуане и написанным еще до распространения стиля *кавья*, а также к песням более поздних авторов, включая Миларепу. Если знакомство Гедун Чопела с творчеством более поздних тибетских авторов вполне естественно, то древние тексты из Дуньхуана не были бы доступны ему, если бы не поездка в Индию. Влияние *гуров* наиболее очевидно

---

[119] Цит. по: *Hartley L. R*. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 8.

[120] Три его стихотворения («Манасаровар», «Ответ Миларепы» и «Ребконг»), написанные на английском языке и изначально опубликованные «Обществом Махаводхи» в 1941 г., были переизданы в журнале «Лунгта». См.: English Poems of Gendun Choephel // Lungta. 1995. № 9. Two Thousand Years & More of Tibetan Poetry. P. 12–13.

[121] Цит. по: *Hartley L. R*. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 9.

[122] Тиб. mgur — песни особого содержания: автор поэтических строк, достигший определенного проникновения в сущность вещей или интуитивного понимания, передает свой опыт словами и соединяет их с мелодией. The Illuminator Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary.

проявилось к концу жизни Гедун Чопела, например в трагичных строках, написанных во время его тюремного заключения.

Несмотря на то, что ко времени возвращения в Лхасу Гедун Чопел был твердо убежден в необходимости упрощения литературного языка, он не стремился полностью отказаться от стиля *кавья*. По мнению Л. Хартли, идея этого прогрессивного ученого о придании поэзии своеобразного «разговорного» характера скорее основывается на продолжении определенных традиций его тибетских литературных предшественников. В частности, Гедун Чопел особо почитал сравнительно недавний комментарий Мипама, который, как он считал, является «наиболее понятным, выразительным и самым полным толкованием «Зерцала поэзии» (трактата по основам поэтики Дандина)[123]. Каким бы специфическим ни был язык Гедун Чопела, в его стихотворениях не наблюдается полного отхода от литературных традиций, некоторый отрыв можно заметить лишь в содержании.

Говоря об особенностях сочинений Гедун Чопела, Д. Лопес высказывает мысль о том, что все творчество поэта пронизано духом одиночества. В Индии он бродит по земле, где ему всё незнакомо и все незнакомы, присматривается к тому, что не видели или не могут видеть другие. Гедун Чопел путешествует по большей части в одиночку, изредка со спутниками, неузнанный теми, кого он встречает, и забытый соотечественниками. Он наблюдает за тайными тантрическими ритуалами, давно забытыми в Индии, он смотрит в телескоп и микроскоп, он видит, что мир круглый. Он говорит о своем видении мира, но, кажется, никто не внемлет ему[124]. Л. Хартли, тем не менее, подчеркивает, что «хотя Гедун Чопел и был заключен в тюрьму тибетским правительством, вероятно, за его радикальные взгляды, он посмертно стал героем для многих тибетцев как в самом Тибетском автономном районе, так и среди тибетской иммигрантской общины»[125], в то время как, по словам Д. Лопеса, «в культуре, где поэзия считается высшей формой человеческого выражения, Гедун Чопела чтят как величайшего современного тибетского поэта»[126].

---

[123] *Hartley L. R*. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 10.

[124] *Lopez D. S. Jr*. The Madman's Middle Way. P. 38.

[125] *Hartley L. R*. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 4.

[126] *Lopez D. S. Jr*. In the Forest of Faded Wisdom. 104 Poems by Gendun Chopel. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2009. P. 1.

В 90-е гг. XX в. многие труды Гедун Чопела были переизданы к большой радости самих тибетцев, которые сейчас почитают ученого как автора, трагически недооцененного в свое время[127]. Трехтомное собрание сочинений Гедун Чопела, опубликованное в 1990 г. в Лхасе[128], уже в 1991 г. было переиздано в Дхарамсале. Третье (1994 г.) и четвертое издания (2000 г.) также были очень быстро распроданы в Лхасе. Большая часть его поэтических произведений находится в третьем томе, наряду с «Путеводителем по Индии» и «Белыми анналами»[129]. В 2006 г. вышло собрание сочинений в 5 томах (тиб. mkhas pa'i dbang bo dge 'dun chos 'phel gyi gsung rtsom). Список работ Гедун Чопела приведен в статье «Большого тибетологического словаря» Дунгкар Лозанг Тинле[130].

Труды Гедун Чопела лишь относительно недавно стали изучать за пределами КНР и Индии. Исследование его работ затрудняется тем, что не все заинтересованные западные ученые владеют тибетским языком, чтобы справиться с источниками на языке оригинала[131].

Небольшое количество сочинений Гедун Чопела было проанализировано и переведено на английский язык: «Белые анналы» (The White Annals (Deb-ther dkar-po) by Gedun Chos-'phel / Trans. from the Tibetan by Norboo Samten), «Трактат о страсти»[132], «Путевые заметки о паломничестве к некоторым святыням Индии» (*Huber T.* The Guide to India. The Tibetan Account by Amdo Gendun Chopel), «Украшение мысли Нагарджуны» (*Lopez D. S. Jr*. The Madman's Middle Way. Reflections on Reality of the Tibetan Monk Gendun Chophel), «Золотой песок. Истории странствий космополита» (*Jinpa Th*., *Lopez D. S. Jr*. Grains of Gold: Tales of a Cosmopolitan Traveler), 104 стихотворения (*Lopez D. S. Jr*. In the Forest of Faded Wisdom. 104 Poems by Gendun Chopel) и несколько статей.

---

[127] *Barret R., Monroe G., Pillsbury A*. Immersion Guides — Lhasa. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2007. P. 131.

[128] dge 'dun chos 'phel gyi gsung 'bum, ed. hor khang bsod nams dpal 'bar. Lhasa: bod ljongs bod yig dpe rnying dpe skrun khang, 1990.

[129] *Hartley L. R*. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century. P. 4.

[130] dge dbang dung dkar blo bzang 'phrin las mchog gis mdzad pa'i bod rig pa'i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal. sh. 606.

[131] *Mengele I.* dGe-'dun-chos-'phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 1.

[132] *Hopkins J.* Tibetan Arts of Love: Sex, Orgasm & Spiritual Healing. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1992.

Однако нельзя не заметить, что в последние годы внимание к работам и достижениям Гедун Чопела возросло, их высоко оценили как тибетские, так и западные ученые. Более того, Институт Амнье Мачен[133] в Дхарамсале с 1994 г. учредил «Премию Гедун Чопела», присуждаемую раз в три года тибетским писателям, которым, несмотря на преследования, лишения и тяжелые испытания, удается выстоять и сохранить преданность своему делу. Это и есть подлинное свидетельство признания ценности вклада Гедун Чопела в литературные традиции Тибета со стороны тибетской иммигрантской общины[134].

В Индии Гедун Чопел развивался и как художник, выходя далеко за пределы стиля традиционной тибетской танки, которому он обучился в Лхасе[135]. Подробнее ознакомиться с художественным творчеством Гедун Чопела можно в книге Дональда Лопеса «Гедун Чопел: первый современный тибетский художник»[136].

Тибетские художники, воодушевленные примером Гедун Чопела, создали в 2003 г. Союз художников имени Гедун Чопела. Члены союза предпринимали активные попытки найти независимое выставочное помещение, где художники могли бы творить. Первоначально в союз входили 12 художников, со временем их число возросло до 17 человек.

Галерея «Союза художников имени Гедун Чопела» остается единственной современной художественной галереей в Тибете, руководство которой осуществляют сами художники. Первоначально она располагалась в северо-восточной части Баркора (тиб. bar skor) и состояла из трех залов, позднее галерею перенесли на территорию Тибетского университета в Лхасе[137]. Сейчас в ней хранятся лучшие работы членов союза.

В 2003 г. в честь столетия со дня рождения Гедун Чопела были проведены мероприятия в Пекине и Нью-Йорке. На конференции, посвященной Гедун Чопелу, в Нью-Йорке в ноябре 2003 г. Клэр Харрис из университета Оксфорда познакомила участников со своим докладом под названием «Гедун Чопел как художник:

---

[133] Англ. The Amnye Machen Institute (AMI), тиб. a myes rma chen bod kyi rig gzhung zhib ‘jug khang.

[134] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 1.

[135] *Lopez D. S. Jr*. The Madman’s Middle Way. P. 12.

[136] *Lopez D. S. Jr*. Gendun Chopel: Tibet’s First Modern Artist. New York; Chicago: Trace Foundation and Serindia Publications, 2013.

[137] *Barret R., Monroe G., Pillsbury A*. Immersion Guides — Lhasa. P. 133.

первый тибетский модернист?» К. Харрис исследовала художественный стиль Гедун Чопела, уделяя особое внимание возможному влиянию, оказанному на него в Индии и Шри-Ланке, и рассказала о своей личной находке — изображении мандалы в храме в Калимпонге, которое, по ее мнению, было выполнено Гедун Чопелом[138].

На конференции также была представлена коллекция из 27 рисунков-иллюстраций, выполненных лично Гедун Чопелом. В Нью-Йорк коллекцию привезла Пема Джам (тиб. pad ma byams, жена Самтен Гьяцо[139]). Информации о том, как рисунки попали к Самтен Гьяцо, — нет, но известно, что он хранил их всю жизнь, а после смерти коллекция перешла к его жене Пема Джам. Женщина сообщает, что изначально в коллекции было около 50 рисунков, но часть была утеряна во время «культурной революции» в Китае. По ее словам, Гедун Чопел нумеровал все свои работы, в том числе рисунки из этой коллекции. Среди двадцати семи представленных работ самым большим по счету номером является 178, что дает основание предположить, что иллюстраций было не менее этого числа. На рисунках в основном изображены бытовые сцены, достопримечательности и флора Индии и Шри-Ланки[140].

История изучения жизни и творчества Гедун Чопела

О жизни и творчестве Гедун Чопела пишут и тибетские, и западные ученые. Немаловажно, что интерес к его личности с годами только возрастает.

На 1999 г. немецкая исследовательница И. Менгеле выделяет несколько наиболее важных публикаций о жизни ученого, в их числе — шесть биографий на тибетском языке, одна биография на французском языке, две статьи на тибетском языке, 12 статей на английском языке, два раздела в сборниках статей[141]. Ниже приведено краткое описание данных работ.

---

[138] Newly-Discovered Artwork by Gedun Choephel // Latse Library Newsletter. 2004. Vol. II. P. 10.

[139] Тиб. bsam gtan rgya mtsho, соученик Гедун Чопела по Ладангу.

[140] Newly-Discovered Artwork by Gedun Choephel. P. 11–13.

[141] *Mengele I.* dGe-'dun-chos-'phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 14.

Первая биография Гедун Чопела на тибетском языке под названием «Амдоский ученый Гедун Чопел» была написана Рика Лозанг Тендзином и опубликована в Варанаси в 1972 г.[142] Это весьма краткий обзор жизни Гедун Чопела, объем составляет не более 14 страниц. Сведения для составления сочинения были получены автором в Индии от друзей Гедун Чопела. В колофоне Рика Лозанг Тендзин отмечает, что он не был лично знаком с Гедун Чопелом. Главная особенность этой биографии состоит в попытке Рика Лозанг Тендзина показать контекст, в котором происходили основные события в жизни Гедун Чопела.

Вторая биография — это работа, написанная Шераб Гьяцо (учеником Гедун Чопела, также известным как Лачунг Апо) и опубликованная в Дхарамсале в 1973 г.[143] В 1999 г. вышел перевод биографии на английский язык, выполненный И. Менгеле (*Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar).

В 1946 г. Шераб Гьяцо познакомился с Гедун Чопелом в Лхасе и решил брать у него уроки поэзии и философии. По словам И. Менгеле, «отношения между учителем и учеником были настолько близкими и душевными, что они не могли жить друг без друга»[144]. Нельзя не принять во внимание и тот факт, что Шераб Гьяцо был единственным человеком, которому Гедун Чопел показал свои книги из «черной металлической коробки», привезенной им из Индии (подробнее о ней говорилось выше).

Шераб Гьяцо написал биографию в 1972 г., через 21 год после смерти Гедун Чопела по просьбе его ученика. И. Менгеле предупреждает, что Шераб Гьяцо писал исключительно по памяти и поэтому нужно учитывать имеющиеся в книге неточности, например не совсем верные даты и названия монастырей, где Гедун Чопел проходил обучение. Автор биографии также ничего не упомянул о политических убеждениях или какой-либо политической деятельности Гедун Чопела. Однако, несмотря на все недочеты, Шераб Гьяцо доступно описал достижения Гедун Чопела и его заслуги как преданного своему делу ученого, применившего все свои умения и способности на благо Тибета[145].

---

[142] *ri kha blo bzang bstan ‘dzin*. mdo smad mkhas pa dge ‘dun chos ‘phel // rgyun mkho’i chos srid shes bya gnas tshul. Varanasi: legs bshad gter mdzod khang, 1972. sh. 173–187.

[143] *shes rab rgya mtsho*. dge ‘dun chos ‘phel. 1973.

[144] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 17.

[145] Ibid. P. 18.

Автор третьей биографии — Тетонг Тубтен Чодар. Его работа является самой объемной историей жизни Гедун Чопела и насчитывает 264 страницы рукописного тибетского текста *учэн*. «История Гедун Чопела» была опубликована в 1980 г. Библиотекой тибетских работ сочинений и архивов в Дхарамсале[146]. Как и Шераб Гьяцо, Тетонг Тубтен Чодар был учеником Гедун Чопела после его возвращения в Лхасу. Гедун Чопел обучал Тетонг Тубтен Чодара поэзии в течение полутора лет. Первые 76 страниц биографии описывают монастырское образование Гедун Чопела в Тибете и его пребывание в Индии. А на последующих 188 страницах Тетонг Тубтен Чодар подробно излагает запомнившиеся ему детали последних лет пребывания Гедун Чопела в Лхасе[147].

В 1983 г. в Лхасе вышла в свет еще одна история жизни Гедун Чопела, написанная Хорканг Сонам Пелбаром в виде статьи «Ясное видение — биография лучшего из ученых Гедун Чопела» в журнале «Тибетологические исследования», объемом 27 страниц печатного тибетского текста[148]. Хорканг Сонам Пелбар и Гедун Чопел познакомились в Лхасе в 1945 г. В их первую встречу Хорканг Сонам Пелбар согласился помочь с изданием «Белых анналов». Статья Хорканг Сонам Пелбара имеет четкую структуру. Она тематически разделена на пять глав: о пребывании Гедун Чопела в Индии и на Шри-Ланке, о самом известном сочинении Гедун Чопела — «Белые анналы», о различных событиях, которые происходили во время тюремного заключения Гедун Чопела и в его последние годы жизни, а также о некоторых особенностях отдельных научных работ Гедун Чопела. Помимо этого, существует статья Хорканг Сонам Пелбара «Тибетский ученый Гедун Чопел» на английском языке (объем 12 страниц), опубликованная в английской версии журнала «Тибетологические исследования» в Лхасе в 1989 г.[149] Однако, на взгляд И. Менгеле, эта статья содержит коммунистическую лексику и имеет идеологический подтекст, а ее автор отрицательно отзывается о Гедун Чопеле из-за его пропаганды китайской партии Гоминьдан — все это ставит под со-

[146] *bkras mthong thub bstan chos dar*. dge ‘dun chos ‘phel gyi lo rgyus. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1980.

[147] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 14–15.

[148] *hor khang bsod nams dpal ‘bar*. mkhas mchog dge ‘dun chos ‘phel gyi rtogs pa brjod pa dag pa’i snang ba // bod ljongs zhib ‘jug. 1983. № 2. sh. 3–31.

[149] *hor khang bsod nams dpal ‘bar*. “The Tibetan Scholar dGe-‘dun-chos-‘phel” // Tibet Studies. 1989. № 1. P. 156–167.

мнение объективность сочинения и поднимает вопрос о цели его написания[150].

В том же 1983 г. Библиотекой тибетских трудов и архивов в Дхарамсале была опубликована работа Кирти-тулку, насчитывающая 341 страницу рукописного тибетского текста *учэн*[151]. Кирти-тулку не знал Гедун Чопела лично, и его работу нельзя назвать биографией в полном смысле этого слова. Это сборник из восьми интервью тибетцев о жизни Гедун Чопела, которые Кирти-тулку сначала записал на магнитную ленту, а затем уже изложил на бумаге. В числе опрашиваемых был и вышеупомянутый Тетонг Тубтен Чодар. Только на первых 56 страницах Кирти-тулку высказывает свое мнение о нескольких спорных моментах жизни Гедун Чопела[152].

По мнению И. Менгеле, на момент издания ее книги наиболее исчерпывающей из числа опубликованных являлась биография Х. Стоддард «Нищий из Амдо»[153], написанная на французском языке[154].

И. Менгеле убеждена, что биографии, созданные Хорканг Сонам Пелбаром и Тетонг Тубтен Чодаром, не менее значимы, чем биография Шераб Гьяцо, и должны быть также переведены на английский язык, а сопоставление всех биографий будет способствовать более детальному и точному анализу истории жизни Гедун Чопела[155].

Д. Лопес, как и И. Менгеле, называет самой полной биографией Гедун Чопела работу Х. Стоддард. Он также отмечает среди работ на английском языке труды К. Дондуба «Гедун Чопел: человек, стоящий за легендой»[156], самой И. Менгеле «Гедун Чопел: биография тибетского ученого XX века», Т. Хубера «Путеводитель по Индии: тибетский отчет Гедун Чопела» (в данном разделе название

---

[150] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 15.

[151] *kirti sprul sku*. mdo smad pa dge ‘dun chos ‘phel gyi skor ngag rgyun lo rgyus phyogs bsdoms: dge ‘dun chos ‘phel gyi rab byed. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1983.

[152] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 15.

[153] *Stoddard H.* Le Mendiant de l’Amdo. Paris: Société d’Ethnographie, 1985.

[154] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 16.

[155] Ibid.

[156] *Dhondup K.* Gedun Chophel: The Man Behind the Legend // Tibetan Review 21. № 10. October 1978. P. 10–18.

сочинения обозначено как «Путеводитель по Индии»), Дж. Хопкинса «Тибетское искусство любви: секс, оргазм и психотерапия» («Трактат о страсти») и Хорканг Сонам Пелбара «Тибетский ученый Гедун Чопел».

По поводу статьи Хорканг Сонам Пелбара, близкого друга Гедун Чопела, Д. Лопес сходится во мнении с И. Менгеле и полагает, что редакторы, вероятно, призвали автора описывать Гедун Чопела как «патриота, который поддерживал объединение государства и противостоял империалистской агрессии, направленной против Тибета»[157]. Д. Лопес отмечает, что после прочтения этой работы создается впечатление, что «Гедун Чопела безжалостно преследовали империалисты и реакционное тибетское правительство, и он умер в самом расцвете сил»[158]; более того, сообщается, что «Гедун Чопел считал не подлежащим сомнению историческим фактом то, что Тибет является неотъемлемой частью территории КНР, а воссоединение с Китаем он видел как неизбежное направление развития дальнейшей истории Тибета»[159].

Д. Лопес также упоминает использование посвященных Гедун Чопелу работ Дордже Гьела[160], Хорцанг Джигме[161] и Жора Тенпа Даргье[162] при составлении своего перевода «Украшения мысли Нагарджуны».

Автором еще одной биографии Гедун Чопела является Ангаг Цеpинг Таши. В 2009 г. вышло второе издание биографии (первое было выпущено в 2005 г.)[163].

Подводя итоги, необходимо отметить следующее: в XX в. в Тибете было немало блестящих ученых, однако Гедун Чопела можно назвать одним из «авангардистов» своего времени. Исследователи жизни и творчества Гедун Чопела создают перед нами образ искателя, смелого и решительного борца за просвещение и развитие

---

[157] *Lopez D. S. Jr.* The Madman's Middle Way. P. 4.

[158] Ibid.

[159] Ibid.

[160] *rdo rje rgyal*. dzam gling rig pa'i dpa' bo rdo brag dge 'dun chos 'phel gyi byung ba brjod pa bden gtam rna ba'i bcud len. kan su'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[161] *hor gtsang 'jigs med.* drang bden gyis bslus pa'i slong mo ba. Dharamsala: Youtse Publications, 1999.

[162] *zho ra bstan pa dar rgyas*. mkhas dbang dge 'dun chos 'phel mchog gi mdzad rjes rags bsdus // dge 'dun chos 'phel: mkhas dbang dge 'dun chos 'phel sku 'khrangs nas bgrang bya brgya 'khor bar rjes dran rtsom yig. Sidhpur: Norbulingka Institute, 2002.

[163] *a sngag tshe ring bkra shis*. dge 'dun chos 'phel. si khron dpe skrun tshogs pa dang si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009.

своей родины, человека, который пытался идти вперед, несмотря на сложности и неприятие своих устремлений соотечественниками. По словам И. Менгеле, Гедун Чопел был первым, кто не только получил традиционное тибетское образование, но также обладал достаточной смелостью, чтобы оставить монашеский сан, путешествовать за границей, выучить несколько иностранных языков и расширить свои познания, сотрудничая с другими учеными различных национальностей[164].

Не все обстоятельства жизни Гедун Чопела ясны до конца: среди ученых пока нет единого мнения относительно даты рождения и смерти, сроков заключения, состояния дел после освобождения и политических убеждений Гедун Чопела, но исследования продолжаются.

Гедун Чопел был прославленным ученым, писателем, поэтом, переводчиком и художником. В тибетской литературе он создал новый своеобразный стиль с использованием разговорной лексики и местных поэтических образов, а в изобразительном искусстве он стал родоначальником современного направления в тибетской живописи и рисунке.

Литературные труды Гедун Чопела получили признание на родине поэта. В последнее время наблюдается рост интереса к творчеству Гедун Чопела во всем мире.

Перевод некоторых работ Гедун Чопела на английский язык был выполнен Д. Лопесом («Украшение мысли Нагарджуны», «В чаще померкшей мудрости: 104 стихотворения Гедун Чопела»), Дж. Хопкинсом («Трактат о страсти»), Т. Хубером («Путеводитель по Индии»), Самтен Норбу («Белые анналы»). Л. Хартли посвятила статью подробному рассмотрению особенностей литературного творчества и поэтического стиля Гедун Чопела.

В настоящее время существует большое количество биографий и статей на тибетском языке, посвященных Гедун Чопелу. Эти работы были написаны как лично знакомыми с Гедун Чопелом людьми (в частности, Хорканг Сонам Пелбаром, Шераб Гьяцо и Тетонг Тубтен Чодаром), так и исследователями, не имеющими непосредственного отношения к его жизни (Кирти-тулку, Рика Лозанг Тендзином и другими). Жизнеописания, выполненные тибетскими учеными, активно используются и переводятся западными исследователями жизни и творчества Гедун Чопела (в качестве

[164] *Mengele I.* dGe-‘dun-chos-‘phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. P. 1.

примера можно привести перевод И. Менгеле на английский язык биографии, написанной Шераб Гьяцо).

Исследований под началом западных ученых существенно меньше, они представлены преимущественно в виде статей или небольших жизнеописаний (составленных на основе сведений из биографий тибетских авторов) в предисловии к переводу трудов Гедун Чопела на английский язык. Так обстоит дело с переводами, выполненными Дж. Хопкинсом, Т. Хубером и Д. Лопесом. Вероятно, единственной биографией Гедун Чопела, написанной нетибетским ученым и представляющей самостоятельное исследование, является труд Х. Стоддард «Нищий из Амдо» на французском языке. Западные исследователи И. Менгеле и Д. Лопес выделяют эту работу среди других биографий как наиболее подробную.

Значение газеты «Юлчог сосой саргьюр мелонг» (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке

«Юлчог сосой саргьюр мелонг» (тиб. yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long, букв. «Зеркало новостей из разных стран») — одно из первых периодических изданий на тибетском языке. Газета выходила на протяжении 38 лет в Калимпонге под редакцией известного тибетского религиозного и общественного деятеля Дордже Тарчина. Будучи богатым источником для изучения политической, экономической и культурной истории Тибета, Китая и Индии в 1925–1963 гг., она также содержит первые образцы тибетской публицистики, которые внесли существенный вклад в формирование общественно-политической, экономической и научной терминологии на современном тибетском языке.

Периодизация истории тибетского языка

Оценку роли газеты «Юлчог сосой саргьюр мелонг» в формировании современного литературного тибетского языка представляется целесообразным начать с краткой характеристики основных этапов истории письменного тибетского языка.

В VII в. н. э. тибетское государство вышло на мировую арену и за несколько десятилетий стало одним из самых могущественных на тот момент в Центральной Азии[1]. В роли основателя тибетского государства, завершившего объединение разрозненных тибетских племен и реформировавшего основные государственные институты, выступил Сонгцен Гампо (тиб. srong btsan sgam po, около 609–649 гг.).

[1] *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 19.

Функционирование органов государственной власти было связано с делопроизводством, что в свою очередь неизбежно требовало создания тибетского письма.

Согласно легендам, еще в начале своего правления Сонгцен Гампо отправил группу молодых людей на север Индии для изучения грамоты. Одним из них был Тонми Самбхота, который, как принято считать, по возвращении изобрел тибетское письмо и стал автором первой грамматики тибетского языка. Мнения ученых относительно индийского прототипа тибетской письменности расходятся. Отечественный исследователь тибетского языка Ю. М. Парфионович, например, утверждает, что тибетский алфавит был выработан на основе одной из наиболее распространенных разновидностей древнеиндийского письма — брахми[2].

Существуют разные варианты периодизации письменного тибетского языка. Французский тибетолог, автор «Руководства по стандартному тибетскому языку», Н. Турнадр выделяет следующие периоды:

1) VII–XI вв. — древнетибетский язык;

2) XII–XIX вв. — классический тибетский язык;

3) XX в. — современный тибетский язык[3].

По мнению Ю. М. Парфионовича, письменный тибетский язык формировался в течение второй половины VII в. и всего VIII в.[4]

Говоря о периодизации, необходимо учитывать, что письменный тибетский язык развивался в тесной связи с буддизмом, также заимствованном из Индии и объявленным государственной религией в Тибете в 781 г.[5]

Согласно периодизации выдающегося советского тибетолога Ю. Н. Рериха, можно выделить такие этапы, как:

1) древний период (VI–VII вв. н. э.) — язык феодальных ставок (появление тибетской письменности в начале VII в., формирование языка на основе языка феодальных ставок, устного литературного языка и языка древней элиты);

2) имперский период (VII–IX вв.) — дальнейшее развитие письменного тибетского языка:

---

[2] *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10–11.

[3] *Tournadre N., Dorje S.* Manual of Standard Tibetan. Language and Civilization. Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 2003. P. 27.

[4] *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. С. 11.

[5] *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. С. 36.

2.1) язык погодных хроник, открытых в начале XX в. в пещерах Дуньхуана (провинция Ганьсу), и надписей на каменных обелисках,

2.2) язык древних переводов с санскрита, впервые кодифицированный при тибетском царе Тицуг Децене / Ти Релпачене (тиб. khri gtsug lde btsan / khri ral pa can, 815–841 гг.);

3) период создания научно-философского языка (X–XIII вв. — начало XIV в.) — период второй волны распространения буддизма в Тибете (XI–XII вв.), приглашение индийских проповедников в Тибет, деятельность тибетских переводчиков, замена заимствованных из санскрита слов тибетскими переводами;

4) окончательное формирование языка философских трактатов (конец XIV в. — начало XVII в.) — на этом этапе произошло становление классического тибетского языка[6].

Однако уже с середины XIX в., под влиянием эпистолярного стиля и разговорной речи, классический литературный тибетский язык начинает воспринимать отдельные элементы разговорного языка, в некоторой мере приближаясь к нему, в то время как после 1951 г., когда Тибет фактически перешел под управление Китайской Народной Республики (КНР), процесс реформирования классического тибетского языка приобрел организованный и целенаправленный характер[7].

После установления власти КНР в Тибете появилась необходимость введения в оборот новой лексики, с помощью которой можно было бы знакомить тибетцев с последними достижениями науки и техники, описывать изменения, происходящие в политической, административной и социально-экономической жизни современного общества. Кроме того, возникла потребность в издании массовой литературы, призванной воздействовать на различные слои населения. Все это обусловило актуальность реформирования письменного тибетского языка в направлении сближения его с разговорным, с тем чтобы он понятен любому, в том числе и малообразованному читателю[8].

По словам тибетского историка и специалиста по тибетской литературе Церинг Шакьи (тиб. tshe ring shAkya), «с самого момента ввода Народно-освободительной армии Китая в Тибет язык стал ключевым вопросом в битве между китайцами и тибетцами. С самого

[6] *Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 9–11.

[7] *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. С. 13–14.

[8] Подробнее см. раздел настоящей книги «Политика модернизации тибетского литературного языка как одна из предпосылок возникновения современной тибетской литературы», с. 122–133.

начала китайские власти стали рассматривать язык как средство для мобилизации народных масс и распространения своего послания»[9].

Первые обсуждения реформы тибетского языка состоялись в 1953 г. в Пекине в связи с предстоящим переводом на тибетский язык конституции КНР, принятой 20 сентября 1954 г. Китайские тибетологи, высокообразованные ламы, коллективы редакторов и переводчиков, сосредоточенных в нескольких издательствах, централизованно занялись выработкой новой терминологии, а также некоторых общих правил синтаксиса[10]. Было решено приблизить письменный язык к разговорному, сохраняя при этом основные синтаксические нормы классического тибетского языка. Таким образом, 1953 г. можно считать официальным началом формирования нового письменного тибетского языка.

Однако Ю. М. Парфионович считает, что попытки сближения письменного тибетского языка с разговорным были предприняты еще в начале XX в. Дордже Тарчином, основателем и главным редактором тибетской газеты «Юлчог сосой саргьюр мелонг»[11], которая выходила с 1925 по 1963 г. в Калимпонге, штат Западная Бенгалия[12]. Более того, помимо газеты, в Калимпонге и Дарджилинге существовали школы для тибетцев, где использовались учебники и хрестоматии, написанные на языке, приближенном к разговорному тибетскому.

Тибетский писатель Джамъянг Норбу (тиб. ‘jam dbyangs nor bu) также убежден, что модернизация тибетского языка происходила не только под влиянием китайской стороны. По его мнению, этот процесс начался гораздо раньше. В своей статье под названием «Новояз и новый Тибет. Миф о модернизации Тибета и тибетского языка Китаем» Джамъянг Норбу оспаривает заявления американского тибетолога М. Голдстейна о «революции» в тибетском языке, вызванной масштабными переменами в политической жизни Тибета после 1951 г., и также приводит контраргументы против утверждений китайской исследовательницы Хань Суинь о том, что до 1959 г.

---

[9] *Tsering W.* Shakya. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950: Ph D. Thesis, School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London, 2004. P. 2.

[10] *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. С. 15.

[11] Поскольку Тарчин обычно использовал в качестве сокращенного английского названия газеты «Зеркало Тибета» (англ. The Tibet Mirror), в дальнейшем в данной главе также будет употребляться это краткое название. См.: *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin.Vol. II. Kalimpong: The Tibet Mirror Press, 2004. P. 260.

[12] *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. С. 14.

тибетский был исключительно религиозным языком и в нем отсутствовали слова для обозначения таких понятий, как, например, «атом», «динамо», «самолет», «грузовик»[13].

Джамъянг Норбу уверен, что создание лексики современного тибетского языка было «эволюционным и органическим процессом», происходившим стихийно, по крайней мере, за полвека до фактического установления власти КНР в Тибете[14]. В своей статье он приводит большое количество примеров, свидетельствующих о том, что многие слова и термины действительно появились в Тибете за несколько десятилетий до начала плановых действий властей КНР по модернизации тибетского языка.

Так, первое письменно зафиксированное использование современного технического термина на тибетском языке Джамъянг Норбу относит ко времени пребывания Далай-ламы XIII в Индии в 1910 г., в частности, ко времени посещениz им Калькутты. Там, по воспоминаниям Чарльза Белла (Charles Bell), британского советника по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете, Далай-лама с удовольствием пользовался возможностями телефонной связи, и таким образом сам Ч. Белл узнал тибетское слово kha par ‘телефон’.

По всей вероятности, в то же время в тибетской среде в Индии вошли в употребление такие слова, как gcan gzan khang ‘зоопарк’, ri li ‘поезд’ (от англ. rail), lcags lam ‘железная дорога’, mo ta ‘автомобиль’. Некоторые из них были прямыми заимствованиями из английского языка, в то время как другие брали свое начало из хиндустани[15]. В качестве примера заимствований из хиндустани Джамъянг Норбу приводит тибетские слова sga ri или sga ril (от хинд. gaari), которые тибетцы также используют для обозначения ‘автомобиля’, и rkang sga ri или rkang sga ril и rkang ga ril ‘велосипед’ (от тиб. rkang pa ‘нога’).

Джамъянг Норбу полагает, что даже если довольно непродолжительное пребывание Далай-ламы XIII в Индии не положило начало модернизации языка, этот период, тем не менее, можно назвать «каталитическим» в процессе создания новых тибетских слов[16].

---

[13] *Jamyang Norbu*. Newspeak & New Tibet: Part I. [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Newspeak-New-Tibet-Part-I (дата обращения: 25.05.2014).

[14] Ibid.

[15] Общее название для языка-предка современных языков хинди и урду, которое использовали до раздела Британской Индии в 1947 г.

[16] *Jamyang Norbu*. Newspeak & New Tibet: Part I. [Электронный ресурс].

Необходимо также отметить, что термин ‘телефон’ мог появиться в тибетском языке еще раньше, когда Далай-лама XIII совершал поездку в Пекин в 1908 г. и, вполне вероятно, имел возможность познакомиться с телефоном там.

Говоря о модернизации тибетского общества и языка, нельзя не упомянуть военную экспедицию полковника Ф. Янгхазбанда (1903–1904) и последующее установление тибетско-британских отношений и оживленного торгового обмена, что, безусловно, оказало существенное влияние на развитие Тибета. Эти взаимоотношения способствовали знакомству тибетцев с новыми технологиями, идеями и понятиями. Например, по словам Джамъянг Норбу, во время визита Панчен-ламы IX Тубтен Чокьи Ньимы (тиб. thub bstan chos kyi nyi ma) в Индию в 1905 г. он и вся его свита были чрезвычайно поражены системой электрического освещения улиц Калькутты, куда они прибыли, и эти технические новшества несомненно не могли не найти своего отражения в тибетском языке[17]. Этот факт, в свою очередь, подтверждает, что многие новые термины в тибетском языке могли войти в употребление раньше, чем заявляют вышеупомянутые оппоненты Джамъянг Норбу.

Другим интересным примером образования нового слова служит слово hayang ‘алюминий’ или ‘изделия из алюминия’ (от тиб. ha cang yang po ‘очень легкий’). Этот термин был введен в 1910 или 1911 г., и тибетцы считают его своим собственным изобретением[18].

В связи с развивающимся тибетско-британским сотрудничеством в тибетском языке появились и прочие заимствования из английского языка или хиндустани, например, Tar ‘телеграф’ (от хинд. taar) или sgrag ‘почта’ (от хинд. dak), ku tu ma ni ‘рукопожатие’ (от англ. good morning), o to mo to ‘автоматический’ (от англ. automatic), mi sing ‘машина’ (от англ. machine) и т. д.

Когда в 20–30-е гг. XX в. в Тибете стали появляться многие другие иностранные товары и продукты, все они, естественно, требовали каких-то названий. Например, ‘керосин’ получил наименование sa snum, ‘цемент’ — ‘bi lA sa (от хинд. bilayati ‘иностранный’ и тиб. sa ‘земля’), tsha dam ‘термос’, tshem ‘khor ‘швейная машина’, kha si spog ‘духи’, skam snyug ‘шариковая ручка’, ping khab ‘булавка’, tsher ‘молния’, shig ral ‘сигареты’, ‘gyig dam ‘пластиковая бутылка’[19].

---

[17] Ibid.

[18] Ibid.

[19] *Jamyang Norbu*. Newspeak & New Tibet: Part II. [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Newspeak-New-Tibet-Part-II (дата обращения: 25.05.2014).

Более того, Джамъянг Норбу также сообщает о том, что употребление подобной новой лексики в тибетском языке не было присуще лишь аристократии и жителям Лхасы, а постепенно входило в повседневный оборот и среди простого населения, проживающего в таких отдаленных от столицы районах, как Нгари, Кам и Амдо, чему способствовала торговля и передвижение торговых караванов[20].

Помимо этого, по словам Джамъянг Норбу, большое количество политических терминов, которые до сих пор используются тибетцами, вероятно, впервые были употреблены именно в «Юлчог сосой саргьюр мелонг»[21]. Например, rang dbang ‘свобода’, rang btsan ‘независимость’, mi ser rgyal khab ‘республика’, phyogs bsgril spangs pa ‘нейтралитет’, chab srid ‘политика’, chab ‘bangs и mi ser ‘гражданин’, ‘os ‘голосовать’, ‘os shog ‘избирательный бюллетень’, ‘os bsdu ‘выборы’, srid blon ‘премьер-министр’, srid ‘dzin spyi khyab — позднее srid ‘dzin — ‘президент’, spyi rgyal las khungs ‘бюро иностранных дел’, lta ba ‘идеология’. Безусловно, нельзя приписывать «Зеркалу Тибета» создание всей политической лексики, однако вполне можно допустить, что некоторые из данных терминов впервые появились именно в этой газете[22].

Все эти примеры и аргументы подкрепляют точку зрения автора статьи «Новояз и новый Тибет. Миф о модернизации Тибета и тибетского языка Китаем» и подтверждают то, что существенный пласт новой терминологии действительно появился в Тибете задолго до и независимо от китайской программы модернизации тибетского языка, осуществленной во второй половине XX в., а значительный вклад в развитие современной тибетской технической и политической терминологии был внесен благодаря тибетско-индийским, а следовательно, в условиях того времени, тибетско-британским контактам.

Жанровый состав классической тибетской словесности и система функциональных стилей классического тибетского языка

«Юлчог сосой саргьюр мелонг» не только способствовала модернизации тибетского языка, но и неизбежно оказала большое влияние на тибетскую письменную словесность и образ мышления тибетцев.

[20] Ibid.

[21] *Jamyang Norbu*. Newspeak & New Tibet: Part III. [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Newspeak-New-Tibet-Part-III (дата обращения: 25.05.2014).

[22] Ibid.

Отношение тибетцев к образованию и знаниям традиционно было почтительным: история письменного текста в Тибете тесно связана с распространением буддизма, вследствие чего искусство сочинительства ассоциировалось с религией и вызывало глубокое уважение, поэтому само создание газеты разрушало исторически сложившиеся представления о тексте. При этом в начале XX в. некоторые тибетцы начали воспринимать распространение информации и знаний как способ просвещения и модернизации общества[23], а «Зеркало Тибета» стало новым средством культурного воздействия и формирования национального самосознания.

Анализируя влияние «Юлчог сосой саргьюр мелонг» на тибетскую письменную словесность, необходимо рассмотреть состав произведений на классическом тибетском языке. Поскольку теория функциональных стилей и речевых жанров классического тибетского языка не разработана, следует обратиться к имеющимся современным исследованиям, посвященным типологии тибетских литературных жанров.

По мнению авторов предисловия к коллективной монографии «Тибетская литература: исследование жанров» Р. Джексона и Х. Кабезона, для истории тибетской литературы характерно несколько тенденций. Во-первых, как литература любого другого народа, имеющего письменность, тибетская литература характеризуется возрастающим преобладанием письменных форм над устными[24]. Как только в Тибете была введена письменность, количество письменных памятников стало увеличиваться от поколения к поколению. Однако письменной словесности предшествовала развитая устная традиция, которая включала в себя не только эпическую поэзию, народные песни и легенды, но и материалы из таких областей, как право и политика, поэтому даже после появления письма устное творчество продолжало оставаться важной составляющей тибетской культуры. Возможной причиной этого является то, что, с одной стороны, грамотность в Тибете никогда не была всеобщей, неграмотные люди продолжали зависеть от устных форм передачи информации; с другой стороны, буддийские традиции, которые стали чрезвычайно важны на более поздних этапах развития тибетского общества, часто передавались изустно даже в кругу тибетской монастырской

[23] *Shital Pradhan*. The Tibet Mirror: The first Tibetan newspaper, now only a memory [Электронный ресурс] // Proud to be a Sikkimese. URL: http://sikhim.blogspot.com/2007/06/tibet-mirror-first-tibetan-newspaper.html (дата обращения: 25.05.2014).

[24] *Cabezón J. I., Jackson R. R*. Editors' Introduction // Tibetan Literature: Studies in Genre. Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 1996. P. 14.

элиты, представители которой были убеждены, что самое ценное религиозное знание передается не через тексты, а устно от учителя ученику.

Следовательно, при анализе тибетской словесности нужно учитывать тот факт, что начиная с VII в. письменные произведения все более и более доминировали над устными, однако традиции, существующие вне рамок письменности и поэтому иногда ускользающие от внимания исследователей, тем не менее, оказывали свое влияние на тибетскую письменную словесность.

Во-вторых, Х. Кабезон и Р. Джексон отмечают возрастающую «индианизацию» тибетской словесности, которая сопровождала распространение буддизма в Тибете[25]. Начиная с VII в. господствующее влияние индийской литературы выразилось в переводе тысяч индийских сочинений на тибетский язык, а также в возникновении новых письменных жанров и новых подходов к уже существующим тибетским жанрам во время второй волны распространения буддизма в Тибете в XII в. Немаловажно, что индийское влияние еще более упрочилось и сохранило свои позиции даже после того, как буддизм прекратил свое существование в Индии в XIII в.

В-третьих, тибетская словесность характеризуется непрерывным ростом влияния религии — в первую очередь, буддизма. Исследователи считают, что это, несомненно, связано с тем, что буддийские монастыри в Тибете уже в XII в. стали мощными политическими и экономическими центрами и неуклонно сохраняли свое влияние до 1959 г., тогда как образованная элита — основной источник письменных текстов в любом традиционном обществе, в Тибете была преимущественно религиозной, вследствие чего произведения ее представителей повествовали прежде всего о том, что могло интересовать монахов, т. е. о буддийской религии[26]. Ввиду этого даже в тех тибетских литературных формах, которые не связаны с религией напрямую, обнаруживается заметное влияние буддизма. В то же время буддисты не ограничивались написанием религиозных сочинений, и среди переведенных с санскрита классических индийских трудов были многочисленные трактаты по светским наукам.

Обобщая все перечисленное выше, можно сказать, что для корпуса текстов на классическом тибетском языке характерно возрастающее доминирование письменных форм над устными, индийских

[25] Ibid. P. 14.

[26] Ibid. P. 15.

моделей над местными, религиозных интересов над светскими, в то же время центральное направление развития никогда не исключало наличия устной словесности, исконных тибетских традиций и светских направлений, которые нашли свое отражение в текстах.

Что касается жанровой организации классической тибетской словесности, т. е. всей совокупности рукописных и ксилографических текстов на классическом тибетском языке, существовавших в Тибете на момент создания Дордже Тарчином газеты «Юлчог сосой саргьюр мелонг», то, поскольку тибетского термина, соответствующего современным научным понятиям «речевой жанр» или «литературный жанр», не существует[27], в качестве основы для характеристики существовавших в классическом тибетском языке функциональных стилей литературного языка и речевых жанров в данной главе использована классификация, разработанная авторами вышеупомянутой монографии по тибетской литературе. В своей классификации Х. Кабезон и Р. Джексон избегают разделения тибетской словесности на религиозную и светскую в силу того, что тибетские сочинения часто включают в себя как те, так и другие составляющие, что затрудняет определение произведения как исключительно светского или, наоборот, религиозного[28]:

1) исторические и агиографические/биографические сочинения:
   1.1) хроники (тиб. rgyal rabs),
   1.2) истории религии (тиб. chos ‘byung),
   1.3) жизнеописания (тиб. rnam thar),
   1.4) автобиографии и мемуары (тиб. rang gi rnam thar),
   1.5) письма (тиб. yi ge, bka’ yig),
   1.6) «записи прослушанного» — списки прослушанных учений (тиб. gsan yig),
   1.7) списки религиозных линий преемственности (тиб. bla ma’i rgyud);
2) канонические и псевдоканонические тексты:
   2.1) канон Ньингма (тиб. rnying ma rgyud ‘bum),
   2.2) канон новых школ:
      2.2.1) *Кагьюр* (тиб. bka’ ‘gyur),
      2.2.2) *Тенгьюр* (тиб. bstan ‘gyur);
   2.3) бонский канон,
   2.4) «книги из кладов» (тиб. gter ma);
3) философская литература:

[27] Ibid. P. 20–21.
[28] Ibid. P. 30–31.

3.1) тибетские комментарии на индийские канонические тексты (тиб. ‘grel pa),

3.2) доксография (описания философских школ, тиб. grub mtha’),

3.3) собрания философских тем (тиб. bsdus grwa),

3.4) руководства по ведению диспутов (тиб. yig cha),

3.5) полемическая литература (тиб. dgag len),

3.6) трактаты на различные темы: Абхидхарма, логика и эпистемология, Мадхъямака, Праджняпарамита и т. д.;

4) литература о путях:

4.1) ступени учения (тиб. bstan rim),

4.2) ступени пути (тиб. lam rim),

4.3) «тренировка сознания» (тиб. blo sbyong),

4.4) обеты (тиб. sdom gsum),

4.5) сочинения об уровнях бодхисаттвы и путях их достижения (тиб. sa lam),

4.6) устные наставления (тиб. gdams ngag),

4.7) сочинения по различным практикам: Дзогчен (тиб. rdzogs chen), Махамудра (санскр. Mahāmudrā), Ламде (тиб. lam ‘bras), практика различных тантрических божеств;

5) ритуальная литература:

5.1) освящение (тиб. rab gnas),

5.2) ритуалы подношений (тиб. mchod pa),

5.3) садханы (тиб. grub thabs),

5.4) молитвы о долгой жизни (тиб. zhabs brtan),

5.5) посвящения (тиб. dbang bskur),

5.6) ритуалы поста (тиб. smyung gnas),

5.7) ритуалы огненных подношений (тиб. sbyin sreg),

5.8) похоронные ритуалы,

5.9) создание мандал;

6) литературные искусства:

6.1) эпос (тиб. sgrung),

6.2) народные песни/поэзия (тиб. glu),

6.3) поэзия:

6.3.1) религиозная поэзия (тиб. nyams mgur),

6.3.2) изящная поэзия (тиб. snyan ngag),

6.3.3) гимны (тиб. bstod tshogs);

6.4) роман,

6.5) трактаты по поэтике и композиции (тиб. tsom rigs);

7) нелитературные искусства и науки:

7.1) грамматика,

7.2) законодательство,
7.3) медицина и фармакология,
7.4) астрономия/астрология,
7.5) математика/иконометрия,
7.6) география/космология,
7.7) рисование, скульптура, архитектура,
7.8) драма,
7.9) музыка;
8) руководства и справочники:
8.1) путеводители (тиб. lam yig),
8.2) каталоги (тиб. dkar chag),
8.3) словари (тиб. tshig mdzod),
8.4) энциклопедии.

Из представленной типологии жанров очевидным образом следует, что как переводные, так и оригинальные тексты на классическом тибетском языке носили преимущественно религиозный (в первую очередь буддийский) характер[29].

Рассмотрим соотношение приведенной классификации жанров классической тибетской словесности с системой функциональных стилей, т. е. разновидностей литературного языка, в которых язык выступает в тех или иных социально значимых сферах общественно-речевой практики людей[30]. Черты имеющихся разновидностей литературного языка обусловлены особенностями общения в данных сферах.

Состав функциональных стилей меняется с развитием самого литературного языка. Так, в современных литературных языках обычно выделяют обиходно-литературный, газетно-публицистический, производственно-технический, официально-деловой и научный функциональные стили. Церковно-религиозный функциональный стиль также существует в современных литературных языках, однако он находится на периферии их стилистической системы. В то же время в литературных языках, обслуживавших древние и средневековые культуры, церковно-религиозный функциональный стиль был доминирующим в письменной словесности (так, в приведенной классификации к нему можно отнести пункты 1–5), в которой, помимо этого, был представлен обиходно-литературный (п. 6), а также в какой-то степени официально-деловой и научный стили (п. 7–8).

[29] *Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. С. 11.

[30] Функциональный стиль [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: http://tapemark.narod.ru/les/567a.html (дата обращения: 25.05.2014).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в произведениях классической тибетской словесности не был представлен публицистический функциональный стиль литературного языка, и, так как до начала XX в. газет на тибетском языке не существовало (новости передавались только изустно или в письмах), «Юлчог сосой саргьюр мелонг» содержит первые образцы публицистических материалов на тибетском языке, подготовленных к изданию редактором-тибетцем.

Публицистический стиль (или газетно-публицистический, газетно-политический, газетно-журнальный) обслуживает широкую область общественных отношений. Его тематический диапазон охватывает политику, идеологию, философию, экономику, культуру, спорт, повседневный быт и любые текущие события. Главной задачей публицистического стиля является сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий[31].

Функциональный стиль имеет свои особенности в употреблении лексики, фразеологии, словообразовании, морфологии и синтаксисе, в использовании эмоционально-оценочных и экспрессивно-образных средств, существенную роль играет взаимодействие противопоставленных по своим признакам книжно-письменных и устно-разговорных языковых средств[32]. Следовательно, материалы «Зеркала Тибета» могут служить не только свидетельством зарождения нового функционального стиля в тибетском литературном языке, но также позволяют проследить развитие тибетского языка и соответствующие изменения, происходившие на различных уровнях языковой системы под влиянием социально-исторических факторов и характерных особенностей публицистического стиля.

Первые газеты на тибетском языке — предшественники «Юлчог сосой саргьюр мелонг»

Изучение процесса модернизации тибетского языка и литературы не представляется возможным без упоминания первых газет на тибетском языке — предшественников и современников «Юлчог сосой саргьюр мелонг».

---

[31] Публицистический стиль [Электронный ресурс] // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: http://stylistics.academic.ru/127/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C#sel= (дата обращения: 25.05.2014).

[32] Функциональный стиль [Электронный ресурс].

Несмотря на стратегически важное расположение тибетского государства в зоне соприкосновения Центральной, Южной и Восточной Азии и вынужденные контакты с соседями, Тибету вплоть до начала XX в. удавалось оставаться практически в полной изоляции от окружающего мира. Данное обстоятельство обусловило одну из специфических особенностей тибетской культуры, а именно ее изолированное развитие. Однако довольно продолжительный период устойчивого и последовательного развития тибетской культурной традиции, в особенности классической буддийской учености, которая развивалась в Тибете с VIII в. под влиянием буддизма и индийской литературы, не мог длиться вечно в связи с наступательной колониальной политикой стран Запада[33]. Ранее других под британское влияние попало тибетское население, проживавшее у подножия Гималаев.

На протяжении веков христианские миссионеры стремились проникнуть вглубь самого Тибета, и, хотя мало кому это удавалось, миссионеры были первыми, кто, используя современные методы печати, начал издание текстов на тибетском языке. По словам Церинг Шакьи, несмотря на то, что попытки массового обращения в христианство тибетцев были безуспешны, моравские миссионеры, вероятно, были «самыми изобретательными в своих стараниях повлиять на культурное развитие региона»[34] и именно они положили начало первым газетам на тибетском языке.

Первая газета на тибетском языке появилась в 1904 г. в Лехе (административный центр Ладакха, ныне штат Джамму и Кашмир). Это было ежемесячное издание под названием «Ладагкьи Акбар» (тиб. la dwags kyi akhbar, «Новости Ладакха»), которое выходило с 1904 по 1908 г. под редакцией Августа Германа Франке (August Hermann Francke, 1870–1930) — моравского миссионера, преследовавшего в своей деятельности как просветительские, так и религиозные цели. «Новости Ладакха» содержали одни из первых образцов светской литературы на тибетском языке. Издавая газету, А. Франке стремился привить читателям отношение к процессу чтения как к способу получения информации, а не накопления религиозных заслуг, как это традиционно воспринималось тибетцами.

Первый выпуск «Новостей Ладакха» был отпечатан в 150 экземплярах, однако вскоре тираж был снижен до более реалистичных

[33] *Tsering Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 11.
[34] Ibid. P. 12.

60 экземпляров, 20 из которых отправляли в Дарджилинг[35]. В 1906 г. газета имела около 100 подписчиков[36].

В своих статьях А. Франке использовал лексику разговорного тибетского языка, опираясь при этом на традиционную тибетскую грамматику и орфографию. Текст в газете набирали скорописью *умэ* (тиб. dbu med), в отличие от «уставного» письма *учэн* (тиб. dbu can), употребляемого в буддийской литературе[37]. Обычно номер газеты состоял из четырех страниц и включал три рубрики: международные и местные новости, местный ладакхский текст фольклорного или исторического содержания и статьи на христианские темы. А. Франке отмечал, что иногда читатели испытывали трудности в понимании опубликованных новостей. Так, например, в 1904 г. в «Новостях Ладакха» широко освещалось вторжение британских войск в Тибет, однако, по словам А. Франке, читатели ставили под вопрос достоверность сведений, не веря тому, что тибетские солдаты, снабженные защитными амулетами, могли оказаться уязвимыми перед британскими пулями[38].

В 1906 г. А. Франке переехал в Кьеланг (ныне — штат Химачал-Прадеш) и передал газету своим коллегам-миссионерам, которые переименовали ее в «Ладаг пхонья» (тиб. la dwags pho nya, «Вестник Ладакха»), но уже через год газета прекратила свое существование[39].

Упоминая газеты миссионеров, нельзя оставить без внимания и периодические издания, возобновленные в 1927 г. Уолтером Эсбоу (Walter Asboe), одним из преемников А. Франке в Кьеланге. Стремясь познакомить тибетцев с более эффективными методами ведения сельского хозяйства, санитарными нормами и прочими благами западной цивилизации, У. Эсбоу стал издавать ежемесячную газету «Кьеланг-ги Акбар» (тиб. kye lang gi akhbar, «Новости Кьеланга»), по содержанию похожую на газету А. Франке. Тираж газеты составлял около 40 экземпляров, ее выпуск мог содержать местные и международные новости и, например, статью о гигиене и басню Эзопа[40]. В содержании газеты четко прослеживались миссионерские цели ее издателей.

---

[35] *Bray J. A. H.* Franke's La Dvags Kyi Akhbar: the First Tibetan Newspaper // The Tibet Journal. Vol. XII. No. 3 (Autumn 1988). P. 60.

[36] *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II. P. 249.

[37] Ibid. P. 248.

[38] *Bray J.* Franke's La Dvags Kyi Akhbar: the First Tibetan Newspaper. P. 59.

[39] Ibid. P. 60.

[40] Ibid. P. 61.

В 1936 г. У. Эсбоу переехал в Лех, где продолжил издание своей газеты под названием «Ладагкьи пхонья» (тиб. la dwags pho nya, «Вестник Ладакха»). В 1947 г. публикация газеты была приостановлена в связи с отъездом У. Эсбоу, однако пять лет спустя издание газеты возобновилось под редакцией швейцарского миссионера Пьера Виттоза (PierreVittoz) и высокопоставленного ладакхца Элайи Цетен Пунцога (Eliyah tshe brtan phun tshogs). По всей видимости, эта газета выходила до 1956 г., пока П. Виттоз, а вскоре и Цетен Пунцог не покинули Ладакх[41].

Эти газеты, несмотря на их революционное влияние на тибетскую литературу, были мало популярны среди тибетского населения и, более того, стремясь показать превосходство Запада и христианской религии, не скрывали своей преимущественно миссионерской и европоцентристской направленности. Вне зависимости от мотивов, которыми руководствовались миссионеры, необходимо отметить, что в действительности они были первыми из тех, кто осуществил печатное издание текстов на тибетском языке с помощью более эффективных и современных методов (литография и наборная печать), нежели традиционный для Тибета ксилографический способ печати.

По справедливому замечанию Церинг Шакьи, сколь бы миссионеры ни стремились использовать любую возможность для распространения христианской религии, ознакомившись с содержанием газет, следует отметить, что они разграничивали непосредственно религиозные материалы и общие новости[42]. С помощью газет миссионеры предприняли попытку пробудить интерес населения к наиболее значительным переменам, происходившим в мире в начале XX в. Статьи касались как международных новостей, так и тех событий, которые могли представлять интерес для местных жителей, например информация о текущих общественных реформах.

Другой заслугой миссионеров было учреждение школ для местных детей. Выпускником одной из таких школ и стал выдающийся общественный и религиозный деятель — тибетец Дордже Тарчин[43] (или, как его часто называли в Индии, Тарчин Бабу[44], годы жиз-

[41] Ibid. P. 62.

[42] *Tsering Shakya.* The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 14.

[43] Тарчин — имя, данное Дордже, сыну Дордже и Сонамы, моравскими миссионерами при крещении в деревне Пу (тиб. spu) в 1892 г.

[44] «Бабу» — заимствование из хиндустани, индийская форма уважительного обращения (‘господин’). *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II. P. 273.

ни — 1890–1976), главный редактор «Юлчог сосой саргьюр мелонг», первой тибетской газеты, издававшейся по инициативе носителя тибетского языка, история которой будет изложена более подробно в следующем подразделе.

Проблема распространения газет миссионеров состояла в том, что они не могли побороть подозрительность и консерватизм во взглядах местного тибетского населения, в то время как создание Дордже Тарчином «Зеркала Тибета» было попыткой обратиться ко всем носителям тибетского языка. По мнению Церинг Шакьи, само название газеты является тщательно продуманным, поскольку слово «зеркало» имеет важное значение в буддийской культуре как предмет, связанный с ритуальными подношениями. Зеркало также ассоциируется с магическими свойствами и используется при гадании. Следовательно, «стратегический» выбор этого названия, возможно, отражал установку Тарчина на соблюдение местных традиций и помог его изданию избежать географических ограничений, обозначенных в названиях газет-предшественников[45].

История газеты «Юлчог сосой саргьюр мелонг»

Как уже было сказано выше, газета «Юлчог сосой саргьюр мелонг» — одно из первых периодических изданий на тибетском языке (наряду с вышеупомянутыми изданиями моравских миссионеров в Ладакхе и Кьеланге, газетой маньчжурского амбаня в Тибете Лянь Юя и газетой Панчен-ламы IX). «Зеркало Тибета» издавалось в Калимпонге с 1925 по 1963 г. под руководством выдающегося тибетского просветителя Дордже Тарчина и внесло важный вклад в развитие Тибета.

Дордже Тарчина по праву называют одним из модернизаторов консервативного тибетского общества, первым тибетским журналистом и выдающимся литератором в стране, где на протяжении многих столетий литературная деятельность была занятием преимущественно буддийского духовенства и образованных аристократов[46]. По словам Далай-ламы XIV Тендзин Гьяцо (тиб. bstan ‘dzin rgya mtsho), Тарчин, оставаясь неуклонно верен Тибету и тибетскому народу и осуществляя наблюдения за самыми значительными событиями XX в., внес важный вклад в историю Тибета, в то время как

[45] *Tsering Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 21–22.

[46] *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II. P. XI.

его жизнь служит вдохновляющим примером для многих тибетцев[47]. Тибетец Дава Норбу (тиб. zla ba nor bu), профессор индийского Университета имени Джавахарлала Неру, отмечает удивительное сочетание в Тарчине верующего христианина и искреннего ценителя тибетского языка и литературы, гражданина Индии по рождению, однако тибетца по происхождению и поэтому неутомимого борца за свободу Тибета[48].

В своей просветительской деятельности Дордже Тарчин сотрудничал с такими выдающимися современниками, как шотландские миссионеры Джон Андерсон Грэхэм (John Anderson Graham) и Роберт Б. Нокс (Robert B. Knox), британские советники по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете Чарльз Белл и Бэзил Гулд (Basil Gould), официальный представитель в Лхасе Хью Ричардсон (Hugh Richardson) и торговый агент в Тибете Дэвид Макдоналд (David Macdonald), итальянский тибетолог Джузеппе Туччи (Giuseppe Tucci), британский писатель и альпинист Марко Паллис (Marco Pallis), тибетский ученый и писатель Гедун Чопел, монгольский ученый геше Чодаг, тибетские политические деятели Чанглочен Сонам Гьелпо (тиб. lcang lo can bsod nams rgyal po) и Рабга Помдацанг.

Место издания газеты неслучайно и представляет не меньший интерес. В начале XX в. Калимпонг являлся большим оживленным и динамично развивающимся городом, занимающим важное положение на главном тибетско-индийском торговом пути. По словам Ч. Белла, британского советника по политическим вопросам в Сиккиме, к 1920 г. половина всей индо-тибетской торговли осуществлялась через маршрут Лхаса–Калимпонг, и, поскольку иностранцам, как правило, не разрешалось пересекать тибетскую границу, Калимпонг называли «гаванью Тибета»[49].

Однако в это время Калимпонг являлся не только процветающим центром торговли, но и местом встречи представителей разнообразных культур: непальцев, бенгальцев, лепча, англичан, тибетцев, китайцев. Кроме того, в Калимпонге располагался крупный пункт миссионерской деятельности представителей нескольких христиан-

[47] *Dalai Lama XIV*. Foreword // Fader H. L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. I. Kalimpong: The Tibet Mirror Press, 2002. P. IX–X.

[48] *Dawa Norbu*. Introduction // Fader H. L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. I. P. XI.

[49] *Fader H. L*. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. I. P. 259.

ских церквей. Предоставляя возможность для интеллектуальных исканий и развития прогрессивных идей, город стал местом учреждения тибетской революционной партии — «Партии реформ Западного Тибета» (1939 г.)[50].

Издание «Зеркала Тибета» стало делом всей жизни Тарчина. Так он оказался в авангарде развития светской литературы на тибетском языке, а его газета внесла существенный вклад в становление современного тибетского общества. Американский исследователь Герберт Луис Фейдер, автор трехтомной биографии Дордже Тарчина, выделяет три основные задачи редактора в деле издания газеты. Во-первых, это культурно-просветительская функция газеты. Тарчин не только стремился помочь Тибету войти в XX в., но и всячески способствовал сохранению тибетских традиций и языка среди тибетцев в Индии. Во-вторых, Тарчин преследовал цель распространения информации о внешнем мире, в которой тибетцы остро нуждались ввиду изолированного географического положения Тибета. Тарчин хотел поведать своему народу о том, что происходит в других странах, рассказать о последних политических, социальных и экономических событиях и тенденциях. Сам Тарчин говорил об этом так: «У газеты есть крылья. Она способна быстро достичь любого места в этом мире»[51]. В-третьих, Г. Фейдер называет миссионерскую направленность издания, однако данный аспект был гораздо менее заметен в «Зеркале Тибета», чем в упомянутых ранее газетах моравских миссионеров: подавляющее большинство новостей в «Юлчог сосой саргьюр мелонг» носило светский характер, кроме того, учитывая интересы читателей, Тарчин публиковал и статьи, посвященные буддизму. По словам Далай-ламы XIV Тендзин Гьяцо, «Зеркало Тибета» положило начало созданию светской литературы на тибетском языке[52].

Первый номер газеты вышел в октябре 1925 г. тиражом в 50 экземпляров, многие из которых были отправлены издателем в Лхасу, в том числе Далай-ламе XIII Тубтен Гьяцо, который высоко оценил труды Тарчина и направил ему письмо с выражением своего восхищения, а также 20 рупий в качестве платы за подписку. Далай-лама XIV унаследовал подписку от своего предшественника и получал каждый номер «Зеркала Тибета» вплоть до 1959 г.

---

[50] *Goldstein M. C.* A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 450.

[51] *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II. P. 257.

[52] *Dalai Lama XIV*. Foreword. P. IX.

Г. Фейдер упоминает, что при личной встрече с Тарчином Далайлама XIII отметил, что «всегда надеялся, что однажды кто-нибудь займется изданием тибетской газеты»[53]. Тарчин регулярно отправлял выпуски «Зеркала Тибета» и Панчен-ламе IX Тубтен Чокьи Ньиме.

Новости Тарчин получал из доступных ему газет, а также из радиопередач. Начиная с 1936 г. Тарчин привлекал к работе в газете выдающегося тибетского ученого и прогрессивного общественного деятеля Гедун Чопела (1903–1951)[54], а также одного из основателей «Партии реформ Западного Тибета», бывшего члена тибетского правительства Чанглочен Сонам Гьелпо, что значительно повысило качество статей[55].

Газета представляла собой богатый источник информации и пользовалась популярностью среди тибетцев, фактически лишенных иных способов узнать о происходящем за пределами Тибета. Вдохновленный либеральной британской прессой, Тарчин публиковал в своей газете как международные, так и местные новости, уделяя особое внимание событиям в Тибете и Индии. «Юлчог сосой саргьюр мелонг» сообщала о деятельности официальных лиц Тибета, Бутана, Китая, Сиккима и других стран, трудах тибетских ученых. Тарчин публиковал статьи о политике мировых держав, развитии средств вооружения и последних научных открытиях. Отдельная рубрика была посвящена современным политическим деятелям: Ганди, Сталину, Гитлеру и другим[56].

На последней странице выпуска читателям предлагалась не менее интересная информация о ценах на шерсть, шкуры лис и снежных леопардов, хвосты яков, свиную щетину и мускус, объявления Ассоциации тибетских торговцев в Калимпонге и сообщения о свежих поступлениях в тот или иной магазин[57]. Там же Тарчин регулярно публиковал произведения классической тибетской поэзии и материалы об индийской и тибетской культуре.

---

[53] *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. I. P. 267.

[54] Подробнее см. раздел настоящей книги «Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого тибетского современного ученого, литератора, просветителя», с. 33–70.

[55] *Tashi Tsering*. The Life of Reverend G. Tharchin, Missionary and Pioneer // Lungta. Iss. no. 11 (Winter 1998). P. 9.

[56] Ibid.

[57] *Shital Pradhan*.The Tibet Mirror: The first Tibetan newspaper, now only a memory [Электронный ресурс].

Помимо этого, в газете активно обсуждался политический статус Тибета и тибетско-китайские отношения. Тибетская интеллигенция и сторонники независимости Тибета регулярно собирались на тайные совещания у Тарчина, обсуждая угрозу китайского вторжения[58]. После того, как опасения Тарчина оправдались (Тибет официально вошел в состав Китайской Народной Республики), он был вынужден изменить свой редакционный подход: в 1950–1960-е гг. он активно выступал за свободу Тибета и вел антикоммунистическую пропаганду[59].

Поскольку в Тибете отсутствовала эффективная система почтового сообщения, организация распространения газеты представляла собой довольно сложную задачу. Тарчин должен был либо просить о доставке газеты своих друзей, направлявшихся в Тибет, либо пользоваться услугами тибетских почтовых курьеров и индийских почтовых служащих на индийско-тибетской границе[60]. В каждом крупном городе между Калимпонгом и Лхасой у Тарчина, как правило, было доверенное лицо — почтовый служащий или просто знакомый, помогавший ему в распространении газеты.

Со временем тираж «Зеркала Тибета» возрос до 500 экземпляров. К 1950-м гг. самые отдаленные подписчики проживали в Амдо вдоль торгового пути из Монголии в Переднюю Азию и вдоль восточной границы Тибета с Ассамом. Доставка газеты производилась с помощью мулов или пеших курьеров и могла занимать от четырех до шести месяцев[61].

К концу 1930-х гг. «Юлчог сосой саргьюр мелонг» получила известность не только в Тибете и Индии, но и в других странах. Так, в номере «Нью-Йорк Таймс» за 27 января 1934 г. была опубликована статья «Путь к процветанию, найденный одиноким редактором в Тибете», где упоминается «Зеркало Тибета» и статья Тарчина о мировом кризисе перепроизводства[62]. В 1939 г. в «Вестнике Северного Китая» в статье о газете Тарчина под названием «Новости для Ламы» обсуждались успехи и недоработки издателя. Австрийский путешественник и писатель Генрих Харрер,

---

[58] Ibid.

[59] *Engelhardt I.* The Tibet Mirror Mirroring the Chinese Invasion of Tibet // International Conference: Exploring Tibet's History and Culture (19–21 November 2009). Programme. Delhi, 2009. P. 45.

[60] *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II, примечание к иллюстрациям 45a–d.

[61] Ibid. P. 282.

[62] Ibid. P. 272–273.

побывавший в Тибете и Индии в 1944–1952 гг., в своей книге «Семь лет в Тибете» упоминает «Зеркало Тибета» и сообщает, что, хотя тираж издания не превышал 500 экземпляров, газета имела широкий круг читателей в Лхасе, а отдельные выпуски высылались тибетологам по всему миру[63].

Периодическое издание, задуманное Тарчином как ежемесячное, публиковалось нерегулярно в связи с недостаточным финансированием. Во многих случаях у редактора не было возможности получить плату за подписку: большинство номеров не достигали места назначения из-за проблем с почтовым сообщением и отсутствия системы денежных переводов.

За время издания газеты несколько раз менялся способ печати. Первоначально текст, написанный от руки самим издателем, тиражировался с помощью мимеографа, а начиная с сентября 1928 г. газета печаталась на литографическом станке, подаренном шотландской миссии, где выходила газета, другом Дж. Грэхэма, возглавляющего эту миссию. Тарчин, заведовавший в то время типографией миссии, был направлен в Калькутту для изучения навыков литографической печати. Все оборудование типографии принадлежало миссии, однако издание «Зеркала Тибета» было собственной инициативой Тарчина. По личному разрешению Дж. Грэхэма, Тарчин мог бесплатно использовать бумагу, рабочую силу и литографический станок миссии[64].

В 1931 г. ввиду разногласий с новым главой шотландской миссии Р. Ноксом, сменившим на посту Дж. Грэхэма, Тарчин был вынужден оставить свой пост в миссии и прекратить издание «Зеркала Тибета» в их типографии. Он договорился с типографией «Мани пресс» (англ. the Mani press) о том, чтобы печатать свою газету на их небольшом ручном литографическом прессе, и печатал ее там приблизительно в течение года[65].

Любопытным фактом является то, что австрийская исследовательница А. Заверталь в своей магистерской диссертации под названием «“Зеркало”. Пример создания периодического издания на тибетском языке» относит несколько номеров «Юлчог сосой саргьюр мелонг» к редакции самого Р. Нокса, а не Тарчина. В частности, это 12-й выпуск 5-го года издания от 19 мая 1931 г. и 1-й

[63] *Harrer H*. Seven Years in Tibet. New York: Tarcher, 2009. P. 90.

[64] *Fader H. L*. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II. P. 334–337.

[65] *Dorje Tharchin*. Brief History of the Tibetan Newspaper // Letter Writers: Yik bskur rnam gshag. Kalimpong: The Tibet Mirror Press, 1956. P. 2.

выпуск 6-го года издания от 17 июня 1931 г., когда Тарчин, сопровождая Г. Меррик (Henrietta S. Merrick), находился в Тибете и, следовательно, не мог принимать участие в издании газеты в Калимпонге[66].

15 августа 1932 г., после возвращения Дж. Грэхэма из Шотландии, Тарчин вернулся в шотландскую миссию, однако теперь он должен был сам оплачивать все затраты на производство газеты. Финансовые трудности неизбежно вели к еще большей нерегулярности в выпуске номеров, и иногда задержка могла достигать двух-трех месяцев.

А. Заверталь полагает, что со 2-го по 6-й выпуски «Зеркала Тибета» 9-го года издания за период с июня по октябрь 1937 г. также выходили под редакцией Р. Нокса, поскольку в это время Тарчин находился в Лхасе вместе с Т. Бернардом (англ. Theos C. Bernard); к тому же оформление номеров газеты за этот период существенно отличается[67].

В 1937 г. в качестве поддержки и поощрения трудов Тарчин получил 200 рупий от тибетского правительства, однако эта сумма не улучшила его бедственного положения, и, после начала Второй мировой войны, с ноября 1939 г. из-за недостатка финансовых средств он приостановил издание.

В начале 1942 г. Тарчин благодаря письмам о необходимости материальной поддержки и помощи своих друзей из Лхасы получил 600 рупий. В июле того же года британский советник по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете Б. Гулд, который проявлял большой интерес к газете, представил редактора некоторым высокопоставленным чиновникам в Дели и, заручившись таким образом британской поддержкой, Тарчин смог возобновить издание «Зеркала Тибета» в августе 1942 г.

В мае 1946 г. возглавлявший миссию Дж. Милл (G. S. Mill) заявил Тарчину о том, что он должен работать только на миссию, и запретил ему печатать «Зеркало Тибета» в их типографии[68]. Тогда Тарчин покинул миссию и стал использовать свой собственный ручной литографический пресс, который он приобрел в 1934 г. во время путешествия в Дарджилинг.

В 1947 г., взяв ссуду у правительства Индии с помощью британского советника по политическим вопросам в Сиккиме А. Хопкин-

---

[66] *Sawerthal A*. The Melong. An Example of the Formation of a Tibetan Language Press. M. Phil. Thesis, University of Vienna, 2011. P. 132.

[67] Ibid. P. 133–134.

[68] *Dorje Tharchin*. Brief History of the Tibetan Newspaper. P. 3.

сона (Arthur J. Hopkinson), Тарчин приобрел печатный станок с наборным тибетским шрифтом и ножным приводом[69]. В марте 1948 г. состоялось торжественное открытие собственной типографии Дордже Тарчина под названием «Зеркало Тибета»[70].

Издание «Юлчог сосой саргьюр мелонг» прекратилось в 1963 г., когда тибетские эмигранты начали издавать собственную газету «Боми рангванг» (тиб. bod mi'i rang dbang, «Тибетская свобода») в Дарджилинге[71].

Что касается оформления газеты, первоначально ежемесячное издание «Зеркала Тибета» выходило на 4 страницах формата А3, а еженедельное издание насчитывало 8–10 страниц на бумаге формата А5[72]. Некоторые номера были сдвоенными или имели приложения. Позднее, несмотря на нехватку бумаги во время Второй мировой войны и непосредственно после нее, некоторые номера насчитывали до 20 страниц[73]. Самым длинным, вероятно, был 30-страничный номер за декабрь/январь 1950–1951 гг., отметивший 25-летнюю годовщину выхода в свет «Зеркала Тибета»[74].

За время существования газеты менялось ее официальное название. По наблюдениям Исрун Энгельхардт, которая занималась изучением истории «Юлчог сосой саргьюр мелонг», в частности выпусков за 1937–1946 гг., Тарчин стал добавлять название «Зеркало Тибета» на английском языке в заглавие газеты достаточно поздно, а именно начиная с 1948 г. В первых выпусках «Зеркала Тибета» (до 1928 г., 3-й год издания, выпуски 1–2) название газеты на титульной странице воспроизводилось на трех языках: тибетском (yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long на *учэн*), хиндустани (bhoT maasik samaachaar patra на деванагари) и английском (The Tibetan Newspaper). Начиная с 3-го выпуска 1-го года издания от 15 марта 1926 г. дополнительным заглавием на английском языке стало The Tibetan Monthly Newspaper. Затем, в течение приблизительно 20 лет, дополнительное английское заглавие отсутствовало (со 2-го выпуска 3-го года издания от 1928 г.

---

[69] *Fader H. L*. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. III. P. 184.

[70] Ibid. P. 196.

[71] *Thubten Samphel*. Virtual Tibet: the Media [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Virtual-Tibet-The-Media (дата обращения: 25.05.2014).

[72] *Tsering Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 17–18.

[73] *Engelhardt I.* Reflections in the Tibet Mirror: News of the World 1937–1946 // Mapping the Modern in Tibet. Hamburg: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2011. P. 210.

[74] Silver Jubilee Number. Melong XIX. 1–2 (December 1950 — January 1951).

до февраля 1948 г.). С 5-го выпуска 16-го года издания от марта 1948 г. Тарчин начал добавлять к тибетскому названию газеты заглавие на латинице — Yulchog Sosoi Sargyur Melong (The Tibetan Newspaper).

С сентября 1954 г. по январь 1955 г. Тарчин, руководствуясь тем, что «Юлчог сосой саргьюр мелонг» пользуется большим спросом и многие просят его печатать газету еженедельно, предпринял попытки по выпуску газеты под названием «Еженедельное зеркало новостей из разных стран» (тиб. gza' 'khor ri'i yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long) с сопутствующим названием на английском языке «Еженедельное зеркало Тибета» (англ. The Weekly Tibet Mirror). Однако эта идея оказалась чрезмерно амбициозной, и следующий после января 1955 г. выпуск газеты вышел только в октябре 1955 г.[75]

Обычно под названием газеты арабскими цифрами обозначалась дата публикации номера (до 1949 г., 17-й год издания, выпуск 7, дата обозначалась тибетскими цифрами). В выходных данных также указывался год издания (тиб. lo, англ. volume), в течение каждого из которых выходило 12 номеров, что, впрочем, происходило нерегулярно, вследствие чего публикация 12 выпусков за один год издания могла занимать до трех лет по европейскому календарю. На титульном листе, рядом с названием газеты, помимо года издания, указывался номер текущего выпуска в рамках текущего года издания (например, 3-й год издания, 11-й выпуск).

И. Энгельхардт отмечает, что дата на титульном листе часто не совпадает с фактической датой публикации и иногда можно встретить разные даты на отдельных страницах одного и того же номера. Например, в 12-м выпуске 10-го года издания на титульном листе указано 11 ноября 1939 г., а на остальных страницах номера — 9 февраля 1940 г.[76] В некоторых номерах даты, указанные в новостях, являются более поздними, чем дата публикации самого номера газеты.

Поскольку до 1928 г. Тарчин писал статьи от руки и размножал текст газеты на мимеографе, в тексте встречаются исправления (зачеркивания и вставки). Переход к использованию литографического станка повлиял и на качество оформления газетных статей: в газете появились фотографии и печатные иллюстрации вместо рисунков от руки, а текст стал более отчетливым.

---

[75] *Engelhardt I.* Reflections in the Tibet Mirror: News of the World 1937–1946. P. 210.

[76] Ibid. P. 211.

Текст печатался в две или три колонки, заголовки обозначались с новой строки и выделялись пунктуационными знаками — *шадами* (тиб. shad). Отдельные материалы, как правило, разделялись специальными линиями.

Представляет интерес буддийская символика, использовавшаяся Тарчином в газете. В состав наиболее популярных буддийских символов входит «двойная ваджра» (тиб. rdo rje rgya gram), так называемая «пылающая драгоценность» (тиб. nor bu me ‘bar), «раковина, заворачивающаяся вправо» (тиб. dung g.yas ‘khyil), цветы лотоса и орнаменты с использованием мотива свастики.

Существуют разные подходы к толкованию данной символики и причин, побудивших Тарчина использовать ее в газете. Так, до 1942 г. на титульном листе, как правило, размещалось сочетание «двойной ваджры» и «пылающей драгоценности». Если «пылающая драгоценность с шестью самоцветами, излучающими свет» (как ее называет Г. Фейдер[77]) является буддийским символом пробуждения и процветания, то мнения относительно символики двойной ваджры расходятся. С одной стороны, алмазный скипетр — это буддийский символ постоянства и единства, на протяжении веков украшавший трон Далай-ламы. С другой стороны, по словам Г. Фейдера, многие считают использование двойной ваджры своего рода «визуальным каламбуром»[78], поскольку внешне она напоминает мальтийский крест, что в свою очередь может иметь непосредственное отношение к христианскому вероисповеданию Тарчина и миссионерской функции газеты.

Таким образом, можно сказать, что выбор буддийских символов для оформления газеты был далеко не случаен. Тарчин, стремясь донести до читателей «Зеркала Тибета» христианскую проповедь и учитывая то, что большинство из них являлись буддистами, пытался привлечь как можно большую аудиторию посредством привычных для них символов. Так ни о чем не подозревающие и увлеченные содержанием газеты читатели могли дойти и до тех страниц, которые содержали христианские материалы.

Тем не менее, по мнению Г. Фейдера, Тарчин использовал символ «двойной ваджры», так как сознательно хотел способствовать поддержанию стабильности и единства тибетского народа[79], что в целом

[77] *Fader H. L.* Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. II. P. 262.

[78] Ibid.

[79] Ibid. P. 261.

соотносится с буддийским толкованием этого символа. В поддержку точки зрения Г. Фейдера можно заметить, что позднее на смену двойной ваджре и «пылающей драгоценности» пришла «раковина, заворачивающаяся вправо» (или как ее называет Г. Фейдер, «белая раковина»[80]), которая имеет общепринятое толкование как символ повсеместного распространения буддийского учения.

Помимо этого, титульный лист газеты часто имел обрамление из повторяющихся свастик. Для буддистов свастика также символизирует неизменность и постоянство[81]. Среди буддийских символов, используемых в газете, также встречается лотос — символ освобождения от сансарического существования[82].

Публикации «Юлчог сосой саргьюр мелонг» — первые образцы газетно-публицистического стиля в тибетском литературном языке

Поскольку «Юлчог сосой саргьюр мелонг» стала первой газетой на тибетском языке, выходившей под началом тибетского редактора, и так как до ее появления газетно-публицистический функциональный стиль фактически не был представлен в тибетской словесности, в рамках исследования материалов газеты наиболее интересным представляется наблюдение за процессом зарождения этого стиля в литературном тибетском языке в середине 1920-х гг. и рассмотрение новаторской системы речевых жанров, разработанной Дордже Тарчином. Ввиду этого целесообразно сказать несколько слов об особенностях газетно-публицистического функционального стиля в целом и составляющих его жанрах.

Естественно, в «Юлчог сосой саргьюр мелонг» были сделаны лишь первые шаги в направлении формирования нового функционального стиля тибетского литературного языка и далеко не все публицистические жанры были представлены в равной степени. Примеры газетного материала приведены на основе подборки публикаций из первых шести номеров газеты за 1925–1926 гг., а также нескольких примеров жанров, которые не представлены в данной подборке, из более поздних изданий. Публикации, используемые для примеров, были выбраны не только исходя из стремления отметить

[80] Ibid. P. 262.

[81] *Beer R.* The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Chicago; London: Serindia Publications, 2003. P. 98.

[82] Ibid. P. 169.

наиболее любопытные по своему содержанию образцы, но и с учетом необходимости передать максимально широкое жанровое своеобразие материалов первых номеров.

Текстовые публикации в газете различаются как содержанием, так и формой, и одним из важнейших элементов формы публикации является ее жанр. Под жанром публицистического стиля понимают устойчивые особенности содержательно-тематических характеристик журналистского произведения, типа отображаемой действительности, композиции и стилистики[83].

Появление каждого из жанров и его развитие следует объяснять прежде всего потребностью в нем. Информационные запросы читателей вызывали предложение газетных публикаций, которые отличались определенными особенностями в зависимости от этих запросов. Читателям «Зеркала Тибета» была необходима информация на тибетском языке о происходящих в мире событиях, а также, поскольку место издания газеты было одним из центров тибетско-британской торговли, — практические сведения о различных товарах и ценах. Это обусловило, с одной стороны, наличие в газете таких рубрик, как «Новости Калимпонга» (т. е. местные новости), «Новости Дарджилинга», «Новости Сиккима», «Новости Китая» (т. е. новости близлежащих и пограничных территорий), а также «Международные новости» или, например, «Новости Англии», а, с другой стороны, существование постоянной колонки рекламы товаров, специализированной информации для тибетских торговцев и прядильщиков и сообщений о каких-либо затруднениях на торговых путях. Подобный вид информации требовал использования соответствующих публицистических жанров, поэтому, несмотря на появление в газете некоторых художественно-публицистических публикаций, преобладающими, особенно на раннем этапе издания газеты, были жанры новостной информации.

Принято считать, что в современной газетной публицистике насчитывается около двух десятков жанров. В зависимости от их назначения жанры можно объединить в несколько групп:

1) жанры новостной информации:

1.1) заметка,

1.2) отчет,

1.3) репортаж;

[83] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс] // Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Часть III. URL: http://evartist.narod.ru/text10/05.htm#з_05 (дата обращения: 25.05.2014).

2) диалогические жанры:
    2.1) интервью,
    2.2) диалог,
    2.3) полилог;
3) ситуативно-аналитические жанры:
    3.1) комментарий,
    3.2) корреспонденция,
    3.3) статья,
    3.4) обозрение,
    3.5) рецензия,
    3.6) обзор СМИ;
4) эпистолярные жанры:
    4.1) письмо читателя,
    4.2) текст редактора в форме письма;
5) художественно-публицистические жанры:
    5.1) зарисовка,
    5.2) очерк,
    5.3) эссе,
    5.4) сатирические жанры:
        5.4.1) фельетон,
        5.4.2) памфлет,
        5.4.3) пародия,
        5.4.4) эпиграмма;
6) другие виды газетных публикаций:
    6.1) документы и официальные материалы,
    6.2) статистические данные (таблицы и сводки),
    6.3) научно-технические материалы,
    6.4) советы,
    6.5) игровые материалы,
    6.6) афоризмы и поучительные высказывания,
    6.7) юмористические тексты,
    6.8) реклама и частные объявления,
    6.9) справочные материалы.

Первая группа — это жанры новостной информации, а именно заметка, отчет и репортаж. К этим жанрам обращаются, когда читателям нужно сообщить новость, т. е. некую актуальную информацию, то, что неизвестно всей читательской аудитории газеты или хотя бы ее части[84].

[84] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

Цель автора заметки — как можно быстрее сообщить читателю актуальную новость. Необходимость оперативной передачи информации в свою очередь неизбежно влияет на структуру заметки: обычно она начинается с опорного факта, содержащего новость, и далее детализирует ее в последующих предложениях. Стремление обеспечить быстрое сообщение информации ограничивает объем заметки: обычно она не превышает двух-трех десятков строк, а нередко — в своем самом лаконичном виде — ограничивается всего одним или двумя предложениями[85]. В заметке избегают художественных средств речи, она практична и точна. Автор заметки обязан ответить, что, где и когда произошло. Этого достаточно для сообщения новости, ее значение можно разъяснить в последующих репортажах и корреспонденциях. У названия заметки также есть свои особенности: нередко заметки публикуют блоками, подборками, без заголовков в рамках тематических рубрик, однако чаще заметка все-таки имеет заголовок, в который выносят указание на опорный факт, суть заметки.

Примером заметки в «Юлчог сосой саргьюр мелонг» может служить материал из 3-го выпуска газеты 1-го года издания от 13 февраля 1926 г.: «Известно, что недавно Махатма Ганди заболел лихорадкой, температура достигает приблизительно 40 градусов»[86]. Или, например, краткая информация в 4-м номере 1-го года издания от 15 марта 1926 г.: «Стало известно о том, что на находящейся в Китае японской ткацкой фабрике [по производству] шелка, парчи и прочих тканей, примерно 3400 рабочих устроили беспорядки и убили женщину — директора ткацкой фабрики», и там же — «Недавно два летчика из европейской [страны] под названием “Дания” долетели из Дании до Калькутты за 56 часов. Из Калькутты [они] отправились в направлении столицы Японии Токио через Рангун»[87]. На этих примерах можно проследить общие характеристики жанра заметки: информация приведена в краткой форме, обозначено только самое важное, количество деталей минимально.

Другим жанром новостной информации является отчет. Автор отчета не ограничивается в его тексте ответами на вопросы, обязательными для заметки, он ставит перед собой цель сообщения читателю о существенных подробностях описываемого события. Возрастает как объем текста, так и роль автора, который может, если

[85] Там же.

[86] 3-й выпуск 1-го года издания, с. 3.

[87] 4-й выпуск 1-го года издания, с. 4.

посчитает это необходимым, включить в сообщение свой комментарий и оценку. Предмет отображения отчета — это событие, развертывающееся во времени и состоящее из ряда деталей[88].

Так, отчетом в «Зеркале Тибета» является, например, следующая информация из 3-го выпуска газеты: «Хотя и раньше существовал прибор, способный не только пересылать сообщения, но и вести переговоры без провода по воздуху, сейчас изготовлен [прибор], позволяющий во время разговора со своими друзьями и т. д. обоим собеседникам воочию видеть друг друга без использования проводов — например, если подобный прибор имеется у кого-либо в Лхасе и у кого-либо в Калькутте, эти двое могут воочию видеть друг друга во время беседы — удивительный прибор!»[89] Или из 5-го номера газеты 1-го года издания от 12 мая 1926 г.: «Из других газет известна новость о том, что, хотя конфликт между индуистами и мусульманами, который произошел ранее и длился с 2 апреля приблизительно в течение недели, на какое-то время утих, 22 числа между ними снова произошло столкновение — за два дня было убито около 15–16 человек, более 300 ранены. 28 числа бенгальский вице-король лорд Литтон прибыл из Дарджилинга в Калькутту. Известно, что после этого конфликт утих, сейчас все вернулось на свои места, и рынки постепенно открывают [свои] двери»[90]. Следовательно, если обобщить особенности жанра отчета, необходимо отметить, в первую очередь, более объемное и подробное сообщение информации по сравнению с заметкой, а иногда также присутствие эмоционально окрашенных комментариев автора отчета об описываемом событии.

В газетах используют разные виды отчета. Некоторые отчеты не только воспроизводят событие в полном соответствии с его ходом во времени и приводят в сжатом пересказе выступления участников этого события, но также могут сопровождаться вступлением, раскрывающим цели публикации отчета, авторским комментарием и заключением, подводящем итоги обсуждения. Такие отчеты называются аналитическими. Иногда сообщение о событии используется лишь как повод для постановки актуальных вопросов, тогда отчет приобретает черты, сближающие его с проблемной статьей.

Для стиля отчета характерна деловитость и отказ от всего, что мешает передаче сути главного. Эмоционально окрашенные ком-

[88] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

[89] 3-й выпуск 1-го года издания, с. 4.

[90] 5-й выпуск 1-го года издания, с. 3.

ментарии и выразительные языковые средства обычно применяют в отчетах о событиях, проходящих в зримой форме, например народных праздниках и спортивных соревнованиях, а также для передачи авторской точки зрения.

Разницу между заметкой и отчетом можно проследить на примере заметки в 5-м номере «Зеркала Тибета», где сообщается: «Есть традиция, согласно которой 3 мая в Дарджилинге собираются люди, [которые привозят] на выставку разнообразные цветы; тем, чьи цветы занимают первое, второе и третье место, власти вручают награды»[91], и на примере отчета о похожем событии в 1-м выпуске газеты 1-го года издания, представленном, однако, в более подробной форме и с кратким комментарием автора: «27 числа на празднике индийского и непальского Нового года в Калимпонге на ярмарочной площади проводили разнообразные соревнования: бег, прыжки, метание камней, перетягивание каната, борьбу и т. п., а также представление — было очень интересное зрелище»[92].

Один из самых популярных жанров газетной публицистики — это репортаж. Назначение репортажа — как можно быстрее показать читателю картину события на всех этапах его развития: от начала до завершения, оперативно воссоздать «историю события» с позиции его очевидца или участника[93]. Предметом репортажа становится событие, сочетающее в себе и визуальную, и устную форму выражения его содержания. Перед автором стоит задача добиться эффекта «присутствия» самого читателя на месте события. Тем не менее не всякое событие достойно освещения в репортаже, критерием отбора является актуальность и общественная значимость произошедшего. Рассказ автора должен раскрыть читателю некую новую сторону действительности и процесс ее изменения, что предопределяет одну из важных особенностей жанра — его динамичность. Другой характерной чертой репортажа называют его «наглядность»: читатель должен как будто бы сам видеть все происходящее на месте события, словно бы слышать голоса его участников. Этот эффект достигается использованием в тексте репортажа деталей и подробностей. При этом автор не просто фиксирует замеченные им подробности события, он отбирает факты, группирует их в тексте и воссоздает событие, отражая при этом свое отношение к нему. Тематический круг явлений действительности, для отображения

[91] 5-й выпуск 1-го года издания, с. 2.

[92] 1-й выпуск 1-го года издания, с. 2.

[93] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

которых используют репортаж, почти не ограничен. В зависимости от сферы жизни человека и общества выделяются различные тематические виды этого жанра: научный репортаж, спортивный, социальный и т. д.

Что касается непосредственно «Зеркала Тибета» и жанра репортажа, то, поскольку рассматриваемый газетный материал (первые шесть выпусков газеты) относится к раннему этапу функционирования издания, на тот момент этот жанр еще не получил своего развития в полной мере. Тем не менее одним из наиболее приближенных образцов этого жанра является описание конфликта между индуистами и мусульманами в Калькутте в 4-м выпуске газеты: «Когда в пятницу 2 апреля в мусульманском храме-мечети, находящемся в Калькутте на Харрисон Роуд, или в Барабазаре, мусульмане проводили религиозные обряды согласно своей традиции, [а] около 150 индуистов, так называемых арья, с музыкальными инструментами и барабанным боем, издавая сильный шум, шли по центральным улицам и авеню, по Харрисон Роуд в Барабазаре к мусульманскому храму Динамийя, мусульмане потребовали: “Не ходите перед нашим храмом, издавая шум барабанного боя и так далее!” Индуисты возразили на это: “Когда мы идем по главной улице, вы [тоже] не должны шуметь!” И поэтому между ними произошло столкновение. Все мусульмане и индуисты с рынка собрались, подняли там сильный шум и гам и началась большая драка. В качестве оружия в основном использовали бутылки от лимонада “Сода” и других напитков, палки, кирпичи, ножи и т. д. — в ход шли любые слова и любые предметы, какие попадались под руку, и даже полиция, не в состоянии их остановить, была вынуждена применить оружие. Более того, понадобилось, чтобы из казарм приехали солдаты. Поскольку солдаты, взяв на изготовку автоматы и прочее [оружие], как следует им пригрозили, [они] немного успокоились, однако за три дня уже было убито около 40–50 человек и около 500–600 человек получили ранения, и больницы переполнились, к тому же мусульмане подожгли индуистский храм, разбили священные изображения и т. д., а индуисты подожгли мусульманский храм, и совершилось много других неподобающих дел. Если благодаря состраданию уважаемого британского правительства, наделенного человеколюбием и милосердием, не будет изыскан способ положить этому конец с помощью мягких или жестких мер, повсюду в Индии произойдут крупные столкновения между индуистами и мусульманами. Хотя сейчас благодаря состраданию властей установился, как и раньше, мир и покой, некоторые, по-видимому, еще не выставляют

товары на продажу. Из-за беспорядков торговцы понесли большие убытки. Обратившись к уважаемому британскому правительству, индийцы проявляли и продолжают проявлять большую настойчивость в достижении независимости. Если будет получена такая независимость, уже очевидны признаки того, что в Индии не будет происходить ничего хорошего, а только распри и беззаконния. Подобные люди, просящие о независимости, просто смешны! Пусть, в конце концов, наступит такое счастье, чтобы ни в каких краях не происходили подобные междоусобицы!»[94] Можно заметить, что это сообщение отличается большим объемом, последовательным подробным и динамичным описанием всего произошедшего, информация представлена наглядно, а в завершение репортажа автор обозначает собственное мнение-пожелание, связывая изложенные события с общими тенденциями в индийском обществе того времени.

Другим примером репортажа может служить материал из 5-го номера газеты: «Также в одном месте, поскольку продавец-индуист не захотел продавать необходимые товары покупателю-мусульманину, мусульманин достал длинный нож. Сразу же там собралось много индуистов, а когда [они] схватили [мусульманина] и собирались [его] бить, туда неожиданно прибыла толпа мусульман. Когда они стали сильно бить друг друга палками и завязалась большая драка, туда прибыла спасительная полиция и сделала один-два выстрела для устрашения; в результате участники драки разбежались, только их и видели»[95]. Здесь также можно наблюдать главную особенность жанра репортажа — динамичность описания происходящего.

Вторая группа представляет собой диалогические жанры публицистики — интервью, диалог и беседа (полилог). У них общее назначение и специфический предмет отображения: с помощью этих жанров сообщают не только о событиях, но и о мнениях людей об этих событиях. А между собой они различаются количеством участников, их ролью и способами получения информации[96].

В интервью всегда участвуют два собеседника — интервьюер и интервьюируемый. При этом главную роль играет интервьюируемый, у которого интервьюер получает интересующую его информацию, а также узнает его мнение о фактах и ситуациях, о которых он сообщает. Количество участников диалога увеличивается до трех

[94] 4-й выпуск 1-го года издания, с. 3.

[95] 5-й выпуск 1-го года издания, с. 3.

[96] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

человек, которые активно обсуждают актуальную проблему, обмениваясь мнениями, полемизируя между собой и отстаивая свои позиции. Текст диалога объединяет в себе самое существенное из прослушанного обсуждения, а также введение, объясняющее цель диалога и представляющее его участников, и заключение, где подводятся итоги диалога и формулируются заключительные выводы. Количество участников полилога не ограничено и определяется необходимостью как можно более полного освещения избранной темы или проблемы.

К сожалению, в рассмотренных шести номерах «Юлчог сосой саргьюр мелонг» данный жанр не был представлен, что, однако, не исключает его наличие в более поздних публикациях. Единственным примером, где, возможно, представлены элементы, характерные для жанра интервью, является отчет в 3-м выпуске газеты, где, помимо сообщения общей информации, также приведены ответы на вопросы героя сюжета: «Недавно прибывший в Калимпонг из так называемой Америки господин по имени Джексон также подал прошение господину префекту Дарджилинга, чтобы отправиться в Тибет. Трудно понять, являются правдой или нет рассказанные [им] в ответ на вопрос о причине посещения Тибета многочисленные удивительные истории о том, что [он] собирается отправиться [в Тибет] для того, чтобы встретиться с тремя пребывающими в Тибете в некоторой горной обители в окрестностях Шигацзе Махатмами ([если говорить] на санскрите) или Великими Существами или отшельниками ([если говорить] на тибетском языке), именуемыми Кут Хуми, Мория и Джвал Кул, достигшими возраста во много столетий и обретшими плод бессмертия, и о том, что 21 год назад отшельник Кут Хуми встречался с этим господином, прилетев в Америку по воздуху, и так далее. Сейчас [он] ожидает ответа — получит [он] разрешение на поездку в Тибет или нет»[97].

Следующая большая группа объединяет в себе комментарий, корреспонденцию, статью и обозрение, которые относятся к ситуативно-аналитическим жанрам публицистики. Назначение этих жанров — анализ ситуаций, возникающих и развивающихся в различных сферах жизни общества. Эти ситуации различаются не только своим характером (политическая, экономическая, военная или психологическая), но и масштабом, они могут быть связаны с обширным или ограниченным регионом, затрагивать жизнь крупных общественных групп или частную жизнь отдельных граждан. Каждая ситуация

[97] 3-й выпуск 1-го года издания, с. 3.

моделирует актуальную проблему, требующую скорейшего разрешения, а автор, обращающийся к этим жанрам, стремится к понятию и осмыслению фактов, находящихся в основе возникновения данной ситуации и связанной с ней проблемы[98]. Жанры этой группы различаются масштабом анализируемой ситуации и глубиной ее анализа.

В комментарии дается только первичный анализ возникшей ситуации. Это оперативный жанр, иногда в распоряжении комментатора всего несколько часов. Он сжато обозначает позицию газеты и ее отношение к предмету комментирования. Комментарий обычно невелик по объему и деловит по стилю.

В качестве примера попыток краткого анализа сообщаемой информации можно привести материал из 2-го выпуска «Юлчог сосой саргьюр мелонг»: «Зима в этом году, по сравнению с прошлым годом, холоднее, первого января небо было пасмурным, пошел сильный снег с дождем, подобно тому, как это бывает в Тибете. То, что один иностранец сказал, — чем холоднее зима, тем более продолжительным будет лето — похоже на правду»[99]. Таким образом, автор анализирует информацию, приводя сравнение с тем, что было в прошлом году и сопровождая свое сообщение дополнительным комментарием.

Интересным примером является публикация в 1-м выпуске 1-го года издания от 25 октября 1925 г., сочетающая в себе подробное воспроизведение события, характерное для отчета, и в то же время призванная, главным образом, побудить читателей к подобающим действиям в определенной ситуации, что обычно свойственно для жанра комментария: «Недавно один уборщик улиц в английском городе Лондон нашел в канаве жемчужное ожерелье. Подумав, что жемчуг поддельный, он повесил ожерелье на шею своей дочери. В тот же день, когда [он] обнаружил поддельное ожерелье, в газете [написали]: “Один человек потерял жемчужное ожерелье. Если кто-то нашел [его], необходимо вернуть”. Тот человек вернул жемчужное ожерелье и получил в качестве вознаграждения 750 английских фунтов. Если [кто-то], подобно тому человеку, нашел на дороге, на улице и т. д. чужие вещи, следует вернуть их назад»[100]. Так автор не просто излагает последовательность происходящего, сообщая некую информацию, он взывает к читателю, стремясь показать ему пра-

[98] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].
[99] 2-й выпуск 1-го года издания, с. 2.
[100] 1-й выпуск 1-го года издания, с. 4.

вильную модель поведения в подобной ситуации, представляя поступок героя как образец для подражания и завершая свою публикацию рекомендацией к действию.

В корреспонденции анализ углубляется, его предметом становится локальная, ограниченная пространством или временем ситуация, которая может быть связана с любой областью жизни. Автор корреспонденции старается дать читателю достаточно полное представление о важнейших аспектах возникшей ситуации и высказать свое мнение о дальнейшем ее развитии и его возможных результатах. Обычно корреспонденция включает несколько логически объединенных фактов и их подробностей, при этом автор стремится аргументировать свое отношение к тому, что сообщает[101].

Примером своего рода корреспонденции является публикация в 5-м номере «Зеркала Тибета», где приведены данные о количественном соотношении различных представителей населения Калькутты и подсчитаны убытки, понесенные в результате их конфликта: «Согласно английской газете “Стейтсмен”, в городе Калькутте насчитывается 1 132 246 человек. Индуистов в три раза больше, чем мусульман. Имеется 5000 полицейских. Из 5000 [полицейских] только 50 — мусульмане, остальные — индуисты. Имеется 500 000 кули, или рабочих. Поскольку [уже] 7 дней нет работы, их заработок уменьшился на 3 400 000 рупий. На Барабазаре ежедневно торгуют в разнос с оборотом 44 000 000 рупии. Поскольку недавно произошло столкновение между индуистами и мусульманами, имел место убыток на 20 миллионов рупий — приводятся эти и другие подсчеты. Заимствовано из английской газеты “Стейтсмен” за 24–26 февраля»[102]. Так, в данной корреспонденции автор представляет читателю конкретную ситуацию, он проводит параллельный анализ нескольких взаимосвязанных аспектов описываемой проблемы, приводит логически выстроенные подсчеты и делает вывод на их основе.

Более глубокий анализ автор может представить в статье. Предметом анализа статьи становится крупномасштабная ситуация, возникшая в политике, экономике или любой другой области жизни общества. Как правило, такая ситуация связана с возникновением и постановкой актуальной проблемы, затрагивающей интересы многих людей. В зависимости от своего назначения существуют проблемные, полемические, критические, теоретические или научные

[101] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].
[102] 5-й выпуск 1-го года издания, с. 2.

статьи[103]. Для стиля статьи, в соответствии с ее целью, характерны точность формулировок, строгая последовательность в изложении мыслей автора и его главной идеи, связь с нею фактов и примеров, используемых в качестве аргументов.

Вероятно, одним из наиболее ярких ранних примеров жанра научной статьи в тибетской прессе может служить статья под названием «Земля круглая или сферическая» (тиб. ‘jig rten ril mo am zlum po) в 1-м выпуске 10-го года издания от 28 июня 1938 г. выдающегося тибетского интеллектуала начала XX в. Гедун Чопела. В основе данной статьи лежит стремление автора повлиять на научное мировоззрение соотечественников, он отчетливо обозначает свою позицию и последовательно приводит ряд аргументов. В статье Гедун Чопел говорит о научных достижениях Запада и с горечью сообщает, что в других странах, где господствующая часть населения также, как и тибетцы, исповедует буддизм, уже давно были оставлены представления о том, что Земля плоская, в то время как в Тибете до сих пор никто не желает ничего слышать об этом, а если кто-то и знает правду, то боится открыто заявить об этом.

Другим ситуативно-аналитическим жанром, представленным в средствах массовой информации, является обозрение. Задачей обозрения считается представление целого комплекса фактов, событий и ситуаций, происходящих и возникающих в определенном регионе и в определенный временной период. Автор обозрения пользуется специфическим методом отображения действительности — «панорамированием», т. е. обозрением открывающейся панорамы событий с некой высоты[104]. Жанр обозрения предположительно может быть обнаружен в более поздних выпусках «Зеркала Тибета», когда в процессе развития публицистического стиля в тибетской литературе и навыков самого редактора публикации видоизменились как по содержанию, так и по форме, к сожалению, примеры этого жанра не были обнаружены в шести изученных выпусках газеты.

Видами обозрения можно назвать рецензию и обзор средств массовой информации (СМИ). Их объединяет особенность назначения и предмета отображения: если корреспонденция и статья анализируют конкретные ситуации и проблемы, произошедшие в реальности, то в рецензии и обзоре СМИ приводится оценка уже отображенной действительности[105]. Поскольку информацию для своей газеты Тар-

[103] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].
[104] Там же.
[105] Там же.

чин заимствовал из других периодических изданий или новостей по радио, обзор СМИ, как жанр, несмотря на его отсутствие в шести рассмотренных номерах, также, вероятно, мог появиться в «Юлчог сосой саргьюр мелонг» позднее.

Еще одна группа включает в себя эпистолярные жанры публицистики, это разновидности письма внередакционного автора или текста, созданного журналистом в форме письма. Назначение писем в редакцию, равно как и их форма, тематика, содержание и размеры, довольно многообразно. Их авторы могут сообщать редакции интересную, по их мнению, информацию о событиях и людях, просить помощи и советов, критиковать недостатки и предлагать интересные темы, высказывать свое мнение о публикациях газеты или рассказывать о своей жизни. Для жанра письма характерна универсальность (объект и предмет отображения жизни в нем не имеют ограничений), открытость (после публикации письмо становится открытым для всех читателей) и личностность (отражение в письме личности автора, его характера и личных интересов)[106].

В исследованных шести номерах «Зеркала Тибета» отсутствуют образцы читательских писем, однако примером этого жанра могут служить многочисленные письма, опубликованные в юбилейном выпуске газеты 19-го года издания, в частности это письма от первого политического советника в Сиккиме индийца Харишвар Даяла (Harishwar Dayal), британского торгового агента Дэвида Макдоналда, ответное письмо секретаря первого президента Китайской республики Чан Кайши и других читателей «Юлчог сосой саргьюр мелонг».

Предисловие Тарчина, опубликованное в 1-м выпуске «Юлчог сосой саргьюр мелонг», в котором он обращается к читателям с описанием основных мотивов создания газеты и условий подписки, также представляет собой ранний образец эпистолярного жанра — обращения редактора в форме письма. Вот отрывок из этого предисловия: «Имеется подписка по почте, и мы можем отправлять отсюда на почту наложенным платежом, или, по-английски, VPP[107]; сначала при издании каждого такого номера в один лист, рассчитываем по двенадцать номеров в год и по полторы анны за номер, получается одна рупия плюс шесть анн, всего полторы рупии за один год. Если не нужно получать наложенным платежом на почте, просим прислать предоплату полторы рупии, и мы сможем отправлять

[106] Там же.

[107] VPP (Value Payable Post) — отправка товаров по почте наложенным платежом (в Индии и Пакистане).

отсюда по почте ежемесячно без пеней прямо домой каждому [подписчику]»[108].

Усложнение жанровых форм газетных текстов сопряжено с повышением роли анализа текста и обращением к образным выразительным средствам. Публицистические тексты, написанные с использованием художественных средств речи, выделяют в большую группу художественно-публицистических жанров, которая включает в себя зарисовку, очерк и эссе, а также сатирические жанры — фельетон, памфлет, пародию и сатирическую заметку. Автор художественно-публицистических текстов, несмотря на использование некоторых художественных методов отображения действительности, характерных для художественного, и в частности литературного творчества, в то же время всегда остается публицистом, создающим строго документальные, фактически выверенные тексты[109].

В рассмотренных шести выпусках не было найдено прямого соответствия вышеупомянутым жанрам зарисовки, очерка или эссе, однако одним из интересных примеров является рассказ об истории Бодхгайи и общей истории распространения буддизма, опубликованный по частям в этих номерах, начиная с информации о четырех главных буддийских святынях-местах паломничества в 1-м выпуске газеты и заканчивая обещанием продолжения повествования в следующем номере в 6-м выпуске. Для данного рассказа характерна последовательность и документальность описываемых событий, а также свободный стиль изложения, что, наиболее вероятно, приближает эту публикацию к образцу раннего художественно-публицистического жанра. История начинается так: «Есть четыре главных святыни Будды Бхагавана: первое — на санскрите — Капилавасту, по-тибетски — “Светло-желтое селение”, — место рождения Будды Бхагавана; второе — на санскрите — Ваджрасана, по-тибетски — “Ваджрный трон” — место пробуждения; третье — Сарнатх — место, где Будда Бхагаван впервые повернул колесо Учения; четвертое — Кушинагара, или “Селение с наилучшей травой *куша*”, — место, где Будда Бхагаван достиг нирваны. Вторая из четырех святынь, “Ваджрный трон”, стала главной. Если говорить о том, почему, то сам Будда перед обретением нирваны сказал своим ученикам, монахам и монахиням: “После [моего] ухода совершите паломничество к Ваджрасане”. Продолжение истории в номере газеты за следующий месяц»[110].

---

[108] 1-й выпуск 1-го года издания, с. 1.

[109] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

[110] 1-й выпуск 1-го года издания, с. 4.

К сатирическим жанрам публицистики обращаются в борьбе со злом, всем негативным, что может мешать жизни людей и общества[111]. К сожалению, в проанализированных номерах не были представлены образцы сатирического жанра (например, фельетон или памфлет), тем не менее известно, что в более поздних выпусках «Зеркала Тибета» регулярно появлялись, например, различные карикатуры и юмористические иллюстрации, некоторые образцы приведены ниже.

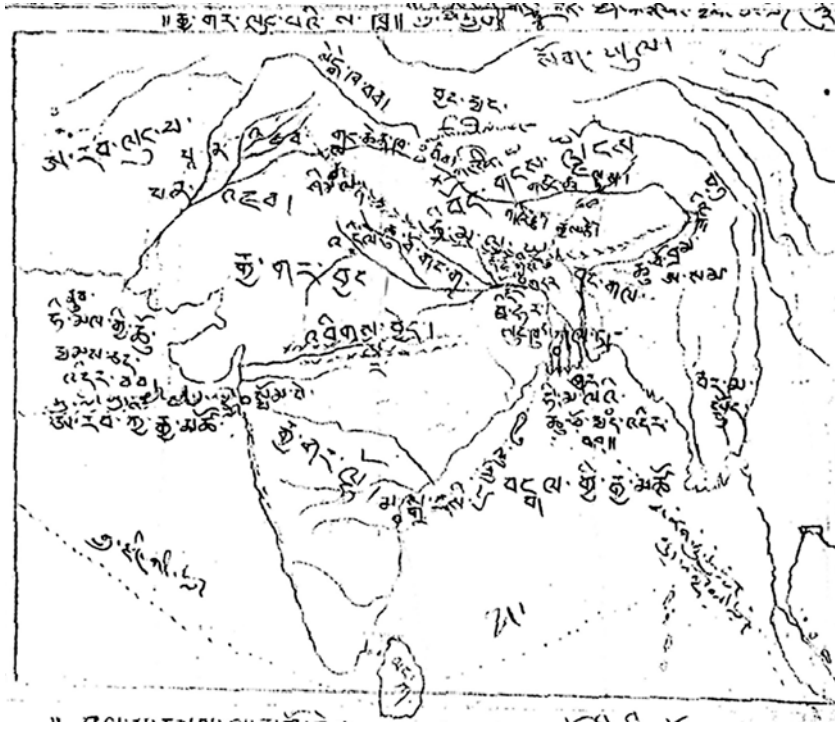
Японская агрессия против Китая.
3-й выпуск 10-го года издания
от 25 ноября 1938 г., с. 5

Мир, охваченный
гонкой вооружений.
4-й выпуск 10-го года издания
от 22 декабря — 21 января
1938 г., с. 5

[111] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

Попытка японцев привлечь Дордже Тарчина к сотрудничеству на своей стороне. 1-й выпуск 11-го года издания от 12 августа 1942 г., с. 8

В качестве примеров еще одного вида газетных публикаций в «Зеркале Тибета» можно привести карту Индии, представленную в 3-м выпуске, и карту Калькутты из 4-го выпуска.



Карта Индии. 3-й выпуск 1-го года издания, с. 1.

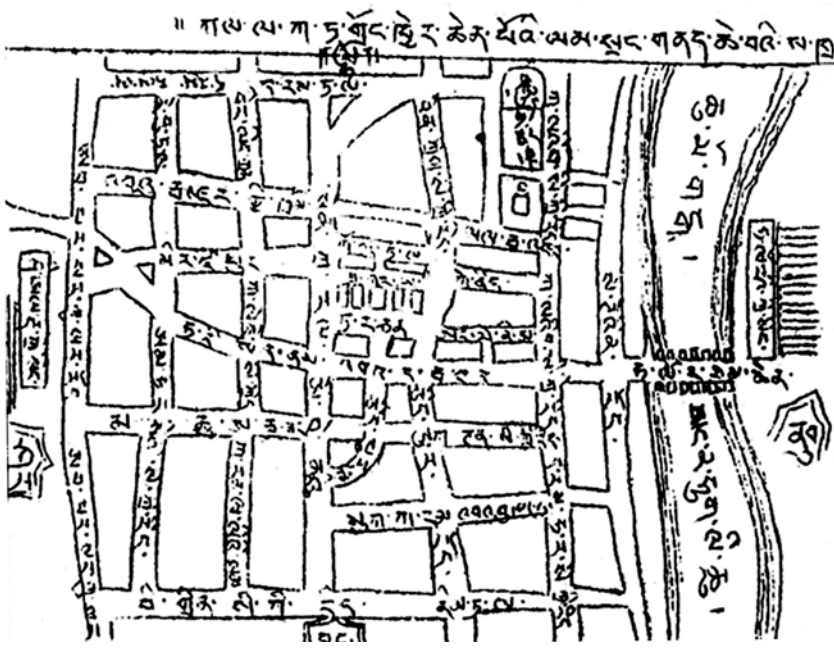


Рис. 5. Карта улиц Калькутты. 4-й выпуск 1-го года издания, с. 3.

Жанровая система развлекательных публикаций сложнее, они делятся на три группы. В одну из них входят игровые материалы — загадки, шарады, лабиринты и т. д. Другая группа объединяет публикации, тренирующие память читателей и обогащающие их разнообразной информацией, — кроссворды, сканворды и прочее. В третьей группе представлены афоризмы и поучительные высказывания известных людей — философов, политиков, художников, а также юмористические тексты — анекдоты, комиксы[112].

Рубрика с загадками регулярно появлялась на страницах «Юлчог сосой саргьюр мелонг». Так, например, в 4-м выпуске Тарчин публикует следующую загадку: «Ниже помещена математическая задача-головоломка. Имя того, кто первый даст ответ, будет помещено в газете за следующий месяц. Всех, кто доволен [своим] решением, прошу присылать письма с ответами. Задача: если обезьяна карабкается на вершину очень скользкого шеста в время-стрела[113] локтей

[112] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

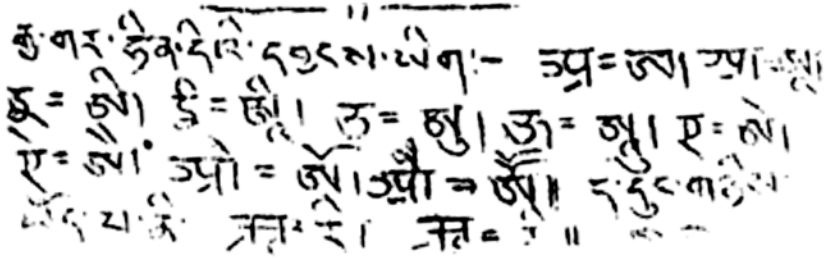
[113] Загадка основана на символическом обозначении чисел с помощью слов. Так, dus ‘время’ символизирует 5, mda’ ‘стрела’ — 6, итого — 56.

[высотой], то хотя за носорог[114] часов [она] поднимается на солнце[115] локтей, но если при этом за форму[116] часов [она] сползает вниз на имущество[117] локтей, то за сколько часов [она] сможет забраться на вершину дерева?»[118]

Образцом жанра поучительных высказываний служит рубрика изречений в 3-м выпуске: «То, чего не желаешь сам, не следует делать другим. Сколько есть мирских благ — все они возникают из желания блага для других. Сколько есть мирских страданий — все они возникают из желания блага для себя. Если хочешь сделать [что-то] хорошее для своей пользы, только полезное делай другим. Тот человек, который другим приносит пользу, хоть и не является царем, подобен царю»[119].

Жанры справочных материалов делятся по временно́му признаку: это справки, сообщающие информацию о том, что уже произошло (об изменении курсов валют, рыночных ценах, расписании поездов), и справки, содержащие предварительную информацию о том, что произойдет (о встречах, собраниях, премьерах спектаклей и т. д.)[120].

Одним из видов справочной публикации в «Зеркале Тибета» может служить, например, схема в 6-м выпуске 1-го года издания от 11 июня 1926 г., в которой приведены соответствия между гласными в хиндустани и тибетскими гласными.



Гласные в хиндустани и соответствующие им тибетские гласные.
6-й выпуск 1-го года издания, с. 4.

[114] bse ru ‘носорог’ символизирует 1.
[115] nyi ma ‘солнце’ символизирует 12.
[116] gzugs ‘форма’ символизирует 1.
[117] nor ‘имущество’ символизирует 8.
[118] 4-й выпуск 1-го года издания, с. 4.
[119] 3-й выпуск 1-го года издания, с. 1.
[120] Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс].

К другому виду публикаций «Юлчог сосой саргьюр мелонг» относится жанр рекламы и частных объявлений. Тарчин публиковал рекламу самых разнообразных товаров: от лекарств и косметических средств до последних технических новинок, например граммофона и фотобумаги. Вот один из ранних образцов данного жанра, представленный в 4-м выпуске: «Средство для лица, придающее румянец бледному лицу, защищающее от солнца, ветра и снега, устраняющее морщины и прыщики. Если кому-то необходимо, можно заказать [упаковку] по 1,5 рупии, 2 и 3 рупии. Помимо этого, масло для смазывания волос. Если смазывать этим маслом волосы, [оно] обладает многими полезными свойствами: [волосы станут] длинными, черными, мягкими и т. д. Если есть необходимость, можно заказать по почте. Цена — 1,5 рупии за бутылку». Или такое частное объявление под заголовком «Целебное снадобье» в том же номере: «Это целебное снадобье под названием “Благой поток бессмертия — одно лекарство от ста болезней” — с помощью одного только этого снадобья подобные мне малосведущие люди и некоторые, путешествующие на чужбине или на окраине, смогут избавиться от всех недугов с головы до пят без необходимости искать медицинское обслуживание в [тех] местностях, где нет медицинских лекарств. Легкое достижение значительного эффекта почти без труда. Если кому-либо малосведущему [в медицине] необходимо это легкодоступное, сильнодействующее, несложное в применении [средство], прошу направлять по почте письма с ясным указанием адреса и отсюда непременно будет выслан наложенным платежом флакон лекарства вместе с описанием. Стоимость флакона первого сорта — 2,5 фунта, второго сорта — 14 рупий, третьего сорта — 10 анн. Адрес на английском языке: To Lama Chhering Chophel. Chini. P. O. (Dist: Simla). Адрес на тибетском языке: отправлять в Кхуну, врачу Церинг Чопелу, почтовое отделение Чини, округ Шимла»[121].

В действительности, для многих и в особенности ранних газетных публикаций характерна размытость жанровых границ: в публицистическом тексте нередко сочетаются признаки корреспонденции и репортажа или отчета и проблемной статьи, и «Зеркало Тибета» не исключение. Тем не менее сложность определения жанровой принадлежности отдельных публикаций «Юлчог сосой саргьюр мелонг» состоит не только в этом: при изучении материалов газеты необходимо помнить, что это были лишь первые попытки создания публицистических публикаций.

[121] 4-й выпуск 1-го года издания, с. 1.

Кроме того, поскольку помимо учета национальных особенностей и востребованности определенных жанров читательской аудиторией, на жанровую систему конкретного издания влияет периодичность выхода публикации и ее объем, редактор «Зеркала Тибета» также был в некоторой степени ограничен в выборе жанров такими внешними факторами, как недостаток финансирования, а, следовательно, ограничениями по объему бумаги и канцелярских принадлежностей и ограничениями в самой периодичности издания газеты.

Корреляции функциональных особенностей публицистического стиля на различных уровнях языковой системы в публикациях «Юлчог сосой саргьюр мелонг»

Особенности публицистического функционального стиля имеют корреляции на различных уровнях языковой системы, что также получило свое отражение в текстах публикаций «Юлчог сосой саргьюр мелонг».

Так, доминирование функций информирования, оценивания и призыва отражается на частотности употребления соответствующих лексических средств и синтаксических конструкций:

- gsar ‘gyur thos ‘слышал известие о том, что …’;
- thos ‘известно, что …’;
- mi shes ‘неизвестно о том, что …’;
- …'i gnas tshul thos lags ‘стало известно, о том, что …’;
- …'i gnas tshul thos byung lags ‘поступило известие о том, что …’;
- …'i gnas tshul thos ‘известно, что …’;
- …'i gnas tshul zhu ‘сообщают, что …’;
- …'i lugs srol yod ‘есть традиция …’;
- tshag par gsar ‘gyur … nang gsal ‘согласно … газете, …’;
- …'i gnas tshul gsar ‘gyur gzhan dag las thos ‘из других газет известна новость о том, что …’;
- Tar nang gsal ‘из телеграммы: …’;
- mkhas rnams kyis brtsis byas ‘dug lags ‘ученые подсчитали, что …’;
- thos pa’ang ngo mtshar che ‘удивительна новость о том, что …’;
- ha cang legs shing dga’ spro che ‘очень хорошо и радостно, что …’;

- kha rbar byung ba bden pa ltar ‘dug ‘сказанное похоже на правду’;
- … na shin tu legs ‘если … [это] очень хорошо’;
- …'i gnas tshul ‘di la gzigs dang ‘обратите внимание на сообщение о том, что …’;
- mkhyen mchog rnams kyi spyan lam du ‘вниманию самых просвещенных!’;
- … su la thugs mkho yod na/phran mthar phyin gyi sar phyag ‘bri gtong gnang yod pa zhu ‘если кому-то нужно … прошу направлять письма мне, Тарчину’;
- sgrag thog tu phyag ‘bri dang kha yig zhib gsal bcas gtong gnang zhu rgyu dang ‘прошу направлять по почте письма с ясным указанием адреса’;
- sgrag thog tub ka’ mngags gnang ba zhu ‘можно заказать по почте’.

Необходимость сообщения разнообразных новостей со всех концов света приводит к изобилию различных имен собственных, что выражается с помощью лексических заимствований географических названий, личных имен, названий компаний и т. д., а также ведет к употреблению слов, относящихся к самым разным сферам общественной жизни и обозначающих понятия, зачастую отсутствующие внутри Тибета и поэтому новые для носителей тибетского языка, что, в свою очередь, предполагает образование большого количества неологизмов (названия должностей, профессий, общественных явлений, последних технических новшеств и т. д.).

Примерами употребления географических названий служат: yu rob ‘Европа’, Den ma rag ‘Дания’, ‘jar man ‘Германия’, sber lin ‘Берлин’, ma so ko ‘Москва’, A yer len ‘Ирландия’, sgrab lin ‘Дублин’, rba ra ‘jil ‘Бразилия’, ab ri ka ‘Африка’, ‘ja’ pan ‘Япония’, To ke’u ‘Токио’, man cu ri ya ‘Манчжурия’, shang ha’i ‘Шанхай’, ran dgun ‘Рангун’, ‘dil li ‘Дели’, bom be ‘Бомбей’, kal ka ta ‘Калькутта’, mA dA ra si ‘Мадрас’, pan ‘jab ‘Пенджаб’, paT na ‘Патна’, bang+gal ‘Бенгалия’.

Фонетические заимствования можно проиллюстрировать следующими примерами: pu li si ‘полиция’ (от англ. police), kam pa ni ‘компания’ (от англ. company), ‘je ne ral ‘генерал’ (от англ. general), rod dam ‘дорога’ (от англ. road), pe hro rol ‘бензин’ (от англ. petrol), sen tra ral ‘центральный’ (от англ. central), a we nu ‘авеню’ (от англ. avenue), tre li phon ‘телефон’ (от англ. telephone), phi lim ‘пленка’ (от англ. film), me li ‘миля’ (от англ. mile), mi niTe ‘минута’ (от англ. minute), ma trig kyu le shan brjod pa’i rgyugs ‘вступительные

экзамены в вуз’ (от англ. matriculation), ying li she ‘английский’ (от англ. English), le Di ‘госпожа’ (от англ. lady), si ge red ‘сигарета’ (от англ. cigarette), ma sa ‘jid ‘мечеть’ (от араб. masjid), samkrita ‘санскрит’ (от хинд. saNskRt), ka mi si ‘блуза камис’ (от хинд. kameez), kha bar ka ka si ‘газета’ (от хинд. khabar kaagaz), ta rig ‘дата’ (от хинд. tareeq), sa heb — форма вежливого обращения — ‘господин’ (от хинд. sahib).

Некоторые, однако далеко не все заимствованные слова, были отмечены снизу кружками в тексте публикаций.

В качестве примеров предполагаемых неологизмов в исследованных шести выпусках «Зеркала Тибета» можно привести: khrims dpon ‘мэр’, sgrag ‘почта’, me sgyogs ‘phrul ‘khor gyi yon tan ‘артиллерийское дело’, tar ‘телеграмма’, lcags skud kyi yon tan ‘телеграфное дело’, bka’ mol ‘конференция’, skad par dung chen ‘граммофон с большой трубой’, skad par gyi ‘khor lo ‘грампластинка’, rang wang ‘независимость’, gla mi ‘рабочий’, thag khang ‘ткацкая фабрика’, ‘go byed ‘директор’, mo kror sga ri ‘мотоцикл’.

Сложностью анализа языкового материала «Юлчог сосой саргьюр мелонг» является отсутствие надежных лексикографических справочников, а также то, что некоторые страницы первых выпусков газеты плохо сохранились и имеют ряд механических повреждений, препятствующих точному пониманию тибетского текста.

Особый интерес представляет собой неустойчивость орфографической нормы, которая проявляется в вариативности написания различных терминов и имен собственных и сокращениях, используемых в газете. Так, встречаются написания: ‘jar pan и ‘ja’ pan ‘Япония’; shang he’i и shang ha’i ‘Шанхай’; pe king и pe cing ‘Пекин’; sbom be и bom be ‘Бомбей’; ka la ka ta и kal ka ta ‘Калькутта’ в одной и той же публикации на одной стороне страницы и kal la ka ta в материале на другой стороне этой же страницы; ko ye kra и ko ‘i Ta ‘Кветта’ в одной и той же публикации; dbying len, а также ying len и ‘bi lar ‘Англия’ в соседних статьях; Den mrka и Den ma rag ‘Дания’ в одной и той же публикации.

Для разгадки значения отдельных слов зачастую приходится прибегать не только к подбору по звучанию, но и восстановлению орфографической нормы в случае описок по причине графического или фонетического сходства, например, brgyag re вместо rgyab ‘dre ‘драка’, dkar yod вместо dkar yol ‘чашка’, ru pin вместо ri pin ‘Япония’.

Нередко восстановлению подлежат слова, записанные с помощью элементов сокращенного написания: ད вместо གས, བཅོས་

вместо བཅུ་གཉིས་ ‘двенадцать’, ཆུ་ཚོད་ вместо ཆུ་ཚོད་ ‘час’, རྣམས་ вместо རྣམས་ ‘показатель множественного числа’, ཐམས་ཅད་ вместо ཐམས་ཅད་ ‘все’, ཡོན་ вместо ཡོན་ཏན་‘способности’, བུད་ вместо བུ་མེད་‘женщина’, ཤེལ་དོ་ вместо ཤེལ་དམ་‘бутылка’.

Итак, обобщая полученные в ходе исследования результаты, необходимо особо отметить роль, которую выпало сыграть «Юлчог сосой саргьюр мелонг» в процессе модернизации тибетского языка и зарождении нового функционального газетно-публицистического стиля, способствующего развитию светской литературы на тибетском языке.

Хотя «Юлчог сосой саргьюр мелонг» не была первой газетой на тибетском языке, она стала первой тибетской газетой, издаваемой по инициативе и под редакцией носителя тибетского языка. «Зеркало Тибета» пользовалось большей популярностью у читателей и выходило на протяжении более длительного периода, чем другие периодические издания на тибетском языке, существовавшие одновременно с ним.

«Юлчог сосой саргьюр мелонг» запечатлела на своих страницах важные этапы в истории Тибета и сопредельного региона. Статьи охватывали обширную тематику новостей: события Второй мировой войны, достижение Индией независимости, победа коммунистической партии в Китае, борьба тибетского народа за независимость, новейшие достижения науки и свежие местные торговые новости.

Как издатель и главный редактор газеты, Дордже Тарчин приложил большие усилия, с тем чтобы информировать соотечественников о событиях в мире, содействовать просвещению тибетцев и поощрять открытость Тибета перед быстро меняющимся внешним миром. Несмотря на небольшой тираж и немногочисленность читателей из числа тибетской знати и тибетских реформаторов, нетерпеливо ожидавших коренных перемен в Тибете, газета стала новым средством культурного воздействия и формирования национального самосознания современного тибетского общества.

На момент начала издания «Юлчог сосой саргьюр мелонг» письменный тибетский язык, сохраняя основные особенности классического языка, уже находился в состоянии перехода к формированию нового литературного языка, который принято называть современным тибетским языком. Этот процесс сопровождался стремительным развитием науки и техники в мире и многообразными переменами на международной политической арене, что, соответственно,

требовало отражения в тибетском языке, находя его в формах прямого заимствования, калькирования и создания неологизмов.

На основании проанализированных материалов из первых шести выпусков «Зеркала Тибета» за 1925–1926 гг. можно сделать вывод о том, что было положено начало практически всем жанрам публицистического стиля, при этом господствующими являлись жанры новостной информации, а именно заметка, отчет и, в меньшей степени, репортаж. Достаточно широко были представлены рекламные, развлекательные и справочные публикации, например частные объявления, загадки, топографические карты и т. д. Среди других видов газетных материалов встречаются ранние формы художественно-публицистических и ситуативно-аналитических жанров (комментарий и корреспонденция), а также эпистолярного жанра в виде обращения редактора к читателям.

Всего для проведения исследования ранних газетно-публицистических жанров, представленных в первых шести выпусках «Юлчог сосой саргьюр мелонг», было отобрано 57 образцов газетных материалов. Среди них идентифицировано 20 заметок, 14 отчетов, 3 репортажа, 4 ситуативно-аналитических комментария, 1 корреспонденция, 1 письмо редактора к читателям, 2 дидактических высказывания, 4 загадки и 8 объявлений.

Вследствие того, что в «Юлчог сосой саргьюр мелонг» были предприняты самые первые попытки написания публицистических текстов, для многих газетных публикаций характерна размытость жанровых границ, и нередко в тексте сочетаются черты сразу нескольких жанров.

В числе лексических особенностей языка «Юлчог сосой саргьюр мелонг» следует отметить своеобразие орфографии (нерегулярность и вариативность написаний), а также наличие большого количества иноязычных заимствований (прежде всего из английского языка и хиндустани), в том числе имен собственных и географических названий, и использование неологизмов вследствие отсутствия устоявшейся общественно-политической и экономической терминологии.

Анализ публикаций «Юлчог сосой саргьюр мелонг» вызывает определенные сложности, поскольку некоторые материалы плохо сохранились и имеют ряд механических повреждений, а также ввиду неустойчивости орфографической нормы и отсутствия надежных лексикографических справочников.

Сохранившиеся до настоящего времени выпуски «Юлчог сосой саргьюр мелонг» хранятся в библиотеках и архивах разных стран,

что обусловливает необходимость международного сотрудничества при их изучении. Общее количество сохранившихся материалов составляет 321 выпуск (95,5 % от общего количества изданных выпусков). В мае 2009 г. на сайте библиотеки Колумбийского университета[122] была опубликована подборка из отсканированных номеров «Юлчог сосой саргьюр мелонг», на настоящий момент там размещено 220 выпусков газеты, что составляет 65,5 % от общего числа.

Выпуски «Юлчог сосой саргьюр мелонг» находятся в фондах Музея Гиме, Боннского университета, Колумбийского университета, Калифорнийского университета в Беркли, национальной Библиотеки Конгресса США, Баварской государственной библиотеки. Около 49 % от общего количества сохранившихся изданий содержится в Библиотеке тибетских сочинений и архивов (Дхарамсала, Индия), около 43 % сохранено в архивах Института Амнье Мачен и около 31 % в библиотеке Йельского университета.

[122] Yul phyogs so so’i gsar ’gyur me loṅ [Электронный ресурс] // Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html (дата обращения: 25.05.2014).

Политика модернизации тибетского литературного языка как одна из предпосылок возникновения современной тибетской литературы

Как уже было отмечено выше в разделе «Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР», одной из предпосылок возникновения и развития современной тибетской литературы в 1980-х гг. была модернизация тибетского литературного языка, инициированная китайскими властями начиная с 1949 г.

Необходимость проведения языковых реформ была связана с тем, что до XX в. в тибетской литературной традиции доминировал классический письменный язык, который значительно отличался от разговорных форм. Проекты по реформированию литературного языка в начале XX в. были направлены на преодоление существующего разрыва между письменным языком и формами разговорного тибетского и, как следствие, облегчение распространения коммунистических идей среди тибетского населения.

Наибольшее влияние на модернизацию тибетского языка оказала деятельность по переводу китайских правовых и пропагандистских документов, образовательных материалов, конституций и директив, а также других официальных документов на тибетский язык (1950–1966 гг.)[1].

Для осуществления переводов привлекалась тибетская интеллигенция и литературная элита, которые в основном были представлены религиозными деятелями, что в свою очередь повышало доверие тибетского населения. Основной задачей переводчиков была выработка новой терминологии, специальной лексики

---

[1] *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000): Ph. D. diss., Indiana University, 2003. P. 61.

и неологизмов для понятий, отсутствовавших в тибетском языке — «народ», «класс», «эксплуатация», «социализм», «империализм» и др.[2]

Одним из первых документов пропагандистского толка, переведенным на тибетский язык, стала речь геше Шераб Гьяцо, которая распространялась в форме двуязычной брошюры в 1950–1951 гг. в Пекине и Синине. Документ содержал обоснование необходимости объединения национальностей с целью защиты КНР от американского вмешательства во внутренние дела страны. Речь Шераб Гьяцо использовалась как модель для последующих переводов китайской терминологии на тибетский язык[3].

В 1943 г. Шераб Гьяцо перевел краткое изложение политической доктрины «Три народных принципа» (кит. Саньминь чжуи 三民主义) китайского политика и революционера Сунь Ятсена (кит. 孙逸仙, также Сунь Чжуншань 孙中山 1866–1925). В 1940 г. Шераб Гьяцо также участвовал в переводе «Конституции пяти властей» (кит. Уцюань сяньфа 五权宪法) Сунь Ятсена[4].

В соответствии с автобиографией тибетского ученого Муге Самтена[5] в 1950 г. Государственный комитет по делам национальностей организовал в Пекине первую группу переводчиков, в которую помимо Муге Самтена вошли также Дордже Цетен (тиб. rdo rje tshe brtan, р. 1925 г.), Пунцог Таши (тиб. phun tshogs bkra shis, р. в 1924 г.), а также несколько китайских переводчиков. Более года группа занималась переводом материалов для «Народной иллюстрированной газеты» (тиб. mi dmangs brnyan par) — тибетской версии одноименного китайского издания (Жэнь минь хуабао 人民画报). Муге Самтен также вычитывал корректуру «Соглашения из 17 пунктов» — соглашения между Центральным народным правительством Китая и местным тибетским правительством о мероприятиях по «мирному освобождению Тибета»[6].

Для укрепления отношений и распространения коммунистических идей среди национальных меньшинств Северо-западное отделение

---

[2] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950: Ph. D. Thesis. London: School of Oriental & African Studies, University of London, 2004. P. 71.

[3] *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 62.

[4] Ibid. P. 63.

[5] *dmu dge bsam gtan*. rje dmu dge bsam gtan rgya mtsho'i gsung 'bum. pod dang po. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[6] *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 67.

Компартии КНР по инициативе партии, председателя Мао и Государственного комитета по делам национальностей организовало поездки в Пекин светских и религиозных лидеров Тибета. В 1954 г. для осуществления перевода пяти различных конституций и уставов, включая конституцию КНР, в Пекин был приглашен Сунграб Гьяцо и другие тибетские ученые. Во время перевода была проведена работа по стандартизации более 2000 терминов. Также на тибетский язык были переведены некоторые работы Мао Цзэдуна, что увеличило количество новых терминов и специальной лексики до 4000 единиц[7]. Работа по стандартизации терминологии стала основой для создания Сунграб Гьяцо тибетско-китайского словаря, представленного к печати в «Издательстве национальностей» (тиб. mi rigs dpe skrun khang) в Пекине.

«Издательство национальностей» нанимало тибетских авторов для перевода китайских документов и текстов политического характера на тибетский язык. В 1955 г. на работу был приглашен Джампел Гьяцо, автор романа «Келзанг Метог» (тиб. skal bzang me tog), который впоследствии отвечал за точность перевода четвертого тома собрания сочинений Мао Цзэдуна[8]. В таблице «Тибетские и китайские ученые, работавшие в “Издательстве национальностей” в 1950-х гг.» представлен список известных тибетских и китайских ученых и переводчиков, работавших в «Издательстве национальностей» в 1950-х, составленный Лорэн Хартли[9].

Практические и теоретические сложности, возникающие при переводе работ Мао, стали предметом обсуждения на второй Общенациональной рабочей встрече по языкам национальных меньшинств (кит. Ди эр цы цюаньго миньцзу юйянь гунцзо хуйи 第二次全国民族语言工作会议), которая состоялась в 1958 г.

На данном съезде было принято решение, что при переводе и заимствовании новых терминов языком-источником должен быть китайский, т. е. слова из других языков не должны напрямую использоваться для калькирования или фонетического заимствования. Транскрипция иностранных слов, в частности имен и названий, также должна основываться на их фонетической записи с использованием транскрипции пиньинь. Кроме того, при переводе работ Мао Цзэдуна необходимо придерживаться изначального значения в оригинале, даже если это исключало возможность литературного перевода[10].

[7] Ibid. P. 70.
[8] Ibid.
[9] Ibid. P. 76.
[10] Ibid. P. 71.

Тибетские и китайские ученые,
работавшие в «Издательстве национальностей» в 1950-х гг.

Тибетские религиозные ученые	Тибетские светские ученые	Китайские светские ученые
Шераб Гьяцо (Цинхай) Сунграб Гьяцо (Цинхай) Цетен Жабдунг (Цинхай) Дунгкар Лозанг Тинле (Лхаса) Кьенраб Озер (тиб. mkhyen rab ‘od zer, Сычуань) Муге Самтен (Сычуань) Миньяг Гонпо (тиб. mi nyag mgon po, Сычуань) Нгагванг Гьяцо (тиб. ngag dbang rgya mtsho, Лхаса) Хуан Минсинь (кит. 黄明信, Сяхэ)	Пунцог Ванггьел (тиб. phun tshogs dbang rgyal, Батанг) Таши Церинг (тиб. bkra shis tshe ring, Батанг) Келзанг Еше (Батанг) Тэван (кит. tewang, Батанг) Хорканг Сонам Пелбар (тиб. hor khang bsod nams dpal ‘bar, Лхаса) Норгье Лозанг Намгьел (тиб. nor rgyas blo bzang rnam rgyal, Лхаса) Гонпо Гьелцен (тиб. mgon po rgyal mtshan, Батанг) Байдэнь (Батанг) Келзанг Гьюрме (тиб. skal bzang ‘gyur med, Батанг) Санггье (тиб. sangs rgyas, Цинхай) Дордже Гьелпо (тиб. rdo rje rgyal po, Лхаса) Джампел Гьяцо (Батанг) Чоло (тиб. chos blo (lags), Лхаса) Пунцог Таши (тиб. phun tshogs bkra shis, Цинхай) Нгагванг Келзанг (тиб. ngag dbang skal bzang, Батанг) Гедун (тиб. dge ‘dun, Деге) Сонам Дордже (тиб. bsod nam rdo rje) Норбу (тиб. nor bu)	Ван Яо Чэнь Личао Чжан Исун Фацзун Фаши Чжан Кэцян Чжу Вэйхань Ван Инуань Лю Лицянь Дай Сиань Ван Чэнькунь Тан Госинь Чжун Сюшэн Ли Цзоуминь Гао Бинчэнь Лян Да

После второй Общенациональной рабочей встречи в 1959 г. начался перевод четвертого тома собрания сочинений Мао Цзэдуна, посвященного описанию отношений между националистами и коммунистами. Главным редактором был назначен Дордже Гьелпо. Перевод был подвергнут нескольким проверкам и правкам, одну из которых осуществляли известные тибетские религиозные и светские ученые, включая Панчен-ламу Тинле Лхундуб Чокьи Гьелцена (тиб. phrin las lhun grub chos kyi rgyal mtshan), геше Шераб Гьяцо, Нгагпо (тиб. ngag phod), Пагпа Гелег Намгьела (тиб. phag pa dge legs rnam rgyal), Джамъянг Пелмо (тиб. ‘jam dbyangs

dpal mo), Нгагванг Гьяцо (тиб. ngag dbang rgya mtsho), Келзанг Вангдора — сына Деге (тиб. sde dge sras skal bzang dbang rdor), Цетен Жабдунга[11].

Несмотря на многочисленные правки, перевод был встречен критикой со стороны читателей в Тибетском автономном районе. Солдаты Красной армии обвиняли переводчиков в использовании большого количества феодальных терминов и устаревшей лексики. Читатели из провинций Ганьсу и Цинхай требовали переиздания работ Мао Цзэдуна на диалекте Амдо, поскольку перевод, выполненный на основе лхасского диалекта, был им непонятен[12]. В итоге в работе над переводом трудов Мао было задействовано около ста человек. Окончательный вариант перевода, ставший стандартом на десятки лет вперед, был выполнен только в 1967 г.[13]

Следует отметить, что совместная деятельность тибетцев и китайцев не ограничивалась целями пропаганды. Тибетские религиозные деятели, китайские и тибетские чиновники, китайские ученые, заинтересованные в изучении тибетской культуры и религии, а также растущее число тибетцев со светским образованием внесли изменения во многие сферы тибетского общества[14].

Развитие издательского дела в 1950–1976 гг. также оказало влияние на модернизацию тибетского письменного языка. Новый период в развитии издательского дела начался с учреждения в 1953 г. «Издательства национальностей», публикации которого за первое десятилетие существования исчисляются сотнями. В основном это были работы политического содержания, труды Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, правовые документы[15]. Следует отметить, что издательство публиковало также грамматики и словари классического тибетского языка. Такие тексты были особенно востребованы у образованных тибетцев. Так, спрос на словарь классического тибетского языка «Прояснение высшего объекта познания — чистых букв» (тиб. dag yig shes bya rab gsal) геше Джигме Дамчо (тиб. dge shes ‘jigs med dam chos) в современном книжном формате, был так велик, что он был переиздан два раза. Первое издание, вероятно, было осуществлено после основания «Издательств национальностей» в 1953 или 1954 г. Словарь повторно издавался в Пекине в 1954

[11] Ibid. P. 73.
[12] Ibid. P. 74.
[13] Ibid. P. 75.
[14] Ibid. P. 65.
[15] Ibid. P. 77.

и 1956 гг.[16] Создание китайско-тибетских глоссариев способствовало стандартизации новой терминологии.

С 1966 по 1980 г. почти все публикации издательства носили исключительно политический характер. Это были труды Мао Цзэдуна и других революционеров, партийные документы, работы Маркса и Ленина. Исключением стал выпуск «Китайско-тибетского словаря» в 1976 г.[17], дополненное издание которого вышло в 1991 г.[18]

Следует отметить, что в данный период в большом количестве публиковались китайские исследования тибетского фольклора, однако почти все они были на китайском языке. Также на тибетский язык были переведены несколько медицинских и научных трудов[19].

Существенную роль в выработке нового письменного языка сыграло создание в Пекине трех важных центров. В 1953 г. при «Издательстве национальностей» была открыта первая тибетская типография.

Второй центр — Бюро перевода (тиб. yig gyur khang) — был создан специально для перевода на тибетский язык официальных правительственных документов. Из-за характера поступавших текстов бюро являлось одной из наиболее закрытых организаций. Бюро перевода выполняло две важные задачи.

1. Осуществление перевода речей лидеров партии и партийных документов, которые впоследствии публиковались в газетах или становились официальными правительственными документами. Важной задачей было использование единого языка и стиля повествования, терминологии. Особое внимание данному аспекту уделяли и власти КНР.

2. Создание неологизмов, т. е. выработка моделей создания новой лексики. Бюро также устанавливало стандартный стиль языка, отличавшийся простотой и доступностью для большого числа читателей[20].

Третьим и наиболее важным центром был Институт национальностей в Пекине (тиб. mi rigs slob grwa, кит. название Чжунъян миньцзу сюэюань 中央民族学院; после 1993г. переименован в Цент-

---

[16] *dge shes* [*'jigs med*] *dam chos*. dag yig shes bya rab gsal. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1954; *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 78.

[17] rgya bod shan sbyar tshig mdzod. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1976.

[18] *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 81.

[19] Ibid.

[20] *Tsering W. Shakya.* The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 73.

ральный университет национальностей) — центр обучения тибетских и китайских кадров, работающих в Тибете[21].

Развитие журналистики также было тесно связано с появлением новой литературы и нового языка. Появление газет требовало выработки нового языка. Как указывает Церинг Шакья, в отличие от первой газеты на тибетском языке «Юлчог сосой саргьюр мелонг» (1925–1963), основателем и главным редактором которой был тибетский общественный и религиозный деятель Тарчин[22], газеты, издание которых было инициировано китайскими властями, были доступны гораздо большей аудитории[23]. Кроме того, китайские власти могли влиять как на содержание, так и на стиль газетных статей.

В 1950-е гг. газеты были единственным видом печатной продукции, доступным широкому кругу читателей. В них впервые начали публиковаться короткие рассказы тибетских авторов. В трех тибетоязычных газетах для этих целей была создана специальная колонка под названием «Побеги бамбука» (тиб. smyug rtsa), где публиковались преимущественно дидактические сочинения пропагандистского характера — агитационные басни и социалистические притчи. Изначально эти рассказы представляли собой перевод с китайских оригиналов либо были написаны тибетцами на китайском языке. Исследователи отмечают, что из-за большого количества неологизмов, появившихся в результате перевода с китайского, газетные статьи были непонятны большинству тибетского населения. Тем не менее газеты сыграли существенную роль в модернизации тибетского языка — способствовали выработке новой терминологии и стиля, более соответствующего разговорному языку[24].

В 1951 г. начался выпуск газеты «Цинхайские новости на тибетском языке» (тиб. mtsho sngon bod yig gsar ‘gyur), которая распространялась в провинции Цинхай, Тибете, провинциях Ганьсу и Сычуань. Газета выходила каждые десять дней и содержала политические и сельскохозяйственные новости, а также освещала разнообразные местные события. «Цинхайские новости» стали образцом для других газет на тибетском языке[25].

---

[21] Ibid.

[22] Подробнее см. раздел настоящей книги «Значение газеты “Юлчог сосой саргьюр мелонг” (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке», с. 122–133.

[23] *Tsering W. Shakya.* The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 76.

[24] Ibid. P. 78.

[25] *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 83.

Разработкой терминологии для обозначения политических, экономических, научных и культурных понятий также занималась Военная региональная редакционная комиссия Тибета (тиб. bod dmag khul khang gi rtsom zhib u yon lhan khang, кит. Сицзан цзюньцюй бяньшэнь вэйюаньхуй 西藏军区编审委员会), созданная Цатул Нгагванг Лозангом (тиб. tsha sprul ngag dbang blo bzang, кит. Цачжу Аван Лосан 擦珠·阿旺洛桑) в 1952 г. Основной задачей комиссии было издание тибетской версии газеты «Краткие новости» (тиб. bsdus gsal gsar ‘gyur). В комиссию входили такие известные тибетские ученые, как геше Чодаг, который также являлся автором одного из первых современных толковых тибетских словарей под названием «Ясные знаки, слова и выражения» (тиб. brda dag ming tshig gsal ba, 1949 г.); а также Чанглочен Сонам Гьелпо, Дежин Кашо Чогьел Ньима (тиб. de bzhin ka shod chos rgyal nyi ma), Сампо Цеванг Ригдзин (тиб. bsam pho tshe dbang rig ‘dzin), Тубтен Легмон (тиб. thub bstan legs smon), Демо-ринпоче (тиб. de mo rin po che). Некоторые из них позднее стали работать в «Тибетской ежедневной газете»[26].

«Тибетская ежедневная газета» (тиб. bod ljongs nyin re’i tshags par, выходила в Лхасе с 22.04.1956) стала первой современной газетой на тибетском языке, выходившей в Тибетском автономном районе. Одним из переводчиков газеты был вышеупомянутый ученый геше Чодаг[27]. Напрямую способствовать развитию новой тибетской литературы газета начала после 1970 г., когда в ней появился раздел «Новые перья» (тиб. smyug gsar), где публиковались рассказы и эссе тибетских авторов. Китайская версия газеты и раньше содержала аналогичные колонки — «Плато» (тиб. mtho sgang), «Борец плато» (тиб. mtsho sgang gi ‘thab ‘dzing pa) и др.[28]

После третьего пленарного заседания Одиннадцатого съезда Коммунистической партии Китая в декабре 1978 г. в Лхасе издавалось более десяти газет, включая «Тибетскую ежедневную газету», «Вечернюю газету Лхасы» (тиб. lha sa’i dgong dro’i tshags par, кит. Ласа ваньбао 拉萨晚报, с 1985 г.), «Тибетскую техническую газету» (тиб. bod ljongs tshan rtsal tshags par, с 1979 г.), «Тибетскую молодежную газету» (тиб. bod ljongs gzhon nu’i tshags par, кит. Сицзан циннянь бао 西藏青年报, с 1985 г.) и др. В других тибетских городах газеты начали выпускаться позднее[28].

[26] Ibid. P. 86.

[27] Ibid. P. 85.

[28] Ibid. P. 88.

Стиль языка и лексика, которые изначально были выработаны и использовались в журналистике для описания происходящих в действительности событий и реально существующих людей, стали использоваться для создания прозаических произведений в стиле реализма, популярного у партии литературного направления. Первые тибетские рассказы в стиле реализма были основаны на реальных событиях или должны были вызывать у читателя такое ощущение. При этом важна была не правдоподобность описываемых событий, а сама форма: точное указание в произведении времени, даты и места событий, а также соответствующий стиль языка создавали ощущение газетного сообщения или новостного репортажа. Многие тибетские писатели начинали свою карьеру в качестве журналистов; другие — вдохновлялись короткими рассказами из газет и специализированной колонкой «Побеги бамбука».

Среди тибетских авторов популярность приобрела форма дневника (тиб. nyin tho). Дневниковая форма, например, использовалась в таких произведениях, как «Дневник пастбища» (тиб. rtsa thang gi nyin tho) Янгцо Кьи (тиб. g.yang mtsho skyid), «Путевые заметки» (тиб. lam gram gyi nyin tho) Донгбу Дордже Ринчена (тиб. 'brong bu rdo rje rin chen), «Дава» (тиб. zla ba) Церинг Дондуба (тиб. tshe ring don grub)[29].

Изменялся не только язык, но и пунктуация — были заимствованы западные пунктуационные знаки (например, оформление прямой речи: начало прямой речи с нового абзаца, выделение реплик с помощью тире и кавычек), текст начали делить на абзацы. Своеобразными аналогами абзацных отступов в классической тибетской литературе были конечная частица (тиб. rdzogs tshig) в конце сверхфразового единства и двойной *шад* (две вертикальные черты, тиб. nyis shad), завершающий разделы. Деление тексты на абзацы (тиб. brjod pa) облегчало чтение и понимание логико-смысловых связей в тексте[30].

В 1980-х гг. начали возникать споры о целесообразности некоторых изменений в тибетском письменном языке. Так, тибетский ученый Муге Самтен не видел необходимости в использовании западной пунктуации (тиб. rdzogs rtags), которая, по его мнению, никак не облегчала процесс чтения и не приближала письменный тибетский

[29] *Tsering W. Shakya.* The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 77.

[30] Ibid. P. 79.

к разговорному варианту. Он настаивал на необходимости использовать традиционные знаки пунктуации[31].

В 1980 г. было создано официальное Лхасское отделение Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ, кит. Ласа ши вэньлянь 拉萨市文联), членами которого стали художники, фотографы, режиссеры, музыканты, певцы. Оно занималось развитием всех видов современного искусства — современной живописи, современной музыки, современной литературы на китайском (не тибетском) языке. Тибетские авторы, пишущие на китайском языке, быстрее продвигались по карьерной лестнице, получали бóльшую зарплату. Тибетский язык считался языком исключительно религиозной литературы, не способным адекватно описывать новую действительность. Ассоциация издавала журнал «Тибетская литература и искусство» (тиб. bod kyi rtsom rig sgyu rtsal), первым редактором которого был Тендзин Намгьел (тиб. bstan ‘dzin rnam rgyal). Первый выпуск журнала состоял из четырех коротких рассказов: «Цветок благой кармы» (тиб. skal bzang me tog), «Янгчен» (тиб. dbyangs chen), «Земля родины» (тиб. pha yul gyi sa), «Почитаемый человек» (sdi dbang gis gsom pa’i mi), которые были написаны тибетскими авторами несколькими годами ранее на китайском языке и опубликованы в китайских журналах. Основной идеей рассказов, написанных от лица угнетенных феодалами тибетцев, было оправдать действия Народной освободительной армии Китая в Тибете. Рассказы несколько раз переиздавались и вошли в школьную программу. Считается, что данные рассказы были одобрены компартией как образцы стиля и тематики новой тибетской литературы[32].

Важным фактором, способствовавшим модернизации тибетского литературного языка и появления современной тибетской литературы, стало развитие системы светского образования в 1930–1950-е гг. Некоторые тибетские религиозные деятели, занимавшиеся переводами и издательским делом, также принимали участие в проектах по развитию образования. В 1939 г. геше Шераб Гьяцо, упомянутый выше, обратился в Управление образования провинции Цинхай для получения разрешения на открытие школы. Школа была открыта в 1942 г. после получения финансирования от Управления. Три учителя преподавали 90 ученикам: 50 учеников возрастом от 8 до 20 лет получали религиозное образование,

[31] Ibid. P. 81.
[32] Ibid. P. 86.

а также изучали китайский и тибетский языки, 40 учеников старше 20 лет изучали разговорный китайский, грамматику, орфографию, поэзию и философию. Главными задачами уроков были повышение уровня образования, развитие тибетской культуры, пропаганда «трех народных принципов» и объяснение политики партии[33].

В 1951 г. в Управлении образования провинции Цинхай был создан Отдел образования национальных меньшинств. В малонаселенных районах провинции, где преобладающим населением были тибетцы и монголы — округах Юйшу (кит. 玉树), Хайбэй (кит. 海北), Хайси (кит. 海西), Хайнань (кит. 海南) было открыто 20 монгольско-тибетских начальных школ. Первая из этих школ была создана при содействии тибетского ученого Сунграб Гьяцо, упомянутого выше. По инициативе Сунграб Гьяцо были организованы курсы по подготовке учителей. Он также переводил для этих школ китайские учебники и писал их сам. Некоторые его книги по тибетской грамматике, изначально изданные ксилографическим способом, были опубликованы «Цинхайским издательством национальностей» и использовались в школах по всему региону[34].

В 1952 г., через два года после того как отряды Народно-освободительной армии Китая вошли в Тибет, китайское правительство основало в Лхасе первую начальную школу. Там работали несколько выдающихся тибетских ученых. Начальные школы также были открыты в Шигацзе (тиб. gshis ka rtse), Чамдо (тиб. chab mdo sa khul), Гьелце (тиб. rgyal rtse). К 1957 году в Тибетском автономном районе были созданы 93 начальные школы. Первая средняя школа в Лхасе была открыта в 1956 г. В ней работало 70 человек, а обучалось 700 учеников от 12 до 40 лет. В этой же школе появились первые старшие классы в 1960 г. В 1963 г. их выпускники продолжили обучение в пекинских университетах[35].

К 1965 г. было создано 12 крупных университетов, в том числе — Северо-западный институт национальностей (Ланьчжоу, 1950 г.), Центральный институт национальностей (Пекин, 1951 г.), Юго-западный институт национальностей (Чэнду, 1951 г.), Юньнаньский институт национальностей (Куньмин, 1951 г.), Цинхайский институт национальностей (Синин, 1956 г.)[36].

---

[33] Ibid. P. 92.

[34] *Hartley L. R.* Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 93.

[35] Ibid. P. 98.

[36] Ibid. P. 90.

Следует отметить, что во время «культурной революции» (1966–1971) школы и университеты были закрыты, обучение на тибетском языке прекращено. Однако большинство из них возобновили работу в 1971 г.[37]

К 1970 г. обучение на тибетском языке в школах для тибетоязычного населения также было возобновлено. Зачастую в сельских школах преподавали только тибетский язык из-за нехватки преподавателей китайского языка. В городах родители могли выбирать, на каком языке будет вестись преподавание; чаще всего выбирали китайский язык, в сельской местности такого выбора обычно не предоставлялось. Ученики из деревень вынуждены были выбирать специальности, связанные с тибетским языком, вследствие чего большинство тибетских авторов имели деревенское происхождение. Многие тибетские писатели и поэты, например Дондуб Гьел[38] и Таши Пелден (тиб. bkra shis dpal ldan, кит. 扎西班丹, р. в 1962 г., работал в «Тибетской ежедневной газете» кит. сицзан жибао 西藏日报), получали образование на тибетском языке и выучили китайский язык уже после получения высшего образования.

Таким образом, проекты по реформированию литературного языка, инициированные в начале XX в. китайскими властями, были направлены на преодоление разрыва между письменным и разговорным тибетским языком и, как следствие, распространение коммунистических идей среди тибетского населения. Наибольшее влияние на формирование современного тибетского языка во второй половине XX в. оказали: переводы китайских официальных документов на тибетский язык, развитие издательского дела и журналистики, появление газет, формирование ассоциаций тибетских писателей и литературных журналов, развитие светского образования.

[37] Ibid. P. 99.

[38] См. о нем подробнее в разделе настоящей книги «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. 193–208.

Политика КНР в отношении литератур национальных меньшинств с середины XX в.: на примере тибетской литературы

Работа в отношении литератур нацменьшинств в КНР является одним из аспектов деятельности государства в области культуры малых народов, а это в свою очередь часть национальной политики компартии Китая. Необходимо кратко представить основные положения политики в отношении национальных меньшинств (далее — НМ), прояснить идеологические основы государственной деятельности в области культуры, рассмотреть два аспекта этой проблемы — **политику** и **этничность**.

Сначала попробуем дать определение термина «литература нацменьшинств»: это подчеркнутое выражение национальной идентичности с помощью выразительных средств языка и художественных приемов. Здесь возникает вопрос о таких составляющих, как национальное самосознание писателя, его этническая принадлежность, а также язык произведения. Как только произведение перестает пробуждать национальное самосознание, повествовать о культуре, отличающейся от культуры титульной нации, или начинает создаваться на языке титульной нации, то оно переходит в ранг произведений из фонда крупной нации, в случае Китая — литературы ханьцев. Вопрос о языке произведений НМ оказывается наиболее чувствительным, так как языковой барьер препятствует интеграции литературы малых народов в литературу общекитайскую. Ниже мы подробнее рассмотрим, как китайские специалисты определяют литературу НМ.

После образования КНР в 1949 г. началась инициированная государством работа по изучению литератур НМ, для ведения этой работы требовались специалисты из числа представителей НМ, организации, методология и политические установки. Все эти условия фактически отсутствовали в начале 1950-х гг., но на данный момент видны большие достижения, сформирована целостная сис-

тема исследования этих литератур. Начиная с 1950-х гг. работа велась в нескольких направлениях: сбор и изучение фольклора и традиционной письменной литературы НМ; подготовка писателей из числа представителей НМ; написание истории литературы каждого из малых народов. Эта работа призвана установить связь между традиционными произведениями, написанными века назад, и созданными уже современными писателями в период КНР. Развитие тибетской литературы в последние десятилетия также проходило в этих направлениях, но имело и свою специфику, связанную с наличием собственной литературной традиции религиозной направленности на классическом языке, которая выполняла в обществе задачи иные, чем современная светская литература. Острой оказалась проблема адаптации тибетского языка под новые задачи светской литературы. Эти проблемы будут подробнее рассмотрены в данном разделе.

Существующая в Китае централизованная модель управления требует от исполнителей политики, выработанной в центре и на уровне национальных автономных округов, отчетности о результатах их деятельности. Показателями могут выступать научные труды по истории литературы НМ, рост числа писателей — лауреатов различных литературных конкурсов и общего числа опубликованных произведений на языке данного народа, но в большей степени на китайском языке. Если обратиться к материалам китайской периодики, то ситуация выглядит вполне оптимистично: провозглашена всемерная поддержка как традиционной культуры НМ, так и современных форм, в числе которых литература, кино, современная драма, телевидение и проч. Цель данного раздела — дать характеристику этой системной работы по развитию современной литературы НМ.

1. Краткая характеристика национальной политики КНР на современном этапе

По ныне действующей Конституции КНР все национальности Китая равноправны; государство гарантирует законные права и интересы НМ, запрещены дискриминация и угнетение, действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Китай выступает против шовинизма и национализма; каждая национальность имеет право применения и развития языка и письменности, сохранение и изменение обычаев. Конституция КНР и «Закон о районно-национальной автономии» (1984 г., дополнен в 2001 г.) гарантируют право

НМ на использование и развитие разговорного и письменного языков и сохранение национальных обычаев и традиций. В автономных районах национальные языки являются официальными рабочими языками в администрации, на выборах, в судебных слушаниях, СМИ. К. Л. Сыроежкин в работе «Эволюция формирования и основные черты национальной политики Компартии Китая» дает следующее определение национальной политики компартии: «В основу современной концепции национальной политики КПК положены: принцип сохранения государственно-территориального единства КНР и признание за де-юре равноправными народами различных национальностей права на районно-национальную автономию в пределах КНР; предусмотренные концепцией культурно-национальной автономии принципы свободного развития языка, письменности, религии, культуры любой национальности вне зависимости от того, обладает она автономией или нет; принцип распределения властных полномочий между централизованной и местной бюрократией, которые, однако, должны следовать принятым правилам игры; наконец, признание разновеликости уровней социально-экономического и культурного развития населяющих КНР этносов, и отсюда — характеристика сущности национальной проблемы как вопроса “ускорения экономического и культурного развития национальных районов КНР”»[1]. В этом же исследовании указаны такие принципы развития культуры малых народностей: «В сфере духовной культуры — “учитывая этническую ситуацию”, проводить патриотическое воспитание в духе осуществления четырех основных принципов, укрепления национальной сплоченности и прежде всего — поддержание принципов партийного руководства и единства родины; активно изыскивать интеллектуальные резервы и готовить специалистов; прививать новые понятия и новые традиции»[2]. Четко сформулирована позиция центрального правительства в отношении культур НМ: «Государство в процессе осуществления модернизаций всеми силами оказывает помощь национальным меньшинствам в ускорении их экономического и культурного развития, прикладывает значительные усилия в подготовке обладающих коммунистическим мировоззрением кадровых работников и различного рода специалистов из чис-

[1] Глава 3 [Электронный ресурс] // Сыроежкин К. Л. Концепция национальной политики КПК на современном этапе развития КНР. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4soderjanie.html (дата обращения 24.03.2013).

[2] Заключение [Электронный ресурс] // Сыроежкин К. Л. Концепция национальной политики КПК на современном этапе развития КНР. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4soderjanie.html (дата обращения 24.03.2013).

ла национальных меньшинств»[3]. Таким образом, провозглашена готовность центра предоставлять регионам немалую экономическую помощь в обмен на взаимодействие для достижения поставленных общегосударственных задач. Фактически, вплоть до настоящего момента в отношении районов, населенных НМ, остается в силе следующая установка центра: «Важнейшим вопросом в сфере национальной работы остается сохраняющаяся экономическая и культурная отсталость большинства национальных районов, недостаточная экономическая эффективность и значительная их бедность»[4].

2. Этнология в Китае и определение этничности

Остановимся кратко на том, каким образом в современной КНР определяется этничность, такие понятия как «нация», «этнос» и «нацменьшинства». Возможно, читатель посчитает, что это слишком дальние подступы к теме нашего исследования, но необходимо представлять себе принятое в КНР определение «нации», «этноса», в свете чего яснее становятся понятны параметры литературы НМ.

С начала XX в. по мере формирования государства современного типа в Китае получила развитие этнология (кит. миньцзусюэ 民族学), в центре внимания которой были именно НМ, а не основная этническая группа — ханьцы, составляющая в настоящий момент 92 % всего населения. Работа по идентификации этносов, отличных от ханьцев, в границах КНР проводилась с 1953 по 1965 г. и называлась «распознание национальностей» (кит. миньцзу шибе 民族识别). В процессе этой работы некоторые малочисленные народности были объединены в более крупные группы на основе лингвистической общности или других признаков, такое положение вещей встретило согласие не всех народностей. В тот же период было проведено распределение народностей в соответствии с типом их общественного устройства (первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный и т. д.).

В своей работе А. Колас и М. Тоусэн подчеркивают, что этнология в КНР прочно связана с практической реализацией национальной политики на местах. В основе лежат позиции марксизма, воззрения на развитие общества из работ Ф. Энгельса и Льюиса Моргана, взято за основу сталинское определение нации и его триада «племя–

[3] Там же.

[4] Там же.

народность–нация». Круг проблем и теоретические подходы китайских этнологов сильно отличаются от современных западных подходов и обозначены как анахроничные[5]. Е. Балабанцева отмечает, что понятие «народность» (кит. миньцзу 民族) является сокращенным обозначением для малой народности (кит. шаошу миньцзу 少数民族), подспудная связь с идеей меньшинства у этого слова очевидна, никто не использует это слово применительно к ханьцам внутри Китая[6]. Исследователь К. Л. Сыроежкин справедливо отмечает «полисемантичность китайского слова “миньцзу”, которое не передает всех оттенков русского и английского языков и может переводиться как “этнос”, “нация”, “народность”, “национальность”. Поэтому без необходимых пояснений автора в большинстве случаев не совсем ясно, что же он имел в виду конкретно»[7]. Он суммирует, что концепция *миньцзу* для властей Китая должна «учитывать разнородность этнических составляющих населения государства, обеспечивать его территориальное и политическое единство. И такая концепция появилась в виде теории о “единой китайской нации”, состоящей из разнородных этнических компонентов, связанных “единством хозяйственной и культурной жизни”»[8]. Он справедливо отмечает, что в современном Китае дискуссия о феномене «нации», «национальности» неминуемо уходит из области теоретической в область идеологическую и политическую, а конечной целью политики является «регламентация межэтнических отношений». Также исследователь говорит о том, что все китайские работы по этому вопросу делятся на две группы:

1) признающие то, «что современный “единый многонациональный Китай” образовался в результате длительного и сложного развития», это заключение, основанное на реальных фактах;

2) исходящие из «ложного тезиса о том, что Китай всегда существовал в истории как единое полиэтническое государство». В этой связи приведем определение «китайской нации» (кит. чжунхуа миньцзу 中华民族) из «Большой китайской энциклопедии»: «Китайская нация возникла путем соединения большого количества этнических

[5] *Kolas A., Thowse M. P.* On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier. Seattle; London: University of Washington Press, 2005. P. 17.

[6] *Barabantseva E*. Overseas Chinese, ethnic minorities, and nationalism: de-centering China. London; New York: Routledge, 2011. P. 165.

[7] См.: Глава 1 [Электронный ресурс] // Сыроежкин К. Л. Концепция национальной политики КПК на современном этапе развития КНР. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4glava1.html l (дата обращения 24.03.2013).

[8] Там же.

общностей, которые с древних времен вступили в отношения взаимовлияния и взаимосвязи»[9]. В работе 2001 г. А. А. Москалев позитивно оценивает теоретическую проработку национальной проблемы в КНР, подчеркивает, что очень важно было включение в действующую Конституцию «дополнения, гласящего, что все национальности страны участвовали в создании китайского государства», чем «подтверждается самоценность всех народов как носителей самобытного творческого начала»[10]. Автор указывает на «уязвимость позиции китайских специалистов по вопросу национальной идентификации», признает, что «принцип равенства всех национальностей в реальности не всегда и не во всем соблюдается, и здесь нужны теоретические доработки»[11].

Немало западных исследований делает попытку определить, какое место и статус отведены НМ в системе современного китайского государства, как формировалось самосознание этих народностей. Делаются экскурсы в историю взаимоотношений центра с окраинными народами начиная со времен империи. Проблеме формирования национальной идентичности малых народностей Китая в исторической перспективе и в XX в. посвящен сборник под редакцией антрополога-китаеведа С. Харрела. Внимание в нем уделяется широко известному представлению о «цивилизующем проекте» (civilizing project) китайской культуры в отношении периферийных народов, в результате чего основная часть народов (за исключением, пожалуй, тибетцев[12] и уйгуров) переняла многое из китайской культуры мирным путем, в том числе приняла статус «отсталых» внутри сложившейся иерархии[13]. Авторы выделяют три «цивилизующих проекта» в истории Китая: конфуцианский (эпохи Мин и Цин), христианский (XIX — нач. XX вв.) и коммунистический. В процессе этого взаимодействия вызревало и трансформировалось этническое самосознание

---

[9] Чжунго да байкэ 中国大百科 (Большая китайская энциклопедия). Пекин: чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ 中国大百科全书出版社, 1986. С. 573.

[10] *Москалев А. А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / под общ. ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 170.

[11] Там же. С. 171.

[12] В этой связи интересно замечание о том, что тибетцы воспринимали себя распространителями буддизма ламаистского толка среди монголов и маньчжуров, т. е. цивилизаторами, в XVII–XVIII вв.: Buddhism in Contemporary Tibet: Religious Revival and Cultural Identity / Ed. by Goldstein M. C., Kapstein M. T. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 6.

[13] Cultural Encounters on China`s Ethnic Frontiers / Ed. by S. Harrell. Seattle: University of Washington Press, 1995. P. 6–8.

периферийных народов, окрепло сознание себя как некой общности и собственное отличие от ханьцев[14].

Надо отметить, что термин «национальная литература» (кит. миньцзу вэньсюэ 民族文学), как правило, подразумевает именно традиционную литературу НМ, а также современный неавторский фольклор. Произведения, написанные в современный период, зачастую сопровождаются указанием «новейший» (кит. дандай 当代), что указывает на их возникновение после 1949 г. Если учитывать, что за НМ закреплено представление об их древности, пребывании на более ранних стадиях развития, то очевидно, что их литература представлена в основном устным народным творчеством, на современном этапе изучается именно фольклор НМ. Показателен подход к вопросу литературы НМ в коллективной монографии «Общие рассуждения о литературе нацменьшинств Китая» под ред. Лян Тинвана, Чжан Гунцзиня: авторы вообще не берут во внимание новейшую авторскую литературу НМ, отчасти справедливо отмечая, что до основания КНР у них, по сути, не было авторской литературы, после 1949 г. стал появляться «новый фольклор» — песни, арии для традиционной оперы, пословицы, разговорная драма, отражавшие коренные перемены в обществе с установлением нового строя, но использующие свойственные данному народу традиционные формы[15]. Таким образом, существует определенное разделение между национальными литературами (т. е. традиционными) и литературой новейшей, которая является плодом творчества национальных писателей в новом Китае.

Что касается Тибета и проблемы этничности, то это разноплановый вопрос, в нашем исследовании мы затрагиваем только реализацию национальной идентичности в литературе. Очевидно, что тибетцы обладают острым национальным сознанием, которое основано на религиозных ценностях и мировосприятии, сильном историческом сознании, гордости за свой язык и культуру. Проблема государственного регулирования градуса национальной напряженности внутри ТАР и тибетских автономиях, где после непродолжительного периода поддержки национального возрождения в 1980 г. вновь началось ужесточение контроля, стала предметом немалого числа западных исследований. Подробнее политическая

---

[14] Ibid. P. 29–30.

[15] *Лян Тинван* 梁庭望, *Чжан Гунцзинь* 张公瑾主编 ред. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ гайлунь 中国少数民族文学概论 (Общие рассуждения о литературе нацменьшинств Китая). Пекин 北京: 中央民族大学出版社, 1998. С. 117.

сторона проблемы изложена в работах Т. Хеберера[16], К. Маккераса[17], П. Мехры[18], Ши и Чэня[19] и др., ниже мы подробнее остановимся на литературном и языковом аспектах этого вопроса.

3. Источники и материалы для исследования вопроса о культурной политике в районах проживания национальных меньшинств

Литература для изучения данной проблемы может быть следующих трех видов.

1. Работы, изданные в КНР на китайском языке. Единство дискурса и единообразие мнений в этих материалах почти абсолютное по той причине, что все пишущие на эту тему выражают официальную позицию по национальному вопросу, которую мы представили выше. Четкое следование всех работ по вопросам НМ этому положению Конституции является оправданным и отражает организационную мощь государства, так как национальная политика напрямую связана с национальной безопасностью. Оценка достижений разных НМ в области культуры в этих работах всегда положительная. Так, несколько страниц введения к книге «Хроника литературы нацменьшинств Китая в XX веке» под ред. Лян Вантина, Ли Юньчжуна, Чжао Чжичжуна посвящено количественным показателям и перечислению славных достижений литератур разных народов в XX в., представители каких национальностей сколько премий получили за лучший рассказ, повесть, роман, а также высшую литературную премию им. Мао Дуня, сколько появилось видных национальных авторов[20]. В числе достижений указано, что были составлены истории литературы каждой из НМ. Ниже мы еще коснемся китайских источников, освещающих деятельность государства в области культуры НМ.

---

[16] *Heberer T*. China and its national minorities: autonomy or assimilation? Armonk: M. E. Sharpe, 1989.

[17] *MacKerras C*. China's Ethnic Minorities and Globalisation. Routledge: Curzon, 2003.

[18] *Mehra P*. Tibet: Writings on History and Politics. New Delhi: Oxford University Press, 2011.

[19] *Shih Chih-yu, Chen Yu-Wen*. Tibetan Studies in Comparative Perspective. London: Routledge, 2012.

[20] *Лян Тинван* 梁庭望, *Ли Юньчжун* 李云忠, *Чжао Чжичжун* 赵志忠 ред. Эрши шицзи чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ бяньняньши 二十世纪中国少数民族文学编年史 (Хроника литературы нацменьшинств Китая в XX веке). Шэньян 沈阳: 辽宁民族出版社, 2006.

2. Материалы, изданные в России, в основном базируются на данных из официальных китайских источников или западных работ. Российские китаеведы уважают суверенитет КНР и редко формулируют мнение, критикующее политику, избранную правительством Китая в отношении внутренних проблем. Можно утверждать, что российская сторона не всегда формулирует позицию отличную либо от прокитайской, либо от прозападной. Так, исследователь из Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) А. А. Москалев высоко оценивает уровень теоретической проработки национального вопроса в КНР к началу 2000-х гг., он подчеркивает, что там активно изучается реальное положение дел на местах, отсутствуют догматизм и диктат заимствованных теорий[21]. Что касается российских историков, занимающихся проблемой Тибета, то тут встречаются критические оценки политики КНР в Тибете. Так, докторская диссертация И. Р. Гарри[22] рассматривает некоторые направления политики КНР в Тибете критически, при этом заявлено о том, что тибетская проблема является конструктом западной политики в отношении КНР, работа написана в основном на основе западных и китайских материалов. Статья того же автора по результатам поездки в тибетский автономный округ Ганьцзы (пров. Сычуань) в 2010 г. отзывается о политике центра в тибетских районах положительно: «…По нашим наблюдениям, сельское население Кхама и Амдо выиграло от проводимой государством политики… Телевидение вещает на всех тибетских диалектах, песни, танцы, национальные костюмы, традиционные обычаи, праздники, разговорный язык в полной мере возродились в тибетских регионах КНР»[23]. Такое акцентирование и поощрение фольклорной, секулярной стороны жизни народа, по мнению С. Харрела, связано с официальным определением понятия «национальность» (кит. миньцзу 民族) как непременно обладающей ярко выраженными «культурными маркерами» (cultural markers)[24].

Большое количество российских архивных материалов исследовано в работе петербургского историка А. И. Андреева «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России»[25], где автор обознача-

[21] *Москалев А. А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). С. 171.

[22] *Гарри И. Р.* Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете (1951–2001 гг.): автореф. дис. … докт. истор. наук. Улан-Удэ, 2010. С. 7.

[23] *Базаров Б., Гарри И.* Тибетцы Кхама: опыт национальной политики КНР // Власть. 2010. № 5. С. 172.

[24] Cultural Encounters on China`s Ethnic Frontiers. P. 32.

[25] *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

ет присоединение Тибета к КНР как «аннексию», в целом исследование выдерживает нейтральный тон, касаясь главным образом внешней политики, а не интересующей нас темы культуры. В России в свет выходят издания, которые полностью разделяют позицию правительства Далай-ламы в изгнании[26], но нередко очевидно, что они полностью основаны на западных источниках. Важно помнить, что мнения тибетологов и китаеведов из числа иностранных исследователей часто находятся под «очарованием» тех стран, специалистами по которым они являются. На этом мы еще остановимся ниже. Отметим также, что комплексных исследований по вопросам культурной политики в отношении НМ и Тибета, в частности в России, не выходило.

3. Западные источники (мы берем во внимание англоязычные работы), как правило, едины в своем критическом или скептическом взгляде на политику КПК. Основываясь на антикоммунистической и либеральной идеологии, эти работы склонны критиковать политику КПК, которая дает мало свобод НМ, ограничивает возможности для их самоопределения и свободу проведения религиозных мероприятий. Сюда примыкают работы китайских и тайваньских специалистов, вышедшие на Западе, они тоже соблюдают этот дискурс. На современном этапе либеральная идеология нередко подвергается критике в России, но является краеугольной для западных академических кругов, российский читатель должен помнить об этом, знакомясь с западными работами. Что касается французских тибетологов, то они почти все занимают антикитайскиую позицию. Наиболее жесткую критику политики в Тибете содержат, по понятным причинам, материалы правительства Далай-ламы в изгнании, издаваемые в Дхарамсале и других центрах. В этом исследовании мы не останавливаемся подробно на этой теме. Можно отметить обзорную статью западных исследований тибетской эмиграции исследователя из Улан-Удэ М. В. Воробьева, в которой он так обобщает позицию западных тибетологов в отношении проблем современного Тибета: «Практически все западные исследователи тибетского вопроса большое внимание уделяют сохранению культурного наследия Тибета, линии преемственности тибетского буддизма, так или иначе подчеркивая в своих работах уникальность тибетской культурно-религиозной традиции»[27].

---

[26] *Кузьмин С. Л.* Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб.: Издание А. Терентьева, 2010.

[27] *Воробьев М. В.* Тибетская эмиграция в западной историографии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 8. С. 180.

Официальные документы, директивы и научные статьи, изданные в КНР, как правило, бравурные по тону, склонны изображать положение вещей в идеальном виде, грешат обилием клише, повтором одних и тех же данных и малым количеством фактической информации. Интереснее проследить, какова конкретная реализация инициатив «сверху» в каждом регионе, наверняка реакция общества и методы работы разнятся в Тибете, Монголии, Синьцзяне и среди народов провинции Юньнань. Но китайские работы, как правило, сообщают мало конкретных сведений. Причина в том, что авторы мало соприкасаются с изучаемыми регионами, они их в целом мало интересуют. Ценность западных источников, хотя и занимающих критическую позицию, в том, что они содержат данные полевой работы, в том числе сведения о том, как реализуются государственные директивы на местах. Отметим китайско-норвежский проект исследования Тибета за пределами ТАР в 1998–2000 гг., когда группа исследователей обошла все 25 уездов, имеющих статус тибетских автономных уездов, областей и т. д.[28] Вызывает интерес исследование истории и современного состояния крупного центра религиозного образования в Ладанге провинции Ганьсу[29], а также исследование социо-культурных процессов в Юйшу-Тибетском автономном округе (кит. Юйшу цзанцзу цзычжи чжоу 玉树藏族自治州) провинции Цинхай (кит. 青海)[30]. Эти работы исследуют главным образом судьбу традиционной тибетской культуры и ламаизма в современном Китае. По проблеме современной литературы Тибета основные свежие исследования также опубликованы на Западе, в других разделах этого издания упоминаются наиболее авторитетные публикации. К числу их достоинств надо отнести полевые данные, сведения, полученные во время интервью и опросов, четкое незавуалированное обозначение положения дел.

Давая оценку источникам и мнению их авторов, мы должны осознавать и свою собственную позицию. Восприятие материалов будет разным у тибетолога или китаеведа, у каждого свои устоявшиеся представления и «предрассудки». Важно видеть разницу в точке отсчета. Для тибетолога центр находится в Лхасе, он представляет Тибет как регион, который в силу исторических обстоя-

[28] *Kolas A., Thowsen M. P.* On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier. Seattle; London: University of Washington Press, 2005.

[29] *Makley C.* The Violence of Liberation: Gender and Tibetan Buddhist Revival in Post-Mao China. Berkeley: University of California Press, 2007.

[30] *Beth M.* China's 'Tibetan' Frontiers: Sharing the Contested Ground. Leiden; Boston: Global Oriental, 2012.

тельств был поделен государственными границами и стал частью разных государств. Китай воспринимается как государство, простирающееся на востоке далеко от центра, оно, конечно, влияет на самосознание Тибета, но это влияние не самое важное. Тибетец скорее ощущает себя генетически связанным с Индией, а не с Китаем. Для китаеведа центр находится в Пекине, точнее в столице Поднебесной, а Тибет, в восприятии китаеведа, это периферия, такое понимание схоже, собственно, с ханьским. Китаевед видит Тибет через призму материалов, написанных на китайском языке, а значит «китайскими глазами». Наше исследование рассматривает Тибет как инкорпорированный в состав КНР, но мы способны взглянуть на изучаемые материалы со стороны. Надо добавить, что Тибет не производит такого количества материалов о положении дел у себя, в том числе и по вопросу современной литературы, как это делают китайские и западные исследователи. Он становится тем молчаливым, погруженным в себя объектом, о котором мы в основном узнаем со слов «внешних» наблюдателей. Почему существует так мало материалов на тибетском языке по интересующей нас проблеме? Вероятно, ответ в том, что современная литература — продукт модернизированной по западному образцу китайской культуры, в восприятии основной массы традиционно мыслящих тибетцев — явление чуждое и внешнее по отношению к тому, что для них значимо и понятно. Конечно, уже сложилась прослойка читателей среди тибетцев, это в основном городская интеллигенция, которая в большей степени прониклась новыми веяниями из Китая.

4. Исследования «литературы нацменьшинств» в КНР

Выше мы кратко охарактеризовали позицию китайских источников по проблемам НМ. Для формирования, развития литературной деятельности и исследования традиции в районах, населенных НМ, необходимо определиться с терминами и понять, чем отличаются эти литературные явления от литературы ханьцев, как можно определить те или иные специфические жанры и формы этих литератур. В качестве примера рассмотрим две работы по истории современных национальных литератур, написанные китайскими специалистами.

Остановимся на работе китайского литературоведа Ли Хунжаня (кит. 李鸿然) «Теория истории современной литературы нацменьшинств в Китае». Российскому исследователю эта рядовая в целом

книга интересна как образец восприятия НМ китайской образованной прослойкой из мейнстрима (а по национальным вопросам в печать выходит только мейнстрим). Интересно отметить, что НМ представлены как некий пассивно принимающий решения центра субъект, они словно не имеют своей истории, своего самосознания, отличного от восприятия себя частью многонационального Китая. Иными словами, такого рода работы написаны с позиции ханьского большинства, хотя их авторами могут быть и представители НМ, но и в таком случае официальный дискурс подразумевает повторение уже известных установок. О таком обезличенном восприятии НМ как пассивного субъекта без своей исторической воли и миссии часто пишут западные исследователи.

Российский исследователь, пожалуй, более ясно может оценить истинное положение вещей вокруг литературы НМ, он не проникнут идеями либерализма и такой настороженностью по отношению к сильному централизованному государству. Мы ищем причины именно такой политики и отношения к НМ в специфике китайской культуры и государства с его цивилизующей миссией, которая заключается в распространении культуры (кит. вэнь 文) на «варварскую» периферию. Эти окраинные регионы и народы неминуемо воспринимаются как периферия, но они способны дать что-то полезное центру. Сохраняющийся до наших дней патернализм в отношении них заложен именно в этой древней модели восприятия себя и окружающих народов как центра и периферии. В этой модели малые народы нуждаются в окультуривании. Знакомясь с размышлениями Ли Хунжаня, мы понимаем, что для него разграничение литератур НМ между собой в целом неважно, эти литературы воспринимаются как некая аморфная целостность, отличающаяся от литературы китайской. Работа Ли Хунжаня почти полностью состоит из клише, в книге крайне мало ценной фактической информации, но, пусть и слабо, проработан вопрос об определении «литературы НМ». В качестве ее признаков китайские специалисты определяют национальную принадлежность писателя, содержание произведения и его язык. Именно по вопросу языка и сложились разные мнения, одни считали, что литература НМ должна быть написана на национальном языке, другие не выдвигали таких ограничений. Общеизвестен факт, что большинство этнических писателей предпочитает творить на китайском языке, но их работы относятся к НМ. Таким образом, язык произведения вовсе не может быть определяющим. То же относится к содержанию и описываемым реалиям. Ли Хунжань пишет о том, что представитель определенной народности не ограничен изобра-

жением жизни только этой одной народности, хотя это приветствуется. Таким образом, определяющей является национальность писателя[31]. Далее автор высказывает мнение, что «владение китайским языком большинства писателей из НМ положительно влияет на развитие этих литератур… работа на общепринятом языке *путунхуа* позволяет писателям познакомить со своими работами мир, в этом их вклад в китайский язык»[32], мы вновь видим пример восприятия ханьской культуры как центра. Можно утверждать, что для китайской критики литературы НМ, написанной не на китайском языке, просто не существует, она маячит бледной тенью и маловажна.

Авторы уже упомянутой работы «Общие рассуждения о литературе нацменьшинств Китая» под ред. Лян Тинвана, Чжан Гунцзиня и др. во вступительной части ставят вопрос о связи с литературой на китайском языке и литературой в целом[33]. Для ответа на этот вопрос авторы делают экскурс в историю понятия «литература» (кит. вэньсюэ 文学) в китайской традиции, но потом следуют традиционному шаблону, а именно начинают исторический экскурс, чтобы показать, какая давняя история у литератур НМ. В целом это исследование посвящено национальной литературе, под которой, как уже упоминалось, понимается традиционная литература НМ. В отношении малых народов избран принцип разделения на пять географических групп. Затем идет перечисление славной древней истории литературы у НМ, которые уже в первобытно-общинный период имели народные и ритуальные песни, легенды и мифы.

Интересно проследить, каким образом обосновано единство столь отличных друг от друга литератур НМ. Признавая это разнообразие, авторы задают вопрос: могут ли они образовать некое единство? Ответ дается утвердительный, признаком, объединяющим все эти литературы, является то, что они суть множество аспектов одного целого (кит. доюань ити 多元一体), вспомним уже упомянутую политическую установку на то, что все народы есть часть «единой китайской нации», тут также декларируется единство всех литератур НМ во главе с литературой ханьцев[34]. Далее авторы

---

[31] *Ли Хунжань* 李鸿然. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шилунь 中国当代少数民族文学史论 (Теория истории современной литературы нацменьшинств в Китае). Куньмин 昆明: 云南教育出版社, 2004. С. 10–12.

[32] Там же. С. 50.

[33] *Лян Тинван* 梁庭望, *Чжан Гунцзинь* 张公瑾主编 ред. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ гайлунь 中国少数民族文学概论 (Общие рассуждения о литературе нацменьшинств Китая). Пекин 北京: 中央民族大学出版社, 1998. С. 1.

[34] Там же. С. 7.

признают, что литература НМ из разных ареалов и климатических зон будет разной, что они образуют культурные ареалы (кит. вэньхуа цюань 文化圈), так народы степей и высокогорий склонны создавать эпические поэмы (в частности, эпосы о Гесаре, «Манас» и др.)[35].

Работа под ред. Лян Тинвана, Чжан Гунцзиня также оправданно затрагивает вопрос языка произведения, в ней говорится о том, что почти все НМ в той или иной степени владеют китайским языком, 40 этносов имеют свою письменность, на современном этапе сохранена письменность 23 языков. Опять же отмечено, что многие видные писатели из числа НМ создавали талантливые произведения китайской литературы (Лао Шэ 老舍, Шэнь Цунвэнь 沈从文 и др.). Этот факт указывает на условность границ литературы НМ, так, видные и крупные произведения этнических писателей сразу становятся гордостью и достоянием титульной нации, но при необходимости вспоминают их неханьское происхождение. Ниже авторы делают важное заявление о том, что литература НМ может быть создана только представителям НМ, если о малых народах пишет ханец, то это не литература НМ. Следуя этой логике, литература, написанная ханьцем на английском или японском языке, будет считаться китайской. Авторы отмечают, что в случае авторской литературы определить принадлежность нетрудно, но ситуация сложнее с народной неавторской литературой, где имеется множество заимствований одним народом из другого[36].

Книга Ли Хунжаня начинается с описания масштабной работы по сбору и упорядочиванию национальных литератур в 50-е гг. XX в. В рамках этой же работы и были определены все 55 малых народностей в Китае. Начиная с 1950-х гг. были написаны истории литературы всех 55 национальностей. Основная группа писателей из числа НМ появилась после начала «политики реформ и открытости» в 1978 г. Перечислим кратко исторические факты из книги Ли Хунжаня, имеющие значение для развития литератур НМ в КНР. Касаясь вопроса об истории появления термина «литература нацменьшинств», автор указывает, что впервые теоретическую статью по этой проблеме написал в 1951 г. филолог Чжан Шоукан (кит. 张寿康), содержание этого понятия окончательно определилось только к 1960-м гг. В марте 1956 г. известный писатель Лао Шэ прочитал на всекитайском съезде писателей «Доклад о работе в области ли-

[35] Там же. С. 14.
[36] Там же. С. 7.

тературы братских народов» (кит. Гуаньюй сюнди миньцзу вэньсюэ гунцзо дэ баогао 关于兄弟民族文学工作的报告). Тогда же появились первые данные о росте числа писателей из НМ: если до 1949 г. их почти не было, то к 1959 г. было уже 200 человек. В 1958 г. видный писатель Мао Дунь, тогда министр культуры КНР, стал инициатором «движения литератур нацменьшинств», задача которого состояла в активизации литературного процесса среди НМ, введении его в русло политики партии, на этой волне была проведена колоссальная работа по сбору фольклора и устной литературы НМ. Не раз отмечалось, что не до конца ясно, каким образом эта информация фиксировалась и как записывалась, многое купировалось, религиозные моменты нивелировались, создавался облик классовой по своей природе литературы. Очевидно, что работа с этнографическим материалом требует специалистов высокой квалификации, которых очевидно было недостаточно на тот момент, не менее важны те критерии, по которым проводится так называемая «сортировка» или «упорядочение» собранного первичного материала, нередко та же легенда или песня могла иметь несколько версий, но фиксировалась зачастую только одна из них[37].

В журнале «Народная литература» (кит. Жэньминь вэньсюэ 人民文学) под ред. Мао Дуня публиковались произведения представителей НМ, главным образом из Внутренней Монголии. Он же

[37] В исконно ханьских районах была проделана большая работа по «упорядочиванию» народных песен и танцев. Так, на основе ритуальных народных танцев (кит. янгэ 秧歌), распространенных в северном Китае, был сформирован новый танцевальный жанр с таким же названием; позднее в период «большого скачка» (1956–1958) развитие получила революционная песня в стиле народных песен, в «культурную революцию» пекинская опера стала основой для создания «образцовых опер» (кит. янбаньси 样板戏) на революционные сюжеты. Была создана система подготовки профессиональных оперных исполнителей и танцоров, от уровня уезда до столичных институтов искусств. См.: *Holm D.* Folk Art as Propaganda: The Yangge Movement in Yan`an // Popular Chinese Literature and Performing Arts: in the People`s Republic of China 1949–1979 / Ed. By B. S. McDougall. Berkeley, 1984. P. 3–35. Тибетские народные искусства и традиционная драма также прошли обработку, исполнители становились профессионалами, а также шла доработка хореографии и музыки в соответствии с заимствованными из-за рубежа эстетическими принципами. Так, в Лхасе в 1960 г. была организована государственная труппа тибетской драмы; была реформирована манера исполнения: состав оркестра расширен за счет духовых и струнных инструментов ханьского и западного происхождения, действие происходило на современной сцене. Тем не менее с 1990-х гг. возродилось множество малых частных трупп, которые исполняли неизмененные драмы для ритуальных целей и летнего праздника в Лхасе. См.: The Cambridge Guide to Asian Theatre / Ed. by J. R. Brandon. Cambridge University Press, 1993. P. 56.

поощрял ученичество писателей из НМ у маститых китайских писателей. Двое тибетских поэтов — лама-перерожденец Цатул Нгагванг Лозанг (тиб. tsha sprul ngag dbang blo bzang, кит. Цачжу Аван Лосан 察珠·阿旺洛桑, 1879–1957)[38] и Рабгье Пасанг (тиб. rab rgyas pa sangs, кит. Жаоцзе Басан 饶阶巴桑, р.1935, Юньнань)[39] удостоились его высокой оценки на литературном съезде в 1960 г. В 1961 г. в Институте литературы Академии общественных наук КНР на заседании по вопросам написания истории литератур НМ под руководством директора института Хэ Цифана (кит. 何其芳, 1912–1977) было сказано, что «в процессе написания истории возникает вопрос: акцентировать ли общие черты или различия этих народов, одно мнение гласит, что написание общей истории всех литератур должно способствовать естественному слиянию этих народов, и надо подчеркивать их общие черты, вне особенности каждой из литератур, другое мнение таково, что эти две вещи не противоречат друг другу, внимание к специфике каждой из литератур не мешает объединению народов»[40]. Тут можно отметить проявление особенности национальной политики, ориентированной на постепенную ассимиляцию этих народов внутри «единой китайской нации» на этом этапе.

Важную роль в продвижении литератур НМ сыграл Лао Шэ, по его инициативе были проведены следующие мероприятия:

1) начата работа по переводу выдающихся произведений из литературного наследия НМ на китайский язык и их публикации местными ведущими издательствами;

2) общегосударственные и местные литературные журналы начали публиковать работы писателей из НМ (в основном на китайском языке);

---

[38] Подробнее о жизни и творчестве Цатул Нгагванг Лозанг см.: *Hartley L. R.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000). P. 126–133.

[39] Один из «пяти великих» китаеязычных тибетских поэтов КНР (тиб. snyan ngag pa mi lnga), творческая деятельность которых началась в 1950-е гг. Подробнее об этих поэтах см.: *Yangdon Dhondup.* Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 41–47. Краткую справку о жизни и творчестве Рабгье Пасанга см. в.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 284–285. Также. см. анализ произведений Рабгье Пасанга и других китаеязычных авторов-тибетцев, затрагивающих тему страданий, в диссертации: *Yue Yue.* Le sujet des souffrances dans la littérature tibétaine sinophone: 1952–2000. T. I. P. 72 и далее.

[40] *Ли Хунжань* 李鸿然. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шилунь 中国当代少数民族文学史论 (Теория истории современной литературы нацменьшинств в Китае)**.** Куньмин 昆明: 云南教育出版社, 2004. С. 92.

3) члены Союза писателей должны были ездить в районы НМ, изучать их жизнь и отражать ее в своих произведениях[41].

В 1980–1990-х гг. началось стремительное увеличение количества членов в Союзе писателей из числа НМ, так в 1980 г. их было 126 человек, а в 1998 г. более 5 тысяч человек, 11 % от общего числа. Очевидно, что система отчетности заработала более слаженно, что выражалось в числе премий, конгрессов. Так, за 20 лет в 1980–1990-е гг. было проведено шесть общенациональных конкурсов среди литераторов НМ, а также четыре всекитайских конференции по вопросам литератур НМ, на которых и формулировались политические установки о том, каков должен быть облик этой литературы. Ли Хунжань также сообщает другие сведения о позитивных достижениях в развитии литератур НМ в последние десятилетия. В 1980 г. Союз писателей Китая и Комитет по делам национальностей (кит. Гоцзя миньвэй 国家民委) основали литературную премию для писателей из НМ. В 1980 и 1986 гг. прошли Общенациональные конгрессы по литературам НМ. В 1999 г. «Народное издательство провинции Юньнань» (кит. Юньнань жэньминь чубаньшэ 云南人民出版社) выпустило издание «Серия избранных классических произведений литературы нацменьшинств Китая» (кит. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ цзиньдянь вэньку 中国少数民族文学经典文库) из 8 томов, которое включало 314 писателей. В основном, это произведения традиционной литературы.

Течение «поиска корней», ставшее настоящим бумом в китайской литературе середины 1980-х гг., оказало влияние и на развитие литературы НМ. Связано это с тем, что из центра (Пекина) стала пропагандироваться идея о том, что изучать, живописать и гордиться своей местной культурой — это доброе и достойное дело. Это и стало задачей литератур НМ, опять же импульс развитию был дан из центра. По видению Ли Хунжаня, писателям из НМ легче «уловить» сущность своих местных традиций и верований, нежели ханьцам.

Ли Хунжань верно отмечает, что влияние экономических реформ на литературу НМ было не меньшим, чем влияние политики[42]. С началом рыночных реформ литература НМ стала «периферией на периферии всей литературы», в ситуации ослабления поддержки государства многие писатели стали искать пути выживания, немало их из числа НМ ушли на телевидение и стали писать сценарии для сериалов, эта же судьба постигла и многих писателей-ханьцев.

[41] Там же. С. 100.
[42] Там же. С. 30.

Инициированный в 1999 г. высшим руководством КПК план развития западных районов (кит. сибу да кайфа 西部大开发) также косвенно повлиял на литературу НМ, большинство из которых проживало именно в этой части КНР. В октябре 2001 г. в Чунцине, пров. Сычуань, прошел форум «Развитие западных районов и процветание национальных литератур» (кит. Сибу кайфа юй фаньжун шаошу миньцзу вэньхуа луньтань 西部大开发与繁荣少数民族文学论坛). Положительное влияние на литературу, по мнению автора, заключалось в следующем:

1) рост экономики и развитие общественных сил в регионе обеспечивал экономическую базу для развития литературы;

2) развитие западных районов давало ценный материал для литературы НМ;

3) создание мощного информационного фона, привлекающего внимание всех писателей к западным районам, которые будут больше писать о них.

В рамках этой конференции было заявлено, что «для соответствия нуждам развития западных районов необходимо срочно поменять прежние представления о литературе и окололитературные структуры»[43]. Таким образом, в этом регионе происходило постепенное изменение в системе поддержки литературных бюджетных объединений и прочих инстанций. План развития западных районов имел своей главной целью развитие инфраструктуры региона, системы всех типов коммуникаций, привлечение инвестиций, открытие множества новых предприятий. Такое оживление экономики должно было привести к росту культуры, развитие экономики понималось как непременное условие разрешения всего комплекса проблем в западных районах.

Ли Хунжань так суммирует главные перемены в литературе НМ за годы правления КПК:

1) из устной формы она перешла в основном в письменную;

2) от фольклорной перешла к авторской;

3) от несоциалистической к социалистической.

Это стало возможным благодаря появлению новой формации писателей из числа НМ. Поиск и продвижение таких талантливых писателей являлись задачами отделений Союза писателей и Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) на местах[44].

[43] Там же. С. 45.

[44] Там же. С. 140.

Исследование профессора Центрального университета национальностей в Пекине, переводчика тибетской литературы Гэн Юйфана (кит. 耿予方) «Новейшая литература тибетцев» (кит. Цзанцзу дандай вэньсюэ 藏族当代文学) посвящено интересующему нас региону, отличается профессионализмом и глубоким знанием предмета. Гэн Юйфан упоминает, каким образом стимулировали развитие литературной критики, так как именно этот аспект оставался наименее развитым. Автор упоминает создание в 1992 г. Научного общества исследования современной тибетской литературы (кит. Чжунго дандай цзанцзу вэньсюэ сюэхуй 中国当代藏族文学学会) в рамках тибетского отделения ВАРЛИ ТАР, в том же году в октябре в Пекине была проведена конференция по вопросам поэзии Йидам Церинга. Гэн Юйфан касается вопроса о языке тибетской литературы. По его словам, в Тибете существует устойчивое представление, что тибетская литература может быть создана только на родном языке, а будучи написанной на китайском, она теряет свою специфику. Никто из авторов-тибетцев до недавних пор не писал на китайском, но после 1951 г. количество овладевших китайским языком тибетцев значительно увеличилось[45]. Гэн Юйфан считает, что помимо языка произведения не менее важны для формирования литературы НМ такие показатели, как ключевые идеи, художественная форма, особенности авторского метода, описание окружающей среды и обычаев, морально-этические критерии, эстетические принципы, уровень культуры пишущего и др.[46] Он справедливо отмечает, что тибетская литература имеет давнюю выдающуюся историю, письменную и устную традиции, что нехарактерно для многих других НМ Китая. Поразительный скачок в развитии тибетской литературы Гэн Юйфан связывает со сменой политического строя в 1950 г., когда тибетцы получили доступ к образованию и смогли стать писателями. Он положительно оценивает влияние переведенных на тибетский язык классических китайских романов, которые обогатили современную тибетскую культуру. Также решающее значение имела организация мест для публикации, а именно множества тибетоязычных литературных журналов[47]. Можно отметить положительную оценку этим авторитетным специалистом тенденции на сближение литератур на тибетском и китайском языках.

[45] *Гэн Юйфан* 耿予方. Цзанцзу дандай вэньсюэ 藏族当代文学 (Новейшая литература тибетцев). Пекин 北京: 中国藏学出版社, 1994. С. 8.

[46] Там же. С. 9.

[47] Там же. С. 11.

Ниже мы рассмотрим, как в тибетских районах реализовывалась государственная политика в области культуры НМ.

5. Влияние политики центра на состояние культуры и литературы Тибета

5.1. Восстановление культуры в начале 1980-х гг.

Много сказано и написано в КНР и за его пределами о том, какой взлет в культурной жизни всего Китая начался после начала политики реформ и открытости. В Тибете в 1980-е гг. началось возрождение национальной культуры, публикация книг на национальных языках, восстановление разрушенных в «культурную революцию» зданий и культовых сооружений, появление искусств и исполнительства, и самое главное — возрождение религиозных практик. Важную роль в этом процессе сыграл генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан (кит. 胡耀邦, 1915–1989), который посетил Тибет в мае 1980 г. После его визита на территории тибетских автономий была отменена политика ограничения рождаемости, выделены средства на восстановление религиозных центров, началось привлечение новых кадров из числа местных жителей. После этого визита был дан «зеленый свет» процессу восстановления национального самосознания тибетцев. В 1984 г. в Пекине прошло второе рабочее заседание по проблемам Тибета (кит. ди эр цы сицан вэньти гунцзо цзотаньхуй 第二次西藏工作座谈会), на котором была определена линия на укрепление авторитета центральной власти среди населения региона. С 1985 г. руководителем КПК в ТАР был назначен У Цзинхуа (кит. 伍精华, 1931–2007) из народности *и* (кит. 彝), который стремился создать благоприятные условия для тибетцев. В 1987–1989 гг. после волнений и столкновений в Лхасе на территории ТАР был введен комендантский час, отмененный в мае 1990 г.[48]

Массированная работа по восстановлению культурного достояния Тибета, уничтоженного или пострадавшего в «культурную революцию», происходила в 1980-е гг. Свобода вероисповедания была официально провозглашена Конституцией в 1982 г., в 1980-е гг. некоторые крупные монастыри восстанавливались за государственные средства, но к концу 1990 г. это финансирование прекратилось.

[48] *MacKerras C.* China's Ethnic Minorities and Globalisation. P. 28–29.

В настоящее время восстановление ведется за счет верующих из числа тибетцев, средства поступают из всего Китая, реже из зарубежных фондов. Малые храмы относятся к нескольким деревням, жители которых собирают средства на ремонт и поддержание своего храма. Организованы следующие структуры для изучения тибетского буддизма и институциализации процесса подготовки высших иерархов: в 1981 г. в рамках Академии общественных наук ТАР (кит. Сицзан цзычжи цюй шэхуй кэсюэюань 西藏自治区社会科学院) был образован Исследовательский институт религий (кит. Цзунцзяо яньцзюсо 宗教研究所), в 1984 г. — Факультет буддологии и Кафедра религии при Тибетском университете (г. Лхаса), в 1983 г. под эгидой Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации был открыт Тибетский институт буддизма. В 1987 г. Панчен-лама открыл в Пекине Высшую буддийскую академию для *тулку*.

Для самих тибетцев наиболее важными стали мероприятия государства по восстановлению монастырей и возобновлению их работы, налаживанию системы образования на тибетском языке. Надо признать, что относительно традиционной культуры НМ проблема, как правило, состоит в остром противоречии между условиями, необходимыми для сохранения культуры, и ориентацией на развитие, модернизацию, урбанизацию. Это один из острых конфликтов во всех регионах современного Китая. Правительство делает акцент на развитие, экспансию, разработку ресурсов и возможностей каждого региона. Точка сосуществования этих зачастую взаимоисключающих тенденций видится в постулировании, тиражировании символов культуры и искусства той или иной малой народности, которые призваны привлечь туристов. Таким образом, произведения искусства и плоды культурной работы современных тибетцев должны обладать легко узнаваемыми чертами и признаками тибетской культуры, они призваны быть продолжением образа тибетской традиции. В диссертации И. Р. Гарри упоминается, что инициированный Ху Яобаном курс развития Тибета предполагал учет так называемых специальных характеристик (тиб. dmigs gsal khyad chos, кит. тэсэ 特色), которые были запрещены во время «культурной революции». «Специальные характеристики» были официально санкционированы, и началось стремительное возрождение местной культуры — религии, традиций, обычаев, образования, литературы и искусства. А. Колас и М. Таусэн делают интересное замечание о том, что сам уклад жизни и среда обитания тибетцев являют собой «культуру пастбищ», с прекрасными горами, долинами, кристально чистыми водоемами, белеющими пиками на синем небе — этот образ привлекает

несметное количество туристов из больших городов Китая, для них эти места — контраст с привычной им средой, это и есть образ Тибета для «чужих»[49]. Нас вопрос о «национальном колорите» интересует и в связи с тем, что он становится материалом для современной литературы НМ. С ходом времени новые поколения тибетских писателей все более отдаляются от исконного традиционного состояния своей культуры, не исключено, что исследования по тибетской истории и культуре могут служить как справочные материалы для наполнения своих работ тибетской спецификой. С другой стороны, статья Л. Макони содержит указание на то, что молодое поколение тибетцев, получивших образование после «культурной революции», склонно писать на тибетском языке, они глубже знают свою культуру, чем те, кого захватили годы запретов[50].

Для тибетцев важнейшими центрами культуры являются монастыри, а понятие «литература» подразумевает буддийскую литературу[51]. Авторы отмечают, что говоря о процветающей в современном Тибете культуре, китайские источники имеют в виду такие явления, как опера, народный танец, выставки современного искусства, музеи, современная тибетская литература, издательства, радио и телевидение. Акцент делается на «научности» и современности этих направлений культуры. Отсюда можно заключить, что правительство КНР акцентирует **светский характер культуры** Тибета, вопреки более расхожему мнению о том, что это религиозная буддийская культура. Если ламаизм считать идеологией эксплуатирующего класса, то что же является основой культуры народных масс? Она находит воплощение в фольклоре, народной литературе и искусстве. В официальной «Белой книге о развитии культуры Тибета» (кит. сицзан вэньхуа дэ фачжань байпишу 西藏文化的发展白皮书), вышедшей в 2000 г., сказано, что современные формы искусства и художественного творчества прославляют и наследуют «выдающуюся традицию национального искусства» (кит. юсю дэ миньцзу вэньи чуаньтун 优秀的民族文艺传统), работы содержат «ярко выраженные национальные особенности» (кит. минсянь миньцзу тэсэ 鲜明民族特色). Культура народных масс была призвана заменить культуру класса

[49] *Kolas A., Thowsen M. P.* On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier. P. 153.

[50] *Maconi L.* One Nation, Two Discourses: Tibetan New Era Literature and the Language Debate // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham; London: Duke University Press, 2008. P. 177.

[51] *Kolas, A., Thowsen M. P.* On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier. P. 11–13.

феодалов. Например, в традиционном обществе статус устного эпоса о Гесаре был невысок, но на современном этапе он почитаем и активно тиражируется как национальный символ.

Какие же мероприятия были направлены на формирование образа светской тибетской культуры? В 1980-е гг. в ТАР и за его пределами работали группы этнографов и фольклористов. Важный вклад в систематизацию сведений о тибетской народной культуре внесли тома о Тибете из крупных серий, охватывающих все провинции Китая, в частности: «Материалы о китайском театре. Том “Тибет”»[52], «Собрание народных песен Китая. Том “Тибет”»[53], «Собрание народных поговорок Китая. Том “Тибет”»[54], «Собрание национальных народных танцев Китая. Том “Тибет”»[55], а также собрания по песенно-повествовательным жанрам[56], музыкальным инструментам[57] и народным песням. Эти серии считаются в КНР авторитетными собраниями справочных материалов. В связи с подготовкой этих изданий надо отметить работу НИИ национального искусства ТАР (кит. Сицзан цзычжи цюй миньцзу ишу яньцзюсо 西藏自治区民族艺术研究所) в Лхасе (с 1983 г.), возглавляет институт тибетец Тендзин Церинг (тиб. bstan ‘dzin tshe ring, кит. Даньцзэн Цыжэнь 旦增次仁), под его началом ведется работа по собиранию и записи устного народного творчества, сохранению нематериальной культуры, институт выпускает двуязычный научный журнал «Исследования искусства Тибета» (кит. Сицзан ишу яньцзю 西藏艺术研究, на кит. яз.).

Официальная «Белая книга» (2000 г.) также подчеркивает важность долгосрочного проекта по сбору и публикации народного эпоса о Гесаре. Начиная с 1979 г. в течение 20 лет было собрано

---

[52] Чжунго сицюй чжи. Сицзан цзюань 中国戏曲志。西藏卷 (Материалы о китайском театре. Том «Тибет»). Пекин 北京: 文化藝術出版社, 1993.

[53] Чжунго миньцзянь гэяо цзичэн. Сицзан цзюань 中国民间歌谣集成。西藏卷 (Собрание народных песен Китая. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 1995.

[54] Чжунго яньюй цзичэн. Сицзан цзюань 中国谚语集成。西藏卷 (Собрание народных поговорок Китая. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 2001.

[55] Чжунго миньцзу миньцзянь удао цзичэн. Сицзан цзюань 中国民族民间舞蹈集成。西藏卷 (Собрание национальных народных танцев Китая. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 2000.

[56] Чжунго цюйи иньюэ цзичэн. Сицзан цзюань 中国曲艺音乐集成。西藏卷 (Собрание по песенно-повествовательным жанрам. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 2007.

[57] Чжунго миньцзу миньцзянь циюэцюй цзичэн. Сицзан цзюань 中国民族民间器乐曲集成。西藏卷 (Собрание по музыкальным инструментам и народным мелодиям. Том «Тибет»). Пекин 北京, 2009.

300 экземпляров рукописей и ксилографов, в результате впервые в истории этот устный эпос был издан в целостном виде, заняв 70 томов на тибетском языке. А. Колас и М. Таусэн приводят данные о том, что ведущее государственное «Народное издательство Тибета» (кит. Сицзан жэньминь чубаньшэ 西藏人民出版社) опубликовало к началу 2000-х гг. 6600 различных названий, 80 % книг было написано на тибетском языке. При Академии общественных наук ТАР было организовано издательство для публикации редких книг, которое участвовало в подготовке к изданию эпоса о Гесаре и других жемчужин традиционной литературы[58].

А. Колас и М. Таусэн уделяют немало внимания вопросу организации среднего и высшего образования на тибетском языке. Ситуация с получением среднего образования на тибетском, китайском или двух языках такова, что учащиеся, с детства владеющие китайским языком хоть на каком-то уровне, находятся в более выгодном положении[59]. Уже не раз мы отмечали, что хорошо владеющие китайским языком деятели культуры из числа тибетцев или сино-тибетцев обеспечивают диалог между двумя культурами. Писатели, укорененные только в тибетском языке, тоже могут заявить о себе как литераторы, но их произведения, вероятно, останутся малоизвестными, если не будут переведены. Мы уже неоднократно указывали, что все тибетские писатели, пользующиеся известностью в Китае, свободно владеют китайским языком. А. Колас и М. Таусэн приводят интересное замечание о том, что правительство протягивает руку помощи тем молодым тибетцам, которые готовы участвовать в формировании «современной тибетской идентичности». Поощряется работа в области современной литературы и искусства. При этом такие произведения подвергаются критике традиционалистов, которые считают, что необходимо строго придерживаться старины, и в новой идентичности нет надобности, что это уступка интересам КПК и предательство тибетских традиций[60].

На чем зиждется национальная идентичность тибетцев? В главе «Заключительные размышления» М. Капстейн дает следующее определение: «Помимо народного представления о том, что тибетцы это те, кто говорит на тибетском, ест цампу (высушенную ячменную муку) в качестве основной пищи, можно указать, что их связывает

[58] *Kolas, A., Thowsen M. P.* On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier. P. 135.

[59] Ibid. P. 105.

[60] Ibid. P. 177.

географическое единство тибетского мира (включая естественные границы и священную географию), чувство общей для всех тибетцев истории, общий литературный язык (включая его значение для формирования образованной элиты, воспитанной на единой литературе), а также аспекты генеалогии, мифа и фольклора, — все это помимо тибетской религии»[61]. Авторы отмечают, что религия занимает важное положение, но это не единственный компонент национальной идентичности современных тибетцев, велика также роль истории, географии и образования. Тибетский исследователь Самтен Гьелцен Кармеу (тиб. bsam gtan rgyal mtshan mkhar rme'u), работающий на Западе, добавляет, что важными факторами формирования национальной идентичности современных тибетцев являются эпическая литература и «секулярные» культы богов гор, не связанные с буддизмом[62]. В этой связи вспомним раннюю повесть Ма Юаня (р. в 1953 г., уезд Цзиньчжоу, пров. Ляонин, 马原) «Искушение горы Кайлас»[63], о горном пике Кайлас, являющемся центром такого культа.

5.2. Мероприятия, повлиявшие на развитие современной литературы Тибета

Двухтомная «История развития тибетской культуры» Дондуб Вангбума (тиб. don grub dbang 'bum, кит. Даньчжу Анбэнь 丹珠昂奔, р. в 1955 г., Ганьсу)[64] содержит немало информации о работе государства в области развития литературы в Тибете. Ее автор, профессор Центрального университета национальностей в Пекине Дондуб Вангбум, завершающие главы своей работы посвятил гуманитарным исследованиям, культуре и литературе Тибета после 1951 г. Он отмечает важную роль вузов в подготовке местных кадров. Тибетский институт национальностей (кит. Сицзан миньцзу сюэюань

[61] Buddhism in Contemporary Tibet: Religious Revival and Cultural Identity. P. 140.

[62] *Karmay S.* Mountain Cults and National Identity in Tibet // Resistance and Reform in Tibet. Robert Barnett ed. London: Hurst. & Co. 1994. P. 114.

[63] *Ма Юань* 马原. Гандисы дэ юхо 冈底斯的诱惑 (Искушение горы Кайлас). Пекин 北京: 作家出版社, 1985.

[64] *Дондуб Вангбум* 丹珠昂奔. Цзанцзу вэньхуа фачжань ши 藏族文化发展史 (История развития тибетской культуры). Ланьчжоу 兰州: 甘肃教育出版社, 2001. Сведения о жизни и творчестве Дондуб Вангбума см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 249–251. См. также: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 447.

西藏民族学院) был основан в 1965 г. в г. Сяньян провинции Шэньси, главной задачей была подготовка национальных тибетских кадров. Тибетский университет (кит. Сицзан дасюэ 西藏大学) был открыт в 1985 г. в Лхасе на базе Тибетского педагогического института. Дондуб Вангбум говорит, что тибетология как область научных исследований сформировалась в КНР только после «культурной революции», немалое влияние на ее зарождение оказали западные работы, которые начали выходить раньше, чем китайские. По мнению автора, первая работа по истории литературы «История литературы тибетцев» вышла в 1985 г. в Чэнду, это труд группы исследователей из Центрального института национальностей в Пекине под руководством Ма Сюэляна и Чабпел Цетен Пунцога (тиб. chab spel tshe brtan phun tshogs, кит. Цзябай Цыдань Пинцо 恰白・次旦平措, р. в. 1922 г., Лхаса, также известен как Кунга — тиб. kun dga'), Дун Цзиньхуа[65], книга переиздана в Чэнду в 1994 г.[66], но она посвящена литературе до 1951 г.

Автор упоминает, что следующие научные объединения играют роль в изучении главным образом традиционной литературы НМ, в том числе и тибетской.

1. Научное общество национальных литератур Китая (кит. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ сюэхуй 中国少数民族文学学会, China Ethnic Literature Society). Это некоммерческое научное объединение было основано в 1979 г. в городе Чэнду, провинции Сычуань, работает в рамках НИИ национальных литератур при АОН КНР в Пекине (кит. Чжунго шэхуй кэсюэаюнь миньцзу вэньсюэ яньцзюсо 中国社会科学院民族文学研究所, основан в 1980 г.). Выпускает «Бюллетень научного общества национальных литератур» (кит. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ сюэхуй тунсюнь 中国少数民族文学学会通讯, всего 33 вып.), а также серию теоретических работ «Сборник статей по национальным литературам» (кит. Шаошу миньцзу вэньсюэ луньцзи 少数民族文学论). Организация выступает инициатором множества конференций и научно-исследовательских мероприятий в связи с литературами НМ.

2. Общество писателей из нацменьшинств КНР (кит. Чжунго шаошу миньцзу цзоцзя сюэхуй 中国少数民族作家学会, Chinese Minority Writers' Society), основано в 1985 г., входит в состав Сою-

[65] *Ма Сюэлян* 马学良, *Чабпел Цетен Пунцог* 恰白・次旦平措, *Дун Цзиньхуа* 佟锦华 ред. Цзанцзу вэньсюэ щи 藏族文学史 (История литературы тибетцев). Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1987.

[66] *Ма Сюэлян* 马学良, *Чабпел Цетен Пунцог* 恰白・次旦平措, *Дун Цзиньхуа* 佟锦华 ред. Цзанцзу вэньсюэ щи 藏族文学史 (История литературы тибетцев). Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1994.

за писателей КНР. Руководителем Общества является поэт из народности *и* (кит. 彝) Цзиди Мацзя (кит. 吉狄马加, р. в 1961 г.).

Дондуб Вангбум начинает раздел своей книги «Современная литература» с цитирования стихотворения поэта Рабгье Пасанга, которое вышло после «культурной революции», а также Йидам Церинга, который в начале 2000-х гг. занимал пост председателя Союза писателей провинции Ганьсу, его слава как поэта разошлась далеко за пределы населенных тибетцами районов. Эти писатели взялись за перо еще в 1950-е гг., а после «культурной революции» возобновили творчество. Немногочисленны, но сильны и емки стихотворения Келзанг Дордже (тиб. skal bzang rdo rje, кит. Гэсан Доцзе 格桑多杰 р. в 1936 г., Цинхай, псевдоним Сюэ Сянжэнь 雪乡人)[67], в них он воспевал природу своей родины. Келзанг Дордже не был профессиональным поэтом, он занимал пост заместителя председателя Совета Народных Представителей и председателя ВАРЛИ в провинции Цинхай. К довоенному поколению поэтов отнесены также: Дунгкар Лозанг Тинле, Муге Самтен, Санггье Гьяцо (тиб. sangs rgyas rgya mtsho, кит. Санжэ Цзяцо 桑热嘉措), Нгагванг Тендзин (тиб. ngag dbang bstan ‘dzin, кит. Аван Сыданьчжэнь 昂旺斯丹珍, р. в 1929 г., Сычуань)[68], Лодо Гьяцо (тиб. blo gros rgya mtsho, кит. Лочжуй Цзяцо 洛追嘉措), Чокьонг Церинг (тиб. chos skyong tshe ring, кит. Цюйцзян Цайжан 曲江才让, исследователь эпоса «Гесар»), Чого Церинг (тиб. cho go tshe ring, кит. Цяогао Цайжан 乔高才让, исследователь буддизма и традиций Тибета из провинции Ганьсу, издал немало научных книг на китайском языке, р. в 1943 г., Ганьсу)[69].

После объявления нового политического курса в 1978 г. стали заявлять о себе поэты нового поколения, многие из них вышли из среды преподавателей, имели высокий уровень образования.

---

[67] Один из «пяти великих» китаеязычных тибетских поэтов КНР, творческая деятельность которых началась в 1950-е гг. Подробнее об этих поэтах см.: *Yangdon Dhondup*. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 41–47. Краткую справку о жизни и творчестве Келзанг Дордже см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 261.

[68] Также. считается, согласно некоторым классификациям, одним из «пяти великих» китаеязычных тибетских поэтов КНР 1950-х гг. Краткую справку о жизни и творчестве Аван Сыданьчжэня см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 241.

[69] Краткую справку о жизни и творчестве Чого Церинга см. Там же. P. 283. *Дондуб Вангбум* 丹珠昂奔. Цзанцзу вэньхуа фачжань ши 藏族文化发展史 (История развития тибетской культуры). Ланьчжоу 兰州: 甘肃教育出版社, 2001. С. 1123.

Например, поэт Пего (тиб. pad go, кит. Бань Го 班果, р. в 1967 г., Цинхай), который родился и вырос в Цинхае, учился в Пекинском университете, много его стихов посвящено конфликту между традиционной тибетской культурой и современностью. Важно отметить, что он пишет на китайском языке[70].

Особо выделяет Дондуб Вангбум одаренного писателя, поэта, переводчика и филолога Дондуб Гьела[71], который получил степень магистра по традиционной тибетской филологии в Центральном институте национальностей в Пекине, преподавал там тибетский язык, но потом уехал работать в родную провинцию. Он публиковал стихи, повести, критические статьи и исследования на тибетском языке, оказал влияние на развитие современной тибетской литературы. Дондуб Гьел родился в деревне Хуаннань Тибетского автономного округа (кит. Хуаннань цзанцзу цзычжи чжоу 黄南藏族自治州) провинции Цинхай. В магистратуре Института национальностей учителями у него были известные знатоки тибетской словесности, например один из крупнейших историков Дунгкар Лозанг Тинле. Современники признавали его недюжинный талант, в 1981 г. его юношеский сборник поэзии и прозы «Рассвет ясного и простого письма» опубликовало «Цинхайское издательство национальностей» (кит. цинхай миньцзу чубаньшэ 青海民族出版社), в 1982 г. литературный журнал на тибетском языке «Белоснежная вершина» (тиб. gangs dkar ri bo, кит. Гунга шань 貢嘎山) напечатал «Семнадцать примеров из жизни поэзии» (кит. Ши дэ шици шэнмин цзюйли 诗的十七生命举例), в 1983 г. журнал «Легкий дождь» поместил его повесть «Бессовестная невеста» (тиб. rgyu ‘bras med pa’i mna’ ma, кит. Мэй ю лянсинь дэ эрсифу 沒有良心的尔媳妇), там же в следующем году вышла критическая статья в ответ на работу «Краткие рассуждения о современной тибетской стилистике» писателя Сан Цзе (кит. 桑杰). После его трагической кончины многие поэты и исследователи написали посмертные посвящения. В 1997 г. в пекинском «Издательстве национальностей» было выпущено собрание его сочинений в 6 томах[72].

---

[70] Там же. С. 1238–1240. Краткую справку о жизни и творчестве Келзанг Дордже см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 244.

[71] См. о нем подробнее в настоящей книге «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. 193–208.

[72] dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. pod 1–6. ban kho dang bkra rgyal gyis dag bsgrigs byas. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. Жуй Чжицзя вэньцюань 端智嘉全集。 (Собрание сочинений Дондуб Гьела). Пекин 北京: 民族出版社, 1997.

Дондуб Вангбум отмечает творчество на тибетском языке других своих соплеменников, многие из которых учились в Институте национальностей в Пекине. Вызывает интерес творчество поэта и литературного критика Дордже Церинга (тиб. rdo rje tshe ring, кит. Доцзе Цайжан 多杰才让 р. в 1958 г.), выходец из Цинхая, он редкий представитель национальной литературной критики, публиковал статьи в тибетоязычных журналах региона. Другие поэты, которые пишут на тибетском языке: Джу Келзанг (тиб. ‘ju skal bzang, кит. Цзюй Гэсан 居格桑 р. в 1960 г.)[73], а также (Ребгонг) Дордже Кар (тиб. (reb gong) rdo rje mkhar, кит. Доцзе Ка 多杰卡 р. в 1958 г.), редактор авторитетного литературного журнала на тибетском языке «Легкий дождь», ответственный редактор в Государственном центре переводов с национальных языков (кит. Гоцзя миньцзу юйвэнь фаньи чжунсинь 国家民族语文翻译中心). Говоря о прозе, Дондуб Вангбум упоминает в первую очередь патриарха современной тибетской литературы, пишущего на китайском языке, Еше Тендзина (тиб. ye shes bstan ‘dzin, кит. Иси Даньцзэн 益希单增, р. в 1942 г.) и самое видное его произведение — роман «Оставшиеся в живых» (кит. Синцунь дэ жэнь 幸存的人, 1981 г.)[74]. Также значимым является роман Джампел Гьяцо «Келзанг Метог». Видный историк-филолог, Джампел Гьяцо занимал множество руководящих постов в общегосударственных писательских организациях, издал немало исторических трудов, в юном возрасте он был переводчиком Далай-ламы, учился в Юго-западном институте национальностей. Значимость романа «Бирюзовая диадема» (тиб. gtsug g.yu, был опубликован в журнальном варианте в «Тибетской литературе и искусстве» в 1982–1984 гг.[75], в виде книги издан в 1985 г., на китайский язык переводился не раз под разными названиями: «Яшма», кит. Цун юй 璁玉, «Камень сунэр», кит. Сунъэр ши 松耳石, «Жемчужина», кит. Динчжу 顶珠), автором которого является (Лангдун) Пелджор (тиб. (glang mdun) dpal ‘byor, кит. Бань Цзюэ 班觉, р. в 1941 г., Лхаса, также известен как Пелджор Церинг, тиб. dpal ‘byor tshe ring)[76],

[73] О творчестве Джу Келзанга см.: *Hartley L. R.* Contextually Speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People’s Republic of China (1980–2000). P. 346–363.

[74] Второй роман писателя-тибетца на китайском языке, после «Келзанг Метог» Джампел Гьяцо.

[75] Первый выпуск — bod kyi rtsom rig sgyu rtsal. 1982. № 1. sh. 3–35. Последний выпуск — bod kyi rtsom rig sgyu rtsal. 1984. № 4. sh. 39–73.

[76] Краткую справку о жизни и творчестве Пелджора см.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes,

в том, что это по сути первое современное художественное произведение большого объема (роман), написанное на тибетском языке[77]. Более того, в нем воссозданы традиционные приемы, повествуется о духовной и религиозной жизни Лхасы, но главенствующим является метод реализма.

Проблема острой недостачи писателей, критиков, журналистов, редакторов и других работников литературного цеха стала особенно острой после «культурной революции». Исследуя вопрос о создании «новой тибетской идентичности», П. Скьяффини отмечает, что была сделана ставка на сино-тибетцев. Они не всегда владели тибетским языком, получили образование за пределами Тибета, но кто-то из членов их семьи работал в ТАР, позднее многие из них тоже приехали жить в Тибет. Наиболее показательны судьбы двух сино-тибетцев, известных миру под именами Таши Дава и Сэбо, которым в начале их писательской карьеры было рекомендовано взять тибетские имена, после чего они постепенно обрели новое тибетское самосознание[78]. В начале своего творческого пути они описывали Тибет и его народ как представителей «нацменьшинств», увиденных глазами ханьца; позже их представления стали менее идеализированными, но произведения еще грешили хаотичностью; наконец, в зрелых работах они выработали свой стиль «тибетского мистицизма», а это обрекло их на тиражирование образов «загадочного иного» для китайских читателей. При этом они так и остались чужими для тибетцев, владеющих своим языком[79].

Разработке концепции «единого пространства тибетского искусства и культуры» на территории ТАР и тибетских автономий способствовало проведение нескольких регулярных мероприятий под

---

courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 36.

[77] *dpal ‘byor*. gtsug g.yu. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1985. Тираж 2500. 2-е изд.: lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2003. Тираж 6000 экз. См. о романе: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty: A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985 // Latse Library Newsletter. 2009–2010. Vol. 6. P. 31–33; *Tsering Shakya.* The Development of Modern Tibetan Literature in the People’s Republic of China in the 1980s // Modern Tibetan Literature and Social Change / Ed. by L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 61–85. Более подробный анализ романа см.: *Tsering Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 144–150.

[78] *Schiaffini P*. Changing Identities: The Creation of “Tibetan” Literary Voices in PRC // Contemporary Tibetan Literary Studies / Ed. by S. J. Venturo. Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 114.

[79] Ibid. P. 128–129.

названием «Конференция пяти провинций и автономного района по новой тибетской литературе», инициаторами были такие государственные структуры, как Госкомитет по делам национальностей, Союз писателей КНР, а также провинциальные отделения пропаганды, ВАРЛИ и т. д.[80] В них принимали участие писатели-тибетцы, многие из которых занимали ключевые посты в писательских организациях, например одним из активных организаторов был первый секретарь области Голог (тиб. mgo log, кит. Голо 果洛), поэт Келзанг Дордже. Первая конференция прошла в августе 1981 г. в г. Синин, вторая в сентябре-октябре 1982 г. в Лхасе, третья в июле-августе, 1983 г. в г. Ланьчжоу, четвертая в ноябре 1985 г. в г. Чэнду, пятая в июле-августе 1988 г. в г. Куньмин, шестая в 1995 г. в г. Синин. На каждой конференции присутствовала делегация от принимающей автономии, а также писатели, критики, редакторы журналов, высокопоставленные чиновники из других тибетских автономий, а также делегаты из Пекина[81]. Семинары длились по 10–15 дней и включали дискуссии и круглые столы по вопросам тибетской литературы. Подобные «пан-тибетские» встречи способствовали консолидации интеллигенции в регионе, налаживанию контактов. Доклады и материалы этих мероприятий были двуязычными, положительными были результаты переговоров с чиновниками от культуры из Пекина, но к 1994 г. напряженность в регионе возросла, и семинары были запрещены. Важно и то, что всплеск энтузиазма начала 1980-х гг. уже не был характерен для начала 1990-х (после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.) во всем Китае, инициатива кросс-региональных встреч сошла на нет, тем не менее, их главный инициатор Йидам Церинг (ум. 2004 г.) до последних дней жизни сохранял надежду, что они будут возобновлены[82].

Приведем сведения из статьи А. Коробовой о недавних мероприятиях по продвижению тибетской литературы: «В июле 2012 г.

[80] О других мероприятиях по стимулированию развития светской тибетской литературы (конференциях по литературам нацменьшинств, литературных журналах, отделах изучения литературы нацменьшинств в АОН КНР см. также в разделах настоящего издания «Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР», с. 9–32, и «Политика модернизации тибетского литературного языка как одна из предпосылок возникновения современной тибетской литературы», с. 9–32.

[81] *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. I. P. 296–297.

[82] Ibid. Vol. I. P. 298, 321–322

в Пекине прошел 4-й симпозиум по произведениям тибетских писателей, организованный Союзом китайских писателей (СКП), на котором обсуждались книги восьми молодых авторов и писателей среднего поколения, получивших известность в 1990-е гг. Среди них — Церинг Норбу[83] (1973–, повесть "Отпущенный ягненок" получила премию им. Лу Синя), Ньима Паньдо[84] (ж., 1970–; наиболее известное произведение — роман "Пурпурный ячмень"[85], номинирован в 2010 г. на премию им. Мао Дуня); Пема Намдол[86] (ж., 1967–; редактор журнала "Тибетская литература" (кит. Сицзан вэньсюэ 西藏文学) и автор романа "Воскресшая богиня Тара"). 19 сентября 2012 г. в Пекине прошла 5-я всекитайская конференция, посвященная литературам нацменьшинств, в которой участвовали около 300 писателей, поэтов, критиков, переводчиков и теоретиков литературы. В ходе конференции состоялось вручение 10-й премии "Скакун" за произведения нацменьшинств в пяти номинациях (роман, повесть и рассказ, эссе, поэзия, очерк). Наибольшее количество премий получили произведения тибетской (5) и уйгурской литератур (3). Примечательно, что из 25 премированных произведений 10 написаны на национальных языках, остальные 15 — на китайском. Специальную премию вручили четверым переводчикам национальных литератур, что особенно важно для потенциального расширения круга читателей произведений, написанных не на китайском языке. Вместе с тем проблему наличия достаточного количества переводческих кадров для национальных литератур, на наш взгляд, еще предстоит решить»[87].

---

[83] Правильно: Норбу Церинг (тиб. nor bu tshe ring, кит. Лобу Цыжэнь 罗布次仁, р. 1965). Возможно, имеется в виду племянник Пелджора, краткое упоминание о нем см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 4.

[84] Тиб. nyi ma dpal 'byor. Кит. Нима Паньдо 尼玛潘多.

[85] Кит. Цзыцин кэ 紫青稞.

[86] Согласно тибетскому написанию, приведенному Ларой Макони, правильно — Пема Намдон. Тиб. pad ma rnam sgron, кит. Байма Начжэнь 白玛娜珍, р. 1967, Лхаса. См.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 70. Краткую справку о жизни и творчестве Пема Намдон см. Ibid. P. 242–243.

[87] *Коробова А.* Продвижение национальных литератур как одно из приоритетных направлений политики КНР в области культуры // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2013. С. 398–399.

5.3. Важность языкового фактора в развитии современной тибетской литературы

Исследователь из ИДВ РАН А. А. Москалев в своей работе «Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы)» положительно оценивает работу государства начиная с 1980-х гг., направленную на «расширение сфер функционирования национальных языков», что «помогло неханьцам лучше осознать истинную цену образования… повысило их тягу к литературе, в том числе и к литературе на наиболее доступных родных языках»[88]. Автор признает трудность решения таких проблем, как «принижение социального статуса национальных языков», «недостача кадров специалистов по национальным языкам, особенно из числа представителей нацменьшинств»[89]. Надо отметить, что фактический материал для этой работы почерпнут в основном из официальных китайских источников, охват вопросов слишком велик, тибетской языковой ситуации внимания уделено немного. К сожалению, более свежих российских исследований по данной проблематике обнаружить не удалось. Эту лакуну восполняют западные работы.

В статье «Один народ, два дискурса: тибетская литература новой эпохи и языковые дебаты» Лара Макони делает важное замечание о том, что по мере развития современной литературы сформировалось две группы тибетских писателей, пишущих на тибетском и китайском языках. Они объединены внутри одних и тех же писательских организаций, но их возможности принципиально разнятся в таких аспектах, как экономическая поддержка, уровень влияния их произведений в границах КНР. В результате эти два течения тибетской литературы существуют параллельно, у каждого свой стиль, темы и форма, разная читательская аудитория[90]. Отмечается также главенствующее положение китайского языка в системе оформления тибетских изданий, а большинство литературных журналов издается в двух версиях — на тибетском и китайском языках, но с начала 1980-х гг. часть изданий закрылась, в некоторых случаях выжили только тибетские или, наоборот, китайские[91]. Существует также

---

[88] *Москалев А. А*. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М.: Наука, 1992. С. 140.

[89] Там же. С. 142.

[90] *Maconi L*. One Nation, Two Discourses: Tibetan New Era Literature and the Language Debate // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 176.

[91] Ibid. P. 181.

разброс в количестве переводов произведений с одного языка на другой: гораздо меньше переведено с тибетского на китайский, чем наоборот. Как следствие, широкий читатель в КНР вообще не имеет представления о существовании современной литературы на тибетском языке[92].

Далее, в своей статье Макони четко описывает, каким образом государство контролирует распространение тибетского языка как одного из каналов реализации национального самосознания, что напрямую влияет на развитие литературы на тибетском и китайском языках. Автор отмечает, что 1980-е гг. дали всплеск «новой тибетской литературы», были предприняты инициативы по изданию сборников тибетоязычных авторов из ТАР и других автономий, была поддержана тенденция укрепления культурного единства (в т. ч. ежегодные семинары). Интересно, что в 1980–1990-е гг. в названиях статей и сборников в основном использовался термин ‘тибетская национальность’ (кит. цзанцзу 藏族), а не ‘Тибет’ (кит. Сицзан 西藏), что должно было подчеркивать этническую, а не географическую принадлежность[93]. В 1990-е гг. атмосфера в Амдо и Каме была менее напряженной, чем внутри ТАР, была выпущена директива о том, чтобы делать акцент не на национальной принадлежности автора, а на месте проживании в ТАР, иными словами, тибетской могла считаться и написанная на китайском языке литература, или творчество писателя ханьца. В этой связи вспомним, что писатель-ханец Ма Юань снискал славу именно своими загадочными повестями на сюжеты о Тибете, которые он написал, проживая в Лхасе.

Вопрос о том, как оценивать тибетскую литературу на китайском языке, стал одним из основных по мере ее развития. Трудно было определить, в чем заключается ее «тибетскость». Что касается тибетоязычной литературы, то там шли споры между новаторами и пуристами, так как остро стоял вопрос соответствия консервативного языка новым выразительным потребностям[94]. В своей диссертации Л. Макони подчеркивает, что тибетоязычные писатели отказываются признавать литературу, написанную на китайском языке, в качестве тибетской, считая это проявлением насильственной ассимиляции. Мнение китаеязычных авторов также не едино, некоторые не подчеркивают «тибетскость» своих произведений, они осознают конфликт между своей этнической принадлежностью и языком про-

[92] Ibid. P. 182.
[93] Ibid. P. 196.
[94] Ibid. P. 189.

изведений. С другой стороны, они понимают, что только таким образом они смогут обрести более широкий круг читателей[95]. По мнению Макони, оценка тибетской литературы зачастую проводится на основании внелитературных критериев (национальная принадлежность, позиция по национальному вопросу) и чрезмерно политизирована, некоторые писатели призывают освободить литературу от бремени политики и оценивать эстетические качества работ. Так, писавший на китайском языке Йидам Цеpинг наполнял свои стихи национальным пафосом, как следствие считался выразителем тибетского самосознания[96].

Вывод, сделанный Л. Макони в другой статье о специфике развития литературы в Дечен-Тибетском автономном округе (тиб. bde chen bod rigs rang skyong khul, кит. Дицин цзанцзу цзычжи цюй 迪庆藏族自治州) в провинции Юньнань, на территории которой находится легендарный горный пик Шангрила, может быть распространен и на другие подобные автономии: «Чрезмерное внимание местных властей к проблемам развития туризма и экономики душит все начинания в области литературы, маргинальное положение тибетского языка и незначительность литературных мероприятий на тибетском языке, чрезмерный упор на “местных особенностях” литературы в ущерб включению ее в более широкий контекст приводят к изоляции литературных кругов Дечена как от современной тибетской литературы КНР, так и мультинациональной литературной среды Юньнани»[97]. Но автор видит перспективы преодоления этой ситуации в использовании возможностей Интернета. Основные сетевые ресурсы, связанные с литературными процессами в Тибете, будут подробнее рассмотрены ниже в разделе «Современная тибетская литература в сети Интернет».

---

[95] *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations. Vol. I. P. 258.

[96] Ibid. P. 259.

[97] *Maconi L.* Contemporary Tibetan Literature from Shangri-la: Literary Life and Activities in Yunnan Tibetan Areas, 1950–2002 // Contemporary Tibetan Literary Studies. S. J. Venturino ed., Leiden, Boston: Brill, 2007. P. 77.

Корпус произведений современной тибетской литературы: основные источники и направления изучения

В настоящем разделе, насколько это возможно сделать исходя из имеющихся публикаций и материалов, будет предпринята попытка дать предварительный обзор произведений наиболее важных авторов современной тибетской литературы, пишущих на тибетском языке.

Несмотря на приложенные участниками проекта усилия по сбору материалов, получить непосредственный доступ удалось не ко всем важнейшим произведениям на тибетском языке, поэтому в некоторых случаях сведения о произведениях и точные выходные данные приводятся по публикациям западных ученых.

В связи с ограничениями объема и необъятностью даже имеющихся в нашем распоряжении публикаций следует расставить приоритеты в рассмотрении корпуса наиболее значимых с нашей точки зрения произведений современной тибетской литературы. Мы сможем уделить должное внимание крупным прозаическим произведениям (романам) в связи с их относительно небольшим количеством и наличием их текстов, охарактеризуем антологии прозаических, поэтических и критических сочинений, оказавшихся в нашем распоряжении, произведем обзор наиболее значимых периодических изданий — журналов «Тибетская литература и искусство» и «Легкий дождь» (к сожалению, даже объединяя коллекции различных библиотек, нам не удалось получить доступ к текстам всех опубликованных выпусков), а также назовем основные литературоведческие и/или критические труды, посвященные современной литературе на тибетском языке[1].

[1] Впрочем, начиная описывать корпус наиболее значимых произведений современной тибетской литературы, нельзя не отдать должное первому, как считается, тибетскому рассказу в современном смысле слова «Еше Лхамо и кузнец Тобгьел» Дордже Гьелпо, который, как утверждает Л. Хартли, был написан еще в 1950 г., но опубликован только в 1980 г. См.: *rdo rje rgyal po*. ye shes lha mo dang mgar ba stobs rgyal. pe cin: mi

Начнем с рассмотрения романов. Всего на тибетском языке в книжном формате было опубликовано около 20 романов. Наиболее полная информация об этом жанре на тибетском языке собрана французским исследователем Франсуаз Робэн в диссертации «Художественная литература на тибетском языке в Тибете (КНР) после 1950 г.: древние текстуальные источники, основные направления и функции в современном тибетском обществе»[2], а затем опубликована в «Вестнике Библиотеке Лаце» в качестве статьи «Тибетские романы: по-прежнему новшество»[3]. Ф. Робэн сообщает краткие сведения о 19 романах, опубликованных в книжном формате авторами-тибетцами в КНР изначально на тибетском языке, а также приводит названия романов, публиковавшихся в литературных журналах в КНР, но еще не вышедших отдельным изданием, а также романов, изданных на тибетском языке за пределами КНР, но не дает их характеристику.

В журналах были опубликованы следующие романы на тибетском языке: «Ракшас с бирюзовой гривой и Лхаса» (тиб. srin po g.yu rngog dang nyi ma lha sa) Табы (тиб. bkra bha, 1997)[4], «Старейшина деревни» (тиб. sde dpon) Тагбум Гьела (тиб. Stag 'bum rgyal, 1999), «Звучание осени» (тиб. ston gyi rang sgra, 1999) Аньон Таши Дондуба (тиб. a smyon bkra shis don grub), «Солнце, заходящее на западе» (тиб. nub bzhud kyi nyi ma) Ребгонг Дордже Кара (тиб. reb gong rdo rje mkhar, 1999), «Дядюшка Намгьел и его рассказы о старине» (тиб. a khu rnam rgyal dang kho'i gna' rgya'i tshe lo, 2001) Аньон Таши Дондуба, «Чистая и неосквернённая любовь» (тиб. dwangs gtsang lhad med kyi brtse dung) Цангдинг Даргье (тиб. gtsang sdings dar rgyas, 2002), «Сны о Лхасе» (тиб. lha sa'i rmi lam) Ньима Дондуба (тиб. nyi ma don grub, 2002), «Третий глаз» (тиб. mig gsum pa) Ригден Гьяцо (тиб. rig ldan rgya mtsho, 2002) и «Небо и земля в тумане» (тиб. gnam

---

rigs dpe skrun khang, 1980. Также нельзя не привести особое мнение Дональда Лопеса, высказанное им в письме П. Л. Гроховскому от 01.03.2014, в котором он называет «самым важным произведением современной тибетской литературы» книгу «Золотой песок. Истории странствий космополита» Гедун Чопела, переведенные Лопесом на английский язык совместно с Тубтен Джинпой. Подробнее об этом и других произведениях Гедун Чопела см. раздел настоящей книги «Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого тибетского современного ученого, литератора, просветителя», с. 33–70.

[2] *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 194.

[3] *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 26–45.

[4] Роман Табы вышел отдельным изданием в 2012 г. (17 глав, 279 с.). *bkra b+ha*. srin po g.yu rngog dang nyi ma lha sa. pe cin: mi rigs dpe skrun knang, 2012.

sa rab rib) Церинг Намгона (тиб. tshe ring gnam mgon, 2002–2003) и его же «Беспокойный сын партии» (тиб. tang bu zing rnyog, 2000). Роман Кьябчен Намдола (тиб. skyabs chen bde grol) «Кладбище рядом с горой и стервятники Шамбалы» (тиб. gangs ’dabs kyi dur khrod dang sham bha la’i bya rgod), по утверждению Ф. Робэн, является первым романом на тибетском языке, постепенно публиковавшимся не в печатном журнале, а на веб-сайте www.tibetcm.com (2009–2010)[5].

В Индии было издано значительно меньше романов на тибетском языке, это произведение Гедун Рабсела (тиб. dge ’dun rab gsal) «Идем, идем на чужбину» (тиб. ’gro / skyabs bcol la ’gro, тираж неизвестен, 264 с.) — описание путешествия в Индию группы молодежи из Амдо, отчасти носящее автобиографический характер[6], а также история любви тибетцев, живущих в Индии, рассказанная Пема Цеванг Шастри (тиб. pad ma tshe dbang shas+t+ri) «Сильный холод Запада и нежное тепло Востока» (тиб. nub kyi grang ngar dang shar gyi drod ’jam). Оба романа вышли в Дхарамсале в 2002 г. в издательстве «Время Тибета» (тиб. bod kyi dus bab)[7].

Приведем сведения о тибетских романах, дополнив их также данными о произведениях, переведенных с китайского языка двуязычными авторами.

Первым романом в истории тибетской литературы является уже упоминавшийся «Келзанг Метог» Джампел Гьяцо, опубликованный сначала на китайском (1980), а затем на тибетском (1982) языке. Роман посвящен описанию событий, разворачивающихся во время «мирного освобождения Тибета» Народно-освободительной армией Китая (НОАК) в начале 1950-х гг. Главный герой — крепостной из Кама Тендзин (тиб. bstan ‘dzin), вступающий в ряды НОАК и входящий вместе с ней в Центральный Тибет. Роман также публиковался в журнале «Тибетская литература и искусство» в 1980-х гг. В 1985 г. в «Издательстве национальностей Сычуани» вышел еще один роман Джампел Гьяцо на политическую тему «История сказителя» (тиб. sgrung mkhan zhig gi gtam rgyud, 178 стр.)[8].

---

[5] *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 29.

[6] *dge ’dun rab gsal*. ’gro / skyabs bcol la ’gro. dharamsala: bod kyi dus bab, 2002.

[7] *pad ma tshe dbang shas+t+ri*. nub kyi grang ngar dang shar gyi drod ’jam. dharamsala: bod kyi dus bab, 2002; *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 31.

[8] *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 307.

К ранним романам на тибетском языке (1985–1995) Ф. Робэн относит шесть произведений, написанных в жанре социалистического реализма авторами из Центрального Тибета.

С 1981 г. в журнале «Легкий дождь» началась публикация второго романа в истории тибетской литературы и первого, написанного на тибетском языке, — «Бирюзовая диадема» (Лангдун) Пелджора (тираж 2500 экз., 304 с., отдельное издание в апреле 1985 г.), где в критических тонах описывалась повседневная жизнь лхасской аристократии предположительно в первой половине XX в., что, с одной стороны, делало этот роман политически корректным, а с другой — позволяло читателю узнать о жизни старого Тибета. Оба этих фактора обусловили большую популярность «Бирюзовой диадемы», и в 2002 г. роман был переиздан, причем значительно большим тиражом (6000 экз.). Следует особо отметить, что автор описывает жизнь тех слоев общества, к которым принадлежит сам, будучи внучатым племянником Далай-ламы XIII Тубтен Гьяцо[9].

Только шесть лет спустя, в 1991 г., вышел второй роман на тибетском языке — «Радости и печали обычной семьи» (тиб. phal pa'i khyim tshang gi skyid sdug, тираж 1830 экз., 700 с., 1991) Таши Пелдена[10] (тиб. bkra shis dpal ldan, кит. Чжаси Баньдань 扎西班丹, р. в 1960 г., ТАР, работал в «Тибетской ежедневной газете»), и это произведение до сих пор остается самым объемным из тибетских романов. В нем, напротив, излагается история обычной крестьянской семьи из Центрального Тибета, действие сюжета происходит на фоне исторических событий и политических кампаний конца 1950-х — начала 1980-х гг.[11]

Еще через четыре года были опубликованы сразу два романа, но значительно меньшего объема: «Стервятник в пыльной буре» (тиб. rlung nag khrod kyi bya rgod, тираж 3000 экз., 182 с.) Чиме Дордже (тиб. 'chi med rdo rje, род.1941)[12] и «Невидимые узы» (тиб. mi mngon pa'i 'ching thag, кит. усин дэ шэнсо 无形的绳索, тираж

[9] *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 31–33.

[10] Краткую справку о жизни и творчестве Таши Пелдена см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2]. Annexes. P. 33–34.

[11] *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 33. *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 400–401.

[12] *'chi med rdo rje*. rlung nag khrod kyi bya rgod. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

1500 экз., 252 с.) Лхагпа Дондуба (тиб. lhag pa don grub, кит. Лаба Дуньчжу 拉巴顿珠, 1932–1997)[13]. Действие первого романа разворачивается примерно в те же годы, что и в произведении Таши Пелдена, однако предмет повествования: судьба молодого историка Ло Сонама (тиб. blo bsod nams) и ламы-перерожденца Намка Норбу (тиб. nam mkha' nor bu). Главный герой подвергается несправедливому обвинению в симпатии к феодальному прошлому Тибета и проходит через унизительные процедуры «собраний критики и осуждения» (кит. пидоу 批斗, тиб. thab 'dzing) во время «культурной революции», но его вера в коммунистические идеалы остается непоколебимой, таким образом, данное произведение несомненно может быть отнесено к «литературе шрамов»[14].

Роман «Невидимые узы» посвящен критике института договорного брака на примере несчастной судьбы девушки Янгчен Пел (тиб. dbyangs can dpal), насильно выданной замуж. Действие романа происходит после «культурной революции»[15]. Сравнивая эти два романа, Ф. Робэн отдает должное неожиданной (трагической) концовке «Невидимых уз» и катарсической силе в «Стервятнике в пыльной буре» многочисленных сцен страдания представителей интеллектуальной и религиозной элиты в ходе «собраний критики», активную роль в которых принимали не только китайцы, но и тибетцы. Стиль первого романа более краток и современен, тогда как стиль второго характеризуется большей традиционностью, в том числе каждая глава завершается стихотворной сентенцией в духе традиционной тибетской литературы. Общим для обоих произведений является психологическая однозначность положительных и отрицательных персонажей[16].

До 1995 г. все романы выходили в Центральном Тибете в «Народном издательстве Тибета» (тиб. bod ljongs mi dmangs dpe skrun

[13] *lhag pa don grub*. mi mngon pa'i 'ching thag. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995. Лхагпа Дондуб является отцом другого тибетского писателя, Цедора. Краткую справку о жизни и творчестве Лхагпа Дондуба см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 38.

[14] Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 33–34.

[15] Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 33–34; *Idem.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 367.

[16] *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 33–34.

khang) и были написаны авторами, родившимися также в Центральном Тибете, однако впоследствии авторами из ТАР были выпущены лишь два романа.

Первый из них — «Тайное предание семьи Тезур» (тиб. bkras zur tshang gi gsang ba'i gtam rgyud, кит. чжайсуфу мивэнь 斋苏府秘闻) (Даггонг Телинг) Вангдора (тиб. (brag dgong bkras gling) dbang rdor, кит. Ван До 旺多, р. в 1934 г.), вышедший в 1997 г., посвящен описанию сложностей, с которыми сталкиваются представители тибетского простонародья из-за консервативности и высокомерия знати при попытках преодолеть социальные ограничения своего происхождения. В 1994–1995 гг. роман публиковался в журнале «Тибетская литература»[17].

«Жизнь погонщика» (тиб. drel pa'i mi tshe, 2000) Лхагпа Дондуба, действие которого также разворачивается в период формирования сословия богатых торговцев в первой половине XX в., рассказывает о судьбе погонщика, перегоняющего караваны с шерстью из Тибета в Индию и получающего таким образом возможность почувствовать дыхание нового времени[18].

Позже центр тибетоязычной прозы переместился в северо-восточные области Тибета, где вышло 12 романов. Жанровый состав прозаических произведений авторов из Амдо более разнообразен.

К жанру социалистического реализма можно отнести роман «Безмятежные луга» (тиб. lhing 'jags kyi rtswa thang, 1999) Тагбум Гьела (тиб. stag 'bum rgyal, р. в 1966 г.), занимающий второе место среди тибетских романов по объему (тираж 1500 экз., 588 с.) и повествующий о семье скотоводов, чья жизнь проходит в обстановке борьбы между традициями и современностью[19].

---

[17] *bkras gling dbang rdor*. bkras zur tshang gi gsang ba'i gtam rgyud. lha sa: bod ijongs mi dmangs dpe skrun khang, 1997. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 34; *Idem.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 435–436. Краткую справку о жизни и творчестве Телинг Вангдора см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 34.

[18] *lhag pa don grub*. drel pa'i mi tshe. pe cin:mi rigs dpe skrun khang, 2000. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 34; *Idem.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 401.

[19] *stag 'bum rgyal*. lhing 'jags gi rtswa thang. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey

Роман 2009 г. «Годы беспокойных снов» (тиб. rmi lam ’khrug pa’i lo, 450 с., 2009) Хура Джапе (тиб. hu ra ‘ja’ pe) представляет собой своеобразное смешение жанров социалистического реализма и фантастики, в повествовании переплетаются истории из реальной жизни — юного Намланга (тиб. nam lang) и сновидений — девушки Оден (тиб. ‘od ldan), затрагивается тема конфликта старого и нового вкладов в отношениях разных поколений одного семейства. Ф. Робэн отмечает сложную повествовательную структуру романа, находя сходство с произведениями У. Фолкнера[20].

Помимо социалистического реализма, в творчестве прозаиков с северо-востока Тибета представлены биографические, героические и историко-героические романы.

К числу романов-жизнеописаний можно отнести роман Цетен Дордже (тиб. tshe brtan rdo rje, р. в 1969 г.) «Царь из Цонка» (тиб. tsong kha’i rgyal bo, 1998, тираж 3000 экз., 244 с.) о правителе XI в. из Амдо, успешно воевавшем с могущественными соседями — тангутами и китайской династией Сун[21].

Произведение школьного учителя Донгбу Дордже Ринчена (тиб. ’brong bu rdo rje rin chen, р. в 1967 г.) «Послание в Тибет — Страну снегов» (тиб. gangs can bod yul du springs pa’i ’phrin yig, 1999, тираж 2000, 240 с.) представляет собой художественное жизнеописание Сакья-пандиты Кунга Гьелцена (тиб. sa skya paN+Di Ta kun dga’ rgyal mtshan, 1181–1251), выдающегося тибетского ученого и политического деятеля[22]. Профессиональный редактор Рангда (тиб. rang

---

of Tibetan Novels Since 1985. P. 35. Краткую справку о жизни и творчестве Телинг Вангдора см.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 42–43.

[20] *hu ra ‘ja’ pe*. rmi lam ‘khrug pa’i lo. lan gru’u: kan su’u mi rigs dpe skrun khang, 2009. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 35–37.

[21] *tshe brtan rdo rje*. tsong kha’i rgyal bo. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1998. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 37; *Idem*. La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 437–438; *Idem*. Stories and History: the Emergence of Historical Fiction in Contemporary Tibet // Contemporary Tibetan Literary Studies. Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford 2003. Ed. by Steven J. Venturino. Leiden, Boston: Brill, 2007. (Brill’s Tibetan Studies Library, Vol. 10/6). P. 23–42. Краткую справку о жизни и творчестве Цетен Дордже см.: *Robin F*. La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 43.

[22] *’brong bu rdo rje rin chen*. gangs can bod yul du springs pa’i ’phrin yig. zhang kang: then mA dpe skrun khang, 1999. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still

sgra, подлинное имя Цегьел, тиб. tshe rgyal, р. в 1964 г.) посвятил свой роман «Тонми Самбхота» (тиб. thon mi sam+bho Ta, 1999, тираж 2000 экз., 288 с.) легендарному создателю тибетской письменности и автору первых тибетских грамматических трактатов[23].

«Далекая палатка» (тиб. thag ring gi sbra nag, 2005, тираж 5000 экз., 432 с.) Тенпа Яргье (bstan pa yar rgyas, кит. Даньба Яэрцзе 丹巴亚尔杰, р. в 1962 г., Нагчу, тиб. nag chu) повествует о соперничестве скотоводческих племен Чангтанга (тиб. byang thang), предположительно, на рубеже XX в., на примере истории семьи Вангчена (тиб. dbang chen). Роман содержит ценный этнографический и фольклорный материал. Автор сам является уроженцем этих мест и, помимо литературных трудов, имеет много публикаций по культуре и этнографии родного края[24].

К числу героических относятся романы Нагпо Келзанга (тиб. nag po skal bzang, р. в 1955 г.) «Дикарь из Лубума» (тиб. klu 'bum mi rgod, Чэнду, 1997, тираж 8000 экз., 348 с.) и Дордже Цетена (тиб. rdo rje tshe brtan) «Белые скалы, бирюзовый замок» (тиб. brag dkar g.yu rdzong, Ланьчжоу, 1998, тираж 1200 экз., 180 с.). «Дикаря из Лубума» некоторые критики считают первым из тибетских художественных произведений о боевых искусствах (тиб. drag rtsal brtsams sgrung, кит. уся сяошо 武侠小说) и даже усматривают в этом влияние

---

a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 37; *Idem*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 437–443; *Idem.* Stories and History: the Emergence of Historical Fiction in Contemporary Tibet. P. 23–42. Краткую справку о жизни и творчестве Донгбу Дордже Ринчена см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 34–35.

[23] *tshe rgyal*. thon mi sam+bho Ta. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 37; *Idem*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 437–438; *Idem*. Stories and History: the Emergence of Historical Fiction in Contemporary Tibet. P. 23–42. Краткую справку о жизни и творчестве Рангда см.: *Robin F*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 40.

[24] *bstan pa yar rgyas*. thag ring gi sbra nag. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2005. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 37–38. Краткую справку о жизни и творчестве Тенпа Яргье см.: *Robin F*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 35.

китайских литературных традиций, так как героем романа является легендарный монах-боец из Амдо, однако автор уверяет, что основывался на тщательном изучении тибетских преданий и исторических источников[25]. «Белые скалы, бирюзовый замок» представляет собой повествование, основанное на сюжетных линиях и стилистике эпоса о Гесаре, поэтому его отнесение к жанру романа в современном понимании в некотором смысле условно[26]. Оба романа не имеют определенной исторической привязки, характеры персонажей лишены психологической глубины.

Два историко-героических романа принадлежат перу Ребгонг Дордже Кара (р. в 1958 г.): «Хохот сознания» (тиб. rnam shes kyi dgod sgra, Куньмин, 1996, тираж 2000 экз., 284 с.)[27] и «Предание о скитаниях сумы по свету» (тиб. rkyal ba'i 'jig rten du myul ba'i gtam rgyud, 1998, тираж 2000 экз., 500 с.)[28]. Действие первого из них разворачивается в первой половине XX в., тибетцы, применяя боевые искусства (тиб. drag rtsal) и йогические техники (тиб. rtsa rlung), борются против отрядов мусульманских завоевателей в Амдо. Во втором романе также присутствует супергерой, который наносит визиты различным историческим фигурам разных эпох, в том числе

[25] *nag po skal bzang*. klu 'bum mi rgod. khren tu: si khron mi rigs dpe skrun khang, 1997. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 38; *Idem*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 456–460. Краткую справку о жизни и творчестве Нагпо Келзанга см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 40.

[26] *rdo rje tshe brtan*. 'dzam gling ge sar rgyal po'i sgrung — brag dkar g.yu rdzong. lan gru'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1998. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 38; *Idem*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 451–452.

[27] *reb gong rdo rje mkhar*. rnam shes kyi dgod sgra. khun ming: yun nan mi rigs dpe skrun khang, 1996. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 38–39; *Idem.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 453–456. Краткую справку о жизни и творчестве Ребгонг Дордже Кара см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 41.

[28] *reb gong rdo rje mkhar*. rkyal ba'i 'jig rten du myul ba'i gtam rgyud. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1998. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 38–39.

Далай-ламе VI Цангъянг Гьяцо, первому тибетскому царю Ньятицэнпо (тиб. gnya' khri btsan po), монгольскому правителю XVII–XVIII в. Лхазанг-хану (тиб. lha bzang khan), а также известному своей жестокостью китайскому мусульманскому генералу Ма Бу-фану (кит. 马步芳, 1903–1975) из Цинхая, принадлежавшему к национальности хуэй (кит. 回), некоторым из них задавая вопросы, связанные с историей Тибета, а некоторым пытаясь отомстить за их преступления против тибетцев.

Несколько особняком стоят три романа одного из самых продуктивных тибетских писателей Церинг Дондуба (тиб. tshe ring don grub, р. в 1961 г.), известного своим критическим отношением к религии и традициям. В «Предках» (тиб. mes po, 2001, тираж 1500 экз., 300 с.) описывается гибель тибетского рода во главе с Дугтаром (тиб. 'brug thar) в результате стихийного бедствия и столкновения с загадочными иноплеменными «бледными людьми» (тиб. mi skya bo)[29].

Второй роман Церинг Дондуба «Туман» (тиб. smug pa, 2002, тираж 1000 экз., 208 с.)[30] не получил такого же признания у читателей, как первый[31].

В своем третьем крупном произведении «Рев красного вихря» (тиб. rlung dmar 'ur 'ur, 2006, 382 с.) Церинг Дондуб, единственный из тибетских романистов, обращается к событиям, имевшим место в один из наиболее драматических периодов в истории КНР — во время «большого скачка» (1958–1959), совпавшего в Амдо с подавлением антикоммунистического восстания[32].

Еще одна книга на тибетском языке, описывающая события того же периода, «Радости и печали юного Нагцанга» (тиб. nags tshang

---

[29] *tshe ring don grub*. mes po. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2001. Подробнее о романе см.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 39; *Idem*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 555. Краткую справку о жизни и творчестве Церинг Дондуба см.: *Robin F*. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 43–44.

[30] *tshe ring don grub*. smug pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2002.

[31] См.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 39.

[32] *tshe ring don grub*. rlung dmar 'ur 'ur. б. м., 2006. Подробнее о романе см.: *Robin F*. Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 39–40; Tsering Döndrup's The Red Wind Scream // Latse Library Newsletter. 2009–2010. Vol. 6. P. 80–83. Английский перевод фрагмента романа, выполненный Хизер Стоддард, см.: *Döndrup Tsering*. Excerpt from The Red Wind Scream (Rlung dmar 'ur 'ur) /Tr. by Dr. Heather Stoddard // Latse Library Newsletter. 2009–2010. Vol. 6. P. 84–86.

zhi lu'i skyid sdug) Нагцанг Нуло (тиб. nags tshang nus blo) представляет собой воспоминания и поэтому вряд ли может быть отнесена к романам в полном смысле этого слова[33].

Подводя итог рассмотрению 20 тибетских романов[34], следует отметить, что крупные прозаические жанры активно развиваются в современной тибетской литературе, обнаруживая заметное влияние разных тем, сюжетных линий и художественных методов. Следует ожидать дальнейшего развития этой формы, в том числе благодаря публикации романов в тибетских литературных журналах. Любопытными представляются отмеченные географические закономерности публикаций.

Еще одним важным источником наших знаний о современной тибетской литературе являются антологии, содержащие литературные произведения, подобранные по определенному принципу.

Ф. Робэн перечисляет наиболее значимые антологии в своей диссертации. Первая антология рассказов вышла в 1983 г. в Лхасе — «Сборник рассказов, написанных в оригинале на тибетском языке» (тиб. bod yig gis thad kar brtsams pa'i sgrung thung bdams bsgrigs, 296 с.), подготовленная к печати Федерацией литературы и искусства Тибета (тиб. bod ljongs rig rtsal mnyam 'brel tshogs pa)[35]. В июле 1984 г. «Цинхайское издательство национальностей» выпустило «Сборник художественной прозы — прекрасная гирлянда из цветов» (тиб. sgrung rtsom phyogs bsgrigs me tog phreng mdzes, 336 с.) под редакцией Дондуб Гьела, в который вошли 12 рассказов, опубликованных в 1980–1984 гг. в литературных журналах[36].

В июне 1985 г. в «Народном издательстве Тибета» вышли «Сборник тибетской художественной прозы» (тиб. bod kyi brtsams sgrung 'dems sgrig) под редакцией Огьен Чопела (тиб. o rgyan chos 'phel),

---

[33] *nags tshang nus blo*. nags tshang zhi lu'i skyid sdug. б.м., 2007. См.: *Robin F.* Tibetan Novels: Still a Novelty. A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985. P. 40.

[34] В 2012 г. вышел роман Лхаджам Гьела (тиб. lha byams rgyal, кит. Ласянь Цзя 拉先(加)) «Любимец Тибета» (370 с., 67 глав). См.: lha byams rgyal. bod kyi gces phrug. pe cin: mi rigs dpe skrun knang, 2012.

[35] sgrung thung bdams bsgrigs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1983. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 306.

[36] sgrung rtsom phyogs bsgrigs me tog phreng mdzes. lhasa: 1984. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 306.

включавший в себя 25 рассказов[37], и «Сборник тибетской прозы» (тиб. bod kyi lhug rtsom 'dems sgrig, 327 с., 36 произведений) под редакцией Джампа Гьелцена (тиб. byams pa rgyal mtshan)[38], опубликованные под эгидой «класса углубленного изучения классической тибетской литературы» (тиб. bod yig gna' rtsom zab sbyong 'dzin grva).

К 40-й годовщине «мирного освобождения» Тибета «Народным издательством Тибетского автономного района» и «Издательством национальностей провинции Сычуань» совместно с Союзом писателей ТАР была выпущена серия «Собрание книг современных писателей Тибета» (тиб. bod kyi deng rabs rtsom pa po'i dpe tshogs, кит. сицзан дандай цзоцзя цуншу 西藏当代作家丛书). В серию входило четыре авторских сборника на тибетском языке[39], в том числе один сборник из 15 рассказов Таши Пелдена под общим названием «Завтра погода будет лучше, чем сегодня» (тиб. phyi nyin gyi gnam gshis de ring las legs pa yong nges, кит. минтянь дэ тяньци идин хуй би цзиньтянь хао 明天的天气一定会比今天好, 468 с., 3500 экз., май 1991 г.)[40], сборник разнообразных произведений Чабпел Цетен Пунцога «Тибет в холодное время года» (тиб. bsil dus kyi bod ljongs, кит. дун чжи гаоюань 冬之高原, 13 стихотворений, 1 рассказ, 5 исскуствоведческих эссе, 280 с., тираж 1825 экз., апрель 1991 г.)[41], «Песни, повествующие о земледелии четырех времен года» (тиб. dus bzhi'i so nam byed lugs mtshon pa'i tshig phreng ngag gi rol dbyangs, кит. сыцзи нунгэ 四季农歌, произведения Кедуба, тиб. mkhas grub, кит. Кэ Чжу 克珠, р. в 1957 г.)[42], «Ветер высокогорья» (тиб. mtho

[37] bod kyi brtsams sgrung 'dems sgrig. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1985. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 306–307.

[38] bod kyi lhug rtsom 'dems sgrig. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1985. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 306–307.

[39] Также в рамках серии было издано 7 сборников на китайском языке.

[40] *bkra shis dpal ldan*. phyi nyin gyi gnam gshis de ring las legs pa yong nges cheng du: si khron mi rigs dpe skrun khang, 1991. См. *Robin F.*: La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 311.

[41] *chab spel tshe brtan phun tshogs*. bsil dus kyi bod ljongs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1991. См. *Robin F.*: La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 311.

[42] *mkhas grub*. dus bzhi'i so nam byed lugs mtshon pa'i tshig phreng ngag gi rol dbyangs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1991. См. *Robin F.:* La littérature de fiction

sgang gi rlung, кит. гаоюань фэн 高原风, произведения Огьен Дордже, тиб. o rgyan rdo rje, кит. Уцзи Доцзи 伍金多吉, р. в 1961 г., 25 стихотворений, 4 эссе и 9 рассказов, 348 с., тираж 3500 экз., май 1991)[43].

Второй выпуск сборников в рамках этой серии был приурочен к 30-летию создания Тибетского автономного района, которое отмечалось в 1995 г. В этот раз было выпущено шесть сборников на тибетском, однако их тираж снизился с 1800–3500 экземпляров в 1991 г. до 1500. Среди них были такие романы, как «Невидимые узы» Лхагпа Дондуба (уже упоминался выше), «Дивный пейзаж Джангтанга» (тиб. byang thang gi mdzes ljongs, кит. цянтан мэйцзин 羌塘美景, 8 рассказов Тенпа Яргье, тиб. bstan pa yar rgyas, кит. Даньба Яэрцзе 丹巴亚尔杰, р. в 1962 г., Нагчу, тиб. nag chu, 304 с., 1500 экз., июль 1995 г.)[44], а также поэтический сборник «Драгоценные четки наставлений» (тиб. bslab bya nor bu'i phreng ba) Еше Тендзина[45], «Улыбка критика» (тиб. dpyad brjod mkhas pa 'dzum shor, кит. чжичжэ сиянь 智者喜颜) Келзанг Еше (тиб. skal bzang ye shes, р. в 1948 г.)[46], «Благодеяние матери» (тиб. skyed ma'i bka' drin, кит. муцинь дэ эньцин 母亲的恩情) — сборник стихов и прозы Цедора (тиб. tshe rdor, кит. Цы До 次多, также известен как Дордже, тиб. rdo

---

d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 311. Краткую справку о жизни и творчестве Кедуба см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 39.

[43] *o rgyan rdo rje*. mtho sgang gi rlung. khreng tu'u: si khron mi rigs dpe skrun khang, 1991. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 311.

[44] *bstan pa yar rgyas*. byang thang gi mdzes ljongs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995. См. *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 312. Краткую справку о жизни и творчестве Тенпа Яргье см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 35.

[45] *ye shes bstan 'dzin*. bslab bya nor bu'i phreng ba. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 312.

[46] *skal bzang ye shes*. dpyad brjod mkhas pa 'dzum shor. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 312.

rje, кит. Доэрцзи 多儿吉, р. в 1950 г., Лхаса, сын автора двух романов на тибетском языке Лхагпа Дондуба)[47] и «Пчелиный сад акростихов» — стихи, упорядоченные в соответствии с последовательностью символов тибетской письменности (тиб. ka bshad bung ba dga' tshal, кит. Мифэн дэ лэюань 蜜蜂的乐园) Лхундуб Намгьела (тиб. lhun grub rnam rgyal, кит. Луньчжу Ланцзе 伦朱朗杰, главный редактор журнала «Легкий дождь», р. в 1945 г.)[48].

Тем временем, «Цинхайское издательство национальностей» приступило к выпуску серии под редакцией Гьюрме (тиб. 'gyur med, кит. Цзи Мин 吉明)[49] с очень схожим названием — «Собрание произведений современной тибетской литературы» (тиб. bod kyi deng rabs rtsom rig dpe tshogs, кит. цзанцзу дандай вэньсюэ цуншу 藏族当代文学丛书)[50]. С 1990 по 1993 г. вышло десять тематических или авторских сборников в рамках этой серии, содержавших произведения, ранее опубликованные в литературных журналах (главным образом, в «Легком дожде»).

Четыре из десяти были составлены из рассказов: «Бег черной лошади» (тиб. rta nag sgrog 'gros, февраль 1991, 18 рассказов, 525 с., под ред. Гьюрме)[51], «По ту сторону Цангпо» (тиб. gtsang po'i pha rol, август 1991 г., переиздан в июне 1994 г., 26 рассказов, 570 с., под ред. Гьюрме)[52], «Встречи дома и на чужбине» (тиб. gzhis byes

---

[47] *tshe rdor*. skyed ma'i bka' drin. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 312.

[48] *lhun grub rnam rgyal*. ka bshad bung ba dga' tshal. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 312.

[49] Краткую справку о жизни и творчестве Гьюрме см.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2.] Annexes. P. 37.

[50] См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 312–313.

[51] rta nag sgrog 'gros. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[52] gtsang po'i pha rol. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991, 1994. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

lhan ’dzoms, март 1993, 17 рассказов, 480 с., под ред. Гьюрме)[53] и «Снежное сознание» (тиб. kha ba’i rnam shes, ноябрь 1993, 58 рассказов, 513 стр, под ред. Гьюрме)[54].

Три сборника были посвящены поэзии: «Мелодия облака» (тиб. sprin gyi sgra dbyangs, июнь 1991, под ред. Гьюрме) содержала 89 стихотворений 46 авторов[55], «Золотые браслеты» (тиб. gser gyi gdu bu, октябрь 1992, под ред. Гьюрме) — подборка восьми длинных метрических поэтических произведений[56], а «Водопад юности» (тиб. lang tsho’i rbab chu, ноябрь 1993, под ред. Гьюрме) представлял вниманию читателей 110 стихотворений, написанных свободным стихом[57]. Два сборника одержали статьи литературных критиков о поэзии «Обозрение поэзии» (тиб. snyan ngag gi rnam bshad, август 1990, 352 с., под ред. Гьюрме) Джу Келзанга и Доржи Донгдуг Ньемло (тиб. dor zhi gdong drug snyems blo)[58], и тибетской литературе в целом — «Собрание критических статей» (тиб. rtsom dpyad gtam tshogs, октябрь 1993, 22 статьи, под ред. Гьюрме)[59]. Еще один сборник «Южный ветер»

---

[53] gzhis byes lhan ’dzoms. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1993. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[54] kha ba’i rnam shes. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991, 1994. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[55] sprin gyi sgra dbyangs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991, 1992. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[56] gser gyi gdu bu. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1992. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[57] lang tsho’i rbab chu. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1993. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[58] *‘ju skal bzang, dor zhi gdong drug snyems blo*. snyan ngag gi rnam bshad. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1990, 1992. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[59] rtsom dpyad gtam tshogs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1993. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

(тиб. lho yi dri bzhon, под ред. Гьюрме) состоял из 8 сценариев и театральных пьес[60]. Перечисленные выше сборники, по словам Ф. Робэн, пользовались популярностью у читателей и хорошо расходились[61].

Начиная с 1990-х гг. пальма первенства в производстве литературной продукции и в выпуске литературных антологий, финансировавшихся редакциями, а не отдельными авторами в частном порядке, стала переходить от Лхасы к Пекину и Северо-Восточному Тибету. Как и в случае сборников, выходивших в Тибетском автономном районе до 1995 г., выпуск большей части этих изданий был приурочен к каким-либо юбилейным датам местного или государственного значения[62].

В 1992 г. «Издательство национальностей» в Пекине напечатало третий том серии «Букет литературных новинок» (тиб. gsar bzhad me tog tshom bu, deb gsum pa), объединивший под своей обложкой рассказы, публиковавшиеся в разных литературных журналах с 1988 по 1990 г. и сопровождавшиеся краткими биографическими сведениями об авторах[63].

Два последующих года ознаменовались публикацией «антологий локального значения»: в августе 1993 г. под редакцией Ринчен Цеги (тиб. rin chen tshe dga') вышла «Фиалка» (тиб. spang rgyan me tog), собравшая сотню произведений, так или иначе связанных с тибетским автономным округом Канлхо (тиб. kan lho, провинция Ганьсу), по случаю 40-летия его основания[64]. В июне 1994 г. в Пекине была опубликована «Утренняя дымка над Цайдамом» (тиб. tshwa 'dam zhogs pa'i mtshams sprin) — антология произведений писателей и поэтов из автономного округа Цонуб (тиб. mtsho nub, кит. Хайси, к западу от озера Кукунор), опять же по случаю 40-й годовщины его создания[65].

---

[60] lho yi dri bzhon. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1992. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 313.

[61] См.: Ibid. P. 313.

[62] См.: Ibid. P. 315.

[63] gsar bzhad me tog tshom bu. deb gsum pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1992. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 315.

[64] spang rgyan me tog. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1993. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 315.

[65] tshwa 'dam zhogs pa'i mtshams sprin. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1994. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources

В декабре 1997 г. в Пекине вышло полное собрание сочинений Дондуб Гьела в 6 томах (тиб. dpal don grub rgyal gyi gsung ’bum)[66].

В январе 1999 г. был издан сборник произведений авторов из Цолхо (тиб. mtsho lho, кит. Хайнань, включает в себя автономные уезды Чабча, тиб. chab cha, Тика, тиб. khri ka) под названием «Сборник важнейших литературных произведений Цолхо» (тиб. mtsho lho’i rtsom rig brtsams chos gces bsdus, Хайнань, под редакцией Доби Дордже, тиб. rdo sbis rdo rje, Дугон Церинга, тиб. bdud mgon tshe ring, Менгбу Дондуб Церинга, тиб. smreng bu don ‘grub tshe ring, Цокье Дондуб Церинга, тиб. mtsho skyes don ‘grub tshe ring, Пема Цетена[67], 12 рассказов, 128 с.)[68]. Поводом для издания послужила 50-летняя годовщина основания КНР и 46-я годовщина создания автономного округа Цолхо (тиб. mtsho lho bod rigs rang skyong khul). Две трети этого сборника составляли произведения на тибетском языке (около 50, в том числе 12 рассказов), остальные были на китайском[69].

Также в августе 1999 г. директор Института изучения эпоса о Гесаре провинции Цинхай Чопа Дондуб (тиб. gcod pa don grub) выпустил под своей редакцией сборник стихов и прозы «Песни Голубого Озера» (тиб. mtsho sngon po’i glu sgra, 461 с., тираж 2000 экз.) к 50-й годовщине создания провинции Цинхай[70]. В сборнике были перепечатаны ранее опубликованные 13 рассказов, 21 стихотворение и 7 очерков (тиб. lhug rtsom)[71].

---

textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 315.

[66] dpal don grub rgyal gyi gsung ’bum. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 315. См. о нем подробнее в разделе настоящей книги «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. 193–208.

[67] Тиб. pad ma tshe brtan, кит. Ваньма Цайдань 万玛才旦, р. в 1969 г., уезд Гуйдэ 贵德, тибетский автономный округ Хайнань 海南, пров. Цинхай, закончил Северо-западный университет национальностей (кит. Сибэй миньцзу дасюэ 西北民族大学), а также Пекинский институт кинематографии, известный тибетский режиссер, пишет на китайском и тибетском языках, писать начал в 1991 г.

[68] mtsho lho’i rtsom rig brtsams chos gces bsdus. б. м., 1999.

[69] См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 315–316.

[70] mtsho sngon po’i glu sgra. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

[71] См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 316.

В 2001 г. произошло еще одно значимое событие, так как к 20-летию журнала «Легкий дождь» в Синине были выпущены восемь объемных сборников (более 500 с. каждый), которые были составлены из лучших, ранее опубликованных в журнале произведений самых разных жанров. Два тома под общим названием «Брызги волн рассказов и повестей» (тиб. sgrung gtam rlabs kyi gzegs ma, 37 рассказов, 1038 с., июнь 2001 г., под редакцией Санггье, тиб. sangs rgyas) содержали художественную прозу (тиб. sgrung gtam)[72], два — метрическую и свободную поэзию (тиб. snyan ngag) и очерки (тиб. lhug rtsom), а также критические статьи (тиб. dpyad rtsom), переводы (тиб. bsgyur rtsom) и подборку классических литературных произведений (тиб. rtsom yig).

В июле 1999 г. в Пекине вышел сборник рассказов Таши Пелдена «Сознание струны» (216 с., 1500 экз., 3 рассказа)[73], а в 2002 — подборка стихов, статей и рассказов Сонама (тиб. bsod nams) под названием «Благоухание луговых цветов» (тиб. rtswa thang me tog gi dri zhim, Пекин 504 с., 2000 экз., статьи, эссе и журналы)[74]. Произведения на тибетском языке (три из них — в прозе) также занимают треть «Сборника художественных произведений Малхо» (тиб. rma lho'i rtsom rig brtsams chos bdams bsgrigs), выпущенного в 2003 г. Обществом литературы и искусства округа Малхо (тиб. rma lho khul rtsom rig sgyu rtsal lhan tshogs) по случаю 50-й годовщины создания тибетского автономного округа Малхо (тиб. rma lho bod rigs rang skyong khul), провинция Цинхай[75].

Ф. Робэн делает следующие выводы по итогам рассмотрения антологий на тибетском языке, выпущенных до 2003 г.: повторная публикация уже изданных ранее произведений снижает их ценность в плане новизны, но повышает авторитетность переиздаваемых литературных трудов. Тот факт, что выпуск многих антологий при-

---

[72] sgrung gtam rlabs kyi gzegs ma. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2001. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 316.

[73] *bkra shis dpal ldan*. rgyud skud steng gi rnam shes. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1999.

[74] *bsod nams*. rtswa thang me tog gi dri zhim. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2002. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 316.

[75] rma lho rtsom rig brtsams chos bdams bsgrigs. rma lho, 2003. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 316–317.

урочен к различным годовщинам местного значения, обусловливает преобладание в соответствующих сборниках произведений местных авторов и редкое участие авторов «извне». Впрочем, эта же тенденция наличествует и в изданиях по случаю юбилейных событий общегосударственного масштаба (например, годовщин образования КНР)[76].

Многие авторы выпустили сборники стихов в гонконгских издательствах: Джангбу — в 2001 г. («Агат поэзии с 9 прожилками», тиб. snyan rtsom gzi mig dgu pa)[77], Тубтен Дагпа (тиб. thub bstan grags pa) и Каргонг (тиб. dkar dgongs) — в 2002 г. («Желтые листья», тиб. lo ma ser po)[78], Декьи Долма (тиб. bde skyid sgrol ma) — также в 2002 г. («Слезы поэзии», тиб. snyan ngag gi mig chu, 210 с.)[79].

В числе других авторских сборников и собраний сочинений, в том числе включающих прозаические произведения, следует упомянуть труды Дондуб Гьела «Рассвет ясного и простого письма» (июль 1981 г., Синин, 150 с., 9 стихотворений и 3 рассказа)[80] и «Избранные повести и рассказы» (июнь 1990 г., Пекин, 248 с., 8 рассказов)[81], Церинг Дондуба «Избранные рассказы» (январь 1996 г., Синин, 204 с., 1200 экз., 28 коротких рассказов)[82] и «Избранные повести» (сентябрь 1997 г., Чэнду, 314 с., 1200 экз., 4 повести)[83], Пунцог Таши «Отцы пяти детей» (февраль 1997 г., Лхаса, 380 с., 3500 экз., 11 рассказов)[84], второй том Полного собрания сочинений Дондуб Гьела (июнь 1998 г., Пекин, 404 с., 2500 экз.)[85], Аньон Таши

---

[76] См.: Ibid. P. 317.

[77] *ljang bu*. snyan rtsom gzi mig dgu pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2001.

[78] thub bstan grags pa, dkar dgongs. lo ma ser po. zhang kang: then mA dpe skrun khang, 2002.

[79] *bde skyid sgrol ma*. snyan ngag gi mig chu. Сянган (Гонконг) 香港: Тяньма тушу юсянь гунсы 天马图书有限公司, 2002. См.: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 318.

[80] Подробнее о сборнике см. в разделе настоящей книги «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. 193–208.

[81] *don grub rgyal*. don grub rgyal gyi brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1990.

[82] *tshe ring don grub*. tshe ring don grub kyi sgrung thung bdams bsgrigs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1996.

[83] *tshe ring don grub*. tshe ring don grub kyi sgrung 'bring phyogs bsgrigs. kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[84] *phun tshogs bkra shis*. srid chos dang mo'i phru gu lnga'i pha rnams. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1997, 2006.

[85] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

Дондуба «Звучание осени» (апрель 1999 г., Синин, 432 с., 2000 экз., 15 рассказов)[86], Рангда «Предания от подножия снежных гор» (май 1999 г., Синин, 232 с., 2000 экз., 12 рассказов)[87], Бенде Церинга «Подношение юности» (май 1999 г., Синин, 208 с., 1500 экз., 3 рассказа, 7 метрических стихотворений, 39 свободных стихотворений, 6 прозаических текстов, 4 эссе)[88], Тагбум Гьела «Зима без снега» (2012, 442 с., 4 повести)[89].

Из других антологий, в том числе включающих прозаические произведения, следует упомянуть «Избранные рассказы» (1983 г., Лхаса, Тибетская литературная ассоциация, тиб. bod ijongs rig rtsal mnyam ‘brel tshogs pa)[90], «Избранная проза — прекрасная цветочная гирлянда» (июль 1984 г., Лхаса, 12 рассказов, под редакцией Дондуб Гьела, 12 рассказов, 336 с.)[91], «Избранные тибетские повести и рассказы» (1985 г., Лхаса, под редакцией Огьен Чопела, тиб. o rgyan chos ‘phel, 705 с., 25 рассказов)[92], «Современные тибетские литературные произведения и их объяснение» (ноябрь 1998 г., Ланьчжоу, под редакцией Дулха Гьела, тиб. bdud lha rgyal, 462 с., 25 рассказов)[93].

В связи с ограничениями объема настоящего издания не представляется возможным привести подробный анализ содержания доступных авторам выпусков двух важнейших литературных журналов на тибетском языке «Тибетская литература и искусство» и «Легкий дождь», поэтому придется ограничиться общими сведениями о публикациях из этих журналов. «Тибетская литература и искусство»

---

[86] *a smyon bkra shis don grub*. ston gyi rang sgra. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

[87] *rang sgra*. gangs ‘dabs kyi gtam rgyud — rang sgra’i sgrung gtam phyogs bsgrigs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

[88] *ban de tshe ring*. lang tsho’i mchod pa. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

[89] *stag ‘bum rgyal*. kha ba med pa’i dgun kha. pe cin: mi rigs dpe skrun knang, 2012. См. перечень авторских сборников: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2]. Annexes. P. 21.

[90] sgrung thung bdams bsgrigs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1983.

[91] sgrung rtsom phyogs bsgrigs me tog phreng mdzes. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1984.

[92] bod kyi brtsams sgrung ‘dems sgrig. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1985.

[93] bod kyi rtsom rig gsar ba’i brtsams chos bdams bkod dang de dag gi bshad pa. lan kru’u: kan su’u mi rigs dpe skrun khang, 1998. См. перечень антологий прозаических произведений разных авторов: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. [Vol. 2]. Annexes. P. 22.

выходит с 1980 г., 6 выпусков в год, до настоящего времени опубликовано более 180 выпусков. Авторам удалось получить доступ к выпускам 9–131, 133, 135, 138, 143–144, 148–149) благодаря посещению библиотек университетов Гамбурга и Бонна и Государственной библиотеки Берлина, а также благодаря предоставлению отсканированных копий журнала для оптического распознавания в рамках проекта сотрудничества между крупнейшим репозитарием тибетских текстов — Тибетским буддийским ресурсным центром и московским Центром Риме. Объем выпусков — от 80 до 120 страниц.

«Легкий дождь» выходит в Синине с 1981 г., 4 выпуска в год, до настоящего времени опубликовано более 120 выпусков. Авторам удалось получить доступ к выпускам 1–16, 18–19, 21–25 и 27–118 благодаря посещению библиотек университетов Гамбурга и Бонна и Государственной библиотеки Берлина, а также благодаря предоставлению отсканированных копий журнала для оптического распознавания в рамках проекта сотрудничества между крупнейшим репозитарием тибетских текстов — Тибетским буддийским ресурсным центром и московским Центром Риме. Объем выпусков — от 70 до 128 страниц.

Необходимо также привести несколько не столь многочисленных примеров литературных произведений, критических и научных трудов, посвященных анализу современного литературного творчества тибетцев. Здесь можно выделить книгу Бенде Кара, которая посвящена комплексному анализу творчества Кьябчен Дедола (Синин, декабрь 2012 г., 293 с., тираж 2000 экз.)[94]. Пять глав книги посвящены соответственно биографии автора (тиб. skye zhing ‘tshar ba)[95], поэзии (тиб. snyan ngag)[96], прозе (тиб. sgrung gtam)[97], драматическим произведениям (тиб. zlos gar)[98], художественным концепциям (тиб. rtsom rig bsam blo)[99].

Так же как труд Бенде Кара, книга Чагдор Гьела (тиб. lcags rdor rgyal) «Исследование современной тибетской поэзии» (Синин, январь 2013 г., 260 с., тираж 2000 экз.)[100] является частью серии «Избранные

[94] *ban de mkhar*. skyabs chen bde grol zhib ‘jug. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun knang, 2012.

[95] Ibid. sh. 1–61.

[96] Ibid. sh. 62–114.

[97] Ibid. sh. 115–198.

[98] Ibid. sh. 199–225.

[99] Ibid. sh. 226–268.

[100] bod kyi deng rabs snyan ngag rig pa. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun knang, 2013.

исследования по тибетской литературе» (тиб. bod kyi rtsom rig zhib ‘jug deb tshogs). В нее также входят монография Бенде Кара «Исследование ста лет поэзии Лхасы» (тиб. lo brgya’i lha sa’i snyan ngag gi zhib ‘jug) и сборники статей «Исследование повестей и рассказов Тагбум Гьела» (тиб. stag ‘bum rgyal gyi sgrung gtam la dpyad pa, составитель — Бенде Кар) и «Опыт современной литературы» (тиб. gsar rtsom nyams myong gleng ba, составитель Таба).

Следует отметить, что в провинциях Цинхай, Ганьсу и Сычуань существуют средние учебные заведения с обучением на тибетском языке (например в Чабче, Ребконге, тиб. reb kong и Сонгпане, тиб. song pan), для которых издается соответствующая учебная литература, например, уже упоминавшееся выше издание «Современные тибетские литературные произведения и их объяснение», которое помимо подборки самих текстов (таких известных, как «Водопад юности» Дондуб Гьела, фрагментов «Бирюзовой диадемы» Пелджора и пр.) содержит также вопросы и задания для самостоятельной работы. Авторы включенных в него произведений, как правило, живут в Северо-Восточном Тибете (тиб. a mdo). Тенденция к повышению роли авторов из-за пределов Тибетского автономного района приводит к тому, что даже литературные журналы, издающиеся в ТАР, включают много авторов из других тибетоязычных районов КНР[101].

В данном разделе нет возможности подробно остановиться на еще одном интересном явлении в тибетском литературном процессе — переводах художественной литературы с других языков. Перечень переведенных книг довольно разнообразен. Среди них и два первых тома из серии про Гарри Поттера (переводчик Норкьил Бучунг Гьел, тиб. nor dkyil bu chung rgyal, «Гарри Поттер и философский камень», октябрь 2007 г., 320 с., тираж 3000 экз.[102], «Гарри Поттер и тайная комната», август 2010 г., 348 с., тираж 7000 экз.[103]), том из цикла про Нарнию «Лев, колдунья и платяной шкаф» (переводчик Дава Церинг, тиб. zla ba tshe ring, май 2006 г., 210 с., тираж 3000 экз.)[104], сокращенное переложение «Анны Карениной» (переводчик с английского Кетхо,

[101] См.: *Robin F.* La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 324.

[102] *ra’u ling J.K.* ha ru’i phod thar dang tshe rdo. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2007.

[103] *ra’u ling J.K.* ha ru’i phod thar dang gsang ba’i khang pa. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2010.

[104] seng ge bdud mo dang gos sgam. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2006.

тиб. ke tho, 2003 г., 200 с.)[105], три сказки А. С. Пушкина («Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне»), переведенные с китайского языка (переводчики с китайского Шеуцанг Лхамо Дондуб, тиб. she'u tshang lha mo don grub, и Церинг Кьи, тиб. tshe ring skyid, декабрь 2008 г., 70 с., тираж 3000 экз.)[106], «Маленький принц» (переводчики Таши Кьи, тиб. bkra shis skyid, и Чабдаг Лхамо Кьяб, тиб. chab brag lha mo skyabs, декабрь 2008 г., 70 с., тираж 3000 экз.)[107]. Переводы сами по себе не являются частью литературного процесса, однако способны оказывать на него опосредующее литературное влияние. Художественной литературе, переведенной с европейских языков, был посвящен чрезвычайно интересный доклад главы Отдела Восточной Азии Государственной библиотеки в Берлине Михаэля Балка на недавней конференции в Санкт-Петербурге[108].

В заключение следует отметить, что несмотря на свой достаточно юный возраст (чуть более трех десятилетий) современная литература на тибетском языке уже успела пройти значительный путь развития и продолжает активно развиваться. Хотя произведения стали объектом пристального изучения ряда западных ученых, они все еще остаются не до конца исследованными и по-прежнему требуют внимания к себе, в особенности в России, где они практически неизвестны.

[105] *le 'o thol su the*. an na kha re ne na. Kangra: shes bya kun 'dus rtsom sgrig lte gnas (Multi-Education Editing Center), 2003.

[106] rtsom rig mkhas chen phu'u zhi cin. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2008.

[107] *Saint-Exupéry A*. rgyal sras chung ngu. Lausanne: Edition Favre, 2014.

[108] *Balk M.* Tibetan Literature on the Rise: a Bibliographic Survey of Recent Publications // Тибетская письменная традиция и современность. Тезисы и доклады / отв. ред. П. Л. Гроховский. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2014. С. 5–6.

Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый

Начало современного литературного процесса в Тибете было отмечено появлением молодых поэтов и писателей, которые впервые начали создавать произведения светского характера, несмотря на длительную традицию религиозных сочинений в Тибете. После подписания 23 мая 1951 г. Тибетско-китайского соглашения из 17 пунктов чрезвычайно сильно изменились условия жизни множества тибетцев, что не могло найти своего отражения и в литературе. В период «культурной революции», с 1966 по 1976 г. у многих писателей не было возможности публиковаться, их произведения если и распространялись, то только неофициально в узких кругах.

Окончание «культурной революции» и смерть Мао Цзэдуна кардинально изменили ситуацию. В учебных заведениях возобновилось преподавание на тибетском языке, многие преподаватели, которые до этого находились в лагерях, были освобождены и вернулись на рабочие места. Тибетская культура и язык возрождались. Именно к этому периоду относится начало карьеры писателя из Амдо — Дондуб Гьела (1953–1985).

Литературные произведения Дондуб Гьела можно, без сомнения, назвать стержнем и отправной точкой современной тибетской литературы. Его произведения во многом были инновационными. Так, полностью светский характер впервые обрели произведения на тибетском языке, многие каноны традиционной тибетской литературы были нарушены, произведения стали адресоваться более широкой аудитории.

Основной целью данного раздела является создание обзора произведений Дондуб Гьела, а также описание его творческого пути и становления его карьеры как писателя.

В приложении к настоящему изданию помещены русские переводы стихотворений Дондуб Гьела «Водопад юности», «И здесь есть

живое сильно бьющееся сердце», «Утро в институте» и фрагмента его повести «Цветок, побежденный морозом».

Краткая биография

Ранние годы

Дондуб Гьел родился в 1953 г. в Амдо в небольшой деревне Гуронг Пхоба (тиб. dgu rong pho ba). Отец Дондуб Гьела, Бенде (тиб. ban de), скончался вскоре после рождения сына, оставив жену Мингме (тиб. ming med) страдать в нищете. Воспитывать мальчика помогал его дядя-монах Сонам Церинг (тиб. bsod nams tshe ring), который защищал и поддерживал семью[1].

Дондуб Гьел отличался стремлением к учебе. С 1960 по 1965 г. мальчик обучался в местной школе в области Гуронг Тхил (тиб. dgu rong mthil), в которой он получил начальное образование и научился читать и писать в возрасте восьми лет.

События, которые произошли в жизни будущего писателя, привели к тому, что ему посчастливилось быть переведенным в школу-интернат, которая предоставляла ученикам еду и одежду, а главное — крышу над головой. Случилось это потому, что мать Дондуб Гьела повторно вышла замуж, оставив сына на попечение дяди. Полная опека над племянником была обременительной для его дяди, этим и был обусловлен перевод мальчика в школу-интернат.

Школа, в которой учился мальчик, была одной из основных в Амдо. К тому же только эта школа гарантировала своим выпускникам будущую работу в китайском коммунистическом государстве. Школа была далеко от дома, более чем в 60 километрах, и мальчику приходилось на каникулы возвращаться домой пешком. Несмотря на непростые условия, обучение в этой школе стало важным этапом в становлении его карьеры как писателя[2].

Из своей деревни Дондуб Гьел был не единственным учеником в этой школе, но только он полностью завершил обучение. Сам он объяснял это тем, что у всех его соучеников был дом, в который они могли вернуться, если им надоест учиться. Ему же идти было некуда[3].

---

[1] *Pema Bhum*. The Life of Dhondup Gyal // Lungta. 1995. Vol. 9 (Two Thousand Years & More of Tibetan Poetry). P. 18.

[2] Ibid.

[3] Ibid.

По словам одноклассников и преподавателей, мальчиком он был не особо одаренным, не отличался выдающимся умом, был физически слаб и никак не выделялся. Тем не менее у него был приятный и уверенный голос, поэтому в 1969 г. его приняли на работу в тибетский отдел Цинхайской радиостанции. Приняв предложение о работе, Дондуб Гьел переехал в Синин.

Начало карьеры

Определение в город Синин считалось неудачным. Зарплата там была одной из самых низких среди тех городов, в которые можно было попасть по окончании школы, в которой учился Дондуб Гьел. В то же время Синин являлся самым большим и развитым городом провинции Цинхай. Перевод в этот город буквально «открыл глаза» на мир молодому писателю, который всю жизнь прожил в отдаленной деревне в Амдо. Работа на радиостанции позволила Дондуб Гьелу усовершенствовать навыки разговорного тибетского и китайского языков[4].

Он поднимался вверх по карьерной лестнице. После трех лет работы на радиостанции ему, как ценному сотруднику, предоставили возможность начать обучение в Центральном институте национальных меньшинств в Пекине и при этом сохранили зарплату. Обычно такое право предоставлялось только тем, кто работал больше трех лет, но для Дондуб Гьела руководство сделало исключение.

После окончания Института национальных меньшинств, в 1976 г. Дондуб Гьел вернулся к работе на Цинхайской радиостанции. Этот год стал переломным в истории КНР. Было объявлено о завершении «культурной революции». Тибетцы снова услышали по радио песни на родном языке, могли совершать традиционные обряды, уже не скрываясь ни от кого. Для молодого писателя это было время, когда его произведения впервые были опубликованы[5].

Газета «Цинхайские тибетские новости» публикует несколько его работ под псевдонимом «Радио Победа» (тиб. rlung ‘phrin rgyal). Работы эти были разноплановые: одни соответствовали канонам традиционной тибетской литературы, другие были написаны в современном стиле.

В то же время Дондуб Гьел начал заниматься научной работой в Цинхайской академии общественных наук в Синине. В этот период

[4] Ibid. P. 19.
[5] Ibid. P. 20.

он познакомился с Давой (тиб. zla ba), который стал его близким другом. Работа в академии была связана только с исследованием теории коммунизма, что неудивительно для того времени. Старые книги считались «ядом», и достать их было трудно. Со слов друзей Дондуб Гьела нам известно, что у него хранились некоторые запрещенные книги. Это пример того, как трепетно он относился к своей культуре. Нередко он вел бурные споры, которые могли перейти и в драку с теми, кто с пренебрежением относился к тибетской культуре[6].

В 1977 г. Дондуб Гьел женился на Ринчен Кьи (тиб. rin chen skyid). Несколько лет спустя на свет появился его сын Чодар (тиб. chos dar). Со слов Ринчен Кьи известны необычные факты из жизни писателя. Его жена рассказывает, что писатель работал очень быстро. Он мог начать писать произведение вечером и уже утром показывал жене почти готовое произведение. Также писатель коллекционировал книги. Если он видел, что кто-то читает незнакомую ему книгу, она потом обязательно попадала в его коллекцию. Когда Дондуб Гьел отправился в Пекин для завершения обучения, он привез с собой три или четыре большие коробки с книгами[7].

С окончанием «культурной революции» высшее образование было также реформировано. Теперь для поступления в университет требовалось сдавать вступительные экзамены. Дондуб Гьел прошел вступительные испытания и поступил в магистратуру в Институт национальных меньшинств (ИНМ) в Пекине. Здесь он познакомился со многими выдающимися тибетскими и китайскими учеными.

Дондуб Гьел был в одном из первых потоков студентов, принятых в ИНМ после окончания «культурной революции» на впервые сформированную Кафедру тибетской литературы. Основным объектом его исследования стала древняя тибетская поэтическая традиция *гурлу* (тиб. mgur glu). Результатом его исследовательской работы стала диссертация под названием «История и характеристики *гурлу*» (тиб. mgur glu'i lo rgyus dang khyad chos), опубликованная в 1985 г. «Издательством национальностей» в Пекине[8].

Внушительная работа, объемом в 332 страницы, определяет его научные интересы, а также характеризует его взгляды на древние тибетские песни и стихи. Отдельная глава его работы посвящена поэтическим фигурам (тиб. rgyan) в этих песнях[9].

---

[6] Ibid.

[7] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. Ph.D. Thesis. Helsinki: Institute for Asian and African Studies, 2011. P. 38–39.

[8] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 179.

[9] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 41.

Преподаватели Дондуб Гьела замечают, что у него был живой интерес к исследованию имперского периода тибетской истории. Такой интерес был явно не случайным. Эпоха династии Тан в Китае (VII–VIII вв. н. э.) была эпохой могущества тибетского государства, когда оно было равным по силе Китаю. Во время обучения в ИНМ Дондуб Гьел участвовал в проекте по переводу с китайского языка на тибетский истории династии Тан. Также он работал над изданием текста «Рамаяны» на современном тибетском языке[10].

Хотя специализацией и темой его научного исследования стала тибетская история, Дондуб Гьел работал и над другими сочинениями. В январе 1981 г. вышел сборник «Рассвет ясного и простого письма», в которым были собраны его произведения прошлых лет. Эта книга стала первым сборником произведений тибетского писателя после завершения «культурной революции»[11].

Рост популярности

Этот сборник действительно положил начало новой тибетской литературе. Существующий в Тибете стереотип, что литература может быть доступна только для духовенства и ученых людей, был опровергнут. Впервые литература стала источником эстетического наслаждения и развлечения, а заниматься литературой мог любой. У Дондуб Гьела появилось множество последователей, которые старались подражать его художественному стилю. На встречах с молодыми студентами он призывал их продолжать работу и учебу и не поддаваться сомнениям[12].

Как уже упоминалось в предшествующих разделах книги, 1980 и 1981 гг. отмечены основанием двух тибетских литературных журналов: «Тибетская литература и искусство» и «Легкий дождь». Какими бы радостными и важными ни были это события для возрождения тибетской литературы, содержание большинства публикуемых произведений сводилось к восхвалению Родины и прославлению коммунистической партии. Сочинения Дондуб Гьела были «глотком свежего воздуха». Такие рассказы, как «Равнина дикого яка и тигра» (тиб. ‘brong stag thang), «Перерожденец» (тиб. sprul sku) и «Цветок,

[10] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 179.

[11] *Pema Bhum*. The Life of Dhondup Gyal. P. 20.

[12] Ibid. P. 21.

побежденный морозом», наиболее точно передавали переживания тибетского народа[13].

Тем не менее не все произведения получили положительную оценку. Рассказ «Перерожденец» некоторые читатели называли еретическим и разрушающим учение. Дондуб Гьелу даже пришло письмо с вложенной бритвой. Это означало, что его жизнь была под угрозой. Но писатель не испытывал чувство вины за написание произведения, оскорбительное для многих буддистов. Ему были свойственны такие качества личности, как высокомерие и самоуверенность.

Дондуб Гьел продолжал писать стихи и рассказы. Поворотной точкой в его карьере стал выход в свет стихотворения «Водопад юности», опубликованного в 1983 г. в журнале «Легкий дождь». Многие тибетцы, вдохновленные стихотворением, подражая стилю Дондуб Гьела, сами стали писать стихи на современные темы[14].

Закончив обучение в Институте национальных меньшинств, Дондуб Гьел начал там преподавать. Целью его работы стало создание программы для подготовки квалифицированных преподавателей тибетского языка для средних школ в Амдо. Он сам разрабатывал программу, проводил вступительные экзамены и координировал весь проект[15].

В группу своих студентов он также принимает свою жену Ринчен Кьи, но после ее приезда в Пекин оставляет ее ради другой — монголки Юмкьи (тиб. yum skyid). В следующем году у них рождается дочь Ганглха Долма (тиб. gangs lha sgrol ma)[16].

В 1984 г. Дондуб Гьел и его вторая жена переезжают в Чабчу (тиб. chab cha). В Чабчу писатель переехал ради работы в Училище для преподавателей национальных меньшинств[17].

Последние годы жизни

Его непривычный стиль преподавания и самоуверенность привели к тому, что многие его ученики не уважали его как преподавателя и открыто критиковали его методы. Более того, он конфликтовал с преподавательским составом. В итоге, Дондуб Гьел стал очень одиноким. Его часто видели в барах, и, вероятно, он злоупотреблял

[13] Ibid. P. 23.
[14] Ibid. P. 24.
[15] Ibid. P. 25.
[16] *Virtanen Riika J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 43.
[17] *Pema Bhum*. The Life of Dhondup Gyal. P. 26.

алкоголем. Его беспутное поведение доводило его до драк. Но он продолжал писать, и стихи его были, как и прежде, очень популярны. В этот период он пишет слова к песне «О, голубое озеро» (тиб. e ma mtsho sngon po), а также известное эссе «Узкая тропа» (тиб. rkang lam phra mo).

Обстоятельства вынудили Дондуб Гьела подать заявление об увольнении. В 1985 г. он начинает искать новое место работы, но ни один институт по разным причинам не рассматривает его кандидатуру. Он переезжает в Синин и живет у друга, которого иногда замещает на посту учителя, если тот на время уезжает из города. Это последние месяцы, когда Дондуб Гьел преподает. Не найдя другой работы, он возвращается в Чабчу.

29 ноября 1985 г. Дондуб Гьел ссорится с женой. Она вместе с дочерью уезжает, а на следующее утро писателя находят в квартире мертвым. Точная причина его смерти остается неизвестной. Ясно только то, что это было самоубийство, по официальной версии, вызванное удушьем от газа, которым сам писатель наполнил комнату[18].

Творческий путь Дондуб Гьела и краткий обзор его сочинений

Прежде чем обратиться непосредственно к сочинениям Дондуб Гьела, следует обратить внимание на исторические факторы, повлиявшие на его творческую карьеру.

Студенческие годы

КНР. 1976 г. После смерти генерального секретаря коммунистической партии КНР Мао Цзэдуна в стране начались перемены, в том числе затронувшие и систему образования. Институт национальных меньшинств в Пекине начал набор студентов, основываясь не на их общественном положении и политических взглядах, а на результатах вступительных экзаменов. Образовательная программа теперь не была под постоянным контролем партии. Также изменились методы обучения. Ранее запрещенные тексты были переизданы и использовались в качестве учебного материала[19].

[18] Ibid. P. 27.

[19] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 177.

С либерализацией режима многие вопросы стали открытыми для обсуждения. В ИНМ, где обучались студенты из разных районов Тибета, многие задавались вопросом о будущем. «Культурная революция» завершилась, но она не была забыта. Она оставила след в воспоминаниях молодых тибетцев, кем бы они ни были: сторонниками или жертвами этого режима.

В 1979 г. делегация тибетского правительства в изгнании посетила ИНМ и встретилась со студентами. Для тибетских студентов было записано обращение Далай-ламы. Его речь произвела сильное впечатление. Услышав обращение духовного лидера, тибетцы почувствовали воодушевление[20].

Теперь, когда было разрешено издание прежде запрещенных книг и произведений молодых писателей, Дондуб Гьел оказался в числе тех писателей, чьи произведения впервые появились в печати.

Характерные черты творчества Дондуб Гьела

Сначала Дондуб Гьел писал на китайском языке, но его произведения не принимали в журналы на китайском языке. Более поздние сочинения, написанные на тибетском языке, были приняты с энтузиазмом в первый литературный журнал «Тибетская литература и искусство». По словам Церинг Шакьи, «здесь (в журнале — *А. И.*) было поистине независимое место, где тибетцы могли обсудить их совместный, общий опыт на языке, который был для них родным»[21].

Несмотря на чувство патриотизма, образ Тибета, который создал Дондуб Гьел, вовсе не утопический. Тибет глазами молодого писателя — это отсталый район, застывший во времени. Здесь не процветают науки, нет всеобщего образования. Люди живут воспоминаниями о счастливом прошлом. Не всем читателям был близок такой подход и не все разделяли мнение писателя. По этой причине некоторые его произведения получали негативную оценку и были восприняты как поддержка «мирного освобождения» Тибета.

Еще одной характерной чертой творчества Дондуб Гьела можно назвать широкое использование образов природы, особенно в стихотворениях.

В стихотворении «Песня воспоминаний о степи» (тиб. rtsa thang dran glu) яркое описание природы: сладость вешних вод, безгранич-

[20] Ibid. P. 179.
[21] Ibid. P. 182.

ные просторы. Лирический герой ностальгирует по прошлому, по родным краям. В стихотворении «О, голубое озеро» Кукунор выступает в качестве метонимического олицетворения тибетского народа. Данное произведение можно рассматривать как оду тибетскому народу. «Надежда национальности» (тиб. mi rigs kyi re ba), «счастье настоящего» (тиб. da lta'i bde skyid), «жизнеспособность будущего» (тиб. ma 'ongs pa'i 'tsho ba) — такие эпитеты использованы по отношению к озеру Кукунор. Это место, которое исторически ассоциируется с кочевой цивилизацией, с прошлым Тибета[22].

Такое обращение к природе не случайно: природа хранит воспоминания и является свидетелем истории народа и его права на родную землю. Действие произведений Дондуб Гьела, как правило, происходит либо в деревне, либо на природе. Город и урбанизация негативно оцениваются и противопоставлены традиционному укладу жизни.

Удивительно то, что за исключением ряда стихотворений (наиболее известны среди них «Водопад юности» и «И здесь есть живое сильно бьющееся сердце») его другие произведения не отходили столь явно и сильно от тибетской литературной традиции ни по форме, ни по использованию художественных средств.

Кроме поэзии Дондуб Гьел также писал прозу. По словам самого писателя, литература существует не для того, чтобы продемонстрировать мастерство и знания, а для того, чтобы поделиться своими чувствами и переживаниями. Он считал, что замысел автора должен быть ясен читателю. В рассказах, написанных в 1980–1981 гг., четко прослеживалась критика современного общества. Рассказы соответствовали требованиям партии: они были написаны простым языком и имели очевидную мораль. Эти рассказы обличали пороки общества и давали жизненный урок[23].

Сборник «Рассвет ясного и простого письма»

Вернемся к первому сборнику сочинений Дондуб Гьела «Рассвет ясного и простого письма». Как уже было сказано, этот сборник, опубликованный в 1981 г., стал первым сборником произведений писателя. В сборник вошли 13 произведений, 9 из них — стихотворения: 1) «Песня-похвала учителю» (тиб. slob dpon la bsngags pa'i glu dbyangs); 2) «Удивительный радостный безошибочный сон» (тиб.

[22] Ibid. P. 188–189.
[23] Ibid. P. 197.

‘khrul min rmi lam ngo mtshor dga' skyed); 3) «Ленивый и усердный» (тиб. le lo can dang brtson 'grus can); 4) «Песня воспоминаний о степи» (тиб. rtswa thang dran glu); 5) «Утро в институте» (тиб. slob grwa'i zhogs pa); 6) «Прекрасная гирлянда из цветов восхваления» (тиб. bstod tshig me tog phreng mdzes); 7) «Дружба между Китаем и Тибетом» (тиб. rgya bod bar gyi mdza' mthun); 8) «Богиня степи» (тиб. rtswa thang gi lha mo); 9) «Повествование о семи царских сокровищах» (тиб. rgyal srid sna bdun la sbyor ba'i 'bel gtam).

Эти стихотворения написаны в соответствии с традициями тибетской поэзии. Строки внутри одной строфы имеют одинаковое количество слогов, хотя длина строчек в разных строфах может различаться[24].

В сборник также входят три рассказа: «Пецо» (тиб. pad mtsho), «Сказитель» (тиб. sgrung pa) и «Дугцо» (тиб. brug mtsho).

Все три рассказа являются по своей сути поучительными. Их объединяет одна необычная для тибетской литературы черта, а именно нерелигиозный характер этих произведений. Тем не менее в сборник также вошло одно эссе религиозного характера «Услышанное и увиденное в монастыре Ладанг Ташикьил» (тиб. bla brang bkra shis ‘khyil gyi mthong thos mdor bsdus)[25].

Почти одновременно с изданием сборника «Рассвет ясного и простого письма» выходит еще одна книга Дондуб Гьела — переводы рассказов Тун Эньчжэна «Костяной горн для призыва демонов» (тиб. dre ‘bod rkang gling) и «В поисках дракона озера» (mtsho ‘brug gi rjes snyeg mkhan)[26].

Последние работы

Последующие работы Дондуб Гьела публикуются в разнообразных журналах, таких как «Легкий дождь», «Тибетская литература и искусство» и «Народное искусство Цинхая» (тиб. mtsho sngon mang tshogs sgyu rtsal). Большую часть публикуемых произведений занимала проза и поэзия[27].

В 1984 г. выходит книга под редакцией Дондуб Гьела «Сборник художественной прозы — прекрасная гирлянда из цветов», состоящая из 12 рассказов молодых тибетских писателей, опубликованных

[24] *Virtanen Riika J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 40.
[25] Ibid. P. 41.
[26] Ibid.
[27] Ibid. P. 43.

в тибетских литературных журналах в 1980–1984 гг. В числе произведений, вошедших в сборник, был рассказ самого редактора «Перерожденец», впервые опубликованный еще в 1980 г.[28]

После смерти писателя в 1985 г. многие его произведения вошли в сборники сочинений тибетских авторов. Некоторые даже вошли в школьную программу по литературе[29].

Полное собрание сочинений

Собрание сочинений Дондуб Гьела было опубликовано в 1997 г. в Пекине под редакцией Бенко (тиб. ban kho) и Тагьела (тиб. bkra rgyal) и состояло из 6 томов: «Собрание поэзии» (тиб. snyan ngag phyogs bsgrigs)[30], «Собрание прозы» (тиб. brtsams sgrung phyogs bsgrigs)[31], «Собрание критики и исследований» (тиб. dpyad rtsom phyogs bsgrigs)[32], «Собрание переводов» (тиб. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs)[33], «Собрание комментариев» (тиб.'grel rtsom phyogs bsgrigs)[34], «Собрание разнородных произведений» (тиб. thor rtsom phyogs bsgrigs)[35].

В первый том было включено 21 поэтическое сочинение, из них лишь пять были написаны свободным стихом, а остальные схожи с традиционными тибетскими стихами[36]. Второй том состоял из 15 прозаических произведений: «Отчаяние»[37], «Волны любви»[38], «Упрямый

[28] Ibid. P. 44.

[29] Ibid. P. 45.

[30] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod dang po. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[31] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[32] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[33] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[34] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. 'grel rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[35] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

[36] Подробное описание содержания второго тома см. в разделе «Традиционное и новое в современной тибетской литературе (на примере поэтического творчества Дондуб Гьела)», с. XX–XX.

[37] sems gcong // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 1–17.

[38] brtse dungs kyi rba rlabs // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 18–51.

старик»[39], «Бессовестная невеста»[40], «Цултим Гьяцо»[41], «Перерожденец»[42], «Любовь плоти и кости»[43], «Равнина дикого яка и тигра»[44], «Цветок, побежденный морозом»[45], «Пецо»[46], «Дугцо»[47], «Сказитель»[48], «Непостоянный, иллюзорный сон»[49], «Клан следящих за могилой царя»[50], «Увиденное и услышанное в овощной лавке» (тиб. sngo tshod tshong khang gi mthong thos)[51].

В третьем томе собраны критические и научные труды писателя «Тычинки»[52], «Впечатление от прочтения “Песни мягкой травы”»[53], «Описание происхождения термина bod»[54], «История автора “Намтара Миларепы”»[55], «Концепция образования в Древнем Тибете»[56],

---

[39] rgan po blo gyong // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 52–54.

[40] rgyu ‘bras med pa’i mna’ ma // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. sh. 56–77.

[41] tshul khrims rgya mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 78–118.

[42] sprul sku // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 119–155.

[43] brtse dungs kyi rba rlabs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 156–192.

[44] ‘brong stag thang // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 193–217.

[45] sad kyis bcom pa’i me tog // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 218–288.

[46] pad mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 289–301.

[47] ‘brug mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 302–317.

[48] sgrung pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 318–328.

[49] mi rtag sgyu ma’i rmi lam // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 329–351.

[50] btsan po’i bang so myul ba’i gtam rgyud // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 352–397.

[51] sngo tshod tshong khang gi mthong thos // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 398–401.

[52] ze’u ‘bru // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 1–13.

[53] ‘jam mnyen rtswa’i glu sgra» bklags pa’i ‘char sgo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 14–20.

[54] bod ces pa’i tha snyad kyi ‘byung khungs dngos bshad pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 21–27.

[55] «mi la ras pa’i rnam thar» gyi rtsom pa po’i lo rgyus // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 27–53.

[56] bod gna’ rabs kyi slob gso’i skor gyi ‘char sgo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 54–63.

«Некоторые соображения об истории Тибета»[57], «Сокровищница древней культуры и искусства — Дуньхуан»[58], «Услышанное и увиденное в монастыре Ладанг Ташикьил»[59], «Введение в древние документы об отправлении послов в Древнем Тибете» [60], «Волшебный ключ, отпирающий врата тибетской науки об *аланкарах*»[61], «Краткое сообщение об образе в литературе и искусстве»[62], «Описание аланкары изложения сущности в трактатах по поэтике»[63], «Появление людей в Тибете и происхождение термина bod»[64], «Краткое описание административного деления и системы управления в Древнем Тибете — Песня юной пчелы»[65], «Краткое описание истории тибетского царя Тиде Сонгцена — Перья юного павлина, украшающие прекрасный сосуд речений и помыслов мудрецов былых времен»[66], «История распространения и краткое изложение характеристик тибетских *гурлу* — Сад для увеселения юношей знания»[67].

Четвертый том «Собрание переводов» включает в себя переводы следующих произведений: «Драма о Шакунтале» [68], «Воинственные

---

[57] bod kyi lo rgyus skor gyi bsam tshul thor bu ‘ga’ // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 64–90.

[58] gna’ rabs kyi rig gnas sgyu rtsal gyi bang mdzod — tun hong // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 91–109.

[59] bla brang bkra shis ‘khyil gyi mthong thos mdor bsdus // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 110–137.

[60] bod gna’ rabs kyi bka’i pho nya bgrod tshul gyi yig rnying ngo sprod // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 138–151.

[61] «bod kyi tshig rgyan rig pa’i sgo ‘byed ‘phrul gyi lde mig» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 152–162.

[62] rtsom rig sgyu rtsal gyi snang brnyan skor cung tsam gleng ba // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 163–167.

[63] snyan ngag gi gzhung las rang bzhin brjod pa’i rgyan bshad pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 168–194.

[64] bod du ‘gro ba mi’i rigs byung tshul dang bod ces pa’i tha snyad kyi ‘byung khungs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 195–198.

[65] gna’ rabs bod kyi srid ‘dzin sa khul dang dpon rigs kyi lam lugs rob tsam bshad pa bung ba gzhon nu’i glu dbyangs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 199–229.

[66] bod kyi btsan po khri lde srong btsan gyi lo rgyus mdo tsam brjod pa sngon byon mkhas pa’i bzhed dgongs kyi bum bzang mdzes par brgyan pa’i rma bya gzhon nu’i sgro mdongs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 230–315.

[67] bod kyi mgur glu byung ‘phel gyi lo rgyus dang khyad chos bsdus par ston pa rig pa’i khye’u rnam par rtsen pa’i skyed tshal // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 316–583.

[68] bya len ma’i zlos gar // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 1–58.

песни Дацин» [69], «Три фрагмента из “Воспроизведения поэзии Тяньаньмэнь”»[70], «Костяной горн для призыва демонов»[71], «В поисках дракона озера»[72], «Том о Тибете из новой истории Тан»[73], «Том о Тибете из старой истории Тан» [74], «Замечания по тому о Тибете из новой и старой истории Тан»[75].

В пятом томе «Собрание комментариев» содержатся пояснительные материалы: «Комментарий к поэзии в “Песне царицы весны” — Ключ, отпирающий оружейную комнату»[76], «Объяснение новых слов в “Песне царицы весны”»[77], «Изложение смысла названия “Намтара благородного повелителя йогинов досточтимого владыки Миларепы” — Драгоценный камень, исполняющий упование на ясное понимание»[78], «Объяснение новых слов в “Намтаре благородного повелителя йогинов досточтимого владыки Миларепы” — Нектар для ушей нового понимания»[79], «Комментарий к “Преданию о Рамане” — Озеро гусыни нового понимания»[80], «Объяснение трудных новых слов в “Предании о Рамане” — Праздненство пчел ясного понимания»[81].

---

[69] ta chin gyi ‘thab ‘dzing glu dbyangs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 59–122.

[70] «gnam bde sgo mo’i snyan tshig ‘dra bshus» las tshan pa gsum // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 123–204.

[71] ‘dre ‘bod rkang gling // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 205–247.

[72] mtsho ‘brug gi rjes snyeg mkhan // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 248–272.

[73] «thang yig gsar ma las byung ba’i thu bhod kyi glegs bam» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 273–355.

[74] «thang yig rnying ma las byung ba’i thu bhod kyi glegs bam» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 356–452.

[75] «thang yig gsar rnying las byung ba’i thu bhod glegs bam» gyi zur bkod // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 453–519.

[76] «deb ther dpyid kyi rgyal mo’i glu dbyangs» kyi tshigs su bcad pa’i snyan ngag gi ‘grel pa go mdzod ‘byed pa’i lde mig // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 1–39.

[77] «deb ther dpyid kyi rgyal mo’i glu dbyangs» kyi tshig gsar ‘grel pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 40–214.

[78] «rnal ‘byor gyi dbang phyug dam pa rje btsun mi la ras pa’i rnam thar» gyi mtshan don bshad pa blo gsal re ba skong ba’i nor bu // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 215–233.

[79] «rnal ‘byor gyi dbang phyug dam pa rje btsun mi la ras pa’i rnam thar» gyi tshig gsar ‘grel pa blo gsar rna ba’i bdud rtsi // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 234–305.

[80] «rgyal po rA ma Na» rtogs brjod» kyi ‘grel pa blo gsar ngang mo’i rol mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 306–328.

[81] «rgyal po rA ma Na’i rtogs brjod» kyi tshig gsar dka’ ‘grel blo gsal bung ba’i dga’ ston // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 329–348.

В шестой том «Собрание разнородных произведений» вошли произведения, которые по разным причинам не вошли в другие тома, в их числе стихотворения и проза: эссе «Узкая тропа»[82], «Девушка ветра»[83], «Юноша-странник и дочь дракона»[84], «Один башмак» [85], «Мы с кукушкой вдвоем»[86], «Изучение тибетского письма»[87], «“Предание о Рамане” в переводе из Дуньхуана, легкое для понимания»[88], «Заметки о литературе в связи с обучением»[89], «Была ли прародительница краснолицых тибетцев демоницей?»[90], «Некоторые исторические описания из “Песни царицы весны” — Незапятнанное серебряное зерцало»[91].

Произведения Дондуб Гьела — поэта, писателя, критика, переводчика и ученого — охватывают множество тем и очень разнообразны по содержанию. Также их невозможно назвать однородными по художественному стилю. Несмотря на то, что карьера Дондуб Гьела как писателя продлилась меньше десяти лет, с 1979 по 1985 г., его произведения неоднократно переводились на китайский, английский, французский языки и сохраняют популярность по сей день.

Литературное наследие Дондуб Гьела нельзя недооценивать. Его произведения стали «первыми и новыми» во многом, в своих сочинениях он затрагивал самые актуальные проблемы тибетского народа, за что его помнят и читают до сих пор.

---

[82] rkang lam phra mo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 1–7.

[83] dri bzhon gyi bu mo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 8–11.

[84] bu ldom po dang klu’i sras mo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 12–26.

[85] lham ya gcig // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 27–35.

[86] nga dang khu byung gnyis ka // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 36–42.

[87] bod yig slob pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 43–50.

[88] go bder phab pa’i tun hong ‘gyur gyi «rA ma Na’i rtogs brjod» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 51–88.

[89] slob khrid dang sbyar ba’i rtsom rig gi zin bris // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 89–125.

[90] bod gdong dmar can gyi rmo bo srin mo yin nam // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 126–130.

[91] «deb ther dpyid kyi rgyal mo’i glu dbyangs» las ‘phros pa’i lo rgyus kyi rnam bshad thor bu dri med dngul gyi me long // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 131–457.

Из биографии и творческого пути Дондуб Гьела видно, что жизнь его была не простой, и его произведения не всегда положительно принимались читателями.

В заключение следует сказать, что произведения Дондуб Гьела читают до сих пор. Он жил одновременно и в настоящем, и в прошлом. Американский тибетолог Мэтью Кепстейн писал: «Я был неоднократно удивлен постоянством того, как автор, стараясь найти новый голос, не игнорировал тибетское литературное прошлое, а, изучая его, анализировал»[92].

Творчество тибетского писателя, поэта, критика и ученого Дондуб Гьела занимает особое место в истории тибетской литературы и заслуживает пристального внимания. Его стихотворные и прозаические произведения вошли в золотой фонд современной тибетской литературы.

Работа по изучению произведений Дондуб Гьела должна быть продолжена.

[92] *Kapstein M. T.* Dhondup Gyal: The Making of a Modern Hero // Lungta. Vol. 12. 1999. P. 46.

Традиционное и новое в современной тибетской литературе (на примере поэтического творчества Дондуб Гьела)

Индийские поэтические традиции в средневековой тибетской поэзии

Благодаря тому, что рифмованные тексты позволяют легче запоминать наизусть тексты, многие сочинения тибетской литературы, относящиеся в том числе и к средневековым наукам, написаны в стихотворной форме. Но следует выделить произведения, в которых встречается больше художественных образов и использовано больше литературных приемов, чем в других.

Тибетскую поэзию в более строгом смысле слова можно разделить на три категории: песни *лу* (народная поэзия), *гур* (песни о достижениях, преимущественно духовных и религиозных) и *ньеннгаг*. Первыми появились *лу*, которые были народными песнями и передавались преимущественно устно. *Гуры* похожи на *лу*, но они имели буддийский контекст, а по происхождению могли быть и индийскими, и тибетскими. Третий тип поэзии, *ньеннгаг*, или *кавья* (санскр. kāvya) появился в Тибете намного позднее первых двух жанров — в XIII в., однако сам термин *ньеннгаг* был создан в период раннего распространения буддизма в Тибете как перевод санскритского термина *кавья*. *Ньеннгаг* дословно переводится как «благозвучная речь», и этот вид изысканной поэзии появился в Тибете благодаря следованию принципам классической индийской поэтики, которая также носит название *кавья*[1]. В данном разделе будут рассмотрены проявления принципов классической индийской поэтики в стихотворных

[1] Подробнее о разновидностях средневековой тибетской поэзии см. раздел «Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР», с. 9–32.

произведениях современных тибетских авторов, прежде всего, наиболее популярного и известного из них — Дондуб Гьела.

В IX в., когда на тибетский язык были переведены основные произведения из корпуса санскритских буддийских текстов, среди них были и тексты, построенные в соответствии с принципами *кавья*. Однако, хотя принципы классической индийской поэтики уже были знакомы тибетцам, использовали их немногие. Первым тибетским автором, в творчестве которого действительно можно отметить использование техник индийской поэтики, является Сакья-пандита (тиб. sa skya paN+Di Ta, 1182–1251 гг.).

Следуя примеру Сакья-пандиты, к концу XIII в. другие тибетские авторы стали следовать принципам санскритской поэтики. Наиболее влиятельным теоретическим сочинением стал трактат Дандина «Кавьядарша» (VII в.), переведенный с санскрита. Он сделался важным источником знаний для тибетских поэтов и остается таковым по сей день. Примеры *ньеннгаг* можно встретить в сочинениях таких авторов, как Цонгкапа (тиб. tsong kha pa), Далай-лама V и др.

Неудивительно, что бóльшая часть художественных изобразительных средств была заимствована тибетцами из индийской поэтики. Стихотворная строка обычно содержит нечетное число слогов (как правило, до 21), а строфы чаще всего состоят из 4 или более строк. Основная задача использования художественных средств авторами *кавьи* — вызвать у читателя одно из эстетических состояний (тиб. nyams ‘gyur, санскр. bhāva): героизм, отвращение, поощрение, ненависть, страх, сожаление и т. д., а также продемонстрировать художественные образы, или *аланкары* (тиб. rgyan).

Теория аланкар в индийской поэтике

Теория *аланкар*, или теория украшений, связана с этапом развития индийской поэтики, который относится к VII–IX вв. н. э. Развитие теории *аланкар* стало следствием появления «школы аланкариков», в рамках которой работали такие авторы, как Бхамахи, Дандин, Вамана, Удбхата, Рудрата. Основным понятием их теории было то, что украшение является главным в поэзии[2].

Наиболее авторитетным трактатом в индийской поэтике, рассматривающим систему *аланкар*, является трактат Дандина «Кавьядарша» (санскр. Kāvyādarśa). В трактате Дандин *аланкары* разделены на смыс-

[2] *Гринцер П. А.* Основные категории классической индийской поэтики. М.: Наука, 1987. С. 56.

ловые и звуковые. Аланкары смысла в свою очередь подразделяются на *вакрокти* (аланкары «гнутой речи»), отличительным признаком которых является их выразительность, и *свабхавокти*, что означает естественное описание[3].

1. Смысловые аланкары.

- Упама (сравнение)

По определению Дандина, сравнение — это *аланкара,* которая «так или иначе обнаруживает сходство, существующее [между двумя объектами]»[4] и имеет 15 разновидностей.

- Рупака (букв. «придающая вид»)

Это «сравнение, в котором не выражено различие [между субъектом и объектом], например руки — лианы, ладони — лотосы, ноги — побеги»[5], т. е. в сравнении отсутствуют союзы «как», «будто», «подобно» и т. д.

От метафоры *рупака* отличается тем, что, во-первых, исключает метафоры адъективные (с родительным падежом — «лианы рук» или в форме прилагательного «железная воля»), а также глагольные метафоры («буря воет»). Используется лишь субстантивный вид метафоры («руки — лианы»). Во-вторых, в *рупаке* переносное значение не устраняет буквальное. В-третьих, рупака сложнее обычной метафоры и должна быть развернута на целую строфу[6].

Классифицировать *рупаку* можно по нескольким признакам, например по идентификации субъекта и объекта. Еще одним принципом классификации является логическая связь субъекта и объекта.

- Дипака (всемерное соответствие)

Аланкару *дипака* ассоциируют с фигурой речи зевгмой, определение *дипаки* звучит так: «Если одно-единственное слово, выражающее родовое понятие, действие, качество или индивидуальный объект, обслуживает все высказывание, украшение называют светильником»[7].

- Авритти (повтор)

Учитывая, что повтор в древнеиндийской поэтике считался недостатком речи, неудивительно, что *авритти* встречается только в трактате Дандина. Все же Дандин выделяет три вида авритти[8].

---

[3] Там же. С. 56.
[4] Там же. С. 72.
[5] Там же. С. 77.
[6] Там же. С. 78.
[7] Там же. С. 82.
[8] Там же. С. 84.

- Акшепа (возражение)

Согласно Дандину, *акшепа* — это «высказывание, отрицающее [какое-либо обстоятельство]. Возражение бывает трех видов согласно тому, к какому времени (прошлому, настоящему или будущему) оно относится. А поскольку бесконечны способы отрицания, бесконечны его виды»[9].

- Артхантараньяса (подтверждение)

Определение *артхантараньясы* в «Кавьядарше» звучит так: это аланкара, «в которой, говоря о каком-либо обстоятельстве, упоминают другое, способное быть подтверждением первого»[10].

- Вьятирека (различение)

«Когда сходство между двумя вещами передано словами или подразумевается, но тут же указывается их различие»[11] — такую фигуру называют *вьятирекой*.

- Вибхавана (обнаруживающая)

Смысл *вибхаваны* заключается в том, что «с помощью отрицания обычной причины [явления] обнаруживается его другая причина или истинная его природа»[12].

- Самасокти (сжатое описание)

Сжатым описанием называют такое высказывание, «когда имея в виду одну вещь, говорят о другой, с нею сходной»[13].

- Атишайокти (преувеличение)

Далее в классификации Дандина заканчивается перечисление *аланкар*, построенных на принципе сходства, и начинается перечисление *аланкар* преувеличения. Первой из них является *атишайокти* — «выражение, которое по какой-либо причине преступает границы обыденного»[14].

Преувеличение также может быть выражено через сомнение[15].

- Утпрекша (букв. пренебрегающая различием)

Утпрекша также основана на принципе преувеличения. Высказывание содержит *утпрекшу*, если «естественная природа одушев-

[9] Там же. С. 84–85.
[10] Там же. С. 87
[11] Там же. С. 88.
[12] Там же. С. 89.
[13] Там же. С. 90–91.
[14] Там же. С. 92.
[15] Там же.

ленной или неодушевленной вещи преображается в нечто другое»[16].

- Хету (причина), сукшма (тонкая), леша (след)

Эти три *аланкары* являются причиной полемики, так как некоторые авторы не причисляют их к фигурам речи, так как у них нет признака «гнутой речи». Все же в трактат Дандина они попали, что он объясняет их «семантической нагрузкой» для высказывания. *Хету* может быть связана либо с действием, либо со знанием. У *хету*, связанной с действием, четыре разновидности[17].

Далее *сукшма*, которая заключает в себе «смысл, который непрямо выражен через интонацию или жест»[18].

Третья *аланкара* противопоставлена *сукшме*. *Леша* «скрывает под незначительным [предлогом] случайно обнаружившееся обстоятельство»[19].

- Крама (ряд), или ятхасанкхья (перечисление по порядку)

Крама, или *ятхасанкхья*, — это чаще всего синтаксическая фигура речи, для которой характерно «параллельное перечисление [нескольких] понятий в той же последовательности, что [и другие] уже упомянутые»[20].

- Преяс (очень приятная), расават (содержащая расу[21]), урджасви (страстная)

Эти три *аланкары* связаны с эмоциональным состоянием.

По характеристике Дандина, *преяс* — это «высказывание о чем-то очень приятном»[22].

Аланкара *урджасви*, наоборот, выражает проявление гордости или надменности[23].

Выражение, содержащее *расават*, украшено *расой*. Использование *расават* усиливает интенсивность чувства, таким образом любовь (*прити*) становится *расой* любви (*шрингара*), гнев (*кродха*) становится расой гнева (*раудра*)[24].

---

[16] Там же. С. 94.
[17] Там же. С. 96.
[18] Там же. С. 98.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 98–99.
[21] Раса — усиленное чувство.
[22] Там же. С. 99.
[23] Там же. С. 99–100.
[24] Там же. С. 100.

- Парьяйокта (иносказание)

Парьяйокта — это такая *аланкара*, которая «не раскрывая прямо искомый смысл, [используют] ради его сообщения описание иного рода вещи»[25].

- Самахита (совпадение)

Самахита — это совпадение, так как эта *аланкара* встречается в высказываниях, «когда, у желающего чего-либо достигнуть это случается благодаря судьбе»[26].

- Удатта (величественная)

Удатта — аланкара, которая выражает «величие через внешне парадоксальную ситуацию»[27].

- Апахнути (отрицание)

Дандин называет *апахнути* «отрицанием одной вещи и утверждением [вместо нее] другой». Объекту приписывается парадоксальное для него свойство[28].

- Шлишта (соединенная)

Под соединением подразумевается использование «выражения, имеющего одну и ту же [звуковую] форму и более чем один искомый смысл»[29].

- Вишешокти (описание исключительности)

Вишешокти подчеркивает исключительность субъекта «указанием на несовершенство качества, рода, действия и т. п.»[30]

- Тульяйошита (приравнивание)

«Приравнивая к чему-то другому, обладающему высшей мерой указанного качества»[31], *тульяйошита* используется для восхваления или порицания.

- Виродха (противоречие)

Виродха дала название всей группе *аланкар*, основанных на парадоксе, следовательно, она главная в этой группе. *Виродха* — это

[25] Там же. С. 102.
[26] Там же. С. 104.
[27] Там же.
[28] Там же. С. 105.
[29] Там же. С. 106.
[30] Там же. С. 110.
[31] Там же. С. 111.

«соединение противоречивых значений явления, дабы выразить его особую природу»[32].

Апрастутапрашанса относится к новой группе смысловых аланкар — к аланкарам, основанным на ассоциации (*самйога*).

- Апрастутапрашанса (восхваление того, что не имеют в виду)

Апрастутапрашанса — это «восхваление [объектов], о которых не идет речь»[33].

- Вьяджастути (обманная похвала)

Вьяджастути, по трактовке Дандина, это «похвала, скрытая в форме упрека»[34].

- Нидаршана (указание)

Нидаршана является «указанием на какой-либо благоприятный или неблагоприятный — подобающий данному [обстоятельству] результат с помощью введения другого обстоятельства»[35].

- Сахокти (совместное описание), паривритти (обмен)

Эти две *аланкары* объединены, так как в обеих проявляется принцип связи двух понятий. *Сахокти*, с одной стороны, это «одновременное упоминание [нескольких] объектов, обладающих [общими] качествами или действиями». А с другой, *паривритти* — это «замена одного объекта другим»[36].

- Ашис (благославление)

Ашис, как *аланкару*, признают лишь некоторые теоретики, но Дандин включает ее в свою классификацию и определяет ее как аланкару, содержащую «пожелание вещи, которой домогаются»[37].

- Свабхавокти (естественное описание)

Свабхавокти не относится к аланкарам «гнутой речи», а является единственной *аланкарой*, относящейся к группе *свабхавокти*. *Свабхавокти* — та *аланкара*, «которая наглядно представляет объекты в разнообразии их внешних характеристик»[38].

---

[32] Там же. С. 112.
[33] Там же. С. 113.
[34] Там же. С. 115.
[35] Там же. С. 116.
[36] Там же. С. 117–118.
[37] Там же. С. 118.
[38] Там же. С. 120.

2. Звуковые аланкары

- Анупраса (аллитерация)

«*Анупраса*, — пишет Дандин, — это повторение звуков в метрических стопах или словах, когда [последующие звуки], находясь неподалеку, пробуждают воспоминания о предыдущих»[39]. Считается только повтор согласных, поэтому *анупраса* схожа с аллитерацией.

- Ямака (созвучие)

Ямака, в отличие от *анупрасы*, — это повтор, «охватывающий группу звуков, включая гласные и согласные, причем обычно протяженностью не менее, а иногда и более одного слова[40].

Обзор поэтического творчества Дондуб Гьела

Как уже отмечалось выше, собрание сочинений Дондуб Гьела было опубликовано посмертно в 1997 г. в Пекине под редакцией Бенко и Тагьела и состояло из 6 томов. Первый том является собранием поэзии, включающем 21 стихотворение. До выхода полного собрания сочинений стихотворения писателя публиковались в тибетских литературных журналах, таких как «Тибетская литература и искусство», «Легкий дождь», «Народное искусство Цинхая». В 1981 г. 9 стихотворений вошли в сборник «Рассвет ясного и простого письма»: «Песня-похвала учителю», «Удивительный радостный безошибочный сон», «Ленивый и усердный», «Песня воспоминаний о степи», «Утро в институте», «Прекрасная гирлянда из цветов восхваления», «Дружба между Китаем и Тибетом», «Богиня степи», «Повествование о семи царских сокровищах». Впоследствии все 9 стихотворений были включены в полное собрание сочинений.

Несмотря на то, что Дондуб Гьел был, безусловно, «отцом» современной тибетской литературы, он в то же время не отрицал литературного творчества своих предшественников. Об этом свидетельствуют разные по тематике, стилю и выбранной стихотворной форме стихи. Причиной такого разнообразия может служить тот факт, что на сочинения автора оказывали влияние разные течения в тибетской, китайской и западной литературе, а тибетская традиция также исторически опиралась на индийскую традицию.

[39] Там же. С. 124.
[40] Там же. С. 127.

Также немаловажное значение имела и политическая и социальная обстановка, особенно в стране с коммунистической идеологией, каковой являлась Китайская Народная Республика с середины XX в. Существуют рамки, установленные партией, которые должны соблюдать все писатели[41].

Судить о литературных интересах Дондуб Гьела можно также по его переводам. Среди переведенных им произведений можно отметить работы китайского писателя XX в. Лао Шэ, наиболее известного реалистической и сатирической прозой. Дондуб Гьел интересовался и индийской литературой, о чем свидетельствует его работа над переводом «Рамаяны», кроме того, существует и незаконченный перевод на тибетский драмы Калидасы «Шакунтала»[42].

Тибетская литература стала объектом исследования поэта еще в университете. Его магистерская диссертация под названием «История и особенности *гурлу*» основывалась на разделе истории династии Тан, рассматривающем отношения с Тибетом[43].

Дондуб Гьел обращался и к другим известным памятникам тибетской литературы, таким как песни Миларепы (тиб. mi la ras pa mgur ‘bum), исторический трактат пятого Далай-ламы V «Песня царицы весны» и другим сочинениям, включая рукописи из Дуньхуана[44].

Таким образом, учитывая различные сферы интересов Дондуб Гьела и движение литературной мысли того времени, можно понять, как у писателя выработался своеобразный эклектический стиль. В его творчестве органично сочетались традиционные установки с новыми стилями и формами[45].

Если обращаться к стихотворениям Дондуб Гьела, то можно выделить преобладание современных в плане содержания и формы средств выразительности только в произведениях «Водопад юности», «И здесь есть живое сильно бьющееся сердце», «Восхваление героев знания», «Крыло белого облака», «Уважаемая Традиция! Выслушай слова моего сердца». Остальные же стихотворения имеют традиционную метрическую форму. Такие стихотворения, как «Богиня

[41] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 52.

[42] Ibid. P. 54.

[43] *Kapstein M. T.* Dhondup Gyal: The Making of a Modern Hero. P. 46.

[44] См. перечисление научных работ Дондуб Гьела в разделе «Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый», с. XX–XX; *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 54.

[45] Ibid. P. 54.

степи», «Утро в институте» и «Ленивый и усердный», скорее напоминают басню или афористическую поэзию[46].

Стихотворения, написанные традиционным методом стихосложения.

- **«Дружба между Тибетом и Китаем»**. Раннее стихотворение, впервые появившееся в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». Объем стихотворения — 112 строк. Состоит из четверостиший. В строке содержится 6 слогов, что имитирует размер народных песен[47].

- **«Песня воспоминаний о степи»**. Стихотворение занимает лишь 40 строк, состоит из 10 четверостиший, в строке 11 слогов. Одно из ранних стихотворений Дондуб Гьела, впервые было опубликовано в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». В стихотворении описаны, возможно в несколько идеализированном виде, степи Амдо[48].

- **«Ленивый и усердный»**. Впервые опубликовано в «Рассвете ясного и простого письма», занимает 72 строки, деления на строфы нет. В каждой строке 8 слогов (четное количество более характерно для народной, чем для книжной поэзии). В стихотворении рассказывается о двух братьях Усердии и Лени, во время прогулки по саду первый объясняет второму необходимость учиться, пока тот молодой[49].

- **«Впечатление от чтения восхваления»**. Данное стихотворение содержит 124 строки, длиной от 7 до 31 слога, с обилием индийских средств выразительности. Различие в длине строк и наличие длинных строк (более 9 слогов) свойственно книжной тибетской поэзии, подражающей индийской *кавье*. Деления на строфы нет[50].

---

[46] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 191.

[47] rgya bod bar gyi mdza' mthun // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. sh. 242–248; *Virtanen R*. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 136.

[48] rtsa thang dran glu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 200–202; *Virtanen R*. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 81.

[49] le lo can dang brtson 'grus can // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 203–206; *Virtanen R.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 86–87.

[50] bstod pa bklags pa'i 'char snang // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 141–146. *Virtanen R*. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 88.

- **«Предание о Рамане, сочиненное для удобства восприятия — мелодия нового понимания — весенняя песня для ушей».** Самое длинное поэтическое произведение Дондуб Гьела, занимающее 1724 строки и поделенное на 21 главу. Деление на строфы отсутствует. Количество слогов в строке варьируется от 6 до 19. Представляет собой переложение тибетских буддийских версий индийской «Рамаяны» современным тибетским языком без намеренного усложнения средств выразительности, характерного для средневековых тибетских версий. Впервые опубликовано в полном собрании сочинений[51].

- **«Проза, соединенная с поэзией. Украшение ума юношества»**. Второе по объему стихотворение Дондуб Гьела (809 строк), поделенное на 7 глав. Количество слогов в строке — 7, 15 или 23. Деление на строфы отсутствует[52].

- **«В океане литературы распускается цветок волн».** Небольшое стихотворение (56 строк), впервые опубликованное в полном собрании сочинений. Состоит из 9 четверостиший, в каждой строке по 9 слогов[53].

- **«Повествование о семи царских сокровищах».** Еще одно большое стихотворение, вошедшее в сборник «Рассвет ясного и простого письма» (524 строки). Состоит из 7 глав, каждая из которых посвящена одному из царских сокровищ: чакре, драгоценному камню, царице, министру, слону, коню и полководцу. В строке от 9 до 19 слогов, деление на строфы отсутствует[54].

- **«Богиня степи».** Впервые опубликовано в 1981 г. в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». Состоит из трех разделов, занимает 189 строк. Количество слогов в строке от 9 до 15, деления на строфы нет[55].

---

[51] rA ma Na'i rtogs brjod go bder sbyar mgur dbyangs blo gsar rna ba'i dpyid glu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 1–89.

[52] snyan ngag la sbyor ba'i sgrung rtsom gzhon nu'i yid kyi mdzes rgyan // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 95–129.

[53] rtsom gyi mtsho mor rlabs kyi me tog dgod // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 138–140.

[54] rgyal srid sna bdun la sbyor ba'i 'bel gtam // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 157–180.

[55] rtswa thang gi lha mo // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 181–189.

- **«Прекрасная гирлянда из цветов восхваления».** Впервые опубликовано в 1981 г. в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». Состоит из 20 четверостиший (80 строк). Количество слогов в строке равно 9 — наиболее часто встречающийся в тибетской книжной поэзии размер[56].

- **«Утро в институте».** Впервые было опубликовано в 1981 г. в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». Стихотворение в общей сложности содержит 95 строк, не разделенных на строфы. Каждая строка содержит 10–11 слогов[57].

- **«Удивительный радостный безошибочный сон»**. Стихотворение, появившееся в 1981 г. в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». Занимает 156 строк, деления на строфы нет. В строке — 7–8 слогов[58].

- **«Песня-похвала учителю».** Первое стихотворение в сборнике «Рассвет ясного и простого письма» (140 строк). Метрически не сложное (делится на четверостишия, в строке по 9 слогов — такой размер является в тибетской средневековой книжной поэзии наиболее популярным), но написано в соответствии с индийской теорией поэзии[59].

- **«Два низкородных родственника и два высокородных родственника».** Стихотворение впервые опубликовано в полном собрании сочинений. Занимает 175 строк. В строке 7 или 9 слогов, деления на строфы нет[60].

- **«Благие изречения с буквы “ка” — цветок шафрана».** Стихотворение впервые было издано в полном собрании сочинений. Вероятно, это самое короткое метрическое стихотворение (65 строк), в котором каждая строчка начинается

---

[56] bstod tshig me tog phreng mdzes // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 190–194.

[57] slob grwa’i zhogs pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 195–199. См. русский перевод данного стихотворения в приложении, с. 395–397.

[58] ‘khrul min rmi lam ngo mtshor dga’ skyed // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 207–213.

[59] slob dpon la bsngags pa’i glu dbyangs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 214–222; *Virtanen R*. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 101.

[60] ma rabs spun gnyis dang ya rabs spun gnyis // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 223–230.

с первой буквы тибетского алфавита — ka. Строфическое деление отсутствует, в строках по 9 слогов[61].

Стихотворения, написанные свободным стихом.

- **«Восхваление героев знания»**. Стихотворение занимает 211 строк, в строке содержится от 2 до 21 слога, деления на строфы нет. Входит в полное собрание сочинений, о предыдущих публикациях информации нет. Перед текстом стихотворения есть введение, в котором приводится информация о времени и месте его написания. Стихотворение являлось подарком для студентов, которые завершили обучение в Училище для преподавателей национальных меньшинств в Чабче. Следовательно, так как писатель работал там с 1984 г., стихотворение было написано в последние два года его жизни. Главной темой стихотворения являются студенты и важность образования[62].

- **«Водопад юности»**. Стихотворение было впервые опубликовано в 1983 г. в журнале «Легкий дождь» под псевдонимом Рангдол. Принято считать, что это было первое стихотворение на тибетском языке, написанное свободным стихом. Занимает 168 строк, длина строк от 2 до 18 слогов[63].

- **«И здесь есть живое сильно бьющееся сердце»**. Стихотворение было опубликовано в 1985 г. в журнале «Народное искусство Цинхая». Занимает 90 строк, длина строк от 2 до 27 слогов[64].

- **«Крыло белого облака»**. Стихотворение существует в четырех редакциях. Первая редакция находится в собрании

[61] ka rkyang legs bshad gur gum me tog // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 249–250; *Virtanen R*. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 49.

[62] rig pa’i dpa’ bo rnams la phul ba’i bstod tshig // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 147–156. *Virtanen R*. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 83–84.

[63] lang tsho’i rbab chu // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 130–137. См. русский перевод в приложении к настоящему изданию, с. 388–392.

[64] ‘di na yang drag tu mchong lding byed bzhin pa’i snying gson po zhig ‘dug // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 90–94. См. русский перевод в приложении к настоящему изданию, с. 392–395.

сочинений Дондуб Гьела[65]. Вторая редакция существует в составе избранных сочинений под редакцией Пема Бума, опубликованных в Дхарамсале. Третья редакция является частью книги Дулха Гьела (тиб. bdud lha rgyal) о современной тибетской литературе, а четвертая содержится в книге «Водопад юности» (тиб. lang tsho'i rbab chu) из «Серии современной тибетской литературы», опубликованной Цинхайским издательством национальностей. Первая и четвертая редакция являются одинаковыми стихотворениями, написанными свободным стихом, в ступенчатой форме. В этой редакции стихотворение включает 104 строки и занимает 5 страниц, строки имеют от 6 до 17 слогов. Вторая и третья редакции, с другой стороны, имеют форму прозаического сочинения или скорее эссе. В соответствии с примечанием редактора к четвертой версии впервые стихотворение было опубликовано в 1987 г. в журнале «Тибетская литература и искусство»[66].

- **«Уважаемая Традиция! Выслушай слова моего сердца».** Стихотворение впервые было издано в полном собрании сочинений. Занимает 124 строки. Количество слогов в строке — от 2 до 19[67].

Далее будут более подробно рассмотрены несколько стихотворений.

Сочетание традиционного и нового в поэзии Дондуб Гьела

«Утро в институте»

Стихотворение «Утро в институте» впервые было опубликовано в 1981 г. в сборнике «Рассвет ясного и простого письма». Стихотворение в общей сложности составляет 95 строк. Структура стихотворения соответствует традиционной модели стихосложения. Каждая строка содержит от 10 до 11 слогов. Деления на строфы стихотво-

[65] sprin dkar gyi 'dab ma // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 231–235.

[66] *Virtanen R.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 177–178.

[67] goms gshis lags/ bdag gi snying gtam 'di la gson // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 236–241; *Virtanen R.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 49.

рение не имеет. Церинг Шакья называет стихотворение «Утро в институте» басней, которая соответствует тому, как построена афористическая поэзия (тиб. legs bshad)[68].

Среди сочинений Дондуб Гьела часто встречаются произведения, темой которых является важность образования и порицание лени. Это неслучайно, ведь Дондуб Гьел почти всю жизнь был связан с образованием. После окончания школы и университета, он до конца жизни преподавал в разных учебных заведениях. Поэтому неслучайно и место, в котором происходит действие стихотворения — Центральный институт национальностей, в котором он учился и преподавал после окончания «культурной революции».

Читатель вместе с лирическим героем подслушивают разговор двух учеников института — девушки и ее молодого человека. С одной стороны, стихотворение по содержанию является дидактическим. Девушка призывает своего друга стремиться к знаниям, а автор восхваляет учеников, которые усердно заучивают тексты и активно занимаются спортом.

«Эй, слушай! Одноклассница Церингги Долма,
Поскольку я спокойно обдумал смысл слов,
в которых ты меня вчера критиковала,
И обрел уверенность в их правоте,
То ночью я лишился спокойствия сна.
Когда вспоминаю впустую растраченное драгоценное время,
Сожаление налетает словно вьюга».
Когда услышала, на лице девушки появилась
довольная улыбка,
И, бросив влюбленный взгляд на юношу,
словно выпустив стрелу,
Без улыбки сказала:
«Не болтай чепухи, друг Церингги Намгьял.
Если услышит незнакомый человек, нам двоим будет стыдно,
Откажись от склонности к чаю и пиву и стремись овладеть
Умением плавать в океане знаний, как рыба!»[69]

[68] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 191.

[69] slob grwa'i zhogs pa // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 196. См. русский перевод данного стихотворения в приложении, с. 395–398. Тиб. ka ye gson dang slob grogs tshe ring gi sgrol ma/ kha sang khyod kyis bdag skyon brjod pa yi tshig don/ ga ler bsam zhing bden pa'i nges pa zhig rnyed pas/ nga ni mdang gsum gnyid kyi bde ba dang bral song / rin chen dus tshod chud zos btang ba de dran na / bdag blo 'gyod pa'i sems ni bu yug ltar 'tshub byung / de thos bu mo'i gdong la dga' 'dzum zhig shar

С другой стороны, мы узнаем о любви двух студентов, об их переживаниях, признаниях — поэтому в стихотворении присутствуют элементы любовной лирики, например:

В то время лицо юноши — круг полной луны —
Повернулось к миловидной девушке — лотосу,—
Снова и снова блестя вереницей зубов — лунного света,
Шутя и смеясь, произнес такую речь:
«Любимая девушка, подобная молодым росткам,
Вечером снова приходи в этот парк,
И поскольку у меня на уме есть еще сокровенные речи,
Без утайки тебе расскажу».
Услышав это, красавица покраснела
И стыдливо наклонила голову,
И стрела, утайкой выпущенная вестниками-глазами,
Безошибочно поразила свою цель — сердце юноши:
«Юноша, молодой человек, ты будто напился хмельного чанга,
Не болтай чепухи, помолчи!
Если в глубине сознания — поток искренней любви,
Не нужно опасаться того, что саженец дерева засохнет»[70].

В то время как дидактические сочинения в тибетской литературе достаточно распространены, тема любви встречается реже, если встречается вообще. Темы, как может показаться, достаточно разные, но в них сочетается новое и традиционное в поэзии Дондуб Гьела.

В стихотворении использованы художественные образы, которые соответствуют *аланкарам* традиционной индийской поэтики, позволяющие говорить о том, что стихотворение содержит элементы традиционной поэзии.

---

zhing / dung pa'i mig gi mda' mo pho gsar der 'phen bzhin / 'dzum ma dgod kyi ngang nas 'di skad du smras pa/ ca co ma sgrog grogs po tshe ring gi rnam rgyal/ cha med mi yis thos na nga rang gnyis ngo tsha/ ja chang 'dod pa spongs la yon tan gyi rgya mtshor/ nya mo bzhin du rgyal rtsal sbyong ba la 'bungs shig.

[70] slob grwa'i zhogs pa // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 196. Тиб. de'i tshe gzhon nu'i zhal ras nya zla yi dkyil 'khor / mdzes sdug pad mo can gyi bu mo la 'khor nas/ bsil zer 'od kyi tshems phreng yang yang du dgod bzhin / ku re rtsed mo'i tshul gyis mchid tshig 'di smras pa/ zha lu ljang ba lta bu'i snying sdug gi bu mo/ za ra'i dus su slar yang skyed tshal 'dir shog dang / 'an bu'i sems na da dung snying gtam zhig yod pas/ ya yo med par khyod kyi snyan lam du zhu a/ de thos mdzes ma'i gdong mdog gmar po ru gyur te / skyengs pa'i tshul gyis mgo bo dang kha la smad kyang / dung pa'i mig las 'phangs pa'i lkog sub kyi mda' mo / 'khyog pa med par gzhon nu'i thugs 'ben la phog song / ra ro chang gis myos 'dra'i pho gsar gyi gzhon nu/ lab brdol tshig de ma bshad kha rog ger sdod dang / sha tsha'i brtse dung chu rgyun sems gting du yod na/ sa skyes myu gu skam 'gro dogs pa de mi dgos.

Самой часто встречающейся в стихотворение *аланкарой* является *рупака*. В основном, *рупака* используется в описании молодого человека и девушки: «рука — чрезвычайно нежная на ощупь лоза» (тиб. reg bya shin du ‘jam pa’i ‘khri shing gi lag pa), «лицо юноши — круг полной луны» (тиб. gzhon nu’i zhal ras nya zla yi dkyil ‘khor), «вестники-глаза» (тиб. dung pa’i mig), «красавица — лотос» (тиб. pad mo mdzes ma), «девушка — ветер» (тиб. тиб. dri bzhon bu mo). В стихотворении также встречается использование *рупаки* для описания природы: «приветливые лица примулы — кокетки» (тиб. dpyid bsu sgeg mo’i ‘dzum dkar).

Другие виды *аланкар* встречаются, но редко. Так, несколько раз использована *упама*. В одном из случаев «любезная подруга, несомненно подобная Таре» (тиб. ta re sgrol ma lta bu’i mdza’ mthun gyi grogs mo) использована *прашанса–упама* (восхваляющая упама).

На традиционность стихотворения, помимо специфических художественных средств, также указывают образы. Например, лиса — животное, обладающее усердием. Автор наблюдает, как юноша и девушка гуляют в парке, и восхищается их стремлением к знаниям. Он пишет, что они «устремляются в сторону знаний, от которых веет ароматом жасмина, так же как лиса ищет себе пропитание» (тиб. dza ti’i dri bsung ‘thul ba’i yon tan gyi phyogs la wa mos gzan la ‘bad ltar sbyong ba ‘di skyid pa)[71].

Символом союза между мужчиной и женщиной служит «патра» (тиб. pa tra) — сплетенный узел, один из 8 благоприятных символов[72].

«Утро в институте» — стихотворение, которое можно отнести к традиционным, потому что в нем присутствуют *аланкары* и образы, характерные для средневековой тибетской поэзии. В нем также используются метафоры и сравнения, например: «сожаление налетает словно вьюга» (тиб. bu yug ltar ‘tshub byung), «бросив взгляд, словно выпустив стрелу» (тиб. mda’ mo pho gsar der ‘phen bzhin), «умение плавать в океане знаний, подобно рыбе» (тиб. yon tan gyi rgya mtshor nya mo bzhin du rgyal rtsal) и т. д. Также используются метафоры: «вершина многоэтажного дворца социалистической учености» (тиб.

[71] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 114.

[72] 8 благоприятных символов в тибетском буддизме являются составляющими тела Будды: (1) зонт — голова, (2) золотые рыбки — глаза, (3) ваза сокровищ — шея, (4) лотос — язык, (5) колесо — ноги, (6) флаг победы — тело, (7) раковина — речь, (8) сплетенный узел — мысли. См.: *Beer R.* Tibetan Buddhist Symbols. Chicago; London: Serindia Publications, 2003. P. 3.

ba gam can gyi dmar mkhas khang brtsegs kyi rtse mo), «нектар цветов объектов познаний» (тиб. shes bya'i me tog bcud), «мед знаний» (тиб. yon tan sbrang rtsi).

Несмотря на то, что образы и средства художественной выразительности разнятся, отнести данное стихотворение к современной поэзии позволяет и его содержание. Во-первых, место, где разворачиваются события, — это Центральный институт национальностей. Во-вторых, занятия учеников: бег, прыжки, гимнастика, учеба. И наконец, заключение стихотворения, в котором говорится, что «дело национального образования развивается» (тиб. mi rigs slob gso'i las don 'phel).

Описывая поэзию Дондуб Гьела, невозможно не обратить внимания на стихотворения, которые стали основой его творчества и сделали его самым известным тибетским писателем современности. Для понимания творчества писателя данные стихотворения интересны не только содержанием, но и формой. Церинг Шакья утверждает, что «стихотворения "Водопад юности" и "И здесь есть живое сильно бьющееся сердце" являются классическими примерами патриотической поэзии»[73].

«Водопад юности»[74]

Стихотворение «Водопад юности» было впервые опубликовано в 1983 г. в журнале «Легкий дождь». Дондуб Гьел использовал псевдоним Рангдол.

Структура текста напоминает стихи В. В. Маяковского и, если верить одному из преподавателей Дондуб Гьела, писателя вдохновляло творчество Маяковского, а в особенности его поэма «Облако в штанах», и он тоже собирался написать что-нибудь подобное[75].

В стихотворении происходит смешение просодических правил. Во-первых, в традиционной тибетской поэзии соблюдается равное количество слогов в каждой строке стихотворной строфы. Количество слогов могло быть разным, но чаще всего встречаются строки, состоящие из шести, семи или девяти слогов.

Во-вторых, в классической тибетской поэзии не принято было давать названия стихотворениям, но здесь мы видим, что назва-

[73] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 185.

[74] См. русский перевод данного стихотворения в приложении, с. 388–393.

[75] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 143.

ние есть, и в этом Дондуб Гьел отходит от тибетской литературной традиции[76].

В-третьих, форма стихотворения отличается от традиционной. Тибетская строфа, как правило, состоит из четырех строк. Здесь такое деление отсутствует, и стихотворение записано без деления на строфы.

Первые строки стихотворения описывают атмосферу и окружающую обстановку: «чистое голубое небо» (тиб. sngo zhing bsangs pa'i nam mkha'), «высокие и величественные вершины» (тиб. mtho zhing brjid pa'i lhun po)[77] указывают на то, что действие происходит в Тибете. Создается образ величия и силы, что свидетельствует о гордости писателя по отношению к его родине.

Далее внимание переходит на главный объект стихотворения — водопад. В первых строках водопад описывается как явление природы. Звук стремительного потока сравнивается с «речью Сарасвати» (тиб. dbyangs can ngag) — индийской богини — покровительницы словесных искусств и благозвучия — сравнение, которое вновь подчеркивает силу водопада и возвышает его образ.

Сила воды сравнивается с силой молодого поколения тибетцев. Если обратиться к строкам «Это не обычный водопад […]. Сердце без страха, отвага без уныния» (тиб. 'di ni rang bzhin gyi rbab chu dkyus ma zhig ma yin te/ […] 'jigs pa med pa'i snying/ zhum pa med pa'i dpa')[78], то становится ясно, что водопад персонифицируется. Ему приписываются характеристики, свойственные только людям (бесстрашие и отвага). Следовательно, можно предположить, что это те характеристики, которые Дондуб Гьел видел у молодых тибетцев.

Далее — слова «Водопад юности молодежи Тибета — Страны Снегов» (тиб. bod gangs can gyi gzhon nu rnams kyi lang tsho'i rbab chu)[79] использованы в данном контексте как метонимия, а это означает, что водопад и молодое поколение тибетцев приравниваются друг к другу.

В дальнейшем меняется направленность стихотворения. Автор продолжает обращаться к водопаду с использованием уважительного местоимения второго лица (тиб. khyed). Использование такого

---

[76] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature — gsar rtsom. P. 192.

[77] dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum, pod 1. ban kho dang bkra rgyal gyis dga bsgrigs byas. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. sh. 130.

[78] Ibid. 131.

[79] Ibid.

обращения по отношению к объекту неживой природы наводит на мысль, что это обращение автора к народу Тибета, а именно к молодому поколению. Также используются глагольные формы императива: ltos dang ‘посмотри’, nyon dang ‘послушай’[80].

Обращение к читателю — прием, который до середины XX в. не использовался в тибетской литературе. Разумеется, между читателем и автором всегда есть связь, но Дондуб Гьел впервые напрямую обращается к читателю. Он призывает его увидеть то, что он видит, услышать то, что он сам слышит[81].

Можно сказать, что «Водопад юности» — это ода тибетскому народу. Дондуб Гьел перечисляет множество качеств, которые восхищают писателя в тибетском народе. Это храбрость, ум и сила. Это призыв к тибетскому народу сохранить то культурное наследие, которым дорожит автор. С помощью риторических вопросов писатель показывает, что развитие тибетской культуры — это ответственность молодых тибетцев, таких как он сам:

Если бы тебя не было,
Как закалить меч грамматики?
Если бы тебя не было,
Как заточить резец искусств и ремесел?
Если бы тебя не было,
Не смогло бы раскинуть свои ветви древо медицины,
И не смогли бы распуститься цветы теории познания,
и поспеть плоды внутреннего знания — буддизма[82].

Это означает, что основные сферы тибетской культуры не смогут продолжить развиваться, если им не будет помогать сам тибетский народ.

Как было сказано выше, водопад в то же время является образом, представляющим тибетскую молодежь. Немаловажно, что Дондуб Гьел пишет именно о молодом тибетском поколении, а не о тибетском народе в целом. Наиболее вероятно то, что таким способом писатель подчеркивал, что будущее народа лежит на плечах молодых. У них есть «дух борьбы» (тиб. ‘thab ‘dzing gi nyams ‘gyur).

---

[80] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 147.

[81] *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature. P. 179.

[82] lang tsho’i rbab chu // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 133. Тиб. khyed med na / sgra rig pa’i rl gri la ngar ji ltar ldud/ khyed med na / bzo rig pa’i chu gri la rno ki ltar ‘jog khyed med na/ gso ba rig pa’i ljon pa rgyas mi thub la / tshad ma’i me tog dang nang rig ‘bras bu’ang smin mi srid.

Это стихотворение — призыв к молодому поколению дальше развивать Тибет[83].

Бесспорно то, что в стихотворении есть некоторая ностальгия по прошлому Тибета, к которому автор обращается как к «Тибету — Стране снегов» (тиб. bod gangs can). Разумеется, такое название — это способ выразить любовь и преданность по отношению к родине, но также это способ подчеркнуть, что даже в составе КНР Тибет сохраняет свои собственные национальные традиции и историческое прошлое[84].

Интерпретировать стихотворение «Водопад юности» можно поразному. Во-первых, с точки зрения стихосложения это произведение написано в не использовавшейся ранее стихотворной форме, также весьма необычно и содержание. Во-вторых, «Водопад юности» — это обращение к тибетскому народу, которое было услышано и которое до сих пор помнят. Поэтому неслучайно «Водопад юности» называют символом современной тибетской поэзии.

Хотя «Водопад юности» считается наиболее современным и инновационным среди стихотворений Дондуб Гьела, в нем все же использовано много традиционных элементов тибетской поэзии, например, как отмечает Риика Виртанен, использование воды, потока как метафоры. Вода, как и все на свете, имеет свое начало, но поток никогда не останавливается, он всегда стремится вперед. Таким образом, поток символизирует бесконечность и непредсказуемость времени[85]. Также нельзя не отметить образы, восходящие к буддийской словесности: «изображение лука Индры» (тиб. dbang bo'i gzhu ris)[86], «песня гандхарвов» (тиб. dri za'i glu)[87], «голос Брахмы» (тиб. tshangs pa'i dbyangs)[88], «речь Сарасвати» (тиб. dbyangs can ngag)[89]. Именно эти примеры приводит в своей диссертации Лама Кьяб (тж. Лама Джабб, тиб. bla ma skyabs), доказывая тесную связь современной тибетской литературы со средневековыми литературными традициями Тибета[90].

---

[83] *Virtanen R. J.* A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. P. 148.

[84] Ibid. P. 150.

[85] Ibid. P. 147.

[86] Индра — в индийской мифологии — бог-громовержец, лук Индры — радуга.

[87] Гандхарвы — музыканты, услаждающие слух богов, согласно индийской мифологии.

[88] Брахма — бог-создатель мира в индийской мифологии.

[89] Сарасвати — богиня-покровительница речи, словесных искусств и музыки.

[90] *Lama Jabb*. Modern Tibetan Literature and the Inescapable Nation: DPhil Oriental Studies thesis. Oxford: Wolfson College, University of Oxford, 2013. P. 16–17.

В «Водопаде юности» сравнения, через которые описан водопад, схожи с использованием *упамы*:

Вереницы пенящихся волн белы и прозрачны,
Светящиеся брызги — глазки на павлиньих перьях,
Перья на хвосте попугая,
Узор на парче[91].

В «Водопаде юности» присутствует обращение к водопаду:

О! О! О юность водопада,
Водопад юности!
Как у тебя появилась храбрость без страха,
—— Энергия без уныния,
—— Сила без убытка,
—— Мощь без истощения?[92]

Подобное обращение описано в «Кавьядарше» и называется *чату-упама*, или «льстивое сравнение».

«И здесь есть живое, сильно бьющееся сердце»[93]

Стихотворение «И здесь есть живое, сильно бьющееся сердце» было издано двумя годами позже «Водопада юности», в 1985 г. в журнале «Народное искусство Цинхая».

По форме и содержанию оно сходно с «Водопадом юности». В стихотворении снова воспевается прошлое народа и выражается сожаление о том, что былые времена уже позади, сейчас нет развития и движения вперед. В отличие от «Водопада юности» — оптимистичного стихотворения, воспевающего молодежь Тибета, «Здесь тоже бьется сердце» не столь радостное. Чувствуется раздражение автора, желание перемен.

---

[91] lang tsho'i rbab chu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 130. Тиб. lbu ba'i rlabs phreng dkar zhing dri ma med la/ 'od kyi thig le ni rma bya'i sgro mdongs/ ne tso'i sgro thul/ za 'og ri mo.

[92] lang tsho'i rbab chu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 131. Тиб. kye kye/ rbab chu yi lang tsho ya/ lang tsho yi rbab chu/ khyed la 'jigs pa med pa'i spobs pa/ nyams pa med pa'i zil shugs/ 'dzad mtha' med pa'i stobs shugs 'di lta bu zhig ji ltar rgyas pa yin/

[93] См. русский перевод данного стихотворения в приложении, с. 392–395.

В строках стихотворения звучит восхищение прошлым Тибета: «удивительная история» (тиб. yid du ‘ong ba’i lo rgyus), «сокровищница знаний» (тиб. shes bya’i bang mdzod)[94]. Автор возвращается к истокам тибетской культуры: к легенде о демонице и обезьяне. Он подчеркивает, что люди, которые когда-то «облачались вместо одежды в листья деревьев» (тиб. gos su shing lo gyon) теперь хранят долгую традицию науки и искусства[95].

Можно отметить, что автор использует повторы для выделения важных мыслей. В первых строках стихотворения слова в ряду однородных членов имеют одинаковый второй слог: «Прекрасно, удивительно, сердечно» (тиб. mdzes **sdug**/ mtshar **sdug**/snying **sdug**)[96]. Так же использован повтор слова ‘gsar pa’ (новый) в строках, которые описывают настоящее Тибета:

Новые идеи,
Новые взгляды,
Новые стремления,
Новые традиции[97]

Повтор слова «новый» подчеркивает, что в Тибете произошли перемены и изменилось многое не только в жизни тибетцев, но и в их мыслях.

В стихотворении акцент делается на том, что изменилось направление влияния на Тибет. В прошлом наиболее сильное влияние на Тибет оказала Индия. В настоящее время произошел переход к «социалистической Стране Снегов» (тиб. spyi tshogs ring lugs kyi gangs ljongs)[98]. В области культуры, и особенно литературы, Тибет многое связывает с Индией, но теперь наиболее тесны связи с социалистическим Китаем.

Отношение Дондуб Гьела к переменам в Тибете неоднозначно. Хотя он гордится Тибетом как независимым в прошлом государством, нельзя сказать, что он категорически против новой жизни. Неслучайно он пишет:

---

[94] ‘di na yang drag tu mchong lding byed bzhin pa’i snying gson po zhig ‘dug // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 90.

[95] Ibid. sh. 91.

[96] Ibid. sh. 90.

[97] Ibid. sh. 92. bsam blo **gsar pa** zhig dang/ lta **gsar ba** zhig /‘dod tshul **gsar ba** zhig / lugs srol **gsar pa** zhig.

[98] Ibid. sh. 92.

То, что я вижу перед своими глазами, —
Нектар счастья,
А то, что к тому же наполняет мои уши, —
Будущая жизнь[99].

Возможно, автор верит, что и сейчас есть возможность развития, но зависит это только от самих тибетцев.

Поэтому, как и в «Водопаде юности», здесь также есть обращение к читателю: «друг» (тиб. grogs po). Адресат стихотворения — вновь молодое поколение Тибета, что следует из заключительных строк «О, о, друзья! Молодежь Страны снегов!» (тиб. kye kye/ grogs po lags/ gangs can gyi gzhon nu/)[100].

Несомненно, «Здесь тоже бьется сердце» также является примером патриотической поэзии Дондуб Гьела, в котором, опять же, обнаруживается единство и взаимодействие нового и традиционного как в содержании, так и в изобразительных средствах.

[99] Ibid. sh. 93.
[100] Ibid.

Отражение этнического самосознания и специфика современной тибетской литературы, написанной на китайском языке

1. Значимые произведения тибетской литературы последних десятилетий

В этом разделе мы попытаемся выделить основные черты тибетской литературы, написанной на китайском языке. Это очень большой пласт произведений, охватить который полностью сможет только внушительное издание. Несмотря на свою молодость, современная тибетская литература может гордиться своими писателями: некоторые завоевали всемирную славу, кто-то стал известен внутри КНР. Среди тибетских писателей много пишущих на китайском языке — это проявление непростой языковой ситуации, сложившейся в областях, населенных тибетцами. В результате более чем полувековой политики КНР значительная часть тибетцев утеряла навык самовыражения и литературного творчества на родном языке. Получив образование на китайском языке, тибетские писатели избрали язык «колонизаторов» для выражения своих идей и представлений, которые, тем не менее, отличны от превалирующих в китайской литературе того же периода[1]. Одна из задач этого раздела состоит в выявлении сути этих различий.

Этническое самосознание, как правило, зарождается вследствие некоего потрясения или конфликта, коренным образом меняющего жизнь этноса. Это может произойти в результате взаимодействия этнических групп с иной культурой. В случае Тибета — это, конечно, контакты с ханьцами, следствием которых стало крепнущее

[1] Подробнее о формировании тибетской литературы на китайском языке см. *Schiaffini P.* On the Margins of Tibetanness: Three Decades of Modern Sinophone Tibetan Literature // Sinophone Studies: A Critical Reader, Shu-mei Shih, Chien-hsin Tsai eds. Columbia University Press, 2013. P. 281–295.

национальное самосознание тибетцев. Ханьцы в Тибете проводят инициированную государством модернизацию и даже выступают проводниками глобализации; эта сила, врываясь в жизнь Тибета, безвозвратно меняет традиционный образ жизни обширнейшей высокогорной области. Тибетские писатели как выразители чаяний своего народа стремятся запечатлеть как можно больше специфических реалий, которые могут исчезнуть под натиском перемен. Поэтому основная часть произведений обращена к самобытному прошлому, в то время как будущее видится все более унифицированным. Ностальгия по прошлому и старине — это настроение, вызванное натиском глобализации.

На чем зиждется национальная идентичность тибетцев? Российская исследовательница А. Д. Цендина считает, что на самосознание тибетцев оказывают влияние кочевой или оседлый образ жизни, древняя автохтонная религия *бон*, безусловно, ламаизм, монастырская система организации социума, язык. Она отмечает, что «магия и мистика более всего занимали душу тибетца, давали пищу его уму и чувству, и поэтому большинство оставшихся в исторической памяти этого… народа были маги и мистики»[2]. Религиозность основной массы тибетцев она характеризует как «наполненную архаичными магическими представлениями, в частности использование заклинаний… Их жизнь полностью зависит от различных духов и демонов», и обобщает, что «взгляд на мир тибетца был полностью сформирован буддийской доктриной и народными верованиями, воспринятыми тибетским буддизмом… народная религиозность находит проявление в совершении паломничеств, отшельничестве, чтении молитв с вращением молитвенных колес», главной жизненной задачей тибетца является «накопление религиозных заслуг и овладении магической силой»[3].

Необходимо помнить о том, что выпячивание национальных различий, акцентирование своего этнического самосознания не приветствуется властями КНР, они видят в этом проявление национализма, который в экстремистских формах стал главнейшим фактором дестабилизации в современном мире. В этой связи публикация произведений, отражающих национальные конфликты, в Китае маловероятна.

Наше исследование преследует цель определить, каким образом выражаются особые черты национального характера тибетцев в со-

[2] *Цендина А. Д.* И страна зовется Тибетом… М.: Восточная литература, 2002. С. 242.

[3] Там же. С. 248.

временной китаеязычной прозе. Мы берем во внимание произведения писателей первого ряда, которые определялись китайскими и западными специалистами по тибетской литературе. В частности, У Вэй и Гэн Юйфан в книге «Литература Тибета»[4], имеющей целью ознакомление китайских читателей с тибетской литературой, выделяют следующие произведения современной прозы, которые можно назвать ключевыми для современной литературы, среди них есть написанные на китайском и тибетском языках:

1. Еше Тендзин и его роман «Оставшиеся в живых». Главные герои крестьянка и ее маленький сын, чудом выжившие после кровавой резни в деревне. Молодая женщина ищет способы отомстить рабовладельцу за смерть родственников, события происходят до 1953 г.

2. Джампел Гьяцо, его реалистический роман «Келзанг Метог» описывает события 1950–1951 гг. Это несколько историй, отражающих перемены в тибетском обществе после прихода войск Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Тибет и реакцию разных прослоек общества на это событие.

3. Пелджор, «Бирюзовая диадема». Первый современный роман, написанный сразу на тибетском языке, повествующий о том, как судьбы многих людей поменялись после обретения драгоценного камня, роман насыщен этнографическими и культурологическими деталями.

4. Таши Дава, «Душа, привязанная на кожаном ремешке» (кит. сицзан, си цзай 西藏, 系在皮绳结上的魂) и «Разъяренная Шамбала» (кит. саодун дэ сянбала 骚动的香巴拉). Это произведения принадлежат течению «новый тибетский роман», которое привлекло к Тибету внимание читающей публики в Китае.

5. Сэбо, повесть «Круглые дни» (кит. Юаньсин дэ жицзы 圆形的日子, 1991), где использованы модернистские композиционные приемы.

6. Янгчен (тиб. dbyangs can, кит. Ян Чжэнь 央珍, р. в 1963 г., Лхаса, также известна как Янгдон, тиб. dbyangs sgron?, окончила Пекинский университет, работает в Центре исследования тибетской литературы (кит. Сицзан вэньсюэ яньцзю чжунсинь 西藏文学研究中心)[5], редактор журнала на китайском языке «Тибетская литература», ее роман «Бес-

[4] *У Вэй* 吴伟, *Гэн Юйфан* 耿予方. Сицзван вэньсюэ 西藏文学 (Тибетская литература). Пекин 北京: учжоу чуаньбо чубаньшэ 五洲传播出版社, 2002.

[5] Краткую справку о жизни и творчестве Янгчен см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 304–305.

полое божество» (кит. Усинбе дэ шэнь 无性别的神 1988 г., переизд. 1994 г.) о месте женщины в религиозных традициях Тибета.

7. Лхагпа Пунцог (тиб. lhag pa phun tshogs, кит. Лаба Пинцо 拉巴平措, р. в 1942 г., уезд Цзянцзэ 江孜, ТАР, также известен под псевдонимом Намдол, тиб. rnam grol, окончил магистратуру Центрального института национальностей в Пекине, в 2008 г. избран депутатом собрания ВК НПКСК (Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая) 11-го созыва), повесть «История трех сестер» (тиб. bu mo spun gsum gyi rnam thar, кит. Саньгэ мэймэй дэ гуши 三妹妹的故事, 1981 г.)[6] рассказывает о трагической судьбе трех сестер, каждая из которых подверглась насилию и обману наделенных властью и влиянием мужчин, будь то молодой феодал или нечистый на руку *тулку* из монастыря. Другое значимое произведение «Лес после дождя» (тиб. char shul gyi nags tshal, кит. Юйхоу дэ сэнлинь 雨后的森林) написано на тибетском языке[7].

8. Декьи Цомо (тиб. bde skyid mtsho mo, кит. Дэцзи Цому 德吉措姆, р. в 1946 г., Лхаса, занимала высокий пост в отделе пропаганды ТАР, член редколлегии журнала «Тибетская литература», прошла стажировку в литературном институте Союза писателей Пекина)[8]. Ее рассказ «Медленно шагая по дороге» (кит. маньмань чжуаньцзинлу 慢慢转经路, 1980 г.) — трагическая история, которая, в частности, показывает мирное соседство ханьцев с тибетцами.

9. Таши Пелден, сборник рассказов «Завтра погода будет лучше, чем сегодня» (1991) о тяжкой трудовой жизни крестьян[9].

---

[6] Публиковалась в журнале «Тибетская литература и искусство» в 1980–1983 гг., по сведениям Ф. Робэн, см. диссертацию: *Robin F.* La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Thèse de Doctorat. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2008. Vol. 1. P. 594. Более точные выходные данные неизвестны, так как соответствующие выпуски журнала недоступны авторам настоящей книги.

[7] *rang grol (lhag pa phun tshogs)*. char shul gyi nags tshal. bod kyi rtsom rig sgyu rtsal. 1982. № 3. sh. 3–28. Сравнение рассказов «Лес после дождя» Лхагпа Пунцога и «Спор в саду» Пелджора см.: *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 99–100.

[8] Л. Макони приводит два частично различающихся тибетских эквивалента китайского имени Дэцзи Цому: bde skyid mtsho mo и bde skyid rtse mo, из которых в данном издании сделан выбор в пользу первого, так как он более точно соответствует китайскому эквиваленту. См.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 70 и 205. Краткую справку о жизни и творчестве Декьи Цомо см.: Ibid. P. 252–253.

[9] *У Вэй* 吴伟, *Гэн Юйфан* 耿予方. Сицзан вэньсюэ 西藏文学 (Тибетская литература). С. 52–75. См. английский перевод Bkra shis dpal ldan (trad. Dhondup, Yangdon). Tomorrow's

Сборник переводов наиболее репрезентативных повестей и рассказов на английский язык вышел в США в 2001 г.[10] В него вошли знаковые произведения китайских и тибетских писателей: представителей течения экспериментальной прозы в современной китайской литературе Ма Юаня, Гэ Фэя (кит. 格非, р. в 1964 г.), представителей тибетского «нового романа» тибетского и сино-тибетского происхождения Таши Давы, Сэбо, Алая, тибетских женщин-писательниц Геянг (тиб. dge dbyangs, кит. Гэ Ян 格央, р. в 1972, ТАР)[11], Янгчен. Это авторы, представляющие Тибет китайскому и западному читателю, все произведения переведены с китайского языка. В предисловии к сборнику известный исследователь тибетской литературы Церинг Шакья отмечает, что наконец-то Тибет стал источником вдохновения для китайских писателей, но этот всплеск творческой активности стал слабее с наступлением 1990-х гг. П. Скьяффини связывает такой быстрый упадок с усилением контроля над ТАР и отъездом оттуда ведущих писателей модернистского направления. Церинг Шакья отмечает, что основная часть современной тибетской литературы пишется на родном языке, наиболее популярен среди писателей-тибетцев метод реализма, который воспринимается как наиболее подходящий для отражения реалий современного Тибета[12]. Далее он добавляет, что предпочтение, какое писатели тибетского происхождения отдают реализму, неслучайно, так как им ближе метод критического изображения жизни. Мы добавим от себя, что представление Тибета в мистическом свете с использованием модернистских техник письма и композиции — это прерогатива китайских писателей, отражающих тем самым неведомое «иное» (как антитеза «я» самого писателя). То, что для писателя-тибетца — обычная

Weather Will Be Better // Mānoa. 2000. 12. No. 2. Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet. P. 152–161.

[10] Tales of Tibet: Sky Burials, Prayer Wheels, and Wind Horses / Foreword by Tsering Shakya; ed., translator H. J. Batt. London, Oxford: Rowman & Littlefield, 2001. К числу других переводов с китайского и тибетского на английский язык можно отнести: Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet / Ed. by F. Steward, Herbert J. Batt, Tsering Shakya. Special issue of *Manoa*. 2000. 12. No. 2; *Weise*. Tibet's True Heart / Trans. by A. E. Clark. Ardsley: Ragged Banner, 2008; *Jangbu*. Nine-Eyed Agate / Trans. by H. Stoddard. Lanham: Rowman and Littlefield, 2010; *Alai*. Red Poppies: An Epic Saga of Old Tibet / Trans. by H. Goldblatt, S. Lin-chuan Lin. Methuen Publishing Ltd., 2003; *Alai*. Tibetan Soul / Trans. by K. Gernant and Chen Zeping. Hawai`i University Press, 2012.

[11] Краткую справку о жизни и творчестве Геянг см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 261–262.

[12] Tales of Tibet: Sky Burials, Prayer Wheels, and Wind Horses. P. XIV.

привычная жизнь, для китайца — экзотика, жизнь «иного». Церинг Шакья четко формулирует главную проблему современной тибетской литературы: «Психология и сознание тибетцев не могут быть выражены с помощью китайского языка, и такие попытки приведут только лишь к искаженной передаче реальности»[13]. П. Скьяффини также подтверждает, что китаеязычный тибетский писатель никогда не будет считаться ни полностью ханьцем, ни тибетцем.

Наиболее известным представителем тибетской прозы на китайском языке можно считать Таши Даву, о его творчестве написано много статей и монографий в КНР и на Западе. Достаточно упомянуть диссертацию и статьи Патрисии Скьяффини[14]. Эта исследовательница доказывает, что Таши Дава и Сэбо были главными инициаторами развития китаеязычной тибетской прозы, на волне «ажиотажа вокруг нацменьшинств» в 1980-х гг. они получили поддержку властей, тогда провозглашалось, что главные ценности литератур нацменьшинств — примитивизм, чистота и подлинность[15].

Мы же кратко проанализируем творчество другого писателя синотибетского происхождения Алая. П. Скьяффини связывает появление видного писателя за пределами ТАР с тем, что вследствие ужесточения контроля над этим районом в конце 1980-х гг., культурная и литературная жизнь расцвела на периферии, в тибетских автономиях провинций Сычуань, Цинхай, Юньнань.

2. Алай: самосознание пограничной области

Алай в 1980-х гг. начинал литературную деятельность как поэт, работал редактором журнала «Мир фантастики» (кит. Кэхуань шицзе 科幻世界) в г. Чэнду (1999–2006), вершиной его писательской карьеры стало получение пятой престижной литературной премии им. Мао Дуня за роман «Осевшая пыль» (кит. Чэньай лодин 尘埃

[13] Ibid. P. XIX.

[14] *Schiaffini P.* Tashi Dawa: Magical Realism and Contested Identity in Modern Tibet»: Ph.D. dissertation, University of Pennsylvania, 2002; *Idem*. The condor Flies Over Tibet: Tashi Dawa and the Significance of Tibetan Magical Realism // L. Hartley, P. Schiaffini eds. Modern Tibetan Literature and Social Change. Durham: Duke University Press, 2008. Также см. анализ его творчества: *Yangdon Dhondup*. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 188–217.

[15] *Schiaffini P.* On the Margins of Tibetanness: Three Decades of Modern Sinophone Tibetan Literature // Sinophone Studies: A Critical Reader. Shu-mei Shih, Chien-hsin Tsai eds. Columbia University Press, 2013. P. 284.

落定)[16] в 2000 г. Алай стал первым писателем-тибетцем, получившим эту премию. С 2009 г. — председатель Союза писателей провинции Сычуань (кит. Сычуаньшэн цзоцзя сехуй 四川省作家协会). Первые сборники Алая стали выходить с 1998 г., это сборники рассказов «Пятна крови былых лет» (кит. Цзюнянь сюэцзи 旧年的血迹), «Ювелир на луне» (кит. Юэлян ли дэ иньцзян 月光里的银匠), «Цветы софоры» (кит. Хуай хуа 槐花), «Стая танцующих ос» (кит. Цюнь фэн фэй у 群蜂飞舞), повести «Грань грехопадения» (кит. Не юань孽缘), «Палач Эръи» (кит. Син синьжэнь Эръи 行刑人尔依), сборники бессюжетной прозы «Лестница с Земли» (кит. Дади дэ цзети 大地的阶梯), «День ото дня все изобильней» (кит. Цзю чжэ ян жии цзай фэнъин 就这样日益在丰盈).

Снискав литературную славу, Алай стал выпускать сборники о культуре Тибета, в частности «Солнце над степью» (кит. Цаоюань шан дэ тайян 草原上的太阳). Его перу принадлежат три романа: «Осевшая пыль» (2000), «Пустая гора» (кит. Куншань 空山, 2009), «Царь Гесар» (кит. Гэсаэр ван 格萨尔王, 2009). В 2001 г. вышло 4-томное Собрание сочинений Алая (кит. Алай вэньцзи 阿来文集, Пекин: жэньминь вэньсюэ чубаньшэ 人民文学出版社, 2001), что указывает на признание его видным литератором современного Китая.

Итак, перед нами плодовитый писатель, снискавший всекитайскую и даже мировую известность своими романами и повестями. Он овладел тибетским языком в семье, образование получил на китайском языке, пишет также на китайском. Он повествует о тибетцах, живущих на пограничных территориях, которые раньше центрального Тибета (ТАР) оказались под контролем и влиянием китайской администрации. Иными словами, он выразитель самосознания области приграничья.

В каком направлении развивалось творчество писателя после создания романа «Осевшая пыль»? Вышедший в 2009 г. новый роман «Пустая гора» вызвал немалый интерес у критики. Каждая из шести глав романа представляет собой отдельную историю и описывает события, происходящие в тибетской деревне на северо-западе провинции Сычуань с конца 1950-х до начала 1990-х гг. В разных сюжетах фигурируют одни и те же персонажи, автор избрал такую форму для написания эпической истории одной деревни. В своей критической статье «Движение модернизации в национальной песне скорби: о романе Алая “Пустая гора”» Цао Ся

[16] См. анализ романа: *Yangdon Dhondup*. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 110–144.

(кит. 曹霞, докторант Пекинского педуниверситета) отмечает: «После “Осевшей пыли”, где автор оптимистически оценивает ход истории и смену общественного устройства Тибета после 1953 г., в “Пустой горе” от написания крупного эпического полотна о судьбе всей нации он переходит к отражению личных трагедий и череды малозначительных дней жизни деревенских жителей, при этом судьбы этих маленьких людей являются зеркалом судьбы всего народа»[17]. После прихода войск НОАК политические кампании одна за другой врываются в жизнь деревеньки, модернизационные импульсы, разрушающие традиционный уклад, приходят из города, их носителями выступают китайцы.

Так, вторая глава «Небесный огонь» (кит. Тяньхо 天火) сравнивает беды «культурной революции» с взрывом вулкана. На тушение пожара в горном лесу приехали говорящие по-китайски одетые в синюю форму надзиратели за работами и повергли в ужас селян, которые не понимали значения таких слов, как «кампания», «ударная бригада» и тому подобное. Автор в отрицательном свете показывает плоды инициированной ханьцами модернизации, которая пусть и принесла материальные блага тибетцам, но сделала их алчными и жадными. В следующей главе показано, как страстная любовь к девушке толкает охотника на убийство большого числа диких животных, после конфликта с другим охотником он погибает, и в деревне пресекается вековая традиция ведения охоты, которая не наносила ущерба природе. Далее автор показывает, что инициированная центром политика реформ и открытости поощряет устремление тибетцев к получению быстрой прибыли (многие занялись варварской вырубкой леса), отбивает желание обрабатывать землю. Наконец, в заключительной главе деревня Цзицунь (кит. 机村) погибает, оказавшись залитой водой после запуска гидроэлектростанции, затопление деревни ради наращивания энергетических мощностей — красноречивая и доступная пониманию любого читателя метафора.

Цао Ся указывает, что в романе Алая врагом тибетской культуры выступает «процесс модернизации», но за этим понятием у автора стоит, конечно, экспансионистская экономическая политика КПК. Рассуждая о проблеме национальной идентичности Цао Ся, подобно западным исследователям, ставит в центр смешанное

[17] *Цао Ся* 曹霞. 现代性进程中的民族悲歌: 论阿来的《空山》(Движение модернизации в национальной песне скорби: о романе Алая «Пустая гора») // 《艺术广角》(«Ишу гуанцзяо»). 2009. № 2. С. 61.

сино-тибетское происхождение и неоднозначное этническое самосознание самого писателя, обладающего «китаизированным мышлением»[18].

Критик отмечает, что в своих ранних произведениях Алай полностью соотносит себя с тибетской культурой, сознает ее своей, а «китаизированное мышление» никак о себе не заявляет. Но с годами он понимает, что ни для тибетцев, ни для ханьцев не является полностью своим. Обострившиеся внутренние противоречия писателя нашли проявление в появлении персонажей не чисто тибетского происхождения. Например, в повести «Родство» (кит. Сюэ май 血脉) это мальчик, дедушка которого был китайцем. В романе «Осевшая пыль» главный герой-дурачок также родился от брака китаянки и тибетца, а в «Пустой горе» фигурируют чудаки неясного происхождения, к которым враждебно относятся остальные жители. Они становятся проводниками перемен, идущих извне, но как бы то ни было считают деревеньку своей родиной. В силу того, что основу тибетского самосознания составляет религия, в романе Алая немало трагических эпизодов связано с разрушением религиозных устоев и правил, которые скрепляли общество («Ну, упал Будда и что с того, гора не закачалась, земля не раскололась»), но вековые устои почитания святынь пошатнулись. На месте уничтоженного в «культурную революцию» алтаря Будды возвели стену с написанными на ней высказываниями Мао. Исчезла традиция небесных похорон, единственный человек, знавший их правила, умер.

Мы можем заключить, что отношение автора в «Пустой горе» к влиянию ханьцев на образ жизни тибетцев однозначно критическое, что косвенно указывает на ослабление цензурного контроля в отношении чувствительного «тибетского вопроса» в художественной прозе. Но автору и читателю необходимо помнить, что многие механизмы развития современной техногенной цивилизации уже давно стали необратимыми, они также не пощадили и бесчисленное множество китайских деревень, о чем написано немало произведений и снято много фильмов.

Статья Шао Яньцзюнь (кит. 邵燕君, доцент Пекинского университета) «Сложность сочетания метода “чистой литературы” и эпического изложения: на примере “Пустой горы” Алая» начинается с упоминания, что новый роман лауреата престижной премии Мао Дуня привлек внимание именно тем, что критикам и читателям хотелось узнать, на каких основах будет строить автор свое повествование

[18] Там же.

о многовековой истории Тибета, как он выразит всю ее сложность и неоднозначность[19]. Автор этой статьи сопоставляет произведение Алая с романами на историческую тему писателей ханьцев. Роман «Пустая гора» появился на волне ажиотажа вокруг исторических эпических романов, которые создают в основном уже маститые писатели из поколения «образованной молодежи» (кит. чжицин 知青). В далекие 1980-е гг. эта плеяда писателей заявила о себе как о зачинателях ряда направлений, в том числе авангардной прозы (кит. сяньфэн сяошо 先锋小说). И все они после распада единой идеологии оказались перед проблемой, как выстроить свою логику изложения исторических событий и какие использовать для этого опорные точки? В основе оказался принцип «прощай, революция» и «за возврат к народному», что выражалось в упрощении языка и сюжета до такой степени, что литература стала звучать как разговор двух простолюдинов. Беда также в том, что у авторов этих исторических эпопей, пусть они и достигли пика творческой зрелости в наши годы, арсенал выразительных средств не изменился с 1980-х гг.[20] Алай в новом романе поставил перед собой более сложную задачу, чем в предыдущем: «Осевшая пыль» повествует о сломе старого общественного строя и установлении нового, а «Пустая гора» — о сложности и даже невозможности выстраивания какого-либо нового порядка после разрушения культуры. В отличие от писателей-ханьцев Алаю не надо по-новой пересказывать историю последних десятилетий, он оказывается первым, кто ее излагает. По мнению критика, Алай не смог справиться с задачей системного и внятного описания процесса разрушения традиционной культуры и установления нового порядка в силу отсутствия стройной системы координат и оценок. Далее Шао Яньцзюнь высказывает мнение, что указание социалистической революции в качестве силы, меняющей жизнь общества, является данью системе ценностей «чистой литературы» (кит. чунь вэньсюэ 纯文学) с ее отказом от всякой политизированности, приматом эстетики и «общечеловеческими ценностями», которые стали главенствующими в культуре КНР после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. В русле этих же ценностей, прочно связанных с западным модернизмом, за Тибетом закрепились устойчивые клише святой и чистой земли, населенной

[19] *Шао Яньцзюнь* 邵燕君.《纯文学》方法与史诗叙事的困境：以阿来《空山》为例 (Сложность сочетания метода «чистой литературы» и эпического изложения: на примере «Пустой горы» Алая) //《文艺争鸣》(«Вэньи чжэнмин»). 2009. № 02. С. 18.

[20] Там же. С. 19.

преданными своей вере людьми. Критик считает, что в «Пустой горе» Алай изображает историю родных мест в русле ценностей «чистой литературы», и не беспричинно порицает писателя за огульную критику всего, что связано с «новым обществом» и влиянием китайцев на жизнь деревеньки, в то время как многие экономические и политические решения центра были вызваны острой необходимостью[21]. В заключение делается критическое замечание о том, что Алай взялся за сложную тему сино-тибетских приграничных отношений, не будучи глубоким знатоком вопроса, а только движимый желанием написать что-то мудреное и модернистское, чисто «эстетское», в результате написал не историю, а «легенду»[22]. Добавим только, что автор этой статьи уличает Алая в недостаточно глубоком знании тибетской культуры и языка, т. е. опять всему виной его смешанная идентичность.

Тем не менее Шао Яньцзюнь признает высокие художественные достоинства нескольких коротких зарисовок, публиковавшихся до 2009 г. отдельными произведениями и представляющих персонажей романа «Пустая гора». Там писатель поместил в центр событий второстепенных героев. Это и есть реализация «лепестковой структуры» (кит. хуабаньши цзегоу 花瓣式结构) романа, когда к одному центру, как лепестки, крепятся отдельные сюжеты. Рассмотрим одну из двух серий зарисовок «Эскизная зарисовка персонажей из деревни Цзицунь» (кит. Цзицунь жэньу сумяо 机村人物素描), две истории из этой серии вошли в «Избранные рассказы Китая за 2007 год»[23]. Рассказ «Проданная Долма» (кит. Бэй гуаймай дэ чжома 被拐卖的卓玛) начинается с описания девушки по имени Долма (тиб. sgrol ma, кит. Чжома 卓玛) из деревни Цзицунь, которая идет лесом, ее фигура, блуждающий взор и исходящий от волос аромат вызывают ассоциации с богиней весны, которая пробуждает все живое вокруг. Контрастом звучит следующий абзац о том, как набирает обороты торговля древесиной и дарами леса, в частности целебными травами, за сырьем приезжают на грузовике те, кто быстро смекнул, как и на чем можно заработать. Вот и Долма с другими женщинами из деревни собирает целебный папоротник орляк. Узнав от товарок, что можно продать не только травы, но и человека, Долма на следующее утро продает себя скупщику сырья

[21] Там же. С. 20.

[22] Там же. С. 24.

[23] Чжунго дуаньпянь сяошо цзинсюань 中国短篇小说精选 (Избранные рассказы Китая за 2007 год). 武汉 Ухань: 长江文艺出版社, 2008.

за три тысячи юаней, больше в деревне ее не видели. Второй рассказ «Молотилка» (кит. Толицзи 脱粒机) повествует о том, как в деревню провели электричество, а затем привезли и запустили чудо техники — молотилку.

В интервью, озаглавленном «Алай: природа — действующее лицо моих произведений» (кит. Алай: цзыжань ши во цзопинь чжун дэ цзюэсэ 阿来: “自然”是我作品中的角色)[24], писатель упоминает, что знакомые с детства тибетские легенды и сказания кажутся ему схожими с западной модернистской литературой, которая пришла в Китай в 1980-х гг. На вопрос о переменах в жизни тибетских районов после «освобождения» Алай отвечает, что это небо и земля, «раньше не было даже права на грамотность, а теперь многие люди получают образование, теперь тибетцам разрешается изучать собственную культуру, но разрешать — одно дело, а развивать — другое». А свое отношение к идеологии он также обозначает обтекаемо: «Литература, идеология и мораль связаны; во-первых, через них можно влиять на людей, во-вторых, у тебя самого есть какая-то позиция. В молодости я мечтал только о том, чтобы ничто не сковывало мое сочинительство, чтобы оно не было связано ни с идеологией, ни с моралью. А потом я понял, что это невозможно, если ты за рамками одной морали, то оказываешься внутри другой».

В 1999 г. несколько китайских издательств предложили известным и начинающим китайским писателям пройти пешком по нескольким маршрутам вдоль реки Хуанхэ, по Синьцзяну и Тибету с тем, чтобы потом опубликовать свои заметки и впечатления. В числе семи писателей, которые по семи разным маршрутам должны были добраться до Лхасы, были Таши Дава и Алай. Результатом работы писателей и фотографов стал выход в «Народном издательстве провинции Юньнань» прекрасно оформленной серии из семи сборников «Пешком по Тибету»[25]. Алай должен был двигаться к Лхасе три месяца со стороны провинции Сычуань и изложил виденное и прочувствованное в сборнике «Лестница с Земли»[26], также вошедшем в упомянутую серию «Пешком по Тибету» (2000). В авторском предисловии Алай

[24] 阿来：“自然”是我作品中的角色 [Электронный ресурс] // Institute of Ethnic Literature (IEL), Chinese Academy of Social Sciences (CASS). URL: http://iel.cass.cn/news_show.asp?newsid=7839&detail=1&pagecount=0 (дата обращения: 8.11.2012 г.).

[25] Цзоуцзинь сицзан. Вэньхуа цуншу《走进西藏》文化丛书 (Серия книг о культуре: «Пешком по Тибету»). Куньмин: 云南人民出版社, 2000.

[26] *Алай* 阿来. Алай вэньцзи дади дэ цзети 阿来文集大地的阶梯 (Собрание эссе Алая: «Лестница с Земли»). Пекин 北京: 人民文学出版社, 2001.

рассказывает историю появления словосочетания «лестница с Земли», рисует наполненную лиризмом сцену беседы с молодым ламой на фоне освещенных заходящим солнцем горных пиков, которые уступами, подобно лестнице, поднимаются к небесам. Автору и его собеседнику кажется, что по этой лестнице они смогли бы взойти на небеса. Также он сравнивает свое путешествие из г. Чэнду по равнине на Цинхай-Тибетское нагорье с таким подъемом по лестнице. Популярный среди китайских писателей жанр бессюжетной прозы (кит. саньвэнь 散文) обычно состоит из неспешных описаний пейзажей и сценок окружающей жизни, перемежающихся размышлениями и воспоминаниями автора, это запечатленный на бумаге отклик души. Как правило, этот жанр избегает острых злободневных тем, приближаясь к философствованиям о вечных вопросах бытия. Вот и Алай отмечает, что сложный рельеф местности предполагает трудные условия для выживания людей, сложность их истории[27]. Алай пишет, что прожил в этих местах с рождения до 26 лет, но, покинув родные места, снова возвращается домой в своих книгах. Задачу своего сборника он видит в том, чтобы передать это ощущение подъема в гору и спуска в долину.

В послесловии к сборнику Алай признается, что не смог проделать весь маршрут, как того хотели издатели. Он посчитал нужным больше внимания уделить родному краю Гьелронг (тиб. rgyal rong, кит. Цзяжун 嘉绒, уезд Маэркан 马尔康), о котором почему-то почти не упоминают, когда говорят о Тибете, при этом Нгава-Тибетско-Цянский автономный округ (кит. Аба цзанцзу цянцзу цзычжичжоу 阿坝藏族羌族自治州) — неотъемлемая часть Тибета. Стереотипное мышление не отделяет народность *гьелронг* от населяющих эти края ханьцев по той причине, что этот район находится под давним влиянием китайской культуры, в этой местности в течение многих веков отношения с китайской администрацией поддерживались через родовых старшин (кит. тусы 土司). Алай оговаривается, что назвать себя чистокровным представителем этой народности он не может (причиной тому сино-тибетское происхождение), но именно в силу такого положения он видит свою миссию в том, чтобы открыть всему Китаю и миру эту малоизученную область. Он говорит, что пытался избегать заметок в стиле «цивилизованный путешественник пишет о варварах», а стремился показать, какие перемены произошли с его соплеменниками за последние десятилетия.

---

[27] *Алай* 阿来. Алай вэньцзи дади дэ цзети 阿来文集大地的阶梯 (Собрание эссе Алая: «Лестница с Земли»). Пекин 北京: 人民文学出版社, 2001. С. 6.

Изданный в 2009 г. роман «Царь Гесар» был написан после этнографической работы автора в 20 уездах Центрального Тибета, провинциях Цинхай и Сычуань, где он собирал сведения об известном эпосе. В 2013 г. Алай порадовал читателей новым произведением «Племя *чжэньдуй*: чудесные события области Кхам длиной в двести лет» (кит. Чжэньдуй: лянбайнянь канба чуаньци 瞻对: 两百年康巴传奇), которое в отличие от предыдущих работ не является вымыслом, а излагает историю племени под названием *чжэньдуй* (кит. 瞻对) с эпохи Цин до основания КНР, высвечивает причины волнений среди окраинных народов империи. Цинские императоры Юнчжэн (кит. 雍正, 1678–1735) и Гуансюй (кит. 光绪, 1871–1908) совершали против этого горного народа карательные экспедиции и не могли подчинить его своей власти, Алай выбрал историю этого племени, считая ее типичным отражением вековых сложных отношений центральных властей и пограничных тибетских поселений. Писатель собрал устные сведения, изучил письменные источники о родовом старшине по имени Гунбу Ланцзя (кит. 贡布郎加), который не признавал ни цинские власти, ни Далай-ламу из Лхасы. Писатель пришел к выводу, что таких примеров было множество. История с отправкой знаменных войск цинского двора для искоренения бандитизма повторялась несколько раз при разных императорах.

Итак, сино-тибетское происхождение Алая и полученное на китайском языке образование делают его принадлежность к тибетской культуре спорной для критики и для него самого, обостряют его этническое самосознание и формируют особое восприятие жизни, ценностей, уклада соплеменников из провинции Сычуань и всего «большого Тибета». В интервью и бессюжетной прозе он часто напоминает читателю не только о своем смешанном происхождении, но и подчеркивает, что на самосознание жителей сино-тибетского приграничья оказывают влияние две культуры. Мы отмечаем эволюцию его творчества: от вымысла и фантазий с тибетскими мотивами он пришел к историческим исследованиям, опирающимся на документы и собранные полевые материалы.

Далее рассмотрим два сборника рассказов тибетских писателей разных лет, чтобы проследить изменения в формах отражения национальной специфики на протяжении последних десятилетий. Был выбран именно рассказ, так как этот жанр развивался наиболее динамично и пользовался наибольшей популярностью у тибетских писателей.

3. Сборники рассказов тибетских писателей разных лет

В сборник «Избранные рассказы тибетцев»[28] вошло 24 произведения из четырех регионов, населенных тибетцами, тексты выходили с 1979 по 1983 г. Предисловие к сборнику монгольский писатель Малчинхуу (кит. Мала Циньфу 玛拉沁夫, р. в 1930 г.) начинает с того, что упоминает о тесной связи монголов с Тибетом по причине общности вероисповедания (ламаизм) и обычаев. В конце статьи он выражает надежду на то, что качество рассказов тибетских писателей не будет отставать от количества. Вошедшие в сборник произведения принадлежат писателям, положившим начало современной тибетской прозе, в их числе Еше Тендзин, Йидам Церинг, Рабгье Пасанг, Джампел Гьяцо, Келзанг Дордже, Таши Дава, Еше Долма (тиб. ye shes sgrol ma, кит. Иси Чжома 益希卓玛, китайское имя Ван Чжэ 王哲, р. в 1925 г., Ганьсу)[29], Еше Церинг (тиб. ye shes tshe ring, кит. Иси Цзэжэнь 意西泽仁, р. в 1952 г., Сычуань)[30], Декьи Цомо. В послесловии к сборнику указывается, что рассказ как жанр тибетской литературы получил развитие после 10-го съезда ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей) в 1978 г. Написанные в реалистической манере, эти рассказы отражают главным образом пережитое тибетцами в годы «культурной революции». Некоторые произведения могут показаться наивными и незрелыми, но они являют собой важный этап в развитии тибетской прозы. До начала 1980-х гг. современной тибетской литературы почти не существовало. Немалая часть этих рассказов получила различные литературные премии общегосударственного и провинциального уровней.

Первый рассказ «Нарушение клятвы» (кит. По цзе 破戒) принадлежит малоизвестному автору Тубтен Джигме (тиб. thub bstan ‘jigs med, кит. Тудэн Цзимэй 土登吉美, 1946–2003)[31]. Это рассказ

---

[28] *Тао Лифань* 陶立璠, *Мо Фушань* 莫福山, *Лю Ваньцин* 刘万庆 ред. Дандай цзан цзу дуаньпянь сяошосюань 当代藏族短篇小说选 (Избранные рассказы тибетцев). Пекин: миньцзу чубаньшэ 民族出版社, 1985.

[29] Краткую справку о жизни и творчестве Еше Долмы см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 310–312. Дочь «пионера кинематографии» в Ганьсу Кончог Церинга (тиб. dkon mchog tshe ring, кит. Гунцзюэ Цайжан 贡觉才让, 1895–1995, также известен как Ван Цзоцин 王佐卿), о котором см.: Ibid. P. 263–265.

[30] Краткую справку о жизни и творчестве Еше Церинга см.: Ibid. P. 309–310.

[31] Краткую справку о жизни и творчестве Тубтен Джигме см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 292.

о семье плотника в первые годы реформ. Местный колорит передают диалоги персонажей, в которых много присказок, форма приветствий имеет религиозный оттенок, нередко иероглификой записаны тибетские слова: например, *синьсо* (кит. 辛索, тиб. shing bzo ba ‘плотник’), *эцзи* (кит. 哦吉) — уважительное приветствие. Упомянута традиционная пища тибетцев — топленое масло и высушенное мясо. Подробно описана работа по украшению близлежащего храма деревянной резьбой. Главный герой — потомственный краснодеревщик, который подвергся гонениям во время «культурной революции», ушел из дома и поклялся бросить свое ремесло, но вот его находит старый товарищ, ставший партийным секретарем уезда, и уговаривает вновь взяться за работу, на которую возник большой спрос. Этот рассказ очень напоминает деревенскую прозу, написанную ханьцами в период начала 1980-х гг. В прозе этого направления местный колорит создают множественные диалектизмы.

В рассказе Дондуб Вангбума «Лепестки под дождем» (кит. Юйчжун дэ хуабань 雨中的花瓣) речь идет о трех мальчиках-пастухах. Двое решили изловить орла, который утащил ягненка у их сестры, они смогли добраться до гнезда хищника и, рискуя жизнью, утащили двоих птенцов. Тем временем на оставшегося сторожить коров подростка напал вор, который пытался угнать скот, он подвесил ребенка вверх ногами на дереве и скрылся. Мальчик выжил, а злодея другие подростки загнали в ловушку. В рассказе нет топонимов, поэтическое название кажется мало связанным с самим сюжетом (развязка происходит во время сильного ливня). Можно отметить только суровый нрав жителей гор: бесстрашие мальчиков, свирепость угонщика скота. Но можно признать, что ровно такой же рассказ мог быть написан и о жизни ханьцев.

Рассказ писателя Чан Цина (кит. 长青; вероятно, это псевдоним) «Ом мани падме хум» (кит. Аньмани бамихун 唵嘛呢叭咪吽, слова известной мантры на санскрите oṃ maṇi padme hūṃ) повествует о старой монахине, которую в 16 лет старший брат-лама привел в монастырь. Упомянуты гонения на монахов и разрушение монастырей в годы «культурной революции», но до и после этих событий монахиню почитали местные жители. Читатель узнает о том, как подвергались перевоспитанию и критике монахи, как один из них перестал считать себя «живым Буддой» и отрекся от религии. Монахиня совершает ритуальный обход храма, читает мантры, вспоминает недавние гонения, думает о том, как достичь просветления. История завершается описанием тихой смерти старушки-монахини

в больнице. Этот рассказ имеет более яркую тибетскую специфику, знакомя читателя с жизнью священнослужителей и религиозными традициями.

В рассказе «Эй, Минмай Доцзи» (кит. Э, Минмай Доцзи 哦, 名麦多吉) писателя Татена (тиб. bkra brtan, кит. Чжа Дэн 扎登) герой слышит, как его старший брат напевает в одиночестве песни на лирические стихи Далай-ламы VI и известного поэта Цангъянг Гьяцо. А. Д. Цендина также упоминает, что «его поэзия чрезвычайно любима тибетцами… именно потому, что приближена к народным песням. Он впервые заимствовал форму народной песни»[32].

Отметим, что в некоторых рассказах повествование потроено так, что подразумевает осведомленного о реалиях тибетской жизни читателя, а в других автор словно поясняет для читателя, чуждого этой культуры, некоторые явления, так применительно к разным предметам быта используется эпитет *цзан* (кит. 藏) ‘тибетский’, речь может идти о костюме, обычаях и проч. Носителями традиционной религиозности в этих рассказах являются представители старшего поколения, они читают мантры, крутят барабанчики и совершают паломничества в храмы Лхасы.

Рассказ писательницы Еше Долмы «Прекрасное и отвратительное» (кит. Мэй юй чоу 美与丑) относится к направлению «литературы реформ». В начале 1980-х гг. в китайской литературе это направление считалось мейнстримом: авторы затрагивали темы внедрения новых знаний и технологий в различные отрасли хозяйства. В рассказе Еше Долмы речь идет о человеке, который хочет внедрить современные методы разведения и селекции овец. В конце повести приводится восклицание: «Наука — это и есть прекрасное!» (кит. Кэсюэ цзю ши мэй 科学就是美). Рассказ Еше Тендзина «Настоящее золото» (кит. Чжэнь цзинь 真金) отражает сумятицу, отсутствие порядка и ситуацию потери контроля властей на местах вследствие кампаний «культурной революции». Район, занимающийся золотодобычей, отказывается вести переговоры с партсекретарем уезда, превратившись в вооруженный лагерь. В конце рассказчик восхищается мужественными коммунистами, ведущими работу в сложных условиях «культурной революции».

Отметим, что все рассказы из сборника «Избранные рассказы тибетцев» написаны в реалистической манере, в сюжете последовательно раскрываются герои и их поступки; важной составляющей

[32] *Цендина А. Д.* И страна зовется Тибетом… С. 172.

является описание природы и пейзажей — так писатели воспевают красоту родных мест. В китайской литературе этого периода также доминировал подобный стиль изложения.

А теперь обратимся к сборнику рассказов из серии «Камни *мани* и тибетская земля» (кит. Мани цзанди вэньцун 玛尼藏地文丛)[33], главным редактором серии является писатель Сэбо. В содержании сборника рассказов «Молчание мудреца» (кит. Чжичжэ дэ чэньмо 智者的沉默)[34] помимо имен авторов указаны и их годы рождения, почти все они родились в 1950–1960-е гг., произведения более ранних писателей в сборники не включили. Состав вощедших в сборник рассказов позволяет лучше понять, какого рода произведения стали ядром современной тибетской литературы, именно по ним китайские и западные читатели судят о ней. В начале 1980-х гг. некоторые молодые люди после окончания вузов покинули Китай, связав свою жизнь с «загадочным Тибетом». Там они встретились с интересующимися литературой местными молодыми людьми, создали оживленную литературную среду. Благодаря усилиям самих тибетцев, а также давно живущих в Тибете ханьцев и китайских студентов, присланных «помогать Тибету», новая тибетская литература стерла грань, исконно разделявшую китайскую литературу и литературу нацменьшинств. Молодые тибетские писатели быстро усвоили прогрессивные методы письма, это был период небывалого взлета и расцвета тибетской литературы. К сожалению, об этом славном периоде остались лишь отрывочные воспоминания, и Сэбо видит задачу этой серии в том, чтобы представить наиболее яркие произведения писателей, работавших в тот период. Все они — этнические тибетцы, выходцы из трех диалектных областей (У-Цанг, Амдо и Кам).

При составлении сборника редакторы руководствовались двумя критериями:

1) произведение должно содержать особое понимание и восприятие окружающей действительности. Для нового поколения писателей «мистическая реальность» и «реалистичность мистики» Тибета стали источником вдохновения;

---

[33] В серию, изданную в Чэнду 成都: 四川文艺出版社 в 2002 г., вошло еще три сборника: повести «Серебряных дел мастер на луне» (кит. Юэлянли дэ иньцзян 月光里的银匠), поэзия «Четки предопределенности» (кит. Цяньдин дэ няньчжу 前定的念珠), бессюжетная проза и эссе «Где ты сочиняешь стихи на ходу» (кит. Ни цзай хэфан син нянь 你在何方行吟).

[34] *Сэбо* 色波 ред. Чжичжэ дэ чэньмо 智者的沉默 (Молчание мудреца). Чэнду 成都: 四川文艺出版社, 2002.

2) хотя и написанное на китайском языке, произведение должно отличаться от китайской литературы, необходимо было выработать свой стиль.

В результате оказалось, что отобранные в сборники произведения хотя и не относились к одному направлению, но обладали рядом общих черт.

1. Содержали культурно-исторические коды и оригинальный сюжет, что приводило к их успеху у читателей. Такие работы, взаимодействуя с мировой литературой, становились ее частью. Подобной стратегии «диалога с миром» затем будет следовать и современная китайская литература.

2. Выражали национальную идентичность через диалог с мировой литературой. В 1980-е гг. такого рода произведения китайской литературы обладали определенной авангардностью (речь идет о направлении «поиска корней» и «экспериментальной прозы»). Подобные же произведения о Тибете пользовались наибольшим спросом у иностранного читателя, и лишь позже были приняты и читателями-тибетцами (возможно, связано это с тем, что такой экзотизм может претить коренным жителям Тибета).

3. Поддерживали связь с китайской культурой. Чаще это заметно в работах писателей из пограничных областей, которые ближе и понятнее китайскому читателю.

4. Отражали сильную авторскую привязанность к родному языку. В эту группу входили произведения более позднего периода.

Рассмотрим особенности выражения национальной специфики в этих избранных произведениях китаеязычной тибетской литературы.

Сонам Ринчен (тиб. bsod nams rin chen, кит. Солан Жэньчэн 索郎仁称, также известен как Ван Миньцюань 王敏全, Ван Жун 王荣, р. в 1956 г., уезд Абэй 阿贝, провинция Сычуань, первое произведение было опубликовано в 1979 г. в журнале «Тибетская литература»)[35] представил рассказ «Сонный бред Черной реки» (кит. Хэйхэ июй 黑河呓语), начинающийся с фразы, которая вряд ли могла появиться в рассказах начала 1980-х гг.: «В день, когда старый слепнущий пастух почувствовал, что умрет, он нашел в траве подкидыша, после чего, играючи, прожил еще десять лет…» при-

[35] Сын Нгагванг Тендзина (см. о нем в разделе «Политика КНР в отношении литератур национальных меньшинств с середины XX в.: на примере тибетской литературы», с. XX). Краткую справку о жизни и творчестве Сонам Ринчена см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 289–290.

сутствующий здесь мотив предвидения будущего и власти рока пришли в китайскую литературу после ее знакомства с латиноамериканским «магическим реализмом». Главный герой — молодой человек по имени Агэнь (кит. 阿根). Выпасая овец, он встречает красивую женщину, муж которой серьезно болен. Упоминаются традиционные тибетские снадобья, лама советует женщине почитать «мантру из шести слов» у чудодейственной горы камней *мани*, взять оттуда горсть земли, смешать с горячей водой и дать больному, упоминается и пение отрывков из классического эпоса о царе Гесаре. Отношения между мужчиной и женщиной также менее консервативны, чем в рассказах раннего периода, эротика (особенно на лоне природы) стала одной из ведущих тем и китайской литературы с конца 1980-х гг. После внезапно возникшей обоюдной страсти и соития женщина говорит Агэню, что, может быть, родит от него сына. Но тут раздается выстрел из ружья ее мужа, пуля попадает в голову юноши, но Агэню кажется, что стрелял его предок — подкидыш. Он сидит верхом на баране, которого вопреки запрету деда заколол отец Агэня.

Рассказ Сэбо «Призрачное пение» (кит. Хуань мин 幻鸣) начинается с такой фразы: «У обочины дороги росло два “дьявольских дерева”, когда мы, люди народности *монпа*, двигались на восток, кто-то из наших ножом отсек ветку одного из деревьев, из раны тут же потекла кровь, раздались человеческие стоны. Пройди еще вперед, там будут твои родные места. Жалко, что я забыл имя твоего отца. Цзюэр Дэн? Или Дун Дэр? Или еще как-то его звали, никак не могу вспомнить. Но на свирели он играл очень хорошо…». «Тибетский мистицизм» — так критики обозначили сформировавшуюся под влиянием творчества Маркеса и латиноамериканского «магического реализма» модернистскую прозу с тибетскими мотивами, рассказ Сэбо можно считать образцом этого направления. Он состоит из маленьких глав, каждая из которых предваряется зачином, а после него следует повествование, напоминающее ночные кошмары, либидозные видения, галлюцинации или нечто, прорывающееся наружу из подсознания. Реплики странных персонажей рассказа обрывочны, поведение нелогично, они нападают на рассказчика, обнаженные красавицы вдруг меняют обольстительную внешность на устрашающую. Лейтмотивом является доносящийся откуда-то звук отцовской флейты.

В подобном же мистическом стиле построен и рассказ Сэбо «История человека по имени Среда» (кит. Синцисань дэ гуши 星期三的故事) о мяснике, который всю жизнь резал баранов, но обрел про-

светление, оставил профессию и стал божеством. В этом рассказе интересны аллегорические приемы, отражающие размышления о путях достижения духовного просветления.

Рассказ «Август — хорошее время года» (кит. Баюэ ши гэ хао цзицзе 八月是个好季节) использует прием «роман в романе», в качестве одного из персонажей фигурирует сам писатель Сэбо, который пишет рассказ, взяв за основу криминальную хронику. Такая же игра с участием автора как героя встречается в рассказе «Норбу Цеpинг»[36] (тиб. nor bu tshe ring, кит. Нобу Цыжэнь 诺布次仁), который начинается так: «В те времена Норбу Цеpинг был еще врачом, это потом он поменял имя на Сэбо и стал писателем».

В сборник вошло несколько рассказов Алая. Первый из них «Аку-тонпа» (тиб. a khu ston pa, кит. Агу дуньба 阿古顿巴) также имеет волшебную завязку и обладает чертами мифа о рождении культурного героя (это мифический мудрец из тибетского фольклора). Появление на свет Аку-тонпы отняло жизнь у его матери, он рос одиноким сиротой в доме богатого землевладельца. Покинув отчий дом, он попал в тюрьму и должен был погибнуть, но, желая убежать из тюрьмы, изобрел пилу, которой до того не знали в Тибете. Слава о его мудрости распространилась повсюду, его почитали за спасителя и пророка. Судьба связала его с голодающим кочевым племенем, он нашел свою мать — вечно голодную старуху (у китайского читателя это вызывает ассоциации с голодным духом умершего — ведь мать героя умерла при родах), она же — его Судьба (кит. Минъюн 命运). Аку-тонпа придумал способ, как спасти несчастное племя от голода, научил их заниматься землепашеством, были созданы сад и пашни, и люди насытились. Здесь читатель может увидеть аллюзии на типовой фольклорный сюжет о культурном герое (Гильгамеше, Прометее, Кришне, Шэньнуне 神农) и даже на ветхозаветную притчу о спасении евреев из египетского плена. В конце старуха умирает, пропадают созданные благодаря мудрости героя красивый сад и пашни, Аку-тонпа уходит по освещенной луной дороге.

Можно с уверенностью говорить о том, что рассказ Алая своей необычной композицией может вызвать интерес у читателя, мало знающего о жизни тибетцев. Богатая фантазия писателя позволяет

[36] Любопытно, что Норбу Цеpинг — одно из тех имен, которые действительно использует писатель Сэбо (правда, в другой китайской транскрипции — Лобу Цыжэнь. См.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 287.

ему творчески использовать символы традиционной тибетской культуры.

Следующая повесть Алая «Снежный человек» (кит. Е жэнь 野人) вызывает ассоциации с одноименной пьесой нобелевского лауреата по литературе Гао Синцзяня (кит. 高行健, р. в 1940 г., пьеса написана в 1985 г.). В пьесе также звучит тема человеческой алчности и жестокости по отношению к природе и диковинному существу.

Главный герой известной повести Алая «Стая танцующих ос» по имени Самтен (тиб. bsam gtan, кит. Сан Мудань 桑木旦) ищет знания, чтобы обрести мудрость. Он обладает чертами мифического героя, оставляет работу учителя математики, чтобы постичь каноны и сутры в монастыре, но, отказавшись от статуса «живого Будды», уходит и получает ученую степень доктора философии, пишет научный труд о системе религиозных диспутов в тантрическом буддизме. Этот персонаж живет в современном обществе, отсюда и любопытный диссонанс между его сверхчеловеческими качествами и окружающей обыденностью. Сильная привязанность связывает Самтена с наставником монастыря Гэси (кит. 格西) и «живым Буддой». Гэси в состоянии медитации видит стаю танцующих ос, он обретает просветление. Эта история рассказана от лица самого автора, он поселился в келье, где некогда жил Самтен. Тот тоже приезжает в монастырь, но это уже светский ученый, который смотрит на ламаизм со стороны.

Написанный в реалистической манере рассказ «Веселое путешествие» (кит. Хуаньлэ синчэн 欢乐行程) о двух мальчиках, построен на парах противоположностей, один мальчик растет без отца, но он веселый и беззаботный грязнуля, другой — отпрыск из крепкой семьи, но, напротив, мрачный и скованный. Из глухой деревеньки они приходят в районный центр продать зерно, там, в отличие от их деревни, есть универмаг, больница, монастырь, забегаловки, а люди разговаривают на китайском языке.

В рассказе «Рыба» (кит. Юй 鱼) Алай ведет повествование от своего имени и рассказывает о том, как он ездил проводить полевое исследование табу и религиозных запретов тибетцев, путеводителем ему служит книга профессора из Центрального университета национальностей Дондуб Вангбума. Рыба у тибетцев ассоциируется со смертью и погребением, к ней относятся со страхом. Автор подробно описывает рыбалку и повадки рыб, его беззаботность исчезает, когда начинают происходить странные пугающие вещи — выловленные им рыбы начинают кричать.

Рассказ «Цветы софоры» повествует о старике по имени Селабань (кит. 谢拉班), который живет в городе в семье сына, ему редко доводится поговорить с кем-то на диалекте родной деревни, невестка у него китаянка, с ней он не может найти общий язык, он уходит из дома и живет как сторож на автостоянке.

Мы видим часто встречающийся и в китайской литературе сюжет о том, как переехавшие в город одинокие старики тоскуют по прошлой жизни. Рассказ завершается сюрреалистической сценой: немощный старик то ли во сне, то ли наяву, то ли после смерти сооружает из металлических прутьев лестницу, поднимается на дерево софоры и срывает ароматные цветы.

Далее следует рассказ писателя Джигме Пунцога (тиб. ‘jigs med phun tshogs, кит. Цзими Пинцзе 吉米平阶, псевдоним Пин Цзе 平杰, р. в 1962 г., уезд Батанг, пров. Сычуань, живет в Пекине)[37] «Судьба поджидает в другом месте» (кит. Шэнмин ши цзай бечу 生命是在别处), повествующий о жизни литературно одаренных тибетцев, которые приехали учиться в Пекин. Эти молодые люди представляли себя цветом нации с большим будущим, но их притязания не соответствуют действительности, что приводит к серьезному внутреннему разладу. Рассказ Джигме Пунцога знакомит читателя с жизненными трудностями тибетцев в китайской столице. Надо отметить, что немалое число пишущих на китайском языке литераторов из Тибета живет в Пекине[38]. К таким писателям относится и Янгчен, чей роман «Бесполое божество» уже упоминался выше.

В ее романе несколько линий повествования: рассказывается о женщине, которая жаждет обрести просветление, она проводит месяц, уединившись в пещере, но ничего не чувствует. Отправившись в монастырь, чтобы выразить почтение *тулку*, по дороге она видит умершую собаку, сердце ее охватывает жалость, она отгоняет мух, стряхивает с трупа червей и закапывает его. Этот поступок *тулку* расценивает как просветление.

---

[37] Краткую справку о жизни и творчестве Джигме Пунцога см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 273.

[38] К литературе о тибетцах в Пекине можно отнести рассказ Тонгги (тиб. mthong dga’, кит. Тун Га 通嘎, р. в 1962 г., Лхаса) «Ты бредишь, а не поешь» (кит. Ни цзай июй, на бу ши гэяо 你在呓语，那不是歌谣), опубл. в журнале «Национальные литературы» 民族文学. 1993. № 5. С. 44–47. Краткую справку о жизни и творчестве Тонгги см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 292.

Нередко упоминается, что герои кормят и выпускают животных, улучшая тем самым свою карму. В центре внимания повести Янгчен находится религиозная жизнь тибетцев, мысли и переживания всех персонажей связаны со стремлением обрести просветление.

В повести Пема Цетена (тиб. pad ma tshe brtan, кит. Ваньма Цайдань 万玛才旦, р. в 1969 г., уезд Гуйдэ 贵德, тибетский автономный округ Хайнань 海南, пров. Цинхай, закончил Северо-западный университет национальностей (кит. Сибэй миньцзу дасюэ 西北民族大学), а также Пекинский институт кинематографии, известный тибетский режиссер, пишет на китайском и тибетском языках, писать начал в 1991 г.)[39] «Сны бродячего певца» (кит. Люлан гэшоу дэ мэн 流浪歌手的梦) речь идет о молодом человеке Церинге, который прошел по всему заснеженному Тибету в поисках прекрасной девушки, которая с детства посещала его во сне. Отец и дед его были профессиональными сказителями, знавшими наизусть весь эпос о Гесаре и множество народных песен. В детстве мальчика бросила мать, отец воспитал сына музыкантом и скончался в тот день, когда Церинг ощутил, что у него появился божественный дар к пению. К великому горю юноши, проходя мимо одной деревни, он видит у реки утопленницу, это оказалась девушка из его снов. Язык прозы Пема Цетена простой и ясный, вероятно, это связано с тем, что китайский язык для него неродной, его он выучил в школе.

Другой рассказ «Искушение» (кит. Юхо 诱惑) повествует о том, как главный герой с детства испытывал необоримую тягу к свитку с сутрами, увиденному в доме соседской девочки, какая-то сила влекла его к этому свитку, излучающему сильный свет. Позднее оказывается, что этот юноша — «живой Будда», его поселили в монастыре, но монахи ни за что не хотели показывать ему тот свиток. В рассказе мы видим сходство с типовым сказочным сюжетом о стремлении героя нарушить табу: невзирая на запреты, он пытается открыть свиток. Отметим динамичный сюжет с неожиданными мистическими поворотами, обилием атрибутов тибетской культуры, быструю и неожиданную смену событий, сходство описаний со сценарной раскадровкой — режиссерская работа повлияла на писательскую деятельность Пема Цетена.

---

[39] Краткую справку о жизни и творчестве Пема Цетена см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 297–298. О кинематографическом творчестве Пема Цетена см. раздел настоящего издания «Современная тибетская литература в ряду других искусств: театр, популярная музыка, телевидение, кинематограф», с. 329–350.

Итак, анализ двух сборников китаеязычных рассказов тибетских писателей разных лет (1985, 2002 гг.) показывает, что траектория развития тибетской прозы во многом была схожа с таковой у китайской прозы 1980–2000-х гг.

В начале 1980-х гг. политика реформ и открытости позволила значительно расширить круг тем и проблематику литературы и дала стимул развитию современной тибетской прозы, которой, по сути, не существовало ранее. Новая тибетская проза обратилась к пережитому разными слоями тибетского общества во время «культурной революции» — эта проблематика стала главной в литературе во всех регионах КНР. Начало формальных экспериментов в китайской прозе также связано с Тибетом, инициатор «авангардной прозы» Ма Юань, живя в Тибете, создавал свои первые замысловатые рассказы на тибетский сюжет еще в середине 1980-х гг., немногим позже экспериментировать с тибетскими реалиями начал Таши Дава. Ему же приписывают использование методов течения «поиска корней», которое стало ведущим в Китае в середине-конце 1990-х гг. Серия сборников под редакцией Сэбо подтверждает, что с середины 1980-х гг. образ Тибета для читателей из Китая и всего мира формируют последователи «тибетского мистицизма», их богатая фантазия, нередко смешанная сино-тибетская идентичность, увлечение западной литературой позволяют таким авторам, как Таши Дава, Алай, Сэбо, Пема Цетен, Сонам Ринчен, создавать наполненные символами, метафорами, аллегориями, смелыми композиционными ходами и неожиданными сюжетными поворотами рассказы и повести, в которых Тибет зачастую предстает загадочным «иным».

4. Творчество молодых тибетских писателей

Начиная с 2007 г. «Тибетское народное издательство» (кит. Сицзан жэньминь чубаньшэ 西藏人民出版社) в Лхасе начало выпуск книжной серии «Тибетская антилопа» (кит. Цзанлин цуншу 藏羚羊丛书), в которой по сей день выходят сборники художественных произведений и бессюжетной прозы писателей тибетского, китайского и смешанного происхождения, пишущих на китайском языке. Главный редактор серии Ван Цзяньсь (кит. 王剑箫) видит задачу своей серии в том, чтобы «привлечь как можно больше сильных писателей, сделать книги из серии “Тибетская антилопа” не только бестселлерами, но и брендом, известным в Тибете и во всем Китае». Рассмотрим вышедшие в этой серии сборники уже упомянутого выше известного режиссера Пема Цетена, а также Норбу

Церинга и писательницы Медон (тиб. me sgron, кит. Мэй Чжо 梅卓, р. в 1966 г., Цинхай)[40].

Сборник произведений **Пема Цетена**, изданный в серии «Тибетская антилопа»[41], называется «Сны бродячего певца» (об одноименной повести писателя было упомянуто выше), также в сборник вошла повесть «Искушение», видимо, эти произведения считаются лучшими работами литератора и кинорежиссера.

Рассмотрим еще несколько его рассказов и определим особенности творческой манеры Пема Цетена. Рассказ «Зима без снега» (кит. Мэй ю сясюэ дэ дунтянь 没有下雪的冬天) начинается в свойственной этому писателю манере: дается описание характерного тибетского пейзажа с заснеженным горным пиком на горизонте, которое своей статичностью напоминает кадр из фильма. На этот пейзаж читатель будто смотрит глазами сидящего у палатки старика: он и его сын пристально смотрят вдаль — эта сцена подчеркивает, как мал человек в сравнении с громадинами гор. Далее автор подробно рассказывает об одной из четырех священных гор под названием Амнье Мачен[42] (тиб. am myes rma chen, кит. Анимацин 阿尼玛卿), которая расположена у истоков Хуанхэ. Этот пик упоминается на протяжении всего рассказа. Кажется, что героев и священную гору объединяет незримая духовная связь, гора беспрестанно притягивает к себе их взоры, меняется, будто живое существо. Упоминаются известные всем тибетцам легенды о семье духов гор, их женах и детях. Так, в эпосе о Гесаре даже сказано, что дух этой горы был отцом мифического героя, кроме того дух — защитник и лекарь. Гадатель говорит старику-охотнику, что ему предстоят тяжкие испытания и советует чаще читать определенные сутры. Ознакомившись с первыми двумя страницами повести Пема Цетена, читатель может узнать немало о верованиях и обычаях тибетцев, упоминается также паломничество к священной горе и буддийский праздник выпускания на во-

[40] Краткую справку о жизни и творчестве Медон см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 281–282. Творчеству Медон посвящена отдельная глава в диссертации Янгдон Дондуб. См.: *Yangdon Dhondup*. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 145–187.

[41] Ваньма Цайдань 万玛才旦著, люлан гэшоу дэ мэн 流浪歌手的梦, Ласа 拉萨: сицзан жэньминь чубаньшэ 西藏人民出版社, 2011.

[42] Этот горный массив находится в Голог-Тибетском автономном округе (кит. Голо цзанцзу цзычжичжоу 果洛藏族自治州) на северо-западе уезда Мачен (тиб. rma chen rdzong, кит. Мацинь 玛沁县) провинции Цинхай, у истоков Хуанхэ; состоит из 13 пиков, *амнье* в переводе с тибетского 'предок'. По поверьям, у духа этой горы девять сыновей и дочерей. В год барана по тибетскому календарю верующие в течение недели обходят гору.

лю животных, можно утверждать, что эта литература обладает ярко выраженной национальной спецификой.

Автор умеет вызвать любопытство у читателя умелым построением сюжета, неоднократно упоминает о предстоящих страшных событиях, предчувствии беды, но долго не раскрывает подробностей, оставляя много вопросов.

Другой рассказ «Месяц взошел» (кит. Юэлян шэнци лайлэ 月亮升起来了) начинается с похожей сцены, где двое супругов сидят посреди голой равнины и молча смотрят на поднимающийся красный диск луны, на душе у них вечная пустота: «Они выросли, глядя на красную луну, заливающую светом бескрайнюю равнину»[43]. Почему же в старинной песне поется, что луна белого цвета? — задаются вопросом супруги, видящие каждый день красную луну, и хотят спросить об этом у отшельника, который провел в пещере уже тысячу лет. Голос из пещеры отвечает, что в прошлом луна была белой, а в будущем она станет черной. Супруги решают пойти в противоположные стороны в поисках луны прошлого и будущего, встречаются они совсем разными: мужа очень напугали черная луна, кромешная тьма и потрескавшаяся земля, а жена исполнена счастья после того, как повидала белую луну и зеленые равнины. Можно усмотреть здесь метафору беспросветного будущего Тибета, грядущую гибель природы от экологических катастроф. Автор оставляет за читателем право на интерпретацию этого рассказа.

Другой рассказ «Мрачное заходящее солнце» (кит. Аньдань дэ сиян 黯淡的夕阳) пронизан чувством тревоги и ожиданием беды, ощущение остановившегося времени или вообще безвременья усиливает описание того, как 14-летняя девушка наблюдает закат: «Сегодня она, как и всегда, стояла на лысом пригорке и смотрела на заходящее солнце. Кроме тех дней, когда было пасмурно или шел снег, она почти каждый день стояла на этом пригорке и смотрела на то далекое, то близкое опускающееся солнце… Из множества воспоминаний самым незабываемым для нее было это солнце»[44]. В тот момент, когда диск начинал гаснуть, перед глазами девушки появлялось видение в виде человеческой фигуры.

Ощущение тягостного напряжения нарастает, когда девушка возвращается в черный дом, где обычно ее ждал человек. Читателю непросто понять, где явь и сны девушки: ее мучают страшные

[43] *Пема Цетен* 万玛才旦. Люлан гэшоу дэ мэн 流浪歌手的梦 (Сны бродячего певца). Лхаса 拉萨: 西藏人民出版社, 2011. С. 55.

[44] Там же. С. 37.

видения о матери, которая, вероятно, уже умерла. Этот рассказ Пема Цетена с несколько сюрреалистическим оттенком.

Короткий рассказ «Человек и собака» (кит. Жэнь юй гоу 人与狗) — это зарисовка из жизни пастухов. Однажды ночью началась снежная буря, к овчарне подобрались волки, охраняющая стадо собака старалась отпугнуть их, но хищники разорвали ее, а люди, слышавшие громкий лай, визг и рычание, не вышли наружу — у кого-то случилась горячка, у кого-то роды или первая брачная ночь. Вероятно, автор хотел показать, как люди делаются черствыми и неспособными проявлять теплые чувства к братьям меньшим.

Отметим, что нападение волков или бешеной собаки на овец или людей — один из частых мотивов в творчестве Пема Цетена. В его произведениях встречаются также видения в облике человеческих фигур, лица или глаза, смотрящие на солнце или луну. Стиль некоторых произведений Пема Цетена можно назвать «тибетским мистицизмом», в текстах не упоминается конкретная эпоха, редко фигурируют топонимы. Зачин, как правило, одинаков — это описание пейзажа в лучах заходящего/восходящего солнца или в свете луны.

Пема Цетен любит обращаться к метафорам или притчам. Так, в рассказе «Искусный врачеватель» (кит. Шэнь и 神医) приводится диалог мужчины и женщины (у них нет имен, только обозначения «мужчина А» и «женщина Б»), которые ждут искусного врача, чтобы он исцелил членов племени Земли от амнезии. Такая же эпидемия охватила племена Солнца и Луны. Из уст одного из персонажей вырываются следующие слова: «Человек вечно чего-то ждет, мы и видеть не видели этого врача, откуда мы знаем, чего ждем… Ожидание имеет смысл, когда знаешь, чего ждешь»[45]. В финальной сцене врач наконец прибывает, но все члены племени, включая и его самого, уже больны.

Рассказ «Ганг» (тиб. gangs, кит. Ган 岗) назван по имени тибетской девочки (*gangs* по-тибетски означает ‘снег’). Эта сказочная история начинается с того, что 15-летний юноша-пастух видит во сне свою будущую жену с ребенком, он находит в снегу брошенную девочку-младенца, тело которой оказывается прозрачным. Он называет ее Ганг и берет на воспитание, но женщина с ребенком продолжает ему сниться. Девочка вырастает и однажды на школьном концерте встречает юношу с таким же именем и внешне очень похожего на нее. Как брат и сестра они становятся неразлучными.

---

[45] *Пема Цетен* 万玛才旦. Люлан гэшоу дэ мэн 流浪歌手的梦 (Сны бродячего певца). Лхаса 拉萨：西藏人民出版社, 2011. С. 69.

Их родители встречаются в школе, и оказывается, что они давно видели друг друга во сне с младенцем в руках, выясняется, что все четверо — одна семья. Брат с сестрой оканчивают университет и возвращаются к родителям в сельскую местность работать учителями, где уже три года не выпадает снег и не идет дождь. Начинается страшная засуха и падеж скота. Брат и сестра решают, что девушка будет демонстрировать за плату любопытствующим и туристам свое прозрачное тело, а брат будет собирать деньги, которые они передадут односельчанам на покупку сена скотине. Многими завладевает жажда нажиться на этом шоу, и однажды брат и сестра бесследно исчезают. Оказывается, они были духами снежных пиков.

В рассказе «Одна повесть и две развязки» (кит. Ипянь сяошо цзи ци лянчжун цзевэй 一篇小说及其两种结尾) Пема Цетен пробует свои силы в жанре «мета-романа», делает себя героем повествования (первым, кто прославился благодаря таким литературным экспериментам в современной китайской литературе, был Ма Юань). Рассказчик решает опубликовать под своим именем повесть одного школьного товарища, который принес ему рукопись (ее не приняла редакция). Через некоторое время этот человек погибает, спасая из воды ребенка. Пема Цетен приводит полностью рассказ своего товарища. В нем речь идет о живущей изолированно от остального мира деревеньке D, ее жители от скуки собираются на околице и смотрят на дорогу, по ней движется черная точка, завязался спор, кто бы это мог быть. В рассказе несколько развязок: в первой мимо деревеньки проходит паломник, направляющийся в храмы Лхасы. Народ провожает его взглядами. Удаляясь, паломник уменьшается до размеров точки. Во второй развязке черная точка — это одиноко бредущий як. В конце рассказа дается юмористическое заключение рассказчика о том, что такой «шедевр» вряд ли можно опубликовать в журнале «Тибетская литература».

В рассказе «Це Чжун и ее сын Лодань» (кит. Це Чжун хэ та дэ эрцзы Лодань 切忠和她的儿子罗丹) использован схожий прием. Повествование начинается с фразы: «Верно, я вернулся в родную деревню, спрятав за пазухой черновик этой повести, главными героями которой являются мать Це Чжун и ее сын Лодань»[46]. Поведав о тяжелой жизни матери и сына, рассказчик упоминает, что «теперь в повествовании должна появиться девушка», Лодань (кит. 罗丹) познакомился со своей возлюбленной, когда та воровала картофель.

[46] Там же. С. 99.

Далее повествователь вновь становится действующим лицом рассказа. Эту грустную историю с жестокой развязкой поведал знакомый школьнй учитель. В конце этой истории Лоданя приговорили к смертной казни за хищение государственных денег, которые он украл у поселкового старосты, чтобы оплатить лечение матери. Затем школьный учитель начинает рассказывать совсем иную историю о матери и сыне, действие происходит в феодальную эпоху, и сюжет вызывает совсем другие чувства. Научившись у матери добывать пропитание, воруя с чужих грядок, Лодань стал известным в округе вором и бандитом, сердце его совсем ожесточилось после того, как ему не отдали в жены понравившуюся девушку. После кражи денег, отведенных на ремонт храма, он был схвачен и приговорен к казни, перед смертью он бросился в ноги матери как к единственному родному человеку, а затем обвинил ее в том, что она вырастила его преступником. Это произведение Пема Цетена привлекает внимание тем, что автор экспериментирует с композицией и использует прием «роман в романе».

В рассказе «В поисках Ака-туба»[47] (кит. Сюньфан Ака-туба 寻访啊卡图巴) сделан акцент на том, что рассказчик — редактор негосударственного литературного журнала, который приехал в родные края, чтобы взять интервью у знатока фольклора. Это интересная история о том, как талантливый юноша, еще в детстве заучивший длинные отрывки из «Гесара», столкнулся с испытаниями «культурной революции». Такого рода рассказы знакомят читателя, знающего о Тибете понаслышке, с культурной традицией региона, при этом в них нет нарочитого экзотизма.

Отметим, что проза Пема Цетена тяготеет не только к мистицизму и сказочным сюжетам, немало произведений носят оттенок документальности, повествуя о работе литературных журналов, редакций и жизни литераторов, что позволяет понять, как существует поддерживаемая государством современная тибетская литература.

Так, в рассказе «Смерть поэта» (кит. Шижэнь чжи сы 诗人之死) речь идет о поэте, скрывающимся за псевдонимом Дучао (кит. 杜超, тиб. dur khrod ‘могила’). Упоминается, что рассказчик познакомился с ним на спонсируемой ВАРЛИ литературной конференции, которая проходила в маленьком поселке, позже это начинание сошло на нет. Далее следует повесть о мятущемся, несчастном в браке поэте и его страшной кончине.

[47] Ака-туба — имя собирателя фольклора и рассказчика эпоса о царе Гесаре, *ака* на диалекте Амдо означает «почтенный старец», *туба* — «большой лоб».

Из рассказов Пема Цетена читатель может многое узнать о традициях тибетцев, из-под его пера вышли и реалистические рассказы с множеством этнографических зарисовок о нравах сельских жителей. Так, в рассказе «Степь» (кит. Цаоюань 草原) главная героиня — старая женщина, в соответствии с буддийской традицией она выпустила на волю яка и баранов (тем самым сделав приношение духу горы), пасти которых ей поручил деревенский староста. Действие происходит в местности под названием Мачу (тиб. rma chu, кит. Мацюй 玛曲, Ганьнань-Тибетский автономный округ, кит. Ганьнань цзанцзу цзычжи цюй 甘南藏族自治州) провинции Ганьсу, это тибетское название реки Хуанхэ. В прошлом году отпущенные животные были украдены — неслыханное дело, чтобы воровали подношение богам, воров поймали. В этом году кража повторилась. И вот староста и женщина вдвоем едут верхом на яке в соседнюю деревню, где живут подозреваемые, старушка бормочет под нос мантру «ом мани падме хум». То же самое шепчет старик, вырезающий мантры на священных камнях *мани* у дороги. Добросердечная женщина упрашивает старосту не арестовывать подозреваемых в краже, она не желает им зла и боится на склоне лет испортить свою карму. Далее трое подозреваемых на священном помосте перед изображением божества горы дают клятву в своей невиновности, позже в краже скота признались другие люди.

Творчество Пема Цетена разнообразное с точки зрения сюжета, композиции и проблематики. Он берется и за метафорические притчи, и за зарисовки из повседневной жизни, заметна его тяга к включению рассказчика в ткань повествования в качестве персонажа. Также отметим лейтмотив его прозы: пустынный пейзаж или степь в лучах заката, рассвета или луны, на который взирает кто-то из героев. Мы не обнаружили в его прозе отображения обостренного национального самосознания, но он видит свою задачу в представлении читателю сущности тибетского духа и культуры.

Писательница **Медон** родилась в 1966 г. в провинции Цинхай, закончила факультет китайской филологии Цинхайского института национальностей, работала в редакции литературного журнала «Озеро Кукунор» (кит. Цинхай ху 青海湖, г. Синин, пров. Цинхай), была заместителем председателя отделения СП КНР в Цинхае. Дебютный роман «Солнечное племя» (кит. Тайян було 太阳部落) был опубликован в 1995 г. в «Издательстве ВАРЛИ» (переиздан в 1998 г.) и получил Пятую премию конкурса «Скакун» (кит. Цзюньма цзян 骏马奖), присуждаемую за лучшее произведение писателя из числа нацменьшинств; второй роман «Лагерь лунного света» (кит. Юэлян инди

月亮营地) выпущен в том же издательстве в 2001 г., сборник «Избранная поэзия и эссе Медон» (кит. Мэй чжо саньвэнь ши сюань 梅卓散文诗选) вышел в 1998 г. в провинции Гуйчжоу, в 2002 г. в издательстве провинции Шэньси вышел сборник заметок «Люди с вершин» (кит. Жэнь цзай гаочу 人在高处). Теперь обратимся к изданному в серии «Тибетская антилопа» сборнику ее рассказов «Мускусная любовь»[48]. Главная героиня рассказа «Мускус» (кит. Шэсян麝香) — девушка по имени Джигме (тиб. ‘jigs med, кит. Цзимэй吉美) из тибетского села, которая приехала в город, ее предки были художниками, она тоже любит рисовать, но на жизнь получается заработать только заметками в газеты. В город она поехала после того, как влюбилась в поэта по имени Ганьдо (кит. 甘多). По тибетскому гороскопу она «водная лошадь» и «принадлежит небу, так почему она должна терпеть тяготы жизни среди людей»[49]? Описание главной героини содержит немало черт, подчеркивающих ее этническую принадлежность. Вероятно, под именем Джигме скрывается сама Медон, упоминается поэтический кружок в Цинхае (вероятно, в области Хуаннань 黄南) и сделан намек на самоубийство Дондуб Гьела, который создал на своей малой родине центр новой поэзии. Параллельно разворачивается монолог другой героини — молодой монахини по имени Сяма (кит. 夏玛), которая медитирует в затворничестве, у нее видение, будто в ее келью приходит красивая девушка, ради встреч с ней Сяма проводит в келье восемь лет. Может быть, это альтер-эго писательницы Джигме? Или предыдущее рождение монахини? В рассказе перемежаются сны, медитации, видения, вероятно, это аллюзия показывает, что человеческая жизнь похожа на сон, а просветление похоже на пробуждение. Повесть заканчивается сценой самоубийства покинутой любимым писательницы Джигме, и читатель догадывается, что обретшая просветление монахиня — это ее перерождение.

В следующей повести, названной по имени героини «Цзямуса Додай» (кит. 佳姆萨朵黛) повествование ведется женщиной от первого лица, в центре поток ее мыслей, эмоций, фантазий и воспоминаний о разных знакомых мужчинах из среды творческой интеллигенции, среди них писатели и редакторы, художники, каллиграфы. Один из них красавец-каллиграф Ацзя (кит. 啊迦) завладевает ее сердцем, преподнеся свиток, на котором прекрасной тибетской кал-

[48] *Медон* 梅卓. Шэсян чжи ай 麝香之爱 (Мускусная любовь). Лхаса 拉萨: 西藏人民出版社, 2007.

[49] Там же. С. 2.

лиграфией написаны буддийские стихотворные строки. Друзья позвали ее выйти из дома, а любимый остался ждать дома, различные обстоятельства и погружение в реку воспоминаний не позволяют ей быстрее вернуться к нему. Вот она вспоминает, как во время встречи в ресторане подруга Сяэр (кит. 夏尔) говорит о том, что сейчас среди молодых тибетцев сильно стремление «возродить память о своей древней истории, это тяжелый процесс, та обстановка, в которой мы живем сейчас, приводит к тому, что наши души и мозги усыхают день за днем, нам надо вернуть назад былую силу, чтобы наш взор горел, как раньше»[50]. В этой повести рассказчица часто размышляет о времени, его скоротечности, о субъективности его восприятия. Повесть завершается фразой: «Далекая священная гора Дожи[51] вдруг оказалась в поле нашего зрения, с покрытой вечными снегами вершины прилетел холодный воздух, я очнулась от летаргии. Леденящий душу и тело ветер очень медленно проникал в комнату, где я проспала уже сто лет»[52].

Рассказ «На том восточном пике» (кит. Цзай на дун шань дин шан 在那东山顶上) построен на контрастах: главная героиня по имени Хуаго (кит. 华果) — потомственная художница, рисующая ритуальные картины *танка*, она переехала в большой город с мужем, который открыл возле единственного в городе ламаистского храма лавку красок. В поисках брата мужа Хуаго попадает на тибетскую дискотеку и замечает, что она единственная одета в национальную одежду, в городах «молодежь уже давно переоделась в модную космополитскую одежду, они продвинутые, праздные, не говорят на родном языке». В одной фразе описан контраст между этим городом, ничем не отличающимся от сотни тысяч китайских городов, и традиционным укладом жизни, к которому привыкла Хуаго, которая говорит: «У меня на родине все ходят в национальной одежде, тут все тибетцы, почему они все так одеты?»[53]. Необычно на современной дискотеке прозвучала исполненная братом мужа Хуаго любовная песня, начинающаяся со слов «на том восточном пике», она написана на лирические стихи трехсотлетней давности Далай-ламы VI Цангъянг Гъяцо, произведения которого можно назвать ярким образцом «тибетскости», так как они соединили в себе элитарную и народную

[50] Там же. С. 33.

[51] Кит. 朵日.

[52] *Медон* 梅卓. Шэсян чжи ай 麝香之爱 (Мускусная любовь). Лхаса 拉萨: 西藏人民出版社, 2007. С. 35.

[53] Там же. С. 41.

культуру. Отметим, что в произведениях Медон события происходят в современном городе, это не почвенническая литература, а персонажи зачастую — творческие люди и представители богемы, носители традиционных умений (например, рисование *танка*), обладающие обостренным национальным самосознанием. Центральный мотив ее рассказов — соединение мужчины и женщины после долгой разлуки или раздумий, любовные переживания и волнение.

Бурное развитие тибетских городов и районных центров упомянуто и в рассказе «Монах» (кит. Чу цзяжэнь 出家人). В городах почти не видно проявлений национальной специфики. Писательница использует своеобразный композиционный прием: повесть состоит из коротких глав, озаглавленных буквами «А» и «Б», в главе «А» молодой человек носит имя Цюйсан (кит. 曲桑), а его любимая девушка Лоло (кит. 洛洛), в главе «Б», напротив, он — Лоло, она — Цюйсан. В первой истории они молоды, живут по соседству в одной деревне, родители Цюйсана решают, что молодому человеку следует стать монахом — это горе для Лоло. В другой истории девушка Цюйсан — раскрепощенная горожанка, а ее возлюбленный — пастух, они расстаются на долгие годы, ставшая набожной буддисткой Цюйсан пишет о своем давнем чувстве в письме к Лоло, но ее послание теряет беспечный почтальон.

Рассказ «Удивительная история племени *гоми»* (кит. Гоми чуаньци 果密传奇) начинается с описания флагов коня-ветра — «посланцев, выражающих почтение людей к духам», на них традиционно изображаются четыре благопожелательных зверя, окружающих коня. Затем приведены сведения о племени *гоми*, живущем в Амдо. Легенда этого племени гласит, что в Амдо геоманты нашли «драконову жилу», сулящую рождение здесь нового императора, а правящая династия направила людей разрушить эту жилу. Но в прошлом веке случилось удивительное появление на небесах трех зверей — гигантской птицы *пэн* (кит. 鹏), льва и тигра.

В рассказе приводятся истории о трех сильных мифических воинах, которые и были тигром, львом и птицей. Эти мифические герои связаны с историей племени *гоми*. Рассказ о чудесных деяниях этих воинов сопровождается этнографическими сведениями о верованиях тибетцев, их представлениях о причинах болезней, судьбе, жизненных ценностях. Этот рассказ написан в духе фольклорно-метафорического повествования о судьбе небольшой народности, подобная стилистика характерна для литературы нацменьшинств.

Читатель много узнает о тибетских традициях из повести «Судьба воды в год барана: поворот озера, наводнение» (кит. Яннянь дэ шуй-

мин: чжуань ху, хун шуй 羊年的水命：转湖·洪水), в котором Медон рассказывает о священном озере Кукунор, возле которого раз в 12 лет проводится религиозный праздник. Герои первой части — супруги, которые объезжают озеро на машине, совершая тем самым подобие паломничества, они ждут этого 20 лет, женщина надеется попросить богов о чем-то очень важном. По неосторожности их машина застревает в болоте у берега озера, молодой тракторист помогает вытащить машину и видит, что в машине сидит «половина женщины». Вторая часть повести — это очень странная история о том, как внезапно началось наводнение, женщина бросилась спасать двоих детей и в воде нащупала младенца устрашающей внешности, который бросается на нее и высасывает что-то из ее головы, в конце дети видят, как несчастная мать постепенно тает и исчезает.

Итак, творчество писательницы Медон достаточно разнообразно по тематике и используемым художественным приемам, преобладает метод реализма с включениями модернистских приемов, таких как поток сознания или смешение реального и воображаемого. Сюжеты ее повестей и рассказов увлекательны, тема национального самосознания не является центральной в ее творчестве, а скорее раскрывается в деталях, репликах героев, в их принадлежности к прослойке творческих работников, острее осознающих свою национальность и свои корни.

Норбу Церинг родился в 1966 г. в Центральном Тибете, окончил отделение тибетской филологии Тибетского университета, работал в редакции журнала «Тибетская литература», член правления Союза писателей ТАР. Литературным творчеством занялся в 2005 г., после того как окончил курсы писательского мастерства в Литературном институте им. Лу Синя (Пекин) в 2004 г. Его рассказ «Граница» (кит. Цзе 界) получил премию пятого конкурса «Тибетская литература нового столетия» (кит. Сицзан синь шицзи вэньсюэ цзян 西藏新世纪文学奖). В сборник его рассказов, вышедший в серии «Тибетская антилопа», также названный «Граница»[54], вошли и другие прославившие его рассказы: «Убийца» (кит. Шашоу 杀手), ранее этот рассказ был включен в сборник лучших рассказов Китая за 2006 г., отобранных авторитетным журналом «Избранная проза» (кит. Сяошо сюаньканьь 小说选刊); «Америка» (кит. Амижига 阿米日嘎, англ. перевод: Amerika[55]); «Отпущенный ягненок» (кит. Фан шэн ян 放生羊), который

[54] *Норбу Церинг* 罗布次仁. Цзе 界 (Граница). Лхаса 拉萨: 西藏人民出版社, 2011.

[55] Перевод на английский язык в сборнике: Irina's Hat: New Short Stories From China / Ed. by J. Stenberg. Honolulu: University of Hawai`i Press, 2013.

также получил престижную литературную премию им. Лу Синя[56]. В этом рассказе события происходят во сне главного героя по имени Няньчжа (кит. 年扎): ему приснилась умершая 12 лет назад жена. Чтобы искупить ее грехи и избавить от страданий в иной жизни, герой решает выпустить на волю ягненка, которому уготовано быть зарезанным, день за днем он водит этого ягненка за собой, читает мантры, возжигает благовония — так Няньчжа общается с умершей женой и обретает душевный покой. Но вот на него обрушивается страшное заболевание — рак, ему становится все тяжелее водить за собой животное и совершать обряды, он собирает все свои силы и набожность, чтобы продлить жизнь и совершить молитвы вместе с ягненком.

В одном интервью Норбу Церинг подчеркнул, что как тибетец видит свою главную задачу в том, чтобы в литературных произведениях осмысливать проблемы своего народа, выражать его внутренний мир и пути духовного развития. Рассказ «Отпущенный ягненок» — это отражение душевного мира тибетца. Когда появляется все больше произведений о Тибете, Норбу Церинг видит свой долг в описании подлинной картины жизни тибетцев.

Рассмотрим подробнее несколько наиболее интересных произведений Норбу Церинга из указанного сборника (2011). Повесть «Граница» переносит читателя в феодальную эпоху, точное время событий не указано, главный герой, он же рассказчик, в детстве учился вместе с молодым барчуком грамоте, он и его родители — рабы родовитой семьи, хозяйка приблизила к себе нищего паренька, позже он стал управляющим ее делами. Привычка к власти, роскоши и вседозволенности сделали барчука падшим человеком, после правительственного переворота он был сослан в родную деревню, но затем, благодаря связям дяди, вернулся на службу в Лхасу. Описание изобилует трудно читаемыми в китайском написании тибетскими именами собственными и топонимами, содержит много интересных деталей об устройстве традиционного тибетского общества, описывает церемонии празднования нового года, которые проводит *тулку*, ритуалы, выполняемые верующими по случаю кончины Далай-ламы XIII, а также накануне рождения наследника богатого рода[57]. На примере истории молодого барчука читатель узнает о традиционной системе образования для аристократии: мальчиков сначала обучали три года в Лхасе, а затем отправляли изучать богословие

[56] Перевод на английский язык в журнале: *Norbu Tsering*. A Sheep Released to Life / Trans. by Weldon, Jim // Pathlight: New Chinese Writing. 2012. 1. P. 91–113.

[57] *Норбу Церинг* 罗布次仁. Цзе 界 (Граница). С. 169.

и философию в какой-либо известный монастырь. Повествование ведется то от третьего, то от первого лица: это голоса разных персонажей, читатель порой не сразу понимает, от чьего лица ведется рассказ. «Граница» — это драматическая история о материнской любви, тяготах жизни приниженных слоев тибетского общества, строгости монастырского образа жизни, развращающем влиянии богатства, непреодолимой границе между аристократией и рабами. Это произведение можно отнести к жанру историко-бытовой повести с вымышленными персонажами.

Подобно другим тибетским писателям Норбу Церинг использует образы и сюжеты традиционной культуры и легенд для создания своих историй. Так, действие рассказа «Дар от бога» (кит. Шэньшоу 神授) происходит в точно указанную эпоху, это 1979 г. (т. е. после «культурной революции»). Как-то раз пастушок увидел, как с неба спускается небесное воинство во главе с генералом, и оторопел от ужаса. Это генерал Денма (тиб. ‘dan ma, кит. Даньма 丹玛), подчиненный царя Гесара, он сказал, что мальчик был избран для того, чтобы рассказывать людям о подвигах Гесара. Воин вырвал у мальчика внутренности и поместил в пустое чрево манускрипты с текстами. Так случился акт передачи ему особого дара к пению эпоса о Гесаре. Парень обрел также способность слышать голоса трав в степи. Когда он вернулся в деревню, за ним следовало четыре огромных волка, что вызвало панику среди жителей. Пастух сказал, что это духи степи, которые его сопровождают, и они никого не тронут. Так простой паренек обрел черты мифического героя со сверхчеловеческими способностями, превратился в медиума и проводника воли богов. Теперь его жизнь полностью переменилась, пение шло изнутри как откровение.

Герой находился в постоянной духовной связи с Гесаром и молился ему. Слава о чудо-сказителе разнеслась далеко. Иногда он мог без остановки петь о Гесаре по нескольку дней, и слушатели не расходились, в таких скитаниях минуло десять лет, из подростка он стал молодым мужчиной Сказитель приносил много радости пастухам в их однообразной, унылой жизни, «героические истории о Гесаре расцвечивали новыми красками их жизнь».

В повествование включены отрывки из эпоса. Действие происходит в наше время, о чем можно узнать из эпизода с участием героя в уездной ярмарке. Он впервые сел в машину и оказался в городе, его фотографировали для газет и брали интервью. В его судьбе случается большая перемена после переезда в Лхасу по приглашению научного института, эпос о Гесаре превращается из части духовной

жизни кочевого населения в объект научного исследования, ведется письменная фиксация передающегося из уст в уста сказания. То, как организована работа по записи исполнения, возмущает героя. Сотрудник грубо прерывает его пение в состоянии транса стуком по столу, после чего говорит, что надо остановиться и идти обедать. Все это идет вразрез с его пониманием того, как положено исполнять эпос, рутинная работа его угнетает, в городе ему одиноко и тоскливо. После женитьбы он остается жить в городе, его выбирают народным депутатом, он записывает 36 частей эпоса, но генерал Денма больше не является ему во сне, а затем пропадает и данный ему богами дар. Судьба сказителя — это символ того, как современность с ее коммерциализацией и суетой нарушает традиционный уклад жизни. Тем не менее в эпоху, когда все стремятся зарабатывать деньги, появляются молодые люди, которые ждут, что и на них снизойдет такой же дар. В конце повести старый сказитель и молодой человек сидят в степи и ждут, когда вновь появится небесный воин Денма.

Рассказ «Америка» начинается как детективная история, следователь едет в деревеньку, чтобы провести расследование гибели породистого быка, привезенного из Америки, — хозяин заподозрил, что животное отравили недоброжелатели. Приведена запись показаний пострадавшего (хозяина быка), подозреваемого и свидетеля, благодаря которой можно живо представить себе реалии жизни современной тибетской деревни. В частности, односельчане недолюбливают молодых ребят, которые получили среднее образование, покрутились в городе и теперь слоняются без дела, не желая заниматься физическим трудом, в них видят потенциальных преступников. Одного такого парня и заподозрили в отравлении. В рассказе содержится много занятных высказываний жителей деревни о неведомой им стране «Америке».

Рассказ «Убийца» начинается с интригующей сцены: рассказчик подвозит хмурого мужчину из народности *кам* (кит. канба 康巴), и тот говорит, что едет убивать человека, который 10 лет назад убил его отца. Рассказчика очень заинтриговала эта история, в придорожной забегаловке он узнает, что этот человек был тут и спрашивал про человека по имени Мачжа (кит. 玛扎), тот и правда живет в этом уездном центре. Оказалось, что человек из Кама приходил к нему домой и, увидев Мачжа, со слезами ушел. Рассказчику снится сон, в котором он убивает ножом этого Мачжа, совершая акт мести. Читатель также остается озадаченным: оказался ли Мачжа убийцей или это вновь была ошибка? Отметим динамизм и интересно по-

строенный сюжет рассказа Норбу Церинга, который мог бы стать неплохой основой для киносценария.

Краткое ознакомление с произведениями Норбу Церинга указывает на его умение работать с композицией и развивать сюжет. Когда произведение написано в реалистической манере, то главную роль играет интрига и повороты сюжета («Граница», «Убийца», «Америка»), если в повествование включены легендарные и фольклорные элементы («Дар от бога»), то они отражают ту местную специфику, которая является непременным атрибутом творчества тибетцев, адресованного большей частью китайской аудитории. С другой стороны, обращение к таким темам, как эпос о Гесаре, — это реализация стремления писателя прославить эту великую народную традицию. Отметим также использование писателем такого приема, как частая смена лица повествователя, в роли рассказчика могут выступать разные действующие лица.

В начале этого раздела мы говорили о том, что национальное самосознание формируется в результате контакта с культурой другой нации, в нашем случае контакта тибетской и китайской культур. Пусть проанализированные в данной главе авторы и прибегли для самовыражения к языку другой культуры, отметим, что межэтнический конфликт не присутствует в их прозе в качестве лейтмотива. Безусловно, это объясняется тем, что авторы принадлежат к мейнстриму, официально публикуемые произведения обходят существующие в Тибете проблемы. Общей чертой проанализированных в этом разделе произведений является их аполитичность и отсутствие прямых упоминаний «тибетского вопроса», что может объясняться и цензурой, и самим характером развития китаеязычной тибетской прозы. Произведения тибетских писателей пусть и написаны на китайском языке, но содержат мало упоминаний о самих китайцах и китайской культуре. Вероятно, это связано с тем, что основная масса этих произведений либо отражает историческое прошлое полувековой и более давности, либо повествует о жизни сельских жителей, каковыми до сих пор является большинство тибетцев. Поэтому «ханьский след» неочевиден, влияние Китая заметно только в городах. К городской тибетской прозе можно отнести рассказы Медон. Заметное место среди символов тибетской культуры, которые включены в повествование, является устно исполняемый эпос о царе Гесаре.

Современная тибетская литература глазами китайских критиков

Современная литература как часть культурной жизни Тибета является объектом изучения со стороны разнообразных структур в КНР, можно выделить политические (управленческие), культурологические, научно-исследовательские направления этой деятельности. Политическая деятельность предполагает работу по выработке такого понимания и представления об этой литературе, которое соответствует политике государства в отношении нацменьшинств вообще и Тибета в частности. После образования КНР была начата работа по исследованию литератур нацменьшинств, формированию методов и подходов для ее изучения. В этом разделе мы подробнее рассмотрим данный вопрос.

Научно-исследовательский подход к литературе также предполагает наличие у пишущего системы взглядов и ценностей. Так, китайские и западные литературоведы склонны одно и то же произведение оценивать по-разному, в отношении тибетской литературы их подходы и оценки нередко сильно различаются. Литературу рассматривают литературоведы, историки, социологи, культурологи, используя разный научно-понятийный аппарат.

Кто же в КНР изучает литературу нацменьшинств? Наше исследование принимает во внимание авторов журнальных статей, коллективных или индивидуальных монографий. Они, как правило, представляют различные институции внутри КНР: журналы и издательства, университеты, исследовательские центры, центральные и местные институты Академии общественных наук КНР. Количество институций, занимающихся вопросами современной тибетской литературы, значительно выросло за последние 30 лет, по мере все большего открытия Тибета контактам с Китаем и внешним миром. Каналам распространения сведений о тибетской литературе среди китайских читателей будет посвящена часть данного раздела.

Необходимо сразу разграничить произведения традиционной тибетской литературы и фольклора и произведения современной литературы, которые формально мало отличаются от созданных по западным образцам произведений современной китайской литературы. В данном исследовании мы обратимся ко второму типу произведений — современной тибетской литературе в работах и статьях литературоведов Китая вне зависимости от их этнической принадлежности. Надо отметить тот факт, что создаваемые представителями нацменьшинств произведения по форме суть иностранные (усвоенные с Запада), это усвоение шло в результате прямого знакомства с иностранной литературой, а также через посредство современной китайской литературы.

1. Концепция «литература нацменьшинств КНР» и положение тибетской литературы

После образования КНР в 1949 г. началась инициированная государством планомерная работа по изучению литератур нацменьшинств. Для ведения этой работы требовались специалисты из числа нацменьшинств, организации, методология и политические установки. Все эти условия фактически отсутствовали в начале 1950-х гг., но на данный момент видны большие достижения, сформирована целостная система исследования этих литератур. Очевидна политическая задача, стоящая перед учеными, занятыми на современном этапе этой проблемой, — интегрировать произведения литературы нацменьшинств в систему литературы общекитайской. Эта работа способствует укреплению связей между народами, их лучшему взаимопониманию, а также позволяет установить единые критерии для творчества крайне несхожих в культурном плане народностей в границах КНР, которых, тем не менее, объединяет статус «некитайских».

Начиная с 1950-х гг. работа велась в нескольких направлениях: сбор и изучение фольклора и традиционной авторской литературы нацменьшинств; подготовка писателей современного типа из числа представителей нацменьшинств; написание истории литературы каждого из малых народов. Эта работа позволила соединить в единый континуум традиционные произведения с работами писателей XX–XXI вв.

Сотрудник Института национальных литератур при Академии общественных наук (АОН) КНР Китая Чао Гэцзинь в статье

«Научные границы, объект, понятие литературы нацменьшинств Китая»[1] указывает, что первым теоретическим исследованием в этой области является «Компендиум по истории литературы тибетской народности» (кит. Цзанцзу вэньсюэ ши цзяньбянь 藏族文学史简编), вышедший в г. Синин в 1960 г. Системная работа по выработке определений и критериев литературы нацменьшинств была начата Институтом национальных литератур при АОН КНР, основанным в 1979 г., он начал выпускать журнал «Исследования национальных литератур» (кит. Миньцзу вэньсюэ яньцзю 民族文学研究). В числе сотрудников института немало представителей нацменьшинств Китая.

В середине 1980-х гг. вышла серия «История литератур малых народов Китая» (кит. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ ши цуншу 中国少数民族文学史丛书), куда вошел и том «История литературы тибетцев»[2] (1985), составителями выступила рабочая группа из Центрального института национальностей в Пекине, этот том был первым в данной серии. Выход серии стал результатом деятельности по сбору материалов и исследованию литератур нацменьшинств, начатой в 1950-е гг.

В 1986 г. коллектив исследователей из Южнокитайского института национальностей в городе Ухань издал «Общую историю новейшей литературы малых народностей Китая»[3] (1986), акцент был сделан на самых значимых фигурах и произведениях для каждого из выделенных нацменьшинств с момента основания КНР в 1949 г.

В 1992 г. вышло исследование под редакцией трех авторов из Центрального института национальностей «История литератур малых народностей Китая»[4] (1992), главным недостатком которой критики тут же назвали абсолютное преобладание произведений, написанных на китайском языке. В 2004 г. в Куньмине вышло двух-

---

[1] *Чао Гэцзинь* 朝戈金. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ сюэкэ дэ гайнянь, дуйсян хэ фаньвэя 中国少数民族文学学科的概念、对象和范围 (Научные границы, объект, понятие литературы нацменьшинств Китая) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 1998. № 2.

[2] Цзанцзу вэньсюэ ши 藏族文学史 (История литературы тибетцев). 中央民族学院<藏族文学史>编写组编著. Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1985.

[3] Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шигао 中国当代少数民族文学史稿 (Общая история новейшей литературы малых народностей Китая)。中南民族学院<中国当代少数民族文学史稿>编写组. Ухань 武汉: 长江文艺出版社, 1986.

[4] *Ма Сюэлян* 马学良, *Лян Тинван* 梁庭望, *Чжан Гунцзинь* 张公瑾主编 ред. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ ши 中国少数民族文学史 (История литератур малых народностей Китая). 中央民族学院出版社, 1992.

томное исследование «Теория истории современной литературы нацменьшинств в Китае» Ли Хунжаня[5].

К 2004 г. было проведено девять конкурсов на лучшее исследование литературы нацменьшинств Китая, организаторами выступали две научные структуры: Ассоциация исследователей новейшей литературы Китая (кит. Чжунго дандай вэньсюэ яньцзюхуй 中国当代文学研究会) и Ассоциация исследователей новейшей литературы нацменьшинств Китая (кит. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ яньцзюхуй 中国当代少数民族文学研究会), результаты профессионального конкурса показали, что в области исследований литературы нацменьшинств уже достигнута научная зрелость, сделано много сравнительных исследований.

Одна из проблем, которая встала перед исследователями литературы нацменьшинств — границы и само определение тех явлений, которые могут быть отнесены к литературе. Необходимо было ответить на вопрос, можно ли использоватьв качестве аналога произведения китайской литературы или в первую очередь учитывать местную специфику. Дискуссии по этим вопросам часто велись в научной периодике середины 1980-х гг. Кроме того, многие исследователи-ханьцы и даже представители нацменьшинств либо не владели языком изучаемой этнической группы, либо по каким-то причинам не рассматривали созданные на этом языке произведения как объект для изучения. Также Чао Гэцзинь верно отмечает, что литературы нацменьшинств в Китае нередко бывают двуязычны, имея в виду, что многие авторы пишут на родном и на китайском языках. Как в такой ситуации классифицировать эти работы? Как принадлежащие китайской культуре или культуре нацменьшинств?

Статей по данной проблеме написано немало, в них речь идет о конкретных произведениях, а также об определении «литературы нацменьшинств Китая» на концептуальном уровне. Мы полагаем, что эта проблема важна для этнографов, культурологов, а также государственных органов, занятых управлением культурными процессами среди нацменьшинств. Важно то, что установление подобных параметров и границ представляет сложность применительно к традиционным произведениям нацменьшинств, они нередко существуют в устной форме или в специфических жанрах. А современная

[5] *Ли Хунжань* 李鸿然. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шилунь 中国当代少数民族文学史论 (Теория истории современной литературы нацменьшинств в Китае). Куньмин 昆明: 云南教育出版社, 2004.

литература нацменьшинств, по сути, следует пришедшим с Запада критериям, будь то повесть, роман или стихотворение.

Поверхностного взгляда на несколько статей по данной тематике достаточно, чтобы сделать вывод о высокой политизированности и даже шаблонности высказываемых в них мыслей. Очевидно, что авторы строго придерживаются выработанных центральным руководством установок в отношении культуры и литературы нацменьшинств, в их числе требования интеграции нацменьшинств в культуру титульной нации ханьцев, выработки четких параметров даже там, где они довольно проблематичны. Утверждается многообразие литератур и культур, но государственное регулирование, по сути, заинтересовано в их унификации для облегчения управления.

Рассуждая о проблеме включения национальных литератур в общую историю литературы, другой исследователь Чэнь Гоэнь прямо говорит о том, что даже высокохудожественное произведение, написанное на языке малого народа, не сможет дойти до широкого читателя по всему Китаю. Такое произведение наверняка будет упущено составителями историй, многие из которых этими языками не владеют[6]. Более того, в их включении в историю фактически отсутствует смысл, так как читать на языке оригинала почти никто не умеет. Такова объективная ситуация в Китае. Непременным условием служит перевод самых достойных работ на язык, понятный большинству. Далее Чэнь Гоэнь отмечает, что условием для упоминания произведения является его соответствие единому общегосударственному стандарту, это закономерно приведет к тому, что произведений представителей нацменьшинств по-прежнему будет включено очень мало в силу их малочисленности.

Оформление концепции современной литературы нацменьшинств Китая требовало определенности на политическом уровне по проблемам этничности и самоопределения нацменьшинств. Во вступлении к двухтомному изданию «Теория истории современной литературы нацменьшинств Китая»[7] главный редактор Ма Сюэлян пишет о том, что многочисленные истории литературы Китая не содержат сведений о нацменьшинствах, которые являются частью населения

[6] *Чэнь Гоэнь* 陈国恩. Шаошу миньцзу вэньсюэ цзэнмэ жуши 少数民族文学怎样入史 (Как литература малых народов вошла в историю) // 北方民族大学学报(哲学社会科学版). 2010. № 3. С. 84.

[7] *Ма Сюэлян* 马学良, *Лян Тинван* 梁庭望, *Чжан Гунцзинь* 张公瑾主编 ред. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шилунь 中国当代少数民族文学史论 (Теория истории современной литературы нацменьшинств Китая) (дополненное изд.). Пекин 北京: 中央民族学院出版社, 2001.

Китая. Обратим внимание на это важное заключение: если нацменьшинства — неотъемлемая часть китайского народа, то созданная ими литература — такая же китайская, как и литература ханьцев. Такое понимание проблемы было сформулировано только к 1990-м гг. Так, монография У Чунъяна «Предварительное рассуждение о современной литературе нацменьшинств Китая»[8] отдельно рассматривает современных писателей из нацменьшинств, тем самым акцентируя их этническую принадлежность, но там приведены неполные данные, не упомянут ни один тибетский писатель. А вот работа под редакцией монгольского ученого Т. Сайнбаяра «История новейшей литературы нацменьшинств Китая»[9] более полно охватывает творчество писателей, пишущих не только на китайском языке. В 2004 г. под редакцией Дин Фаня вышла «История современной литературы западных районов Китая»[10], построенная по территориальному принципу, рассматривая всех пишущих на китайском языке в этом регионе, будь то нацменьшинства или ханьцы.

В предисловии к «Теория истории современной литературы нацменьшинств Китая» Ма Сюэлян указывает, что в сборе материалов для его книги принимали участие филологи — представители нацменьшинств, которые выросли среди этих песен и легенд. Ма Сюэлян отмечает, что главную сложность представляла периодизация истории литературы каждого народа. Принятый в китайской филологии метод опоры на письменные исторические источники также с трудом применим к ситуации с нацменьшинствами, у тибетцев своя письменность возникла относительность рано — в VII в. н. э., у многих народов она так и не сложилась. В своей работе ученые решили распределить все разнообразие явлений у разных народов по периодам в соответствии с марксистской парадигмой экономических формаций (первобытно-общинный, рабовладельческий строй и т. д.), в каждом периоде были выделены разделы «народные песни», «народный эпос», «народные легенды», «народные сказки» (т. е. фольклор), «книжная литература». Ма Сюэлян справедливо отмечает, что

---

[8] *У Чунъян* 吴重阳. Чжунго сяньдай шаошу миньцзу вэньсюэ гайлунь中国现代少数民族文学概论 (Предварительное рассуждение о современной литературе нацменьшинств Китая). Пекин 北京: 中央民族学院出版社, 1992.

[9] *Т. Сайнбаяр* ред. 特・赛音巴雅尔主编. Чжунго шаошу миньцзу дандай вэньсюэ ши 中国少数民族当代文学史 (История новейшей литературы нацменьшинств Китая). Гуйлинь 桂林: 漓江出版社, 1993.

[10] *Дин Фань* ред. 丁帆主编. Чжунго сибу сяньдай вэньсюэ ши 中国西部现代文学史 (История современной литературы западных районов Китая). 北京: 人民文學出版社, 2004.

литература нацменьшинств находится в слабой позиции по отношению к литературе китайской, бесспорно более развитой и богатой. Основная работа по сбору полевого материала велась после основания КНР, тогда возникла надобность в разработке учебных курсов по этим литературам в институтах национальностей, которые были основаны в столицах автономных округов, провинциях, населенных нацменьшинствами. Так формировалась общегосударственная система изучения и распространения литературы нацменьшинств. В частности, в населенных нацменьшинствами автономных округах и провинциях были организованы отделения «Издательства национальностей», а также институты национальностей.

Как было упомянуто выше, помимо исследования традиции необходимо было воспитать местные писательские кадры. Так, применительно к Тибету говорить о появлении писателей современного типа можно только начиная с конца 1950-х гг., новое поколение авторов-тибетцев заявило о себе в начале 1980-х гг. Почти все они учились на факультетах филологии, где преподавание велось на китайском языке. После объявления политики реформ и открытости Государственный комитет по делам национальностей и Союз писателей Китая провели Всекитайскую встречу по литературному творчеству нацменьшинств (кит. Цюаньго шаошу миньцзу вэньсюэ чуанцзо хуйи 全国少数民族文学创作会议, 1980 г.), после чего был основан журнал «Национальные литературы» (кит. Миньцзу вэньсюэ 民族文学, с 1983 г.) специально для публикации работ представителей малых народностей. В 1981 и 1985 гг. проходили конференции национальных литератур с присуждением премий, что дало значительный стимул развитию литературы нацменьшинств.

Программные документы по вопросам культуры в КНР, принятые в 1978 г., быстро нашли отклик и в отдаленных областях страны. Уже в 1980 г. в Пекине прошло первое заседание по Тибету. Писателям было наказано служить народу и социализму (политика «двух целей», кит. эр вэй 二为), возрожден провозглашенный Мао Цзэдуном принцип «двух сотен» (кит. шуан бай 双百), который призывал «расцвести сто цветов» (кит. байцзя цифан 百花齐放) и начать «споры между ста мастерами» (кит. байцзя чжэнмин 百家争鸣). В 1981 г. была проведена первая рабочая встреча работников литературы Тибета, организовано отделение ВАРЛИ Тибета, Союз писателей Тибетского автономного района (кит. Сицзан цзычжицюй цзоцзя сехуй 西藏自治区作家协会). Так складывались механизмы, обеспечивающие работу писателей внутри госсистемы.

Тибетский литературовед Лхаджам (Гьел) (тиб. lha byams (rgyal), кит. Ласянь (Цзя) 拉先 (加)) в своей статье «Предварительные рассуждения о границах современной тибетской литературы и этапах ее развития»[11] четко определяет начало современной тибетской литературы 1951 г. «мирного освобождения» Тибета. Тогда она получила название «социалистической литературы Тибета». Эту литературу отличал светский характер и формирование за пределами религиозных центров — монастырей, в отличие от того, как это было раньше. Новая литература функционировала на основе партийных установок о «двух сотнях» и «двух целях». С этого момента она стала частью литературы КНР. Лхаджам также справедливо отмечает, что границы этого явления спорны. Считать ли тибетской литературу «о Тибете» или написанную на тибетском языке? Он придерживается мнения о том, что тибетской можно считать литературу, написанную на тибетском языке, а также отражающую жизнь общества Тибета. Итак, мы отмечаем, что, говоря о важных для тибетской литературы писателях и произведениях, он упоминает только этнических тибетцев, не говоря о тех ханьских писателях, которые представляют эту литературу в глазах китайских критиков.

2. Издания и институты, представляющие литературу Тибета для читателей в КНР

Важным условием интеграции тибетской литературы в литературу общекитайскую является язык, на котором эта литература написана. Очевидно, что тибетская литература могла стать национальным достоянием, только будучи написанной или переведенной на китайский язык. Если говорить о так называемой современной тибетской литературе, которая начала активно создаваться после «культурной революции» с конца 1970-х гг., то заявить о себе она смогла главным образом потому, что создавалась на китайском языке. Очевидно, что ни читатель, ни критики, владеющие только китайским языком, не могли воспринимать произведения на тибетском языке, а переводчиков с тибетского на китайский язык до сих пор недостаточно. В КНР были созданы центры изучения Тибета и современной литературы, которые привлекали для работы тибетцев, получивших

[11] *Лхаджам* 拉先. Чуи цзанцзу дандай вэньсюэ дэ цзедин цзи гэ цзедуань дэ фачжань чжуанкуан 当议藏族当代文学的界定及各阶段的发展状况 (Предварительные рассуждения о границах современной тибетской литературы и этапах ее развития) // 西藏大学学报 (Сицзан дасюэ сюэбал). 2006. Т. 21. № 3. С. 71–74.

традиционное религиозное образование — они в основном работали над переводами тибетской классики и ее популяризацией в КНР. Немаловажен тот факт, что поколение молодых тибетских авторов овладело современным китайским языком еще в школе. Так, в своей «Автобиографии»[12] писатель Алай, уроженец населенного тибетцами автономного округа на севере провинции Сычуань, говорит, что «образование получил на китайском языке, овладев чтением и письмом». Дома семья разговаривала на тибетском, владение им оставалось на уровне устной речи, он не был знаком с достижениями письменной культуры Тибета. Он вспоминает, что «говорящие на тибетском языке глухие деревни располагались вокруг крупных сел и райцентров, говорящих на китайском». Алай отмечает, что его творческие возможности и повышенная чувствительность сформировались на границе тесного взаимодействия двух миров и культур, сделав его «тибетцем, пишущим на китайском языке». Проблема языковой политики и организации массового образования в областях КНР, населенных тибетцами, важна для нашего исследования, но углубляться в нее здесь нет возможности.

Статья Чжэн Цзяньжу «Новые медиа и современная литература Тибета»[13] содержит сведения о распространении периодических изданий современного образца в Тибете, немалое число которых появилось после 1956 г. На данный момент выпускается 36 журналов и 15 газет. Наиболее значимы журналы «Тибетская литература» (на кит. языке), «Народное искусство Тибета» (кит. Сицзан цюньчжун вэньи 西藏群众文艺), а также газеты на двух языках «Вечерний Тибет» (кит. Сицзан жибао 西藏日报), «Вечерняя газета Лхасы», «Тибетская молодежная газета», которые выпускают литературные приложения. Бурный расцвет в литературе и культуре в 1980-е гг. стал возможен благодаря появлению множества журналов, издаваемых ВАРЛИ и Союзом писателей ТАР, среди них «Тибетская литература и искусство» (кит. Сицзан вэньи 西藏文艺, тиб. яз.), «Обычаи Тибета» (кит. Сицзан миньсу 西藏民俗, кит. яз.), «Фиалки» (тиб. spang rgyan me tog, кит. Банцзинь мэйдо 邦锦梅朵, Банцзинь хуа 邦锦花, тиб. яз.).

Одним из важных каналов распространения современной тибетской литературы и получившего известность направления «нового тибетского романа» с модернистскими приемами стал журнал «Тибетская литература». В январе 1977 г. вышел первый номер журна-

[12] *Алай* 阿来. Цзышу 自述 (Автобиография) // 小说评论 (Сяошо пинлунь). С. 23–25.

[13] Чжэн Цзяньжу 郑靖茹. Сяньдай чуаньмэй юй цзанзцу дандай вэньсюэ 现代传媒与西藏当代文学 (Новые медиа и современная литература Тибета) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 2005. № 1. С. 98–101.

ла на китайском языке «Тибетская литература и искусство», который был переименован в «Тибетскую литературу» в 1984 г. Органом, выпускающим журнал, является отделение ВАРЛИ в Тибетском АР, редакция располагается в Лхасе. Появление этого журнала дало многим тибетским писателям возможность впервые заявить о себе, наиболее интересные работы из него отбирались для публикации в центральных литературных журналах Китая.

Как и всякий государственный «толстый журнал», он публиковал на своих страницах произведения так называемой чистой литературы, впрочем, в 1980-е гг. массовая коммерческая литература еще о себе не заявила. Отобранные по определенным критериям произведения могли быть напечатаны только в государственных журналах и издательствах.

Журнал «Тибетская литература» публиковал прозу и поэзию, произведения публицистического жанра и беллетристики, пьесы и критические статьи. Идеологическая установка в отношении литературы нацменьшинств была довольно четкой: это должны были быть произведения соцреализма с национальной спецификой, наиболее желательными были работы о жизни освободившихся из-под гнета крестьян и скотоводов, написанные ярким, сочным языком, с обилием деталей местного колорита. Вводные редакторские статьи говорили о том, что приветствуются произведения о буднях скотоводов Тибета.

В журнале регулярно выходила рубрика с литературоведческими статьями о напечатанных в журнале произведениях, но сам термин «новый тибетский роман» был введен Сэбо, издавшим в 1989 г. одноименный сборник[14]. За этим последовала публикация большого числа статей литературоведов, которые анализировали уже течение в целом, а не отдельные произведения. С января 1989 г. журнал «Тибетская литература» стал выходить раз в два месяца, а писатель Сэбо занял в нем должность главного редактора.

С 1996 г. в журнал была включена новая рубрика «Вспоминая Тибет», где печатались произведения и мемуары китайцев, которые когда-то жили и работали в Тибете. Таким образом, произведения «о Тибете» также вошли в круг современной тибетской литературы.

Журнал «Тибетская литература» сыграл важную роль в продвижении нового течения «тибетского магического реализма» среди китаеязычной аудитории и в представлении его литературоведческим кругам КНР. Материалы журнала «Тибетская литература» стали

[14] Сицзан синь сяошо 西藏新小说 (Новый тибетский роман) / ред. Сэбо 色波. Лхаса: 西藏人民出版社, 1989.

основой для монографического исследования Ма Лихуа (кит. 马丽华) «Культура Страны снегов и тибетская литература»[15], что подтверждает важность этого источника для изучения тибетской литературы в КНР. В 2000 г. обстоятельства функционирования литературных журналов в Китае поменялись, редакция «Тибетской литературы» пыталась обновить идеологическую основу издания ради привлечения более широкого читателя, обозначив, что их интересуют произведения, в которых есть новизна, удивительное, интересное и утонченное и это должны были быть удивительные легенды и истории с необычным сюжетом. Было обозначено стремление охватить жизнь Тибета во всем разнообразии. Хотя возникла мода на модернистские и экспериментальные приемы, реалистические произведения, тем не менее, занимают свое место на страницах издания. Однако попытка сменить формат издания быстро привела к потере журналом своего уникального стиля, редакция решила вернуться к прежним критериям отбора произведений.

На тибетском языке параллельно издается литературный журнал, называемый «Тибетская литература и искусство». Писатель Лхундуб Намгьел вспоминает, что для первых выпусков журнала было крайне трудно найти произведения на тибетском языке, нашлось всего несколько стихотворений, народных песен и пословиц[16]. Для следующего номера удалось найти нечто более приметное — рассказ писателя Пелджора «Спор в саду» (тиб. me tog ldum ra'i nang gi klan ka, кит. Хуаюань ли дэ фэнбо 花园里的风波, 1980 г.)[17], который получил премию как лучшее литературное произведение представителя нацменьшинств. По словам Пелджора, из-за «культурной революции» тибетцы утеряли знания о собственной литературной традиции, не было авторов, пишущих в современных жанрах. Начиная с 1981 г. ситуация начала улучшаться. Журнал выходит уже почти 30 лет, за это время были опубликованы не только литературные произведения, но и колонки о видных литераторах Тибета, о Тибете и его искусстве.

---

[15] *Ма Лихуа* 马丽华. Сюэюй вэньхуа юй цзанцзу вэньсюэ 雪域文化与西藏文学 (Культура Страны снегов и тибетская литература). Шанша 长沙: 湖南教育出版社, 1998.

[16] *Лхундуб Намгьел* 伦珠朗杰. «Сицзан вэньи» дандай цзанцзу вэньсюэ фачжань дэ цзилу 《西藏文艺》当代藏族文学发展的记录 («Тибетское литература и искусств» и записки о развитии новейшей литературы тибетцев) // 中国西藏 (Чжунго сицзан). 1995. № 6. С. 33.

[17] *dpal 'byor*. me tog ldum ra'i nang gi klan ka. bod kyi rtsom rig sgyu rtsal. 1980. № 3. sh. 7–15. Сравнение рассказов «Лес после дождя» Лхагпа Пунцога и «Спор в саду» Пелджора см.: *Tsering W. Shakya*. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950. P. 99–100.

Другой тибетский писатель Цедор в своей статье «Оценка новейшей тибетской литературы на тибетском языке»[18] также акцентирует значимость журнала «Тибетская литература и искусство» для формирования современной литературы на родном языке. Первые рассказы в этом журнале он высоко оценивает за их жизненность и выразительность, за использование традиционных языковых приемов соединения рифмованной и ритмичной прозы, автор называет их тибетскими по стилю. Далее он упоминает другую группу произведений, «западных» по стилю в силу своей критической направленности.

В 1985 г. на 20-летие основания Тибетского АР «Издательство национальностей» Тибета издало три сборника прозы, эссе и поэзии, используя материалы журнала «Тибетская литература и искусство». В годовщину 40-летия освобождения Тибета в 1991 г. Союз писателей ТАР издал серию «Современные тибетские писатели» (кит. Цзанцзу дандай цзоцзя цуншу 西藏当代作家丛书). В это собрание вошли произведения на тибетском языке. В 1995 г. вышло второе собрание из 12 книг.

«Тибетское издательство» (кит. Сицзан чубаньшэ 西藏出版社) было основано в 1971 г., в его задачи входила публикация классических произведений.

К числу других литературных журналов, публикующих произведения тибетских писателей и прозу о Тибете, надо отнести «Легкий дождь» (пров. Цинхай с 1981 г.) на тибетском языке, ежемесячник «Озеро Кукунор», «Литература Сычуани» (кит. Сычуань вэньсюэ 四川文学, г. Чэнду), «Искусство пограничья» (кит. Бяньцзян вэньи 边疆文艺), «Белоснежная гора» и «Степь» (кит. Цаоди 草地, пров. Сычуань), «Цветок келзанг» (кит. Гэсанхуа 格桑花), «Дазер» (тиб. zla zer, кит. Дасайэр 达赛尔, пров. Ганьсу), «Равнина» (кит. Юанье 原野, пров. Юньнань). Исследовательские статьи по литературе печатает «Вестник Тибетского университета» (кит. Сицзан дасюэ сюэбао 西藏大学学报), выходящий в Лхасе с 1986 г., и другие журналы.

Интернет-портал «Китайский Тибет» (кит. Чжунго сицзан ванн 中国西藏网 http://www.tibet.cn/) также играет важную роль в распространении данных о тибетских писателях. Многие авторы, которых печатают в журналах, имеют там персональную страницу, этот

[18] *Цедор* 次多. Цзанвэнь чуанцзо дэ дандай цзанцзувэньсюэ шупин 藏文创作的当代藏族文学述评 (Оценка новейшей тибетской литературы на тибетском языке) // 西藏文学 (Сицзан вэньсюэ). 2005. № 05. С. 145. Краткую справку о жизни и творчестве Цедора см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 247–248.

портал также открывается при вводе в поиск слов «центр информации по Тибету» (кит. сицзан синьси чжунсинь西藏信息中心).

Еще один крупный портал «Тибет он-лайн» (кит. Сицзан цзай сянь 西藏在线 http://www.tibetonline.net/). Увеличение числа виртуальных средств массовой информации, безусловно, влияет на формы существования художественных произведений.

Другим важным достижением последних десятилетий Чжэн Цзяньжу считает формирование светски образованной интеллигенции, которая отсутствовала как прослойка при традиционном укладе и системе монастырского образования. Эта новая прослойка и оказалась способной создавать и воспринимать новую литературу.

Основными центрами изучения тибетской литературы в Китае являются уже упоминавшиеся Центральный университет (ранее институт) национальностей в Пекине, Институт национальных литератур АОН Китая и его местные отделения. Отделение АОН КНР в Тибетском АР, расположенное в Лхасе, также важный центр тибетологии и раз в два месяца выпускает журнал на китайском языке «Тибетологические исследования» (кит. Сицзан яньцзю 西藏研究, с 1981 г.). В 1965 г. в городе Сяньян провинции Шэньси был организован Тибетский институт национальностей, его сотрудники и учащиеся публикуют немало статей по вопросам литературы. Важно отметить, что в 2011 г. на базе этого института был организован Центр изучения новейшей тибетской литературы (кит. Сицзан дандай вэньсюэ яньцзю чжунсинь 西藏当代文学研究中心), тогда же прошла конференция по случаю 60-летия новейшей тибетской литературы[19].

3. Периодизация тибетской литературы в работах литературоведов

Исследование литературы, как правило, начинается с уточнения периодизации ее истории. При составлении истории современной тибетской литературы необходимо связать ее с периодизацией новейшей истории Китая после 1951 г., когда Тибет был присоединен к КНР.

[19] Краткий обзор конференции см. в статье: «Сицзан дандай вэньсюэ чуанцзо сяньчжуан юй фачжань цюйши»: сюэшу яньтаохуй цзуншу 西藏当代文学创作现状与发展趋势»: 学术研讨会综述 («Новейшая тибетская литература и тенденции развития»: обзор научной конференции) // 西藏民族学院学报 (哲学社会科学版) (Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао). 2011. № 7. С. 135–136.

Исследование профессора Центрального университета национальностей в Пекине Гэн Юйфана «Новейшая литература тибетцев» (1994) можно назвать первой работой, суммирующей достижения тибетской литературы с 1951 г. до середины 1990-х гг. Автор обозначает в качестве года рождения новейшей тибетской литературы 1951 год и называет этот период следующим шагом в развитии тибетской литературной традиции, известной своими историческими эпосами и фольклором[20]. Говоря о начальном этапе, автор упоминает немало писателей-китайцев из числа военных и гражданских лиц, которые оказались в Тибете после размещения там китайских войск.

Гэн Юйфан выделяет следующие этапы в развитии тибетской литературы, похожую периодизацию можно встретить и у других исследователей.

I. 1949–1966 гг.: созданные за эти 17 лет произведения отражают новые реалии и новый общественный строй в Тибете, центральным является мотив прославления компартии Китая. Этот период отмечен «движением новой тибетской поэзии», которую создавали две группы поэтов: маститые тибетские ученые и молодые авторы. На стыке 1950–1960-х гг. поэзия дала импульс развитию художественной прозы и эссеистики.

У Ма Лихуа об этом периоде находим схожие данные: первые писатели, работавшие в Тибете, были из числа военных. Среди них Лю Кэ (кит. 刘克), Сюй Хуайчжун (кит. 徐怀中), Гао Пин (кит. 高平), Ян Хосин (кит. 杨星火) и др.[21] Создававшиеся в тот период произведения были исполнены пафоса, повествуя главным образом о становлении нового режима. Писатели 1950-х гг. были исполнены искренности и преданности, но им недоставало внутренней свободы. Все же их искренность захватывала читателя. В этот период резонанс по всей стране получили романы о Тибете на китайском языке.

В романе Сюй Хуайчжуна «Мы сеем любовь» (кит. Вомэнь бочжун айцин 我们播种爱情) воспевается любовь двух молодых людей, которые строят в Тибете новую жизнь, позднее он был признан одним из лучших романов 1950-х гг. Повести Лю Кэ «Янгчен» (тиб. dbyangs can, кит. Ян Цзинь 央金) и «Цюй Габо» (кит. 曲嘎波) прославляют деяния партии и Народно-освободительной армии Китая на благо народа. Гао Пин создал поэму «Летит снег» (кит. Дасюэ

[20] *Гэн Юйфан* 耿予方. Цзанцзу дандай вэньсюэ 藏族当代文学 (Новейшая литература тибетцев). С. 3.

[21] *Ма Лихуа* 马丽华. Сюэюй вэньхуа юй цзанцзу вэньсюэ 雪域文化与西藏文学 (Культура Страны снегов и тибетская литература).

фэньфэй 大雪纷飞), где описал любовную тоску девушки по имени Янгчен (тиб. dbyangs can, кит. Ян Цзинь 央金) по возлюбленному Цзян Жуну (кит. 江戎), обличил безжалостный рабовладельческий строй, который коверкает судьбы людей. Поэма Ван Чэндуна (кит. 汪承栋), принадлежащего к национальности *туцзя* (кит. 土家), «Бригада проходчиков из Куньцана» (кит. Куньцан кэньхуандуй 昆仓垦荒队) посвящена работе китайских кадровых работников в Тибете, которые не щадят своих сил на благо народа. В поэме Ян Хосина «Пидаси» (кит. 波达嬉) создан образ мужественной тибетской девушки. Надо отметить также историческую повесть тибетского писателя старшего поколения Джангкор Сонам Гьелпо (тиб. byang 'khor bsod nams rgyal po, кит. Цзянгао Соланцзебу 江告·索朗杰布) «Принцесса Вэньчэн» (кит. Вэньчэн гунчжу 文成公主) о братстве и дружбе двух народов — китайского и тибетского.

Далее у Ма Лихуа читаем, что конец 1950-х — начало 1960-х гг. были отмечены значительными переменами в общественном укладе Тибета — под влиянием Китая там началось активное развитие экономики. Новые веяния создали благодатную почву для расцвета литературы. Период был отмечен замечательными произведениями поэта Ван Чэндуна: его «Герой с родимым пятном» (кит. Хэйчжи инсюн 黑痣英雄) и «Снежная буря в горах» (кит. Сюэшань фэнбао 雪山风暴) отразили мечты порабощенных крестьян о свободном труде и их борьбу за независимость. Указанные произведения обличают мрачные стороны традиционного уклада жизни. В это время проявили себя молодые тибетские поэты Рабгье Пасанг, Йидам Церинг, Тамдин Кьяб (тиб. rta mgrin skyabs, кит. Даньчжэнь Цзюэбу 丹真觉布), их стихи проникнуты оптимизмом и ожиданием перемен.

Этот период отмечен выходом журналистских очерков о Тибете, написанных профессионалами своего дела, в их числе журналист Го Чаожэнь (кит. 郭超人), чьи работы вошли в сборник «Тибет за десять лет» (кит. Сицзан шинянь цзянь 西藏十年间), особенно интересны репортажи о покорении горных пиков. Также много сведений сообщил китайской публике о Тибете писатель Ли Вэньшань (кит. 李文珊), вышли сборники его заметок «Весны и осени высокогорья» (кит. Гаоюань чуньцю 高原春秋), «Собрание заметок Ли Вэньшаня» (кит. Ли Вэньшань саньвэнь цзи 李文珊散文集). Как видим, в этом жанре работали в основном ханьцы.

Несложно заметить, что созданные в этот период произведения полностью отвечают установкам партии и правительства КНР относительно культуры и литературы, которые были сформулированы

еще в яньаньский период (изложены в программной статье Мао Цзэдуна «Выступление на заседании по вопросам искусства в Яньани», 1942 г.), и в этом мало отличаются от литературы, создававшейся в самом Китае. Если писатель был талантлив, то он мог сделать эту схему более живой и красочной, но избежать установок был не в силах. Необходимо было придерживаться метода революционного реализма и романтизма. Очевидно, что опыт советской литературы через китайские переводы был воспринят и в Тибете.

Литературовед и писатель-тибетец Цедор в своей статье «Оценка новейшей тибетской литературы на тибетском языке»[22] также указывает, что после 1951 г. литература стала называться тибетской социалистической литературой, основанной на принципе верховенства не буддизма, а партийных установок, которые требовали от писателя погружаться в жизнь, отражать эпоху, описывать реалии народной жизни и его духовную жизнь.

II. июнь 1966 — октябрь 1978 гг.: десятилетие «культурной революции», когда литературная жизнь всего Китая фактически приостановилась. По мнению Гэн Юйфана, молчание писателей в этих условиях было «благим делом».

III. С 1978 г. по настоящее время. Начало самого оживленного и продуктивного этапа в тибетской литературе.

Ма Лихуа в своей работе приводит развернутую характеристику этого периода[23]. Бурный подъем литературы с начала 1980-х гг. объясняется тремя факторами: в Тибет прибыло много студентов из Китая, которые стали писателями. В 1970-е гг. приехали Цинь Вэньюй (кит. 秦文玉), Фань Сяндун (кит. 范向东), Ма Лихуа, в 1980-е гг. в Тибете начали работать Ма Юань, Лю Вэй (кит. 刘伟, он же Цзы Вэнь 子文), Ли Цида (кит. 李启达), Фэн Лян (кит. 冯良). Нáчало творческую деятельность молодое поколение тибетских писателей и второе поколение живущих в Тибете ханьцев. Это Таши Дава, Сэбо, Цзинь Чжиго (кит. 金志国), Ли Шуанъянь (кит. 李双焰) и др. Многие из этих писателей работали в редакции журнала «Тибетская литература», который дал путевку в жизнь работам этнических тибетцев, жившим за пределами ТАР, в частности Алаю, Еше Церингу, Дондуб Вангбуму и др.

---

[22] *Цедор* 次多. Цзанвэнь чуанцзо дэ дандай цзанцзувэньсюэ шупин 藏文创作的当代藏族文学述评 (Оценка новейшей тибетской литературы на тибетском языке). С. 141.

[23] *Ма Лихуа* 马丽华. Сюэюй вэньхуа юй цзанцзу вэньсюэ 雪域文化与西藏文学 (Культура Страны снегов и тибетская литература).

На методы и приемы писателей этого периода влияли литературные направления, охватившие весь Китай: «литература шрамов», «литература дум», «поиска корней». На уровне содержания произведений можно отметить более глубокую проработку тем и образов, отход от плоского и бравурного оптимизма, какой был свойственен предыдущему этапу. Стало возможным затрагивать ранее запрещенные темы, в поле зрения авторов вновь оказалась история региона до 1951 г., появилась возможность критиковать современные реалии, что привело к превалированию трагических настроений и глубоких размышлений. Теперь писатели могли выражать собственное мнение о «культурной революции» и народных коммунах. Так, в повести Дондуб Вангбума «Под ногами у лет» (кит. Цзай суйюэ цзяося 在岁月脚下) повествуется о личных трагедиях, которые повлекли за собой эти кампании.

Ма Лихуа указывает, что современная литература Тибета очень молода, современный тибетский язык также сформировался недавно, на литературу влияет много внешних факторов. Исследовательница указывает произведения на тибетском языке, которые остались бы неизвестны широкому читателю без перевода на китайский язык. Первым современным тибетским романом она называет «Бирюзовую диадему» Пелджора, он был опубликован в 1980 г., на китайский язык переводился не раз под разными названиями: «Яшма», «Камень сунэр», «Жемчужина».

Роман тибетского писателя Таши Пелдена под названием «Радости и печали обычной семьи» также был переведен на китайский язык и впервые опубликован в «Тибетской литературе» в 1992 г., он излагает трагическую историю, которая произошла уже после «освобождения» Тибета.

Ма Лихуа отмечает художественные достоинства романа писателя (Даггонг Телинг) Вангдора «Тайное предание семьи Тезур», который впервые был опубликован в «Тибетской литературе и искусстве» в 1994–1995 гг., в виде книги — в 1997 г. Его автор прекрасно владеет тибетским и английским языками, происходит из аристократической семьи и увлекательно излагает историю своей семьи.

Эти произведения смело отходили от традиционных форм, формируя новый образ тибетской литературы, события излагались в реалистической манере, использовался понятный разговорный язык, который служил выразительным целям романа и задаче создания ярких образов героев.

Такая же революция происходила в поэзии. Традиционная поэзия была строго уставной по структуре, вычурной по звучанию. В 1984 г.

в «Тибетской литературе и искусстве» было опубликовано первое стихотворение свободной формы «Мать» (тиб. yum chen, кит. муцинь 母亲), автор Дагпа Джунгне (тиб. grags pa ‘byung gnas, кит. Чжаба Цюннай 扎巴穷乃)[24], после чего стало выходить все больше свободных стихов. В этом же журнале публиковались тибетские переводы иностранных писателей: Тагора, Шекспира, Толстого, Чехова, Мопассана, Марка Твена и т. д. Это позволило тибетским писателям познакомиться с западной литературой.

Установка на возрождение гуманизма и утверждение ценности человеческого достоинства в начале 1980-х гг. привела к написанию немалого числа видных работ в КНР и вызвала появление живых героев в тибетской литературе, они более не были схематичными представителями того или иного класса. В качестве примера можно привести главных героев из романа Еше Тендзина «Потерянные земли» (кит. Миман дэ дади 迷茫的大地), героиню романа Цинь Вэньюя (кит. 秦文玉) «Женщина — живой Будда», или «Женщина-*тулку*» (кит. Нюй хофо 女活佛, 1985 г.).

В этот период центральное правительство изменило свою политику в отношении нацменьшинств и признало важность национальной специфики и самобытности. Был сделан поворот от крайнего интернационализма в сторону национализма, который признает за народами право на самобытность. В литературе это быстро нашло выражение в активном утверждении нацменьшинствами своих традиций и своей самости. Национальная специфика и стала необходимой отличительной чертой литературы нацменьшинств. Опять же только талант писателя позволял избежать тут лубочности и шаблонов. Важным проявлением снятия запретов на «национальное» стало появление большего числа произведений на тибетском языке.

К числу поэтов-ханьцев надо отнести поэтессу и прозаика Ма Лихуа (сборник «Мое солнце», кит. Во дэ тайян 我的太阳), большой интерес в Китае вызвал ее сборник эссе «Странствия по северному Тибету» (кит. Цзанбэй юли 藏北游历).

В 1990-х гг. наметился спад литературной активности, и многие писатели, главным образом из плеяды экспериментаторов (в основном это были ханьцы), покинули Тибет[25]. В статье Сюй Цинь «О развитии

[24] bod kyi rtsom rig sgyu rtsal. 1984. № 2. sh. 11–62. В действительности это утверждение Ма Лихуа неточное, так как самое известное тибетское стихотворение, написанное верлибром («Водопад юности» Дондуб Гьела), было опубликовано за год до этого, правда, в другом журнале — «Легкий дождь». См.: приложение, с. 388–392.

[25] Сюй Цинь указывает имена этих китайских писателей: Ма Юань, Лю Вэй, Ли Цида, Цай Чуньфан (кит. 蔡椿芳), Ся Мин (кит. 夏明), Пипи (кит. 皮皮), Чжан Чжун

современной тибетской литературы на китайском языке» приведены рассуждения о причинах этого спада: «После шумихи и расцвета 80-х гг. тибетская литература вступила в фазу глубоких размышлений о себе самой, осознанно вернувшись к своей национальной культуре, отказалась от нарочитой таинственности, этому периоду свойственна большая зрелость»[26].

Ряд молодых писателей снискал в 1990-е гг. поистине широкое признание, Сюй Цинь отмечает, что именно в этот период много писателей-тибетцев впервые заявили о себе, в их числе Янгчен, Геянг, Пема Намдол, Церинг Норбу, Пелден (тиб. dpal ldan, ngal ba rgyal?, кит. Бань Дань 班丹, р. в 1961 г., ТАР)[27], они более укоренены в тибетской культуре, нежели приезжие ханьцы, получили высшее образование уже в Тибете. По мнению Сюй Цинь, в 1990-е гг. писатели демонстрировали гораздо большую веру в собственную культуру, чем это было в 1980-е гг. Очевидно возвращение писателей к более реалистической манере повествования после увлечений экспериментами в 1980-е гг.

Союз писателей Китая и Фонд китайской литературы в 1994 г. вручили литературную премию «Торжественная» (кит. Чжуанчжунвэнь вэньсюэцзян 庄重文文学奖) тибетским писателям. В 1995 г. Таши Дава и Таши Пелден получили литературную премию «Джомолунгма» за два романа. В 1995 г. эту награду получил роман Фань Сяндуна «Хорошая бригада, хороший бригадир» (кит. Хаобаньцзы, хаобаньчжан 好班子，好班长), написанный в идеологии мейнстрима, о кадровых работниках в Тибете. Он получил высокую оценку за свое правдоподобие среди людей, занятых подобной же работой. После публикации романа местный отдел пропаганды много раз проводил интервью с кадровыми работниками, описанными в романе.

Как было указано выше, в этот период начинают публиковаться произведения на тибетском языке. Сборник метрических стихов тибетского писателя Лхундуб Намгьела «Пчелиный сад акростихов» имеет своеобразную композицию, в основе лежат 30 букв тибетского алфавита, отображены различные реалии жизни Тибета. Появление

(кит. 张中), Юй Сюэшэн (кит. 余学先), Лю Чжихуа (кит. 刘志华), Чжу Вэйфу (кит. 朱惟夫), Фэн Шаохуа (кит. 冯少华), Ян Цзиньхуа (кит. 杨金华) и др.

[26] *Сюй Цинь* 徐琴. Цяньлунь сицзан дандай хуаюй сяошо дэ фачжань 浅论西藏当代汉语小说的发展 (О развитии современной тибетской литературы на китайском языке) [Электронный ресурс] // 西藏文学(Сицзан вэньсюэ). 2011. № 5. URL: http://www.xjass.com/ls/content/2012–04/09/content_227720.htm (дата обращения 19.11.2012 г.).

[27] Краткую справку о жизни и творчестве Пелдена см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 243–244.

сборника дало новое развитие традиционной метрической поэзии на тибетском языке. Сборник был удостоен литературной премии «Джомолунгма», снискал любовь читателей. Молодая тибетская поэтесса Церинг Озер (тиб. tshe ring ‘od zer, кит. Цыжэнь Вэйсэ 茨仁唯色, также известна как Вэйсэ 维色 или 唯色, Чэн Вэньса 程文萨, р. в 1966 г., Лхаса)[28] в 1993 г. получила звание одного из «десяти новых поэтов Китая».

Ма Лихуа так суммирует особенности развития тибетской литературы в 1990-е гг.:

1) сформировалась значительная группа зрелых писателей;

2) начались эксперименты с разными формами, жанрами, приемами. Лучше раскрывается творческий потенциал писателей;

3) в литературных произведениях активно использовались достижения из разных областей науки: этнографии, антропологии, истории литературы Тибета и Китая, эстетики.

Рассмотрим также небольшую брошюру У Вэя «Тибетская литература»[29], которая вошла в популяризаторскую серию книг «Общие сведения по Тибету» (кит. Сицзан цзибэнь цинкуан цуншу 西藏基本情况丛书). Она не претендует на статус глубокой научной монографии, хотя и написана компетентным специалистом по традиционной литературе, и содержит сведения, рассчитанные на широкого читателя. Автор приводит несколько характеристик тибетской литературы, включая традиционный период:

1) произведения носят ярко выраженный отпечаток эпохи;

2) авторская и народная литература прочно слиты, дополняют друг друга;

3) отсутствие в тибетской культуре на протяжении длительного времени понятия «литература», которая была неотделима от трактатов по буддийской философии и историографических сочинений;

4) прочная связь с религией, в Тибете сложилась система «единства управления и религии» (кит. чжэнцзяо хэи 政教合一);

5) усвоение опыта и высших достижений соседних культур и стран, главным образом Китая и Индии, хотя четыре великих классических китайских романа были переведены на тибетский только после 1949 г. Работа по сбору и сохранению эпоса о Гесаре началась только после «культурной революции», она велась во всех районах

[28] Краткую справку о жизни и творчестве Церинг Озер см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 299–302.

[29] *У Вэй* 吴伟. Сицзан вэньсюэ 西藏文学 (Тибетская литература). Пекин 北京: 五洲传播出版社, 2002.

проживания тибетцев. В этот же период был сделан перевод эпоса на китайский язык.

У Вэй пишет, что зрелые литературные произведения появились в Тибете только к XVIII в. Речь идет о первом «романе» с вымышленными героями и сюжетом «Предание о Жонну Даме», в котором писатель отошел от традиции написания биографий исторических персоналий[30]. По мнению У Вэя, значимые современные романы стали появляться в Тибете только в начале 1980-х гг. Он выделяет роман «Оставшиеся в живых»[31], который получил награду как «лучший роман писателя из нацменьшинств», а также награду за выдающееся творческое достижение внутри ТАР в 1981 г. Его автор Еше Тендзин родился в 1941 г. в районе провинции Сычуань, населенном тибетцами, получил два высших образования в Пекине, после чего работал музейным работником в Тибете. Роман повествует о конфликте между крестьянами-рабами и рабовладельцем в старом обществе между 1936 и 1951 гг. Главные герои — крестьянка и ее сын, чудом выжившие после кровавой резни в деревне.

Также У Вэй отмечет значимость романа «Келзанг Метог», его автор Джампел Гьяцо родился в 1939 г., в уезде провинции Сычуань, в составе китайской армии попал в Тибет. Писатель стал также признанным специалистом по традиционной тибетской литературе и эпосу о Гесаре. Роман «Келзанг Метог» в реалистической манере повествует о любви двух молодых людей, приветственно описывает вступление китайских войск в Тибет и дружбу двух народов. События разворачиваются в 1950–1951-е гг. Уникальность романа состоит в том, что противоречивые события тех лет показаны глазами очевидца и тибетца по национальности, выявлена сложная проблема взаимодействия Народной освободительной армии с активными борцами из числа местного населения.

Еще одним писателем, который занимал высокие посты в управлении культурой, идеологией и наукой в Тибете (президент Академии общественных наук ТАР), является Лхагпа Пунцог. Его повесть на тибетском языке «История трех сестер» была опубликована в журнале «Тибетская литература и искусство» в период между 1980 и 1983 г. и также была переведена на китайский язык.

Весомым поэтом и писателем является Пелджор, родился в 1941 г. в Лхасе, занимал немало ключевых постов в государственных орга-

[30] См. об этом произведении в разделе «Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР», с. 9–32.

[31] *Еше Тенцзин* 益西单增. Синцунь дэ жэнь 幸存的人 (Оставшиеся в живых). Пекин 北京: 人民文學出版社, 1981.

нах. В 1980 г. вышел его роман «Бирюзовая диадема», который стал первым современным крупным прозаическим произведением, написанным на тибетском языке, а не переведенным, в отличие от романа «Келзанг метог», с китайского языка самим автором. В этом сюжете также присутствует жадный феодал, желающий завладеть ценнейшим камнем, показаны набожные простые люди, отдающие драгоценность в храм как подношение Будде, где камень опять попадает в нечестные руки.

Помимо наиболее известных в Китае писателей молодого поколения Таши Давы, Сэбо и Алая У Вэй выделяет писательницу Янгчен. Она окончила Филологический факультет Пекинского университета, работала в редакции журнала «Тибетская литература». Ее рассказ «На окраинах свастики» (кит. Ваньцзы дэ бяньюань 卍字的边缘) получил приз за лучшее произведение на Третьем конкурсе литературы нацменьшинств, признание получил ее роман «Бесполое божество» (1988, переизд. 1994), она получила гран-при в пятом таком конкурсе. Этот роман можно назвать одним из самых значимых произведений тибетской литературы 1990-х гг.

Аналогии с известным романом китайского писателя Юй Хуа «Жить» (кит. Хочжэ 活着, 1998 г.) можно найти в произведении тибетского писателя Таши Пелдена «Завтра погода будет лучше, чем сегодня» (1991) о тяжелом монотонном труде земледельца. Сам писатель вырос в деревне и хорошо знает жизнь села. О непростой сельской жизни и влиянии на жизнь крестьян политических кампаний повествует и его работа «Дни простых людей» (кит. Путун жэньцзя дэ суйюэ 普通人家的岁月, 1993).

Как видим, У Вэй склонен рассматривать тибетскую литературу, прибегая к критериям западной критики. Такая же работа была проделана в первой половине XX в. в отношении литературы Китая, которая в традиционном обществе преследовала иные цели, нежели в западной культуре. Иными словами, в самом Китае была проведена работа по формулированию признаков, желательных для произведений современной китайской литературы. Еще в 1942 г. во время заседания по вопросам литературы и искусства в Яньани Мао Цзэдун обозначил, что литература должна повествовать о трудовых народных массах, основываться на принципах классовой борьбы, использовать больше сюжетов из устной народной культуры, т. е. быть идеологически ясной и почвеннической.

Литературовед-тибетец Лхаджам в уже упомянутой статье «Предварительные рассуждения о границах современной тибетской

литературы и этапах ее развития»[32] не упоминает писателей-китайцев, считая, что тибетская литература — та, что написана на тибетском языке. Лхаджам выделяет следующие периоды развития современной литературы.

1. 1951 — май 1966 г.: период формирования современной тибетской литературы, когда создавалось мало произведений на тибетском языке. Наиболее яркими представителями являются Цатул Нгагванг Лозанг (тиб. tsha sprul ngag dbang blo bzang, кит. Цачжу Аванлосан 察珠·阿旺洛桑) с его поэмой «Бирюзовый пояс, золотой мост» (тиб. g.yu yi ske rags gser kyi zam pa или gser zam g.yu yi lam bu, кит. Цзиньцяо юйдай 金桥玉带) и Сунграб Гьяцо с лирической поэмой «Восхваление озера Кукунор» (тиб. mtsho sngon po la bstod pa, кит. Цинхайху лицзань 青海湖礼赞). На этом этапе отсутствовали литературные журналы, произведения печатались в газетах на тибетском языке, главным образом отражая линию партии в отношении народа и религии Тибета, братство народов. Написаны эти произведения в традиционной метрике или в стиле народных песен.

2. Октябрь 1976 — 1984 гг.: просветительский период тибетской литературы. На это время пришелся расцвет критикующей «культурную революцию» «литературы шрамов», а также формирование новых форм в поэзии и прозе. К представителям «литературы шрамов» можно отнести повести Лхагпа Пунцога «Лес после дождя» и «Замена книги» (тиб. dpe tshab sprod pa, кит. хуань шу 还书) Ригдзина (тиб. rig ‘dzin, кит. Жэнь Цзэн 仁增)[33]. Стихотворение Дондуб Гьела «Водопад юности», а также его рассказ «Тулку»)[34], повесть «Цветок, побежденный морозом» [35] передают новые веяния и настроения эпохи. Также в это время вышли повести и рассказы, не столь ярко выражающие идеи мейнстрима, это рассказ Пелджора «Спор в саду», роман «Бирюзовая диадема», а также выше упомянутый роман Джампел Гьяцо «Келзанг Метог», написанный в 1963 г. Он был опубликован на китайском языке в «Народном издательстве» в 1980 г., на тибетском языке в 1982 г.

---

[32] *Лхаджам* 拉先. Чуи цзанцзу дандай вэньсюэ дэ цзедин цзи гэ цзедуань дэ фачжань чжуанкуан 刍议藏族当代文学的界定及各阶段的发展状况 (Предварительные рассуждения о границах современной тибетской литературы и этапах ее развития). С. 71–74.

[33] *rig ‘dzin*. dpe tshab sprod pa // sgrung gtam rlabs kyi gzegs ma. pod 1. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2001 [1983]. sh. 116–125. См. краткий анализ рассказа: *Robin F*. La littérature de fiction d’expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Vol. 1. P. 374.

[34] dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. pod 2. sh. 119–155.

[35] Ibid. sh. 218–288.

Этот период отмечен появлением большого количества литературных журналов: «Легкий дождь», «Народное искусство Цинхая», «Искусство Шаньнаня» (кит. Шаньнань вэньи 山南文艺, TAP, с 1984 г.). В этот период писатели начинают использовать такие приемы, как свободный стих и модернистские приемы в прозе. Тибетская литература снискала особое внимание Союза писателей Китая. В 1980 г. в Пекине прошла первая конференция по литературному творчеству нацменьшинств, от Тибета присутствовала делегация из 10 человек, в числе которых были известный ученый-филолог Джампел Гьяцо, поэт Йидам Цеpинг. В 1981 г. в Синине, Цинхай прошла Конференция пяти провинций и автономного района по новой тибетской литературе, подобные мероприятия затем проводились в Лхасе (1982), г. Ланьчжоу, пров. Ганьсу (1983), г. Чэнду, пров. Сычуань (1985), г. Куньмин, пров. Юньнань (1988)[36], имея определяющее значение для быстрого развития тибетской литературы.

3. С 1985 г. до настоящего момента: этап зрелости и расцвета разнообразных течений. Количество писателей значительно увеличилось, в их числе появились бывшие служители культа, женщины, непрофессиональные писатели. Это повлекло за собой появление большего числа талантливых произведений, а также большое жанровое разнообразие. В результате начался выпуск избранных произведений тибетских авторов: в 1985 г. «Народное издательство Тибета» опубликовало сборники рассказов, поэзии и эссе на тибетском языке.

Статья Лхаджама суммирует данные о важнейших публикациях тибетской литературы на тибетском и китайском языках. В 1989 г. «Издательство национальностей» опубликовало сборник «Избранная поэзия на тибетском языке», куда вошли произведения 1981–1988 гг. В 1991 г. в честь 40-летней годовщины «мирного освобождения Тибета» Союз писателей TAP издал серию «Собрание книг современных писателей Тибета» (тиб. bod kyi deng rabs rtsom pa po'i dpe tshogs, кит. Сицзан дандай цзоцзя цуншу 西藏当代作家丛书) из четырех авторских сборников на тибетском языке[37]. Это были сборники произведений следующих авторов: Чабпел Цетен Пунцога — «Тибет в холодное время года», Кедуба — «Песни, повествующие о земледелии четырех времен года», Таши Пелдена — «Завтра погода будет лучше, чем сегодня», Огьен Дордже — «Ветер высокогорья».

[36] Сведения об участниках и программах всех перечисленных конференций см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 189–237. Подробный анализ данных материалов см.: Ibid. Vol. I. P. 296–324.

[37] Также в рамках серии были изданы 7 сборников на китайском языке.

В 1995 г. в честь 30-летней годовщины создания Тибетского автономного района вышла вторая подборка из 12 авторских сборников, в том числе на тибетском языке: «Пчелиный сад акростихов» Лхундуб Намгьела, роман «Невидимые узы» Лхагпа Дондуба, «Дивный пейзаж Джангтанга» Тенпа Яргье, «Драгоценные четки наставлений» (тиб. bslab bya nor bu'i phreng ba, произведения Еше Тендзина), «Улыбка критика» Келзанг Еше, «Благодеяние матери» — стихи и проза Цедора.

С 1990 по 1993 г. «Народное издательство Цинхая» выпустило десять сборников в серии «Собрание произведений современной тибетской литературы», куда вошли лирическая и повествовательная поэзия, проза, эссе, критические статьи — произведения тибетцев из пяти провинций и ТАР, ранее опубликованные в литературных журналах, прежде всего — в «Легком дожде». В 1996 и 1997 гг. «Народное издательство Ганьсу» выпустило два сборника писателя Дордже Церинга (Джангбу). В том же 1997 г. «Народное издательство Тибета» выпустило сборник рассказов «Джангчуб и отцы ее пятерых детей» (кит. Сыцю хэ тадэ угэ хайцзы дэ фуциньмэнь 斯曲和她的五个孩子的父亲们).

В 2001 г. «Народное издательство Цинхая» выпустило серию «Избранное из журнала "Легкий дождь" за двадцать лет» (1981–2001), куда вошли два тома прозы, два тома поэзии, том эссеистики, том литературной критики, том произведений выдающихся классических авторов и том переводной иностранной литературы.

В 2005 г. «Издательство национальностей» выпустило сборник «Избранные произведения тибетских поэтесс» (кит. Дандай цзанцзу нюй цзоцзя шигэ цзинсюань цзи 当代藏族女作家诗歌精选集), сборник новой поэзии «Прилив в душе» (кит. Синьчао 心潮) и учебное пособие «Избранные произведения современной тибетской литературы» (кит. Цзанцзу дандай цзопинь сюань 藏族现当代作品选).

2000-е гг. были отмечены открытием учебных программ по истории тибетской литературы в университетах, появилось больше профессиональных редакторов, переводчиков[38]. Вышло в свет немало монографий о творчестве отдельных писателей.

Статья Сюй Цинь содержит характеристики тибетской литературы начала XXI в.

1. Большая группа писателей-тибетцев достигла пика своей творческой активности, выделяются работы таких писателей, как Церинг

[38] Работа Чэн Цзючжо 成就卓 «Краткие рассуждения о тибетской литературе и литературном переводе» (Люэлунь цзанцзу вэньсюэ хэ вэньсюэ фаньи 略论藏族文学和文学翻译) получила высокую оценку на всекитайской научной конференции по переводу тибетского языка.

Норбу, Пема Намдол, Геянг, Ньима Пелджор, Пелден, Цетен Янгчен (тиб. tshe brtan dbyangs can, кит. Цыдань Янчжэнь 次旦央珍). Литературу этого периода отличает большая уверенность в мощи и величии тибетской культуры. Большая степень свободы выражения, допущенная в литературе с 1980-х гг. тут же сказалась на уровне произведений. Норбу Церинг стал одним из ведущих писателей, его повесть «Граница» получила первую премию литературного конкурса «Новый век» (кит. Синьшицзи вэньсюэ цзян 新世纪文学奖) Союза писателей Тибетского АР, повесть «Отпущенный ягненок» получила престижную всекитайскую премию им. Лу Синя. Залогом успеха его произведений стал удачный для литературы нацменьшинств метод «национально окрашенного сюжета» (кит. тицай миньцзухуа 题材民族化), духовной силой, движущей его героями, является религия.

2. Вклад в литературу писателей-ханьцев, хорошо знакомых с жизнью Тибета. Сюй Цинь указывает двух писателей: Ао Чао (кит. 敖超), Чжан Цзувэня (кит. 张祖文). Героями сборника рассказов Ао Чао «Притворяться бесчувственным» (кит. Цзячжуан мэй ганьцюэ 假装没感觉) являются либо ханьцы, давно живущие в Тибете, либо приезжающие из Китая паломники, что позволяет по-новому посмотреть на жизнь этого региона. Образ жизни и самоощущение ханьцев внутри тибетской культуры также делает его рассказы интересными широкому читателю.

Писатель Чжан Цзувэнь — автор множества рассказов и повестей (наиболее известны роман «Лхаса, сто лет не виделись» (кит. Ласа, белан уян 拉萨, 别来无恙), рассказы и повести «Всюду со мной Тибет» (кит. сицзан жу ин суй син 西藏如影随形), «Лети как на крыльях» (кит. Сян чибан иян фэйсян 像翅膀一样飞翔), «Жар Лхасы» (кит. Ласа дэ жэду 拉萨热度), «Флажки у реки Лхаса» (кит. Ласахэ дэ цзинфань 拉萨河的经幡) и проч.), за его плечами долгие годы жизни в деревне, поэтому главные герои в основном представители беднейших слоев населения.

4. Этническая принадлежность и определение статуса тибетской литературы

Соприкасаясь с литературой нацменьшинств в любой стране, мы неминуемо осознаем, что ключевым оказывается вопрос этнической принадлежности всех, кто задействован в литературном процессе. В случае Тибета, писатель, критик и читатель могут быть представителями титульной нации ханьцев, тибетцами или какой-либо другой народности. Произведения и критические статьи могут

быть написаны на тибетском, китайском или каком-то другом языке (о Тибете немало написано на английском языке, в том числе и художественных произведений). Писатель может быть ханьцем, этническим тибетцем или сино-тибетцем и писать на китайском языке.

Основная часть критических статей, которые мы взяли для рассмотрения, написана этническими ханьцами. Важно отметить, что для них в качестве основных представителей тибетской литературы выступают писатели смешанного происхождения, которые пишут на китайском языке и тем самым представляют Тибет для всего Китая, в частности такие известные писатели сино-тибетского происхождения Таши Дава, Алай и Сэбо. Для критика тибетского происхождения таковыми являются только этнические тибетцы, которые пишут на родном языке. Уже упомянутый литературовед тибетского происхождения Лхаджам, говоря о значимых для тибетской литературы писателях и произведениях, упоминает только этнических тибетцев и не говорит о тех ханьских писателях, которые представляют эту литературу в глазах китайских критиков. Таким образом этническая принадлежность писателя или критика выступает важнейшим показателем в рамках нашего исследования. Требует решения и вопрос об определении границ явления «тибетская литература»: считать ли тибетской литературу «о Тибете» или написанную на тибетском языке?

В «Новейшей литературе тибетцев» Гэн Юйфан затрагивает сложную проблему несоответствия между задачами тибетских писателей и выразительными возможностями современного тибетского и китайского языков. По его словам, в Тибете существует устойчивое представление, что тибетская литература может быть создана только на родном языке, но после 1951 г. многим писателям, хорошо освоившим китайский язык, стало удобнее писать на китайском[39]. Так образовались две группы писателей. Гэн Юйфан считает, что на тибетском можно напрямую передать местные реалии, а на китайском языке это сделать сложнее — требуется навык. Он приводит обширный список видных тибетских и сино-тибетских писателей, успешно пишущих на китайском языке[40].

По нашему мнению, китайские критики намеренно не углубляются в непростую проблему языка современной тибетской литера-

[39] *Гэн Юйфан* 耿予方. Цзанцзу дандай вэньсюэ 藏族当代文学 (Новейшая литература тибетцев). С. 8.

[40] Там же. С. 9. Еше Тендзин, Таши Дава, Еше Церинг, Дордже Цетен, Келзанг Цетен, Дондуб Вангбум, Еше Долма, Рабгье Пасанг, Йидам Церинг, Дордже Церинг, Келзанг Дордже, Алай, Пего, Джигме Пунцог и др.

туры. Опираясь на произведения, доступные на китайском языке, многие рассматривают через сюжет и детали способ выражения национального самосознания. В своей статье «Культурная интерпретация современной тибетской литературы» Чжу Ся называет тибетскую литературу «литературой культуры» и отличает ее как от традиционной тибетской, так и от современной китайской[41]. Под культурой автор понимает формы воспроизведения и передачи выработанных в народной среде способов выживания, мышления, оценки, понятий о мире. Всех тибетских авторов объединяет сильное культурное самосознание. Они пошли в литературу, чтобы через нее размышлять о своей культуре. Проблема, которая волнует почти всех тибетских авторов — это переломный момент в истории народа, когда под влиянием внешних факторов в XX в. начало формироваться государство современного типа и самосознание иного типа. По мнению Чжу Ся, многих писателей толкнула на стезю литературы не мечта о писательстве, а стремление излить свои воспоминания о прошлом Тибета, о том, что они пережили сами или узнали от предков.

Далее Чжу Ся отмечает стремление тибетских авторов создавать образы героев, которые были бы носителями главных черт национального характера. Если ранние произведения черпали вдохновение в образах героев древности, то писатели 1980-х гг. обратились к простому народу (паломникам, верующим сельским и городским жителям). Эти герои своими делами не олицетворяют никаких схем и установок. Писателям интересна человеческая натура, проявляющаяся в разных обстоятельствах, природные инстинкты, порой дикие, необузданные проявления, идущие из глубины сознания. Национальные черты героев проявляются в условиях и действиях, имеющих национальную специфику, а именно во время ритуалов, празднований, совершения общепринятых действий. События происходят на фоне реалий тибетской культуры — это и нагромождения камней *мани*, реющие на ветру гирлянды флажков, буддийские символы. Этнографические реалии становятся символами национального духа. В целом интерес к этим аспектам сближает тибетских писателей с китайскими коллегами из течения «поиска корней». Сюй Цинь также отмечает, что в тибетской литературе 1950–1960-х гг. национальная специфика передается путем упоминания характерных для Тибета

[41] *Чжу Ся* 朱霞. Дандай цзанцзу вэньсюэ дэ вэньхуа цюаньши 当代藏族文学的文化诠释 (Культурная интерпретация современной тибетской литературы) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 1999. № 4. С. 64–69.

объектов — будь то заснеженный пейзаж, флажки с написанными на них мантрами, вращающиеся барабаны. Национальный дух (кит. миньцзу цзиншэнь 民族精神) Тибета как бы овеществляется. В 1980–1990-е гг., отмеченные подъемом национального самосознания тибетцев, писатели ведут поиск и реконструкцию национального духа в области идей и понятий. Так, в работах писательницы Янгчен тонкие состояния души органично соединены с эпохальными переменами, через это проявляет себя национальный дух[42].

«Особость» национального мировосприятия передается в тибетской литературе через следующие приемы: 1) внутренний образ трансформируется во внешнюю форму или предмет; 2) свободная чувствительность трансформируется в свойства человека (это проявляется в изобретении своих принципов мироздания, отличных от житейской логики, писателя не интересует объективная действительность, он погружается в мифы); 3) повествование построено не так, чтобы рассказать историю, а в форме эссе-размышления.

В другой статье «Многообразный фон современной тибетской литературы и конструирование национальной идентичности писателей»[43] Чжу Ся считает, что современное (или модернистское) самосознание тибетской литературы выросло на местной национальной почве, оно формируется через диалог с самосознанием других народов. Беря за точку отчета модную тему «конструируемой» национальной идентичности, Чжу Ся хочет определить, каким образом эта идентичность формируется в настоящее время у тибетских писателей. Она проводит линию, которая связывает тибетских писателей, имеющих периферийный статус по отношению к культурному центру (каковым является Китай), с писателями не из состава мейнстрима в других странах мира. Писатель Алай говорит, что ищет у других периферийных писателей способы выражения этого состояния, которое свойственно и Тибету. Так, интерес у него вызывают произведения черных и еврейских писателей Америки, Нобелевских лауреатов Манмохан Сингха (Manmohan Singh) и Тони Моррисона (Toni Morrison).

---

[42] *Сюй Цинь* 徐琴. Цяньлунь сицзан дандай хуаюй сяошо дэ фачжань 浅论西藏当代汉语小说的发展 (О развитии современной тибетской литературы на китайском языке).

[43] *Чжу Ся* 朱霞. Дандай цзанцзу вэньсюэ дэ доюаньхуа бэйцзин юй цзоцзя миньцзу вэньхуа шэньфэнь дэ цзяньгоу 当代藏族文学的多元文化背景与作家民族文化身份的建构 (Многообразный фон современной тибетской литературы и конструирование национальной идентичности писателей) // 西藏民族学院学报 (Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао). 2004. № 6. С. 29–32.

Чжу Ся считает, что при конструировании своей культурной идентичности (кит. вэньхуа шэньфэнь 文化身份) тибетские писатели должны учитывать четыре влияющих на эту идентичность фактора: 1) исконная культура Тибета; 2) ханьская культура; 3) присутствие Китая в Тибете; 4) мировая культура[44]. Так, для тибетцев, которые проживают на территории провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань, Юньнань, исконная культура сохранилась лишь на уровне осколочных представлений, она присутствует в их жизни скрыто, неявно. Ханьская культура для тибетцев всегда ассоциировалась с властью и языковой гегемонией, предвзятым отношением к соседним народам как менее цивилизованным, с ее подавлением соседних культур. Нетрудно обнаружить, что применительно к тибетской литературе основная проблема заключается в определении того, что же такое ее «национальный характер» (кит. миньцзусин 民族性). Роман Алая «Осевшая пыль» посвящен области, где сосуществуют две системы власти, таким образом его роман раскрывает национальные черты двух или более культур[45]. Далее Чжу Ся справедливо называет писателей-ханьцев Ма Юаня, Ма Лихуа и др. носителями взгляда «чужого» на тибетские реалии.

Авторы статьи «Современная китаеязычная литература Тибета и краткий анализ психологии культуры Тибета»[46] обращаются к той же проблеме, они рассматривают литературу как «культурную деятельность», через которую можно заглянуть в загадочный мир тибетской культуры и понять национальный дух. Психология культуры тибетцев, по их мнению, имеет такие проявления, как: 1) поклонение природе и вера в то, что все в мире наделено живой душой (отсюда прекрасные легенды о горе, реке или озере и представление о том, что человеческая душа может вселиться в другой объект; эта вера укоренена глубоко в сознании людей со времен распространения религии бон); 2) набожность и сильное влияние ламаизма; 3) сдержанная мудрость как черта национального характера, тибетцы постигают окружающие явления сердцем, переживания держат внутри себя. Эти качества помогают понять, как тибетцы взаимодействуют с окружающим миром и передают свои мысли в литературе.

---

[44] Там же. С. 30.

[45] См. анализ романа в англоязычной монографии: *Choy H. Y. F.* Remapping the Past: Fictions of History in Deng`s China 1979–1997. Leiden, Boston: Brill, 2008. P. 120–132.

[46] *Ху Пэйпин* 胡沛萍, *Юй Хун* 于宏. Цзанцзу дандай ханьюй вэньсюэ юй цзанцзу вэньхуа синьли цяньси 藏族当代汉语文学与藏族文化心理浅析 (Современная китаеязычная литература Тибета и краткий анализ психологии культуры Тибета) // 西藏民族学院学报 (哲学社会科学版) (Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао). 2012. № 1. С. 38–43.

В поэзии национальный характер проявляется в обилии лирических или полных священного трепета описаний природы и стихий, особенно у поэтов старого поколения, к их числу относятся: Йидам Церинга, Рабгье Пасанга, Тадин Гонпо (тиб. rta mgrin mgon po, кит. Даньчжэнь Гунбу 丹真贡布, также известен как Вань Цзолян 万佐良 или 万作良, 1934–1997)[47], Келзанг Дордже. Писатели молодого поколения Алай, Джигме Пунцог (тиб. ‘jigs med phun tshogs, кит. Лемэй Пинцо 列美平措, также известен как Агэ 阿戈 и Лю Пин 刘平, р. в 1961 г., Сычуань)[48], Пема Янгчен (тиб. pad ma dbyangs can, кит. Ваньма Янцзинь 完玛央金, также известна как Дин Юйпин 丁玉萍, р. в 1962 г., Ганьсу)[49], Цеванг Норбу (тиб. tshe dbang nor bu, кит. Цайван Наожу 才旺瑙乳, также известен как Ало 阿罗, р. в 1965 г., Ганьсу)[50]. Они питают страсть к красотам снежного высокогорья, природа для них священна.

Иными словами, национальную психологию выражают предметы и явления с местным колоритом. По мнению авторов статьи, даже политизированные темы, связанные с освобождением Тибета, писатели «мастерски переплетают с художественными формами, обладающими национальной спецификой»[51]. Особенно ярко национальная психология проявляется в сюжетах, где герои переживают переломные моменты в судьбе, мучительно перебарывают себя. Например, героиня романа «Оставшиеся в живых» Еше Тендзина с трудом преодолевает желание отомстить за смерть родных, послушав увещевания ламы. Помимо сюжета и реалий языковые средства, безусловно, помогают передать национальную психологию: обычным явлением становится украшение современных произведений напевами, поговорками, афоризмами[52]. Авторы рассуждают о языке, словно забыв, что разговор идет о работах на китайском языке.

---

[47] Представитель «пяти великих» китаеязычных тибетских поэтов КНР, творческая деятельность которых началась в 1950-е гг. Подробнее об этих поэтах см.: *Yangdon Dhondup*. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet. P. 41–47. Краткую справку о жизни и творчестве Тадин Гонпо см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 249.

[48] Краткую справку о жизни и творчестве Джигме Пунцога см.: *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. II. P. 277–278.

[49] Краткую справку о жизни и творчестве Пема Янгчен см.: Ibid. P. 298–299.

[50] Краткую справку о жизни и творчестве Цеванг Норбу см.: Ibid. P. 245.

[51] Ibid. P. 40.

[52] Ibid.

5. Особенности интерпретации тибетской литературы критикой

Выше мы рассуждали об истории современной тибетской литературы, взлет которой пришелся на 1980–1990-е гг. Нетрудно отметить, что «новый тибетский роман» (кит. Сицзан синь сяошо 西藏新小说) стал визитной карточной всей тибетской прозы для Китая, о произведениях, написанных в этом жанре, в стране стало известно благодаря журналу «Тибетская литература». Очень много критических статей посвящено течениям «поиска корней», экспериментальному/авангардному роману в тибетской прозе, а также «тибетскому мистицизму» как местной вариации латиноамериканского мистического реализма. Важно понимать, что речь, по сути, идет об одних и тех же авторах и их работах. Рассмотрим, каким образом они анализируются критикой.

5.1. Различные характеристики «нового тибетского романа»

Авторы статьи «Распустившиеся цветы эстетизма: художественные поиски в тибетском китаеязычном романе 1980-х гг.»[53] в свойственной китайским литературоведам многословной манере касаются вопроса о том, как в начале 1980-х гг. тибетская литература перешла от принципов «соцреализма» и прямого провозглашения лозунгов к поиску новизны на уровне смыслов и формы. Творчество плеяды молодых авторов, сумевших использовать модернистские приемы, подобно потоку свежего воздуха, обновило не только литературу Тибета, но и современную китайскую литературу в целом. Появление этого течения стало возможным на фоне общего подъема творческой активности в Китае после окончания «культурной революции». Отрезок времени с конца 1970 по 1989 г. был обозначен как «новый период» и весьма плодотворен для всей китайской литературы. Тогда значительную роль сыграли литературные журналы, которые искали и поощряли новые таланты. В Тибете новшества поддерживал многократно упомянутый журнал «Тибетская литература». Первые

[53] *Ху Пэйпин* 胡沛萍, *Юй Хун* 于宏. Чжаньфан дэ вэймэй чжи хуа 1980 няньдай сицзан ханьюй сяошо чуанцзо дэ ишу чжуйцю 绽放的唯美之花 — 1980 年代西藏汉语小说创作的艺术追求 (Распустившиеся цветы эстетизма: художественные поиски в тибетском китаеязычном романе 1980-х гг.) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 2011. № 1. С. 144–150.

произведения начала 1980-х гг. содержали робкие эксперименты, которые, тем не менее, были замечены консервативно настроенной критикой, все еще не принимавшей отхода от реализма и обвинявшей произведения в надуманности. Критике подвергались такие приемы, как отсутствие связного сюжета, изложение несколькими рассказчиками одного и того же сюжета, нарушение причинно-следственных связей. Лидеры этого направления Таши Дава, Сэбо[54], Ма Юань, Цзинь Чжиго и Ли Цида, Цзы Вэнь (он же Лю Вэй) достигли зрелости в овладении модернистскими приемами в произведениях, опубликованных в середине 1980-х гг.

По мнению авторов статьи, ранние произведения ханьца Ма Юаня на тибетский сюжет дали новый толчок развитию местной литературы. Как видим, произведения Ма Юаня на китайском языке отнесены критикой к тибетской литературе. Ма Юань избрал Тибет как область таинственного «иного» в восприятии китайца. Критики также склонны считать, что необычные композиционные приемы коррелируют с «особой гуманистической и географической средой Тибета» (кит. сицзан дутэ дэ вэньжэнь дили хуаньцзин 西藏独特的人文地理环境). Ма Юань прожил в Тибете семь лет, после чего уехал оттуда. Именно он первым догадался соединить формальный эксперимент с тибетским сюжетом в рассказе «Богиня реки Лхаса» (кит. Ласахэ нюйшэнь 拉萨河女神, 1983). Немалая часть его экспериментальных повестей посвящена Тибету, о Ма Юане упоминают во всех историях новейшей китайской литературы, таким образом он представитель и тибетской и китайской литературы. Ма Лихуа вспоминает, что в одной беседе Ма Юань поведал, что Тибет дал ему вдохновение, после отъезда он много лет ничего не писал. Ма Юань отмечил, что в отличие от Таши Давы, не интересуется религией и связанными с ней переживаниями. Наиболее известные повести Ма Юаня, сюжет которых связан с Тибетом: «Древняя песнь Гималаев» (кит. Сималая гугэ 喜马拉雅古歌), «Корабль без парусов в западном море» (кит. Сихай дэ уфаньчуань 西海的无帆船), «Искушение горы Кайлас» (кит. Гандисы дэ юхо 冈底斯的诱惑, 1985), «Три времени в жизни Лхасы» (кит. Ласа шэнхо дэ сань чжун шицзянь 拉萨生活的三种时间). Критика считает раннюю повесть Ма Юаня «Богиня реки Кайлас» первой попыткой экспериментальной прозы в Китае.

Другие критики интерпретируют ранние работы Ма Юаня, Таши Давы, Сэбо и др. писателей как литературу «поиска корней» с ти-

[54] Известные тибетские писатели Сэбо и Таши Дава взяли эти псевдонимы по совету редакции «Тибетской литературы».

бетской спецификой. Начало — середина 1980-х гг. были отмечены активизацией в литературе КНР течения «поиска корней», оно оказало заметное влияние на почвенную литературу, повествование которой шло о Тибете. Представители направления были тибетского, смешанного или ханьского происхождения, их имена уже упомянуты выше. Многие работы были впервые представлены на страницах журнала «Тибетская литература». Лидером направления «нового тибетского романа» стал Таши Дава после того, как его повесть «Душа, привязанная на кожаном шнурке» (кит. Си цзай пишэн коушан дэ хунь 系在皮绳扣上的魂)[55] была признана лучшей повестью в Китае за 1985–1986 гг. После этого июньский номер «Тибетской литературы» за 1985 г. вышел как специальный номер «магического романа», куда вошло пять повестей этого направления: Таши Давы «Тибет, потаенные годы» (кит. Сицзан, иньми суйюэ 西藏, 隐秘岁月), Сэбо «Таинственное пение» (кит. Хуаньмин 幻鸣), Лю Вэя «Холст без красок» (кит. Мэйю юцай дэ хуабу 没有油彩的画布), Цзинь Чжиго «Рукава цвета зеленой воды» (кит. Шуй люсэ исю 水绿色衣袖), Ли Цида «Легенда о Багэ» (кит. Багэ дэ чуаньшо 巴戈的传说). Затем последовали еще два номера — № 9 (1987) и № 5 (1988), куда вошло 20 повестей и романов молодых писателей. В предисловии к пятому номеру «Тибетской литературы» за 1988 г., названном «Обретение и потеря: о повестях в этом выпуске журнала», Сэбо обозначил, что «новый тибетский роман» пытается соединить в себе локальное сознание и мировое культурное достояние. Третий и четвертый номера «Тибетской литературы» за 1983 г. содержали много критических статей с отзывами на повести писателей нового направления. Бурное обсуждение вызвала повесть Таши Давы «Березовый лес, гирлянды, сны» (кит. Байян линь, хуахуань, мэн 白杨林・花环・梦, 1983 г.).

Ян Хун в статье «Значение течения “поиска корней” для тибетского нового романа»[56] в качестве основных представителей этого течения в тибетской литературе приводит Таши Даву и Сэбо. Они, подобно «ищущим корни» китайским писателям (Хань Шаогун, кит. 韩少功, А Чэн, кит. 阿成, Чжэн И, кит. 郑义, Ван Аньи, кит. 王安忆

[55] См. русский перевод повести: *Таши Дава*. Душа, привязанная на кожаном шнурке / пер. О. Халиной // Современная китайская проза. Жизнь как натянутая струна. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007.

[56] *Ян Хун* 杨红. Сицзан синь сяошо чжи юй сюньгэнь вэньсюэ сычао дэ ии 西藏新小说之于寻根文学思潮的意义 (Значение течения «поиска корней» для тибетского нового романа) // 贵州民族学院学报（哲学社会科学版) (Гуйчжоу миньцзу сюэюань сюэбао). 2007. № 6. С. 141–144.

и др.), искали на периферии, в сельских районах, удаленных от крупных городов что-то новое, отличное от идеологического мейнстрима. Такой же периферией по отношению к центру в Пекине, безусловно, является и Тибет.

По мнению Ян Хун, в повести «Тибет, потаенные годы» Таши Дава показывает, что корни тибетского народа уходят в ламаизм и религиозность. В отличие от китайских писателей, «ищущих корни» в отдаленных районах, выписывающих чудаковатых героев, порывая с устоявшимися представлениями, Таши Дава склонен живописать скорее «типичные» образы тибетцев и размышлять об истории и культуре.

Говоря об использовании новых формальных приемов в литературе «поиска корней», Ян Хун выделяет два вида эксперимента, в стиле Таши Давы и Ма Юаня. Большое влияние на творчество писателей оказал латиноамериканский магический реализм. Вклад Таши Давы в литературное направление «поиска корней» состоит в том, что он создал форму, имеющую смысловое наполнение, а не существующую саму по себе. Временной пласт в его произведениях связан с идеей движения времени по кругу и круга сансары (перерождения). Это важное представление выражено через упоминание вотивных предметов, которые присутствуют в жизни всех тибетцев: это вращающиеся барабаны, колесо сансары, четки. В повести «На стыке столетий» (кит. Шицзи чжи цзи 世纪之邀) Таши Дава активно экспериментирует с временным пластом повествования, отправляя героя то в древность, то возвращая в современность. Герой из старика превращается в ребенка и даже возвращается в чрево матери. Круговой характер времени наиболее ярко проявляется в его повести «Тибет, потаенные годы», где четыре героини из разных эпизодов и эпох оказываются одной и той же женщиной по имени Церинг Гьямо (тиб. tshe ring rgya mo?, кит. Цыжэнь Цзиму 次仁吉姆)[57].

Писатель Сэбо также любит использовать круговую композицию, когда зачин и развязка повести смыкаются. Примером служат его повести «Таинственное пение», «Садись в лодку здесь» (кит. Цзай чжэр шан чуань 在这儿上船), «Круглые дни». В «Таинственном пении» главный герой возвращается из Индии, желая найти своего отца и понять, почему мать оставила отца и убежала с ним, еще ребенком, и его родным дядей. Во время поисков трагедия разыг-

[57] Подробный анализ романа см. в монографии: *Choy H. Y. F.* Remapping the Past: Fictions of History in Deng`s China 1979–1997. Leiden, Boston: Brill, 2008. P. 105–113.

рывается вновь, в его жизни опять появляется отец. История, как дорожка стадиона, сделав круг, возвращается к исходной точке. Трагедия отца стала также личной болью сына.

В повести «Садись в лодку здесь» группа молодых людей в поисках приключений переплывает с одного берега на другой, с утра лодочник говорит им, чтобы они, возвращаясь, садились в лодку в этом месте. Вечером они с трудом отыскивают лодку, и лодочник опять говорит им ту же фразу: «Завтра садитесь в лодку здесь». Повторяясь, эта фраза указывает на круговое, замкнутое течение жизни, в котором все повторяется. Оказывается, что поиск главной цели человеческой жизни теряет всякий смысл, мы обречены на движение по кругу и вольны только пытаться пройти этот круг с бóльшим достоинством.

Другой литературовед китайского происхождения Сюй Цинь в своей статье «Магический реализм: оценка работ Таши Давы»[58] утверждает, что этот писатель лучше, чем китайские коллеги, использует приемы поиска корней, так как материал и исследуемая проблема столкновения традиции и современности лучше представлены в Тибете. При описании Тибета можно соединять мифы и реалии жизни, религиозные и народные традиции, создавая картину реальную и в то же время фантастическую.

Говоря о тех же явлениях и произведениях, что и при обсуждении течения «поиска корней», Ма Лихуа рассматривает их в русле особого тибетского магического реализма, или «тибетского мистицизма». Это течение отличается от течения «поиска корней» в Китае, скованного догмами и идеологическими установками. Хотя представители мейнстрима в литературе оставались в большинстве, но появление такой новинки, как «новый тибетский роман», привлекло большее внимание критики. Подобно своим коллегам, Ма Лихуа считает, что латиноамериканский магический реализм так пришелся ко двору в Тибете по причине сходства этих регионов: у них схожий горный рельеф, а значит схожая среда обитания. Также она говорит о загадочной связи между коренными жителями Латинской Америки, индейцами, и тибетцами, есть сходство не только в их внешнем облике, но и в поверьях. Увы, можно заключить, что познания Ма Лихуа о Латинской Америке несколько поверхностны.

[58] *Сюй Цинь* 徐琴. Сицзан дэ мохуань сяньши чжуи: пин Таши Дава дэ мохуань сяньши чжуи西藏的魔幻现实主义: 评扎西达娃及其小说创作 (Магический реализм: оценка работ Таши Давы) // 西藏民族学院学报（哲学社会科学版）(Гуйчжоу миньцзу сюэюань сюэбао). 2005. № 3. С. 53–55.

Сюй Цинь в своей статье «Магический реализм: оценка работ Таши Давы»[59] тоже склонна усматривать некое сходство между Латинской Америкой и Тибетом. Как и в Латинской Америке, в Тибете соседствуют цивилизация и дикость, прогресс и консерватизм, развитое и отсталое, что порождает острые противоречия, но также стимулирует воображение и появление новых идей у писателей. По мнению Сюй Цинь, у двух регионов есть общность культурных составляющих, поэтому Тибет стал самой благодатной почвой для усвоения метода «магического реализма». Мы считаем такого рода утверждения следствием недостаточного знания каждой из культур. Сюй Цинь пишет, что роман Маркеса «Сто лет одиночества» и повесть Таши Давы «Тибет, потаенные годы» многое сближает: в обоих случаях это история нации, показанная через историю семьи. История Тибета была одинокой, замкнутой на себе, но стала открытой, подобно истории Колумбии. В обоих произведениях идет поиск выхода из этого тупика и замкнутости, а время имеет циклический круговой характер.

5.2. Реализм в современной тибетской литературе

Хотя китайская критика высоко оценила «новый тибетский роман» с его экспериментами, однако нельзя игнорировать реалистическую литературу, которая продолжала доминировать. Должное реализму отдает Ма Лихуа в своей книге «Культура Страны снегов и тибетская литература»[60]. Она справедливо отмечает, что реалистические произведения находят больше читателей, а также требуют наличия у писателя личного опыта проживания в той среде, о которой он пишет. В Тибете большая часть писателей также придерживается метода реализма.

Мэтром тибетского исторического реалистического романа является Еше Тендзин. За 20 лет он написал пять романов, повествующих о разных периодах новой истории Тибета. Уже упоминался роман «Оставшиеся в живых» (1981). О борьбе с английским завоеванием начала XX в. повествует роман «Меч в снегу и заходящее солнце» (кит. Сюэцзянь цаньян雪剑残阳). Также у него вышли романы об освобождении Тибета, реформе в деревне, периоде «культурной революции». В последнем произведении «Чудесные сны усадьбы» (кит. Чжуанюань имэн 庄园异梦) автором выбран излюбленный прием

[59] Там же.

[60] Сюйюэ вэньхуа юй сицзан вэньсюэ 雪域文化与西藏文学, 1998.

описания судьбы человека, жившего в разные исторические периоды: от традиционного уклада до «культурной революции». Такого рода произведения пользуются большой популярностью в Китае.

Немногочисленны, но заслуживают внимания повести тибетца Тонгги, в которых повествуется о жизненных трудностях. Герои Тонгги нередко оказываются тесно связанными с другими культурами — китайской, уйгурской, европейской. Интерес представляет серия эссе Тонгги о Непале.

Выше уже упоминалось, что очерки писателя Ли Шуанъяня, который с детства жил в северном Тибете и закончил Тибетский университет, получили высокую оценку. В реалистической манере он повествует о суровых условиях жизни людей в северном Тибете, его герои — простые жители деревни и пастухи, это почвенная литература: роман «Род матриархата» (кит. Муси шицзу 母系氏族) о женщинах, повесть «Мужик из северных районов» (кит. Бэйбу ханьцзы 北部汉子), «Тибетские ханьцы» (кит. Сицзан ханьжэнь 西藏汉人) о китайских военных, живущих в Тибете на протяжении почти 50 лет. По оценке критиков, сильная повесть Ли Шуанъяня «Здесь выпасают солнце» (кит. Цзай чжэли фанну тайян 在这里放牧太阳) повествует о том, как главный герой-рассказчик сопровождает журналистку в путешествии по Тибету, дикие просторы предстают для нее более привлекательными, чем города. Это повесть о возврате к чему-то исконному внутри себя, тому состоянию, в котором тибетцы находятся постоянно. Ма Лихуа видит ценность реалистических произведений в том, что они оставляют следующему поколению читателей и писателей яркую картину того Тибета, который может уйти в прошлое[61].

1.5.3. Литература тибетских женщин-писательниц

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. отмечены повышенным интересом публики к творчеству женщин-писательниц в Китае, тибетская литература также представляет интерес с этой точки зрения. Лю Дасянь в статье о тибетских женщинах-писательницах выделяет творчество тех, чьи произведения написаны на неродном для них китайском языке[62]. Это, прежде всего, Янгчен, которая родилась

[61] Там же. С. 115.

[62] *Лю Дасянь* 刘大先. Гаоюань дэ нюэр: цзанцзу дандай нюйсин сяошо шулюэ 高原的女儿:藏族当代女性小说述略 (Дочь высокогорья: о современном тибетском женском романе) // 民族文学 (Миньцзу вэньсюэ). 2008. № 3. С. 119–123.

и выросла в Лхасе, а образование получила в Пекинском университете. Большое внимание привлек ее роман 1994 г. «Бесполое божество», уже упоминавшийся выше. Роман развивает сюжет одноименного рассказа, написанного в 1988 г. В нем повествуется о судьбе девочки из аристократической семьи. На ее беду, родные считают ее источником всех несчастий и причиной смертей других членов рода. В результате невзгод она из богатой девушки превращается в прислугу, под конец мать отправляет ее в монастырь. В это время в Тибете появляются «красные ханьцы», старому строю приходит конец.

Писательница Медон является редактором литературного ежемесячного журнала «Озеро Кукунор», заместителем председателя Союза писателей провинции Цинхай, автором повестей и стихов. В 1982 г. Медон закончила факультет китайской филологии Института национальностей провинции Цинхай, где обучение шло на китайском языке, после чего была распределена в редакцию журнала «Озеро Кукунор». Особое внимание привлек ее роман «Солнечное племя», повествующий о борьбе двух тибетских племен за пастбища в Цинхае, что часто случалось до установления контроля правительства КНР над регионом. Другой роман Медон «Лагерь лунного света» также рисует судьбу героя в связи с историей его племени в том же Цинхае.

Пема Намдол родилась в 1967 г. в семье интеллигенции в Лхасе, автор сборников заметок и романов «Пыль суеты в Лхасе» (кит. Ласа хучэнь 拉萨红尘), «Воскресшая богиня Тара» (кит. Фухо дэ думу 复活的度母), работает редактором в журнале «Тибетская литература». Роман «Пыль суеты в Лхасе» повествует о судьбе двух девушек-подруг: одна жизнелюбива, а вторая ищет пути отдалиться от житейской суеты, ее привлекает религия. Роман «Воскресшая богиня Тара» — это история матери и дочери из аристократической прослойки, а также их потомков; любовные драмы происходят на фоне суровых исторических потрясений заканчивая лихолетьем «культурной революции». В работах этой писательницы выписаны живые портреты тибетских женщин разных поколений. В 1990-е гг. Намдол выпустила рассказы «Лодочник из Лобона» (кит. Лоцзы дэ чуаньфу 罗孜的船夫), «Продолжение легенды» (кит. Чуаньшо цзай яньсюй 传说在延续), «Куда вернется любовь» (кит. Цин гуй хэ чу 情归何处), сборник эссе «Цвет судьбы» (кит. Шэнмин дэ яньсэ 生命的颜色).

Геянг, после окончания учебы в Нанкине, проходила стажировку в Литературном институте им. Лу Синя в Пекине, она — автор ро-

мана и нескольких повестей. Повесть «Дух, проникающий сквозь дыру» (кит. Линхунь чуаньтун 灵魂穿洞) повествует о судьбе монахини, которая сначала была «живым Буддой», жила в монастыре, а затем стала любовницей сборщика налогов. Молодая красивая женщина, попавшая в тенета страсти и алчности. Избранный сюжет отражает интерес к теме эротики, который в середине 1980-х гг. охватил и китайскую литературу. События романа «Пусть любовь длится вечно» (кит. Жан ай маньмань юнхэн 让爱慢慢永恒) происходят в 1920-е гг., это также история двух женщин, судьбы которых определяют любовные отношения. Геянг удостоена нескольких наград: в 1997 г. она получила первый приз литературной премии «Новый век», организованной Союзом писателей ТАР, в 1998 г. — приз Всекитайского конкурса литературы нацменьшинств, в 2002 г. — приз как лучший начинающий автор всекитайского конкурса «Весенняя литература».

Лю Дасянь резюмирует, что произведения тибетских писательниц объединяет интерес к женщине в условиях перемен, поступки героинь определяют сильные чувства. История отдельной личности сплетается с историей народа. Язык произведений, написанных женщинами, отличается от мужского своей мягкостью, акцент делается на чувствительности, телесных ощущениях и личных переживаниях[63]. Далее Лю Дасянь отмечает, что в своем творчестве тибетские писательницы опираются на этническое самосознание и женское восприятие мира. Их произведения по-новому освещают традиционную и религиозную жизнь тибетского общества (например, жизнь монахинь), а национальный колорит, передаваемый за счет упоминаний и сентенций из народного эпоса о Гесаре, поговорок и напевов, создает особую эстетическую ауру.

Подводя итог описанию литературы Тибета, мы приходим к выводу, что критики склонны рассматривать тибетскую литературу в связи с историческими вехами (например, «культурной революцией») и методами повествования (традиция, реализм, модернизм). Важно помнить, что в самом Китае была проведена работа по формулированию основанной на западных принципах системы понимания и оценки литературы, затем эти принципы переносились на литературы нацменьшинств. Что касается произведений «новой тибетской прозы», то, как было показано выше, китайскими критиками немало написано о «тибетском мистицизме», «поиске корней», а также о тибетском литературном модернизме.

[63] Там же. С. 123.

6. Тибет как загадочное «иное» для китайских читателей, ламаизм как ядро этой загадки

Наиболее распространенные эпитеты, которыми литературоведы и китаеязычные авторы обозначают Тибет, это «таинственный», «загадочный», «иной». Погруженный в свою культуру тибетский писатель, пишущий на родном языке для местного читателя, воспринимает явления изнутри, хотя происхождение и уровень образования пишущего все же накладывают свой отпечаток. Как только тибетский автор начинает писать на китайском языке, он тут же сталкивается с ограниченными выразительными возможностями чужого языка. Об этом говорит Алай, писатель сино-тибетского происхождения, который пишет на китайском языке. Владея только письменным китайским языком, в отношении собственных произведений он ощущает «отчужденность». Алай отмечает, однако, что нужно понимать и уважать принципы художественного письма на китайском языке и использовать приемы этого древнего языка.

В большинстве случаев герметичность, замкнутость, невозможность расшифровки кода тибетской культуры постулируются писателями и критиками как данность, как притягательная изюминка. Культура может восприниматься чуждой вследствие неосведомленности, недостатка знаний и опыта пребывания внутри этой культуры. Изменение места и роли ламаизма в жизни тибетцев сразу после присоединения к КНР привело к тому, что это учение для молодых тибетских писателей стало таким же закрытым и загадочным, каким оно было для китайцев.

Так, авторы статьи «Религия, культура и человек: ламаизм в произведениях Таши Давы, Алая, Фань Вэня»[64] называют ламаизм важнейшим из проявлений тибетской таинственности. Обращение этих писателей к сюжетам из тибетской жизни неминуемо подводит их к необходимости касаться проблем веры и религиозных традиций, столь важных для тибетцев. Образ и оценка религии в произведениях начала 1980-х гг. значительно отличается от взглядов начала 1990-х гг., что можно связать с ослаблением контроля в этой области со стороны центра и местных властей и признанием важности религии для тибетского общества.

---

[64] *Лю Ли* 刘力, *Яо Синьюн* 姚新勇. Цзунцзяо, вэньхуа юй жэнь: Таши Дава, Алай, Фань Вэнь сяошо чжун дэ цзанчуань фэцзяо 宗教、文化与人: 扎西达娃、阿来、范稳小说中的藏传佛教 (Религия, культура и человек: ламаизм в произведениях Таши Давы, Алая, Фань Вэня) // 西北民族大学学报 (哲学社会科学版) (Сибэй миньцзу дасюэ сюэбао). 2005. № 4. С. 88–94.

Тибетский критик Цетен (тиб. tshe brtan, кит. Цай Дань 才旦 или 才丹, р. в 1953 г., уезд Пин-ань 平安, Амдо) в статье «О проявлениях мистического в литературе тибетцев»[65] также постулирует присущую Тибету загадочность. По его мнению, использование метода реализма при описании местных реалий становится неподходящим, более уместен модернизм[66]. «Создаваемые тибетскими писателями с использованием свободной фантазии и творческих приемов мистические произведения в полной мере отражают особую (загадочную) среду обитания и природу Тибета»[67]. Цетен полагает, что заимствованный из современной китайской литературы метод реализма приводит к тому, что выписана только поверхностная сторона жизни Тибета, крайне сложно отразить подлинную глубинную жизнь тибетского общества и сущность его религиозной культуры. Используя усвоенные из зарубежной литературы приемы, писатели-экспериментаторы избрали идеи и приемы, подходящие для работы с особым «тибетским материалом». Надо помнить и о влиянии латиноамериканского магического реализмома через посредство китайских переводов (перевод романа Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» был опубликован в Китае в 1984 г.). Первооткрывателем нового стиля автор статьи считает Таши Даву, на которого хотя и повлияла латиноамериканская литература, но он привнес в свои произведения и много своего. В качестве примера критик приводит новаторскую повесть «Душа, привязанная на кожаном шнурке». Начинания Таши Давы продолжил и развил Сэбо, произведения которого еще более оригинальны с точки зрения композиции, что дает читателю ощущение загадочности[68].

Упоминая поиски «удивительного», Ма Лихуа говорит о том, что носители иной культуры, оказавшись в Тибете, бывают наделены большей наблюдательностью и чувствительностью к непривычным явлениям[69]. Она приводит выдержку из статьи критика Фу Му (кит. 扶木) «Следовать или действовать наперекор» (кит. Шунь син юй дяньфу 顺行与颠覆), где говорится о том, что у этих писателей

---

[65] *Цетен* 才旦. Лунь сицзан шэньми цзай цзанцзу вэньсюэ чуанцзо чжун дэ бяосянь 论西藏神秘在藏族文学创作中的表现 (О проявлениях мистического в литературе тибетцев) // 青海民族学院学报 (社会科学版) (Цинхай миньцзу сюэюань сюэбао). 2004. № 10. С. 157–160.

[66] Там же. С. 157.

[67] Там же.

[68] Там же. С. 160.

[69] *Ма Лихуа* 马丽华. Сюэюй вэньхуа юй цзанцзу вэньсюэ 雪域文化与西藏文学 (Культура Страны снегов и тибетская литература). С. 83.

«состояние аутсайдера по отношению к тибетской культуре совпадает с ощущением «отчужденности» и «бездомности», свойственных настроению модернизма. Жизненный путь и среда определяют их внутреннюю потерянность, одинокость, сиротливость, они чужие в каждой культуре»[70]. По мнению Ма Лихуа, пришедшие извне писатели рано или поздно исчерпают свою фантазию и свои методы. Исходя из собственного опыта, она говорит о том, что вслед за полным погружением и растворением в чужой — тибетской — культуре следует обратное движение отдаления, когда писатель, как правило, прекращает писать или же покидает страну[71].

Литературовед Чжу Ся упоминает, что религия составляет основу и суть тибетской культуры, ее значение в жизни общества на всех уровнях крайне велико, так как светская культура практически отсутствует[72]. Литература как общественное явление также испытывает на себе влияние религии. По мнению Чжу Ся, мистичность вокруг Тибета создают такие повседневные явления, как «шестислоговые мантры, слова Будды, исполнение священных песнопений, чтение нараспев молитв о долголетии, монашеские диспуты»[73]. Писатели, будучи представителями светской культуры, «в произведении конструируют мир религиозных образов, создают буддийскую пустоту… это явная особенность современной литературы Тибета… в произведении они передают ощущения, близкие к религиозно мистическим, желая прочувствовать сердцем загадочный мир и понять, как соединены в этом мире природа, культура и человек»[74].

По мнению Чжу Ся, истоки ощущения мистики, которое вызывает при прочтении современная тибетская литература, кроются в самом объекте этой литературы: загадочны и культура, и история страны. Более того, писателям присуще ощущение загадочности всего окрущающего мира. «Таинственность исконно присуща эстетике тибетской литературы, в этом ее очарование, истоки ее в таинственности культуры заснеженного края… Тибетские писатели не стремятся передавать реалии окружающей жизни, а прилагают все силы, чтобы создать иллюзорный мир мифических образов»[75].

---

[70] Там же. С. 101.

[71] Там же. С. 104.

[72] *Чжу Ся* 朱霞. Дандай цзанцзу вэньсюэ дэ вэньхуа цюаньши 当代藏族文学的文化诠释 (Культурная интерпретация современной тибетской литературы). С. 64–69.

[73] Там же. С. 67.

[74] Там же.

[75] Там же.

Итак, мы видим разнообразные рассуждения о мистицизме. Тибетская культура для внешнего наблюдателя, носителя ханьской культуры, остается закрытой и герметичной. Тем не менее Сюй Цинь отмечает, что преувеличенная загадочность тибетской культуры была скорее слабой стороной произведений 1980-х гг., но уже в 1990-х гг. писатели-тибетцы начали описывать реальный и узнаваемый Тибет[76].

Добавим также, что писателям, чтобы быть опубликованными, приходится искать пути завуалированного изложения политически острых моментов тибетской истории, либо пытаться смотреть на историю в более широком философском ключе как на сложный конфликт между традицией и вторгающейся современностью в лице государства и секулярной идеологии из Китая. Загадочность и недосказанность становятся необходимыми приемами. Писатели намеренно стремятся к загадочности. Это можно проследить в романах Таши Давы «Тибет, потаенные годы» и «Разъяренная Шамбала», Алая «Осевшая пыль» (1997) и др.

[76] *Сюй Цинь* 徐琴. Цяньлунь сицзан дандай хуаюй сяошо дэ фачжань 浅论西藏当代汉语小说的发展 (О развитии современной тибетской литературы на китайском языке) [Электронный ресурс] // 西藏文学 (Сицзан вэньсюэ). 2011. № 5. URL: http://www.xjass.com/ls/content/2012-04/09/content_227720.htm (дата обращения 26.09.2014 г.).

Современная тибетская литература в сети Интернет

В настоящее время термины «сетевая литература» или «сетература» используются в двух значениях. В широком смысле сетевая литература — любые художественные тексты в сети Интернет. В узком смысле под термином понимается совокупность литературных произведений в сети Интернет, обладающих рядом особенностей, недоступных для бумажных изданий: нелинейность текста (наличие гиперссылок); интерактивность текста (автор может предоставить читателям возможность дописывать имеющийся текст); мультимедийность текста (использование звуковых файлов, анимированных изображений и т. д.). Однако, поскольку доля произведений, обладающих специфичными, присущими только Интернету особенностями, очень мала, а остальные произведения по своим формальным признакам ничем не отличаются от изданных на бумаге, под тибетской сетевой литературой следует понимать совокупность художественных текстов на тибетском языке, существующих в сети Интернет.

Сетевой литературный процесс обладает своей спецификой. Во-первых, производство и распространение текстов в Интернете в гораздо меньшей степени зависит от технических, социальных и политических аспектов издательского дела. Мгновенная скорость информационного обмена усиливает интенсивность интеллектуальной жизни. Развитие сетевого литературного процесса способствует также созданию единой бумажно-сетевой литературной среды: появляются персональные страницы именитых писателей и поэтов; участники литературных салонов создают виртуальные объединения. Эти особенности литературного процесса характерны для всех национальных сетей, какой бы язык в них ни использовался. Однако картина интернетизации литературы может существенно различаться в зависимости от развития Интернета в целом, особенностей национального менталитета и культурно-исторической ситуации в той или иной стране.

Становление тибетоязычного сегмента Интернета началось в 1990-х гг., когда тибетцами постепенно создавались и расширялись списки рассылок, новостные группы и первые сайты. В 1996 г. появился официальный сайт Центральной Тибетской Администрации (правительства тибетцев в изгнании) — www.tibet.net. Сегодня уровень проникновения Интернета в Тибете остается самым низким в Китае. Если в больших городах уровень развития Интернет-инфраструктуры не уступает среднеевропейским показателям — в Шанхае и Пекине имеются все современные технологии доступа к сети Интернет, а уровень проникновения превышает 70 % (для сравнения в Европе он составляет около 60 %), то в Тибетском автономном районе (ТАР) уровень проникновения Интернета меньше 30 %. Отсутствие единых стандартов кодировки информации, единого центра координации процесса интернетизации, развитой телекоммуникационной инфраструктуры в Индии и ТАР замедляет процесс развития тибетоязычного сегмента Интернета.

В 2004 г. был открыт первый независимый интернет-портал о Тибете на китайском языке, долгое время не существовало сайтов на тибетском языке, но позже стали возникать двуязычные (китайский, тибетский языки) и трехъязычные сайты (китайский, тибетский, английский языки)[1]. В качестве первых порталов о культуре Тибета следует отметить «Китайский центр новостей из Тибета» (кит. Чжунго сицзан синьси чжунсинь 中国西藏信息中心)[2] на двух языках, начавший работу в 2000 г., и трехъязычный портал «Китайская тибетология» (кит. Чжунго цзансюэ ван 中国藏学网)[3].

Развитию тибетоязычного сегмента Интернета препятствует также китайская политика, ограничивающая доступ гражданам КНР к сайтам, содержащим информацию, противоречащую официальной политике Коммунистической партии Китая. Ряд сайтов и сервисов, популярных в Европе, заблокирован в Китае. В связи с этим развитие тибетоязычного сегмента Интернета выходит за пределы Китая на серверы в США, Европе, Индии. Таким образом, как отмечает французский исследователь Л. Макони, даже при наличии цензурных ограничений, вводимых государством, жители Тибета стараются пользоваться свободой и легкостью распространения информации, какую предоставляет им всемирная паутина.

---

[1] *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d'expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. I. P. 406.

[2] Китайский центр новостей из Тибета: [сайт]. URL: http://www.tibet.cn.

[3] Китайская тибетология: [сайт]. URL: http://www.tibetology.ac.cn.

Тибетская литература также представлена не только в тибетоязычном сегменте сети. Существует большое количество Интернет-ресурсов и электронных библиотек на английском и др. языках, предоставляющих доступ к произведениям тибетской словесности. Однако большая часть из них относится к текстам, так или иначе связанным с буддийской религиозной доктриной.

Издательства тибетской литературы на английском языке также выпускают преимущественно произведения буддийской тематики. Так, английские переводы философских и религиозных текстов, в том числе и современных авторов, можно приобрести на сайтах наиболее крупных книжных издательств «Сноу Лайон» (англ. Snow Lion Publications, букв. «Снежный лев»)[4] и «Уиздом Пабликейшнз» (англ. Wisdom Publications, букв. «Издания мудрости»)[5].

Несмотря на то, что современная тибетская литература представлена в целом в сети Интернет в ее тибетоязычном сегменте в гораздо меньшей степени, ее распространение происходит с использованием практически всех известных форм существования литературных сайтов: библиотеки; электронные издания; персональные страницы, блогосфера; специализированные литературные сайты; отдельные разделы тематических сайтов.

С отдельными произведениями тибетской словесности можно ознакомиться онлайн или приобрести их с помощью порталов по изучению тибетского языка и культуры.

Одним из наиболее крупных ресурсов является «Тибетская гималайская библиотека» (англ. Tibetan Himalayan Library)[6] — сетевая платформа Тибетологического центра Университета Вирджинии (www.uvatibetcenter.org) для размещения и обмена ресурсами, связанными с изучением ТАР, тибетского языка и культуры. В рамках данного проекта также планируется создание общественной онлайн-библиотеки с тибетоязычным интерфейсом для тибетских пользователей.

Центр «Нитартха»[7] занимается поиском, сохранением и публикацией буддийских текстов на тибетском языке, относящихся преимущественно к традициям Ньингма (тиб. rnying ma) и Кагью (тиб. bka’ brgyud) и их переводом. На данный момент библиотека центра насчитывает более 12 000 цифровых страниц текстов, а также аудиозаписи комментариев к ним.

---

[4] Snow Lion Publications: [сайт]. URL: http://www.shambhala.com.

[5] Wisdom Publications: [сайт]. URL: http://www.wisdompubs.org.

[6] Тибетская гималайская библиотека: [сайт]. URL: http:// www.thlib.org.

[7] Центр «Нитартха»: [сайт]. URL: http://www.nitartha.org, http://www.nitartha.net.

Произведения современных тибетских авторов в основном доступны в форме электронных версий бумажных изданий в цифровых библиотеках и Интернет-магазинах — как глобальных (www.books.google.com, www.amazon.com), так и посвященных исключительно тибетской словесности. Например, в интернет-магазине «Тибетская книга»[8] помимо классической и научной литературы в продаже имеется более 150 современных тибетских прозаических и поэтических изданий, а также более 20 литературных журналов. Так, на сайте можно найти информацию о продаже 46 (на данный момент № 12, 32, 37, 45, 153–194) из 199 выпусков первого тибетского литературного журнала «Тибетская литература и искусство», издающегося Союзом писателей ТАР; и 84 (на данный момент № 19, 30, 33, 36–44, 48, 50–51, 55, 60–127) из 127 выпусков журнала «Легкий дождь», который издается в Амдо с 1981 г. при содействии Союза писателей провинции Цинхай и публикует произведения, написанные исключительно на тибетском языке. В продаже имеются как отдельные выпуски, так и сброшюрованные издания журналов за несколько лет. Следует отметить, что данные периодические издания достаточно сложно найти в Интернете. Немногочисленные сайты и блоги предлагают лишь описания некоторых номеров журналов.

Одним из крупнейших интернет-ресурсов по тибетской литературе является электронная библиотека «Центр ресурсов по тибетскому буддизму» (англ. Tibetan Buddhist Resource Center)[9], занимающаяся поиском, сохранением и распространением тибетской литературы. Библиотека была создана в 1999 г. И. Джином Смитом (E. Gene Smith). Сегодня она насчитывает 7000 литературных произведений (более 8 000 000 оцифрованных страниц тибетских текстов) по буддийской религиозной доктрине, традиционным наукам и др. В частности, на www.tbrc.org размещены все 182 выпуска журнала «Тибетская литература и искусство» и 127 выпусков журнала «Легкий дождь»[10]. Ежегодно количество текстов в библиотеке увеличивается на 500 000–1 000 000 оцифрованных страниц.

С полными текстами тибетских литературных произведений можно ознакомиться на сайте «Тибетская культурная сеть» (кит. Цзан-

[8] Интернет-магазин «Тибетская книга»: [сайт]. URL: http://www.tibetbook.net.

[9] Электронная библиотека «Центр ресурсов по тибетскому буддизму»: [сайт]. URL: http:// www.tbrc.org.

[10] Однако, поскольку современные издания защищены копирайтом, на сайте www.tbrc.org они доступны лишь для ограниченного просмотра (4 первые и 4 последние страницы). — *Прим. отв. ред*.

жэнь вэньхуа ван 藏人文化网)[11]. Портал на пяти языках «Китайский Тибет» (кит. Чжунго сицзан ван 中国西藏网)[12] имеет вкладку «литература» с множеством подрубрик и дает возможность бесплатного чтения книг в режиме он-лайн.

Специфика сетевой литературы в Тибете состоит в том, что в Интернете размещают свои произведения непрофессиональные писатели, они же составляют большую часть тех, кто публикуется в литературных журналах, писатели-любители образуют группы, которые помогают друг другу с публикациями. Многие современные тибетские литераторы имеют в сети свой сайт, авторскую страничку в специализированных разделах тематических сайтов со свободной публикацией или в сетевых литературных журналах. Широкое распространение среди тибетских писателей получила также форма блога — автономного или на блог-платформах. Наиболее популярными блог-хостингами среди тибетских авторов являются: www.blog.daqi.com, www.sangdhor.com, www.sohu.com, www.khabdha.org, www.blog.voc.com.cn.

Один из самых популярных тибетоязычных сайтов Китая «Тибетская культурная сеть» (англ. Tibetan Culture Net)[13], созданный братьями-поэтами из г. Ланьчжоу, регистрирует более 400 000 обращений ежемесячно. Портал специализируется на новостях и блогах, а также содержит разделы, посвященные тибетской литературе, музыке, кинематографу. Сайт также известен серией патриотических стихов и рассказов «Я — тибетец!» (англ. «I am Tibetan!»), число которых постоянно растет.

Сайты, посвященные известным тибетским авторам, создаются и после их смерти. Например, сайт www.gdqpzhx.com посвящен тибетскому писателю и ученому Гедун Чопелу.

Одним из крупнейших тибетоязычных литературных порталов является сайт «Светильник» (тиб. mchod me)[14], посвященный тибетской литературе и созданный в Амдо в 2005 г. учителем тибетского и английского языков Кончог Цепелом (тиб. dkon mchog tshe ‘phel) и молодым тибетским поэтом Кьябчен Дедолом (тиб. skyabs chen bde grol).

«Светильник» функционирует как сетевой литературный журнал, где публикуются тибетские литературные произведения без цензу-

---

[11] Тибетская ????? сеть: [сайт]. URL: http://www.tibetcul.com/

[12] Китайский Тибет: [сайт]. URL: http://www.big5.tibet.cn/.

[13] Тибетская культурная сеть: [сайт]. URL: http://www.tibetcul.net, http://www.tibetcul.com.

[14] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com.

ры. Сайт содержит около тысячи блогов тибетских литераторов и неоднократно блокировался китайскими властями[15]. В 2009 г. Кончог Цепел был задержан и приговорен к 15 годам заключения по обвинению в разглашении государственной тайны. Тибетские авторы и представители Международной кампании по защите демократических прав и свобод населения Тибета (англ. International Campaign for Tibet) связывают арест Кончог Цепела с содержанием портала «Светильник», где в новостном разделе публиковалась информация о тибетских волнениях в 2008 г.

На сайте представлены разделы, посвященные классической тибетской прозе и поэзии, современной литературе и литературной критике. В частности, сайт включает следующие разделы: проза (тиб. lhug rtsom)[16], повести и рассказы (тиб. brtsams sgrung)[17], пьесы (тиб. ‘khrab gzhung)[18], юмористические рассказы (тиб. kha mtshar)[19], пословицы (тиб. gtam dpe)[20], изречения (тиб. legs bshad)[21], песни о религиозном опыте (тиб. mgur glu)[22], восхваления (тиб. bstod tshogs)[23], песни пастухов (тиб. la gzhas)[24], народные песни (тиб. dmangs glu)[25], жизнеописания (тиб. rnam thar)[26] и др. На сайте также можно найти биографии авторов и их персональные блоги, предоставляющие возможность для непосредственного общения писателей и читателей[27].

---

[15] *Maconi L*. «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. P. 409.

[16] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_03/.

[17] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_02/.

[18] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_05/.

[19] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_19/.

[20] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_13/.

[21] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_06/.

[22] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_08/.

[23] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_01/.

[24] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_07/.

[25] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_12/.

[26] Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com/html/list_09/.

[27] *Pema Bhum*. Heartbeat of a New Generation. Revisited // Modern Tibetan Literature and Social Change. Durham: Duke University Press, 2008. P. 146.

Большинство публикующихся в литературном журнале «Светильник» — авторы из Амдо. Исключением является, например, Церинг Кьи (тиб. tshe ring skyid), пишущая под псевдонимом Мисс Тибет 3003, которая живет и работает в Индии. На сайте она ведет персональный блог, содержащий несколько поэм и любовных песен.

На творчество большинства авторов, публикующихся на сайте, повлияло литературное наследие известного тибетского писателя и поэта из Амдо — Дондуб Гьела, первого в истории современной тибетской литературы обратившегося к форме свободного стиха. Как и произведения этого автора, творчество молодых писателей сильно отличается от традиционной тибетской литературы — носит светский характер и использует форму свободного стиха.

На сайте также есть раздел, посвященный творчеству литературного кружка, образовавшегося в Синине в 2005 г., который называет себя «Третье поколение» (тиб. mi rabs gsum pa). Данная группа авторов считает себя третьим поколением современных тибетских писателей, представляющих свежее течение в современной тибетской литературе. К первому поколению относятся Дондуб Гьел и его последователи, ко второму — Джангбу и Дондуб Церинг (тиб. don grub tshe ring). Третье поколение писателей представлено студентами, университетскими преподавателями и несколькими монахами. Несмотря на то, что эти авторы объявили произведения первых поколений современных тибетских писателей устаревшими и неактуальными, тематика и стиль их произведений во многом схож с творчеством Дондуб Гьела и Джангбу.

Закрытым литературным порталом является сайт тибетского отделения международной ассоциации PEN — Ассоциации тибетских писателей за рубежом (англ. Tibetan Writers Abroad P.E.N. Center, TWAPEN)[28]. Тибетское отделение было создано в Дхарамсале в 1999 г. и было включено в международную организацию PEN в 2003 г. На данный момент в ассоциации состоят 68 писателей, большинство из которых проживает в Индии, Европе и США. Основной целью организации является сохранение письменного и разговорного тибетского языка.

Президентом TWAPEN является тибетский писатель и поэт, член «Правительства Тибета в изгнании» Чабдаг Лхамо Кьяб (тиб. chab brag lha mo skyabs). На своем сайте он также публикует про-

[28] Ассоциация тибетских писателей за рубежом: [сайт]. URL: http://www.tibetan-pen.org.

изведения собственного сочинения и их переводы на английский и французский языки[29].

Членом Ассоциации тибетских писателей за рубежом является известный писатель Долма Кьяб (тиб. sgrol ma skyabs, кит. Чжо Мацзя 卓玛嘉), борец за демократию, свободу Тибета, защиту окружающей среды. В 2005 г., после создания рукописи «Беспокойные Гималаи» (тиб. lhing ‘jags med pa’i hi ma la ya, кит. Саодун дэ сималая шань 骚动的喜马拉雅山), Долма Кьяб был задержан китайскими властями и приговорен к 10 годам заключения по обвинению в разглашении государственной тайны. Текст рукописи на тибетском языке распространялся в сети Интернетассоциацией писателей PEN, английская версия была опубликована в рамках Международной кампании по защите демократических прав и свобод населения Тибета (www.savetibet.org).

На современном этапе некоторые литературные журналы, выходящие в бумажной версии, также имеют веб-сайт, но зачастую они информационно скудны. В качестве примера приведем сайт авторитетного журнала на китайском языке «Тибетская литература»[30], который не содержит полных текстов статей и произведений.

Также свои сайты имеют государственные журналы, часто публикующие тибетскую литературу: «Национальные литературы» (Пекин, включает версию на тибетском языке)[31], «Исследование национальных литератур» (кит. Миньцзу вэньсюэ яньцзю 民族文学研究, Пекин, китайский язык)[32], ежемесячник «Озеро Кукунор»[33]. Электронная версия литературного журнала «Север» (кит. Шо фан 朔方, Нинся-хуэйский АО), доступная в крупной общекитайской базе данных (кит. Чжунго чживан кунцзянь 中国知网空间), особенно ценна тем, что в этом журнале публиковались произведения тибетских писателей 1950–1960-х гг.

В связи с растущим интересом к Тибету на Западе, в сети можно найти переводы произведений тибетской современной литературы на западные языки. В основном они публикуются на сайтах,

---

[29] Персональный сайт Чабдаг Лхамо Кьяба: [сайт]. URL: http://www.chapdaklhamokyab.fr.

[30] Журнал «Тибетская литература»: [сайт]. URL: http://www.xiza.qikan.com.

[31] Журнал «Национальные литературы»: [сайт]. URL: http://www.mzwxzz.com.

[32] Журнал «Исследования национальных литератур»: [сайт]. URL: http://iel.cass.cn/top.asp?channelid=130.

[33] Журнал «Озеро Кукунор»: [сайт]. URL: http://www.cnki.com.cn/Journal/F-F2-QHHW.htm.

посвященных тибетской культуре или Тибету в целом. Кроме того, появляются сайты, специализирующиеся исключительно на переводе тибетоязычных Интернет-ресурсов. Так, проект «Tibet Web Digest»[34] в рамках программы Колумбийского университета по изучению современного Тибета посвящен переводу на английский язык различных материалов с тибетоязычных сайтов, блогов и сетевых журналов. На сайте также публикуются переводы современной тибетской прозы и поэзии из персональных блогов и других сетевых источников. В частности, на сайте представлены переводы стихов Бонгтаг Рилу (тиб. bong stag ri lu) и популярного среди тибетских исполнителей автора песен Дуглха Гьела (тиб. ‘brug lha rgyal), известного также под псевдонимом Донг (тиб. ‘brong «дикий як»). В рамках проекта «Tibet Web Digest» также осуществляется перевод романа «Агат и певица» (тиб. gzi dang gzhas ma) представителя третьего поколения современных тибетских писателей Кьябчен Дедола — одного из основателей сетевого литературного журнала «Светильник».

Переводы осуществляют редакторы сайта — Ригджунг Дондуб Таши (тиб. rig ‘byung don grub bkra shis) и Тендзин Декьи (тиб. bstan ‘dzin bde skyid). Дондуб Таши также является редактором ресурса www.karkhung.com, где публикуются тибетские переводы материалов с англоязычных и китаеязычных сайтов, и бывшим редактором популярного тибетского блога www.khabdha.org.

Творческое объединение «Tibet Writes»[35] было создано тибетскими писателями и поэтами, создающими произведения на английском языке, к которым впоследствии присоединились переводчики с тибетского и китайского, фотографы, дизайнеры, режиссеры, сценаристы, артисты, мультипликаторы, исследователи и общественные деятели из Тибета, Китая, Индии, США, Канады и Великобритании. В настоящий момент портал курирует проживающий в США литературовед Бучунг Сонам (тиб. bu chung bsod nams)[36].

На данный момент на сайте опубликовано более ста стихотворений тибетских авторов. Стихи, написанные на английском языке, принадлежат преимущественно перу молодых тибетских авторов, а переводы с тибетского и китайского — известным писателям и поэтам XX–XXI вв. В частности, на сайте можно найти перевод

[34] Проект «Tibet Web Digest»: [сайт]. URL: http://www.tibetwebdigest.com.

[35] Творческое объединение «Tibet Writes»: [сайт]. URL: http://www.tibetwrites.org.

[36] *Hortsang Jigme*. Tibetan Literature in the Diaspora // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 293.

известного патриотического стихотворения Дондуб Гьела «Водопад юности», стихи Гедун Чопела и тибетского эссеиста, поэтессы и блогера Церинг Озер. В творческое объединение «Tibet Writes» также входит упомянутый выше редактор сайта «Tibet Web Digest» Тендзин Декьи.

Многоязычный портал «Высокие горы, чистые земли» (англ. High Peaks Pure Earth)[37] также осуществляет перевод на английский язык тибетоязычных Интернет-ресурсов. Отдельные разделы сайта посвящены переводу тибетской поэзии; записей из блогов Церинг Озер, певицы, писателя и блоггера Джамъянг Кьи (тиб. ‘jam dbyangs skyid); а также рецензий на новые тибетоязычные книги.

Как указывает Л. Макони, на современном этапе развития вопрос языка тибетской литературы является наиболее сложным и острым. Интернет может предоставить людям, разделенным расстояниями и границами, возможность для коммуникации и обмена информацией, способствовать консолидации сил тибетской интеллигенции. Но Интернет не решает языковую проблему, поскольку китайский язык — официальный государственный язык, а тибетский занимает гораздо менее важное место и, по сути, маргинален[38].

Как было сказано выше, тибетоязычный сегмент Интернета в Китае подвергается жесткому контролю — популярные тибетские сайты отключаются после любых происшествий политического характера, социальных волнений и до или после их годовщин. В частности, каждый год в преддверии и после годовщины восстания 10 марта 1959 г., протестов 2008 г. перестают работать опасные с точки зрения властей сайты. В 2011 г. на несколько недель была отключена и Тибетская культурная сеть.

В 2006 г. были заблокированы два блога Церинг Озер — в Тибетской культурной сети и блог-хостинге www.blog.daqi.com.

В 2010 г. за критику действий Китая в пострадавшем от землетрясения регионе провинции Цинхай был арестован тибетский интеллектуал, писатель и издатель Тагьел (тиб. bkra rgyal), более известный под псевдонимом Жогдунг (тиб. zhog dung). Доступ к блог-хостингу www.sangdhor.com, где Жогдунг и другие тибетские интеллектуалы опубликовали критикующее правительство открытое письмо, был заблокирован на несколько месяцев.

Краткое описание рассмотренных сайтов приведено в таблице.

---

[37] Портал «Высокие горы, чистые земли»: [сайт]. URL: http://www.highpeakspureearth.com.

[38] *Maconi L.* «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Vol. I. P. 424.

Современная тибетская литература в сети Интернет

URL адрес сайта	Название	Язык сайта	Тип сайта
www.amazon.com	Amazon	Английский	Интернет-магазин
www.blog.daqi.com, www.blog.voc.com.cn	Блог-платформы	Китайский	Блог-платформа
www.books.google.com	Google-книги (англ. Google-books)	Английский	Интернет-магазин, сервис полнотекстового поиска
www.chapdaklham-okyab.fr	dbyangs can sgyu ‘phrul dra ba	Тибетский	Персональный сайт
www.cnki.com.cn/Journal/F-F2-QHHW.htm	Журнал «Озеро Кукунор»	Китайский	Сайт литературного журнала
www.gdqpzhx.com	dge ‘dun chos ‘phel rtsom rig dra ba	Английский, тибетский	Тематический сайт, персональный сайт
www.highpeakspuree-arth.com	High Peaks Pure Earth (Высокие горы, чистая земля)	Английский, китайский тибетский	Тематический сайт, блог-платформа
www.iel.cass.cn/top.asp?channelid=130	Журнал «Исследования национальных литератур»	Китайский	Сайт литературного журнала
www.karkhung.com	skar khung	Тибетский	Тематический сайт
www.khabdha.org	Khabdha	Тибетский	Блог-платформа
www.mzwxzz.com	Национальные литературы	Китайский	Сайт литературного журнала
www.nitartha.org, www.nitartha.net	Nitartha Interna-tional	Английский	Тематический портал
www.sangdhor.com	Sangdhor	Тибетский	Блог-платформа

URL адрес сайта	Название	Язык сайта	Тип сайта
www.savetibet.org	Международная кампания по защите демократических прав и свобод населения Тибета (англ. International campaign for Tibet)	Тибетский, китайский, нидерландский, немецкий, французский	Тематический портал
www.shambhala.com	Snow Lion Publications	Английский	Сайт издательства, интернет-магазин
www.tbrc.org	Центр ресурсов тибетского буддизма (англ. Tibetan Buddhist Resource Center)	Английский, тибетский, китайский	Интернет-библиотека, блог-платформа
www.thlib.org	Тибетская гималайская библиотека (англ. Tibetan Himalayan Library)	Английский	Тематический портал
www.tibet.cn http://big5.tibet.cn/	Китайский центр новостей из Тибета См. Китайский Тибет	Китайский, тибетский, английский, французский	Портал по тибетской культуре
www.tibet.cn/ www.big5.tibet.cn/	Китайский Тибет	Китайский, тибетский, английский, французский	Портал по тибетской культуре
www.tibetanpen.org	Тибетское отделение международной ассоциации PEN (тиб. pen bod kyi dra ba)	Тибетский	Литературный портал, блог-платформа
www.tibetbook.net	Тибетская книга (англ. Tibet Book)	Английский	Интернет-магазин
www.tibetcm.com	Светильник (тиб. mchod med)	Тибетский	Литературный журнал, блог-платформа

URL адрес сайта	Название	Язык сайта	Тип сайта
www.tibetcul.com/ www.wx.tibetcul.com/	Культура тибетцев	Китайский	Тематический портал
www.tibetcul.net, www.tibetcul.com	Тибетская культурная сеть (англ. Tibetan Culture Net	Английский, китайский, тибетский	Тематический портал, блог-платформа
www.tibetinfor.com.cn/wenxue/menu.htm	«Китайский центр новостей из Тибета» (раздел литература)	Китайский, немецкий, тибетский, французский	Тематические порталы
www.tibetology.ac.cn/	Китайская тибетология	Китайский, тибетский, английский,	Научный портал по тибетологии
www.tibetwedigest.com	Tibet Web Digest	Английский	Тематический сайт
www.tibetwrites.org	Tibet Writes	Английский	Тематический сайт
www.wisdompubs.org	Wisdom Publications	Английский	Сайт издательства, интернет-магазин, блог-платформа
www.xiza.qikan.com/	Журнал «Тибетская литература»	Китайский	Сайт литературного журнала

Современная тибетская литература в ряду других искусств: театр, популярная музыка, телевидение, кинематограф

Основные принципы китайской политики в отношении литературы и искусства, сформулированные Мао Цзэдуном на Яньаньской конференции по литературе и искусству (2–23 мая 1942 г.) и впервые опубликованные в 1943 г., можно представить двумя утверждениями:

1) не существует искусства ради искусства: любой вид искусства должен служить нуждам социализма и социалистического государства;

2) литература и искусство происходят из народа, создаются ради народа и должны служить средством образования народа и повышать его стандарты[1].

Вплоть до 1990-х гг. эти принципы в той или иной форме цитировались в речах лидеров. Поскольку в отличие от литературы музыка предоставляет возможность оказывать влияние на необразованных людей, которым недоступны книги и другие печатные материалы, ей, как средству пропаганды, в КНР уделялось особое внимание. В период, предшествующий «культурной революции», тибетская музыка не подвергалась сильным изменениям, в особенности в сельской местности. Некоторые изменения произошли только в городах. Появились новые жанры — революционные народные песни и разговорная драма (в противопоставление традиционной тибетской опере Аче Лхамо[2]). Эти новые стили создавались исключительно в целях пропаганды и строго следовали партийным установкам[3].

---

[1] *Morcom A*. Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. London: Tibet Information Network, 2004. P. 14.

[2] Тиб. a ce lha mo, букв. ‘сестра богиня’.

[3] *Morcom A*. Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 31.

Во время «культурной революции» все традиционные жанры были под запретом, но на некоторые из них ограничения были наложены и раньше. В основном это касалось жанров, связанных с религиозными церемониями и праздниками. Китайские власти в Тибете ограничивали и продолжают ограничивать религиозную деятельность не только в связи с атеистической политикой компартии, но и для ликвидации монастырей как мест концентрации религиозной власти, поскольку большинство тибетцев остаются преданными буддизму. Так, были запрещены и к концу 1950-х гг. почти исчезли такие танцевально-песенные жанры, как *шон* (тиб. shon) в Западном Тибете, *гар* (тиб. gar) в Амдо, *додунг* (тиб. dro drung) и *гордо* (тиб. sgor bro) в Кхаме, *жечен* (тиб. gzhas chen) и *горже* (тиб. sgor gzhas) в Центральном Тибете. Танец *гар* в Центральном Тибете (жанр, отличный от одноименного в Амдо), исполняемый при дворе Далай-ламы, был запрещен в 1959 г. после его побега в Индию во время восстания 10 марта. Традиция была восстановлена в середине 1980-х гг., но продолжала оставаться под строгим контролем государства в связи с сильной ассоциацией с тибетским духовным лидером[4].

В 1960-х гг. изменениям подверглась традиционная тибетская опера, сюжеты которой должны были служить государственной идеологии и целям пропаганды. В соответствии с атеистической идеологией социализма количество религиозных и магических мотивов в сюжетах тибетской оперы было сокращено.

Самой популярной среди китайских властей была опера «Китайская царица, непальская царица» (тиб. rgya bza' bal bza') о тибетском царе Сонгцен Гампо. Он был покровителем буддизма, одним из трех царей учения, а одна из его жен была китаянкой (роли двух его других жен, непальской и тибетской, были приуменьшены), что доказывало существование многовековых политических уз и теплых отношений между двумя нациями[5].

Одновременно с уничтожением традиционных тибетских жанров китайские власти инициировали кампанию по сохранению и развитию традиционного тибетского искусства, в рамках которой публиковались сборники тибетских народных песен. Позднее на основе собранных образцов традиционной тибетской музыки китайские и тибетские композиторы и музыканты создавали новые произведения. Наиболее

[4] *Morcom A*. Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. London: Tibet Information Network, 2004. P. 32.

[5] Ibid. P. 33.

известными примерами являются песня «Возвращение в Лхасу» (кит. Хуэй дао ласа 回到拉萨, 1994 г.) ханьского рок-певца Чжэн Цзюня (кит. 郑钧, р. в 1967 г., Сиань), альбом «Сестра барабан» (кит. Ацзе гу 阿姐鼓, 1995 г.) популярной китайской певицы Дадава Чжу Чжэцинь (кит. 朱哲琴, Гуанчжоу), дебютная песня «Гималаи» (кит. Сималая 喜马拉雅, 1995 г.) певицы тибето-китайского происхождения Келзанг Долмы (тиб. skal bzang sgrol ma), известной под своим китайским именем Хань Хун (кит. 韩红, р. в 1971 г., Шигадзе). Появление таких песен было частью «тибетской лихорадки» (кит. сицзан жэ 西藏热), охватившей КНР в середине 1990-х гг., когда Тибет и тибетская культура стали особенно популярными среди ханьцев. Тибетское отношение к этим и аналогичным проектам весьма противоречиво[6].

В 1951 г. в Пекине был основан Центральный институт национальностей, в котором в 1959 г. появился факультет искусств. Университет готовил художников из представителей национальных меньшинств, а также занимался изучением культур национальных меньшинств Китая. В 1952 г. в Пекине начал работать Центральный ансамбль песни и танца (кит. Чжунъян миньцзу гэутуань 中央民族歌舞团). Аналогичные ансамбли создавались на разных административных уровнях КНР. В 1958 г. появился Ансамбль песни и танца Тибетского автономного района (ТАР)[7].

Однако сохранение тибетского культурного наследия шло путем его радикального изменения. Преследовались такие цели: объединение национальностей посредством унификации этнически различных стилей; создание нового соотвествующего принципам социализма стиля для новой национальности, превращение фольклора в искусство.

Так, до 1950-х гг. в Тибете не существовало одного традиционного танца — танцевальная традиция была тесно связана с музыкальной; представлена различными региональными стилями с определенными общими элементами. Эти элементы и были унифицированы для создания нового единого стиля тибетского танца. Ключевыми изменениями в тибетской танцевальной традиции стали:

1) разделение песни и танца (участники государственных ансамблей получали профессиональную подготовку либо в качестве певцов, либо танцоров);

---

[6] *Baranovitch N.* Representing Tibet in the Global Cultural Market // Music and Cultural Rights. Chicago: University of Illinois Press, 2009. P. 195.

[7] *Morcom A.* Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 35.

2) изменение техники пения: профессиональных тибетских певцов переучивали петь в технике бельканто или в китайских стилях;

3) использование оркестров и больших ансамблей (традиционный тибетский танец обычно исполняется под пение танцоров или аккомпанемент одного или небольшого количества традиционных инструментов);

4) использование классического (балетного) танца, влияние которого, в частности, выразилось в стремлении к геометрической ясности движений, следовании принципам вертикальности тела (для традиционного тибетского танца характерны расслабленные движения, несколько сутулое положение корпуса);

5) сложность и изощренность техники танца (большинство традиционных тибетских танцев исполняются группой непрофессиональных танцоров с небольшой вариацией движений): новый тибетский танец использовал большее количество движений, объединив танцевальные стили разных тибетских регионов; танец стал более зрелищным;

6) использование ярких легких костюмов (традиционные костюмы шились из тяжелой шерстяной ткани, парчи или кожи; использовались крупные украшения весом до 10 кг)[8].

Таким образом, государственный тибетский танец объединил все региональные стили в один. Во время «культурной революции» государственные ансамбли прекратили свое существование до 1980-х гг.[9]

Китайцами также были внедрены принципиально новые для тибетской культуры жанры. Агитационные песни или, как их называют, революционные народные песни (кит. гэмин гэцюй 革命歌曲) были важным орудием китайской пропаганды, особенно во время «культурной революции». В 1960–1970-е гг. их транслировали с помощью репродукторов и радио по всему Китаю. Сразу после появления китайцев в Тибете эти песни стали разучивать в школах, на политических собраниях, в рабочих группах с целью распространения социалистических идеалов и китайского языка. Бóльшая часть этих песен была создана в отделениях партийной пропаганды или правительственными работниками в сфере культуры посредством наложения политических текстов на народные

[8] *Morcom A.* Modernity, Power, and the Reconstruction of Dance in Post-1950s Tibet [Электронный ресурс] // Journal of the International Association of Tibetan Studies. Issue 3. December 2007. URL: www.jiats.org (дата обращения: 10.05.2014). P. 6–9.

[9] *Morcom A.* Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 35.

мелодии с использованием западных инструментов, хоровых групп, западных гармоний[10].

В результате реформ, после 1959 г. в Тибете появилась разговорная драма — как альтернатива традиционной тибетской опере Аче Лхамо. В 1962 г. разговорная драма была впервые показана в ТАР группой из 29 тибетцев, прошедших обучение в Шанхае. Они исполнили пьесу на китайском языке о тибетском царе Сонгцен Гампо и его женитьбе на китайской принцессе Вэньчэн, сюжет пьесы сильно напоминал традиционную тибетскую оперу «Китайская царица, непальская царица». В Тибете этот жанр не стал популярным.

Во время «культурной революции» (1966–1976) национальная политика была нацелена на полное уничтожение так называемых «четырех пережитков» (старого мышления, культуры, привычек и обычаев) и установление соответствующих четырех нововведений. Для искусства КНР и, в частности, Тибета это стало одним из наиболее деструктивных периодов. Традиционная музыка и театральное искусство были запрещены, цензура усилена. Под запретом оказались не только традиционные оперы и песни, но и традиционный стиль в принципе. Разрешены были только революционные народные песни, восхваляющие Мао Цзэдуна, партию, социализм; а также восемь образцовых спектаклей (шесть опер и два балета), созданных в духе традиционного жанра пекинской музыкальной драмы с элементами западной музыки и без использования классических сюжетов, и подобные произведения[11].

«Культурная революция» завершилась со смертью Мао Цзэдуна в 1976 г. Участники «банды четырех» — левой политической фракции Коммунистической партии Китая (КПК), контролировавшей деятельность властных органов партии на последних этапах «культурной революции», были арестованы и официально обвинены в провале «культурной революции». Во вступительной речи на Четвертом конгрессе китайских писателей и художников 30 октября 1979 г. Дэн Сяопин выразил сожаление о нанесенном искусству вреде и прочих последствиях «культурной революции» и объявил возвращение к политике, предшествующей «культурной революции». Дэн Сяопин также подчеркнул важность сохранения культурного многообразия в КНР, что стало основой новой политики в отношении национальных меньшинств[12].

[10] Ibid. P. 41.
[11] Ibid. P. 44.
[12] Ibid. P. 47.

Ансамбли народной музыки и государственные музыкальные ансамбли возобновили свою работу через несколько лет после завершения «культурной революции». В начале 1980-х гг. традиционную музыку начали транслировать по радио. К 1984 г. в ТАР функционировало 11 ансамблей. Профессиональные труппы исполняли традиционную музыку, измененную в соответствие с требованиями компартии, оперу, некоторые спектакли, претерпевшие сильное китайское влияние, а также композиции с элементами классической западной музыки. Народные ансамбли в основном придерживались традиционного стиля. Запреты на традиционные виды танца также были сняты, однако к прежним традициям и многим жанрам так и не удалось полностью вернуться[13].

Несмотря на то, что современные государственные ансамбли песни и танца по-прежнему контролируются китайскими властями, работа в них предлагает множество перспектив для начинающих тибетских артистов: обучение полезным для музыкальной карьеры навыкам (использование микрофона, пение под аккомпанимент), устойчивую трудовую занятость и умеренную заработную плату (от 600 юаней). Они также являются платформой для дальнейшей карьеры. Многие известные певцы в начале карьеры работали в государственных ансамблях — Дадон (тиб. zla sgron, р. в 1968 г., Лхаса), Джампа Церинг (тиб. byams pa tshe ring, 1960 (?)–1997 гг., Лхаса), Сонам Вангмо (тиб. bsod nams dbang mo, р. в 1977 г., Нагчу) и др. Кроме того, тибетцы могут организовывать независимые труппы с частным финансированием или музыкальные группы, свободные от государственного влияния. Цензуре подвергаются только тексты песен[14].

Катализатором развития современной популярной музыки в Тибете стало не только распространение вещательных СМИ, но и развитие музыкальной индустрии и доступность новых технологий звукозаписи. Несмотря на то, что цензура по отношению к текстам песен сохранялась, музыкальной индустрии удалось избежать жесткого государственного контроля[15].

В конце 1980-х гг. в городах появились современные караоке-клубы и дискотеки. В Лхасе открылись музыкальные бары *нангма* (тиб. nang ma (khang)), изначально созданные для исполнения традиционной тибетской музыки. Сейчас в них выступают певцы, музыканты, эстрадные артисты разговорного жанра. Они также функционируют

[13] Ibid. P. 50.

[14] Ibid. P. 76.

[15] Ibid. P. 54.

как караоке-клубы, предлагающие разнообразную музыку — современный тибетский, китайский и западный поп, музыку из индийских фильмов и др.[16]

Кассетные проигрыватели появились в Тибете в конце 1970-х гг. и изначально использовались государственными департаментами для целей пропаганды. К началу 1980-х гг. запрет на личное использование был снят. Это позволило любому обладателю кассетного магнитофона записывать музыку. Показательным стал случай, произошедший в 1993 г. в крупной лхасской тюрьме Дажи (тиб. grwa bzhi), где заключенным монахиням удалось записать и передать за пределы тюрьмы кассету с песнями, призывающими к тибетской независимости. Эта запись впоследствии получила распространение по всему миру[17].

В середине 1980-х гг. на рынке начали появляться любительские записи концертов и частных выступлений, а также альбомы тибетцев, живущих в изгнании. К концу 1980-х гг. кассетные проигрыватели были широко распространены даже в сельских областях.

Местные отделения пропаганды, которые впоследствии были реорганизованы в государственные студии звукозаписи, также выпускали альбомы тибетских исполнителей. Первым, кто официально выпустил кассету, был певец и музыкант Пелгон (тиб. dpal mgon, Мачу), играющий на тибетском струнном музыкальном инструменте *даньен* (тиб. sgra snyan)[18]. Пелгон и его ученики Дубе (тиб. bdud bhe) и Доре (тиб. rdo red) стали основоположниками стиля *дунлен* (тиб. rdung len, букв. «бренчание и пение»), который в настоящее время является одним из наиболее популярных музыкальных направлений в Тибете[19].

Кассеты до сих пор чрезвычайно популярны в Тибете, однако из городов они почти исчезли. Широкое распространение получили видео-компакт-диски (VCD), поскольку визуальное сопровождение открывает большие возможности для караоке-клубов и музыкальных баров. Также в Тибете используются другие носители — DVD и CD-диски. Видеоклипы тибетских артистов обычно создаются с учетом потребностей караоке-клубов — изображения тибетских пейзажей или традиционных праздников сопровождаются текстом песен, что позволяет зрителю подпевать[20].

---

[16] Ibid. P. 78.

[17] Ibid. P. 58.

[18] Ibid. P. 59.

[19] *Lama Jabb*. Modern Tibetan Literature and the Inescapable Nation: DPhil Oriental Studies thesis. Oxford: Wolfson College, University of Oxford, 2013. P. 35.

[20] *Morcom A.* Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 62.

Записать диск можно официально — через государственную звукозаписывающую компанию и полуофициально, выкупив (за взятку) у одной из этих компаний серийный номер или штрих-код, необходимый для законного выпуска диска. Стоимость штрих-кода в среднем варьируется от 2000 до 3000 юаней. Записать VCD-диск в Тибете стоит от 5 до 10 000 юаней (1000 копий), в Пекине и Шанхае цены в десятки раз выше. Нелицензированное производство кассет и дисков все еще существует, но качество записи на них очень плохое, а их распространение незаконно. Поскольку тибетский рынок сбыта очень мал, а количество пиратских копий все еще высоко, продавать лицензионные диски невыгодно. Большинство тибетских музыкантов выпускают не более 5000 копий альбома. Продажи первого успешного альбома Дадон составили 100 000 копий (влючая пиратские). Тибетские музыканты в основном самостоятельно занимаются дистрибуцией своих альбомов. В отличие от членов танцевальнх ансамблей или музыкантов, которые выступают в клубах, большинство исполнителей не могут обеспечивать себя, исключительно выпуская альбомы[21].

Основоположником современной тибетской поп-музыки условно можно считать певицу Цетен Долму (тиб. tshe brtan sgrol ma, р. в 1937 г., Шигацзе). Ее карьера началась в 1959 г. и развивалась под контролем правительства КНР. В период 1960–1980-х гг. она приобрела популярность в Китае, поскольку стала символом нового, современного Тибета. Если Коммунистическая партия Китая часто использовала артистов из числа национальных меньшинств в целях пропаганды, то для тибетцев творчество Цетен Долмы стало абсолютно новым явлением. Созданные под влиянием идеологии приравнивания революционного к современному, ее песни-восхваления коммунистической партии представляли собой традиционные тибетские мелодии, исполненные на западный манер, с использованием западных музыкальных инструментов. Самой знаменитой является песня на традиционную тибетскую мелодию «На золотой горе Пекина» (кит. Бэйцзин дэ цзиньшань шан 北京的金山上)[22].

---

[21] Ibid. P. 63.

[22] *Yangdon Dhondup.* Dancing to the Beat of Modernity: the Rise and Development of Tibetan Pop Music // Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. PIATS 2003: Tibetan Studies. Proceeding of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Leiden; Boston: Hotei Publishing, IDC Publishers, Martinus Nijhoff Publishers and VSP, 2008. P. 287.

До 1988 г. западная поп-музыка была официально запрещена в ТАР. Как было сказано выше, ослабление государственного контроля привело к проникновению в Тибет современных музыкальных стилей. Первой современной иностранной музыкой, появившейся в Тибете, стала современная поп-музыка, пришедшая из Гонконга и Тайваня — так называемый С-поп или музыка *гантай* (кит. 港台, 港臺). Ярким представителем данного направления стала певица Тереза Тэн или Дэн Лицзюнь (кит. 邓丽君, 1953–1995 гг.), чьи сентиментальные песни на китайском языке с богатой оркестровкой были чрезвычайно популярны в Восточной Азии в конце 1970-х — начале 1980-х гг.

В Китае под влиянием популярной музыки Гонконга и Тайваня сформировался музыкальный стиль *тунсу* (кит. 通俗, букв. «популярный»), включающий элементы китайских народных песен и западной музыки[23].

Именно этот стиль повлиял на творчество популярной тибетской певицы Дадон, участницы государственного Ансамбля песни и танца ТАР (кит. Сицзан цзычжицюй гэутуань 西藏自治区歌舞团). В отличие от Цетен Долмы, популярность которой была обусловлена влиянием правительства КНР, карьера Дадон развивалась по всем законам шоу-бизнеса и рекламы. Разработка имиджа и развитие публичного образа обеспечили поп-диве популярность и коммерческий успех. Дадон исполняла песни о тибетской культуре и религии на тибетском языке. Именно это обеспечило ей популярность среди тибетцев. Ее песни «Любимая родина» (тиб. brtse pa'i pha yul), «Я сделаю подношение» (тиб. zhal 'debs nga ras 'bul chog), «Мой Дондуб Церинг» (тиб. nga yi don grub tshe ring) считались патриотическими и даже оппозиционными. Дадон бежала из КНР в 1992 г., сейчас проживает в США и иногда дает концерты[24].

После бегства Дадон лидерами музыкальных продаж стали артисты из областей Кам и Амдо, в большей степени следовавшие традициям тибетской музыки. Аналогичная ситуация была характерны и для других сфер искусства (литературы, кинематографа), когда в 1980-х гг. формирование и развитие современной популярной культуры не было сосредоточено в центре ТАР, а происходило на периферии[25].

[23] Ibid. P. 291.
[24] Ibid. P. 295.
[25] Ibid.

В 1990-е гг. одним из наиболее популярных певцов в ТАР был Ярдунг (тиб. yar dung, р. в 1963 г., Дэге), бывший водитель грузовика из Гарцзе-Тибетского автономного округа (тиб. dkar mdzes bod rigs rang skyong khul, кит. Ганьцзы 甘孜). Его дебютный альбом вышел на кассетах в 1996 г. и состоял из рок-песен собственного сочинения, а также нескольких рэп-композиций по мотивам тибетского эпоса «Гесар». Первые песни Ярдунга были написаны на тибетском языке, затем он стал петь на китайском. Возможно, это было связано с восприятием китайского языка как более современного[26].

В современном Тибете сохраняется очень сильная музыкальная традиция. Музыкальные выступления сопровождают практически все виды праздничных мероприятий в Тибете — частные, религиозные и политические праздники, деревенские праздники *цемо* (тиб. *rtse mo*) и крупные фестивали *тигтон* (тиб. krig ston). На многие массовые мероприятия приглашаются звезды поп-музыки. Выступления на этих праздниках организуются любителями или полупрофесиональными певцами и танцорами из деревень, округов и уездов. Несмотря на то, что тексты песен для выступления на праздниках подвергаются цензуре, она не строгая и часто пропускает песни с завуалированным политическим содержанием[27].

Музыкальные конкурсы стали важной частью всех праздников в Тибете. Даже на провинциальных конкурсах победителям вручается крупный денежный приз. Однако на крупные мероприятия сложно попасть, если участники не состоят в государственных ансамблях. Кроме того, существует судейская предвзятость в отношении песен на китайском языке, песен в китаизированном стиле, песен, которые восхваляют местных лидеров или Китай[28].

В 2003 г. в Лхасе появилась рок-группа «Небесный металл» (тиб. gnam lcags, англ. Vajara band), представленная новым поколением тибетских музыкантов, чье творчество не похоже на предшествующие музыкальные течения. Тексты песен написаны на тибетском языке, посвящены городской жизни Лхасы и рассчитаны на городскую молодежь. Мелодия и ритм в основном подражают западной музыке; используются некоторые традиционные тибетские инструменты. Репертуар группы включает рэп, панк, рок и традиционные тибетские песни в современной аранжировке. Можно сказать, что

[26] Ibid. P. 296.

[27] *Morcom A.* Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 69.

[28] Ibid. P. 70.

данный продукт ориентирован на глобальный рынок и вполне мог бы занять место в западных музыкальных чартах[29].

Развитие кинематографа и современной музыки в ТАР было бы невозможно без распространения вещательных СМИ. В 1953 г. при помощи Народно-освободительной Армии Китая (НОАК) в Тибете была создана первая станция проводного вещания. В 1959 г. трансляцию начала Тибетская народная станция радиовещания[30].

В 1971 г. в провинции Цинхай, где проживает треть тибетского населения, появилась первая телевизионная станция. Несмотря на то, что 18 % населения провинции в то время составляли тибетцы, первые 13 лет трансляции велись на китайском языке. Вещание на тибетском языке появилось только в 1984 г. и длилось по 15 минут три раза в неделю. В 2006 г. время вещания увеличилось до 3 часов ежедневно[31].

Первая телевизионная станция в ТАР появилась в 1985 г. В 1993 г. была создана тибетская станция кабельного телевидения, а годом позже — Лхасская станция. В 1995 г. был основан Тибетский трансляционный центр теле- и радиовещания и телевизионного производства[32]. Согласно статистике, к 2004 г. охват телевизионным вещанием в ТАР составлял 55 %. В 2007 г. в ТАР функционировало четыре радиоканала и три телеканала, а также было доступно около 50 кабельных каналов аналогового телевещания[33].

Изначально трансляции на двух телевизионных каналах велись в основном на китайском языке; только 15 % информации переводилось на тибетский язык. В 1999 г. появился тибетоязычный третий канал, хотя большая часть программ представляла собой перевод китайских оригиналов. До сих пор развитие телевещания на диалектах тибетского языка практически не получает государственной поддержки. На цинхайском телевидении выходит несколько программ на амдоском диалекте (тиб. a mdo'i skad). Несмотря на то, что Тибетская радиостанция и радиостанция Чэнду ведут трансляции на камском диалекте (тиб. khams skad), телевизионное вещание для данного языкового сообщества отсутствует[34].

---

[29] *Yangdon Dhondup*. Dancing to the Beat of Modernity: the Rise and Development of Tibetan Pop Music. P. 301.

[30] *Morcom A*. Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 54.

[31] *Barnett R.* Television Drama Series in Tibet // Tibetan Arts In Transition. A Journey through Theatre, Cinema and Painting. Seminars Proceedings. Rome, 2009. P. 51.

[32] *Morcom A.* Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. P. 54.

[33] *Barnett R.* Television Drama Series in Tibet. P. 54.

[34] Ibid.

В течение последних 50 лет в КНР начали снимать фильмы, имеющие отношение к Тибету. К таким фильмам относятся не только работы, в создании которых принимали участие тибетцы, но и работы, связанные с Тибетом; фильмы, в которых события разворачиваются в Тибете и т. д. С 1987 г. около десяти фильмов было снято во Франции, США, Тайване, Гонконге. Многие из них широко обсуждались, в то время как китайские фильмы известны гораздо меньше.

В КНР первый фильм на тибетскую тему — «Золотая и серебряная долина» (тиб. gser dngul thang, кит. Цзинь инь тань 金银滩) — был снят на берегах озера Кукунор (тиб. mtsho sngon po, кит. Цинхай ху 青海湖) в 1953 г. киностудией Чанчунь (кит. Чанчунь дяньин цзитуань гунсы 长春电影集团公司), в настоящее время одной из крупнейших кинокомпаний в Китае[35]. Остальные фильмы также снимались при содействии и полной финансовой поддержке государства, поскольку частным лицам и производственно-коммерческим компаниям до 2002 г. было запрещено снимать художественные фильмы[36].

С 1930-х гг. члены КПК, занятые в интеллектуальной деятельности и деятельности, связанной с искусством, так или иначе были связаны и с кинематографом. Кинематограф как средство пропаганды также использовался в борьбе националистической и коммунистической партий.

Фильмы на тибетскую тему рассказывали об отдельных представителях тибетской нации — рабочих, крестьянах, интеллигенции и т. д. Одним из наиболее влиятельных и популярных фильмов стал «Крепостной» (тиб. zhing bran, кит. Нунну 农奴, 1963 г.), известный среди тибетцев под названием «Джампа» (тиб. byams pa, имя главного героя) режиссера Ли Цзюнь (кит. 李俊). В данном фильме, как и в музыке, литературе и других формах искусств того времени, Тибет изображался как феодальное общество, полное жестокости. Фильм рассказывает о тибетском крепостном мальчике по имени Джампа, которого после многих лет жестокого обращения в доме его крепостника Ванггьела (тиб. dbang rgyal) освобождает НОАК. Это первый фильм китайского производства, где все главные актеры и исполнители закадровых песен — тибетцы[37].

---

[35] *Chenaktshang Dorje Tsering (Jangbu).* Reflections on Tibetan film // Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. PIATS 2003: Tibetan Studies. Proceeding of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Leiden; Boston: Hotei Publishing, IDC Publishers, Martinus Nijhoff Publishers and VSP, 2008. P. 270.

[36] *Chenaktshang Dorje Tsering (Jangbu).* Reflections on Tibetan film. P. 279.

[37] Ibid. P. 272–275.

Фильм создавался как средство политической пропаганды по установленным канонам КПК. Все герои разделены на хороших (солдаты НОАК, тибетцы, поддерживающие их) и плохих (ламы, крепостники, реакционеры). На роль «плохих» героев были выбраны актеры менее приятной внешности, иногда с физическими недостатками. Солдаты НОАК, напротив, постоянно улыбаются, совершают исключительно добрые поступки — оказывают медицинскую помощь больным, строят дороги, распространяют образование, наказывают коварных и хитрых людей и т. д.[38]

Около десяти аналогичных фильмов о тибетских крепостных были сняты во время правления Мао — «Красное солнце на горе Кха» (тиб. kha ri'i nyi ma dmar po, кит. Кэ шань хун жи 柯山红日, 1953 г.), «Рассвет на реке Манг» (тиб. mang chu'i skya rengs, кит. Мэн хэ дэ лимин 蒙河的犁明, 1955 г.), «По ту сторону Янцзы» (тиб. 'bri chu'i 'gram du; кит. Цзиньшацзян пань 金沙江畔, 1963 г.)[39].

Начиная с периода правления Дэн Сяопина, во время экономических реформ и открытия новых возможностей во всех сферах современного тибетского искусства, образ Тибета смягчается и в кинематографе. Тибет изображается как более спокойное, мирное место. Примером может служить фильм «Конокрад» (тиб. rta rkun, кит. Даомацзэй 盗马贼), созданный режиссером Тянь Чжуанчжуаном (кит. 田壮壮) и Сианьской киностудией в 1986 г. (кит. Сиань дяньин чжипяньчан 西安電影製片廠)[40]. «Конокрад» является первым китайским фильмом о Тибете, выпущенным в прокат на Западе[41]. Кинокартина представляет собой фактически обзор тибетских традиций. Фильм получил хорошие отзывы на Западе.

С 1990-х гг. тибетские деятели искусства, фотографы, актеры и литераторы, члены Тибетской ассоциации литературы и искусства (тиб. bod rang skyong ljongs kyi rtsom rig sgyu rtsal lhan tshogs) обратились к кинематографу; велись споры о судьбе этого вида изобразительного искусства, проблемах финансирования и нехватки профессиональных тибетских операторов и режиссеров[42].

---

[38] Ibid. P. 276.

[39] Ibid. P. 280–281.

[40] Ibid. P. 277.

[41] *Jamyang Norbu*. The happy light bioscope theatre & other stories (part 2) [Электронный ресурс] // Phayul. URL: http://www.phayul.com/news/article.aspx?id=26696&t=1&c=4 (дата обращения: 10.05.2014).

[42] *Dorje Tsering*. On the Relationship between Literature and Cinema in Tibet // Tibetan Arts In Transition. A Journey through Theatre, Cinema and Painting. Seminars Proceedings. Rome, 2009. P. 76.

Несмотря на растущую популярность кинематографа, до 2002 г. тибетцы не принимали серьезного участия в создании фильмов — ни как режиссеры, ни как операторы или костюмеры; не было создано ни одного сценария на тибетском языке; тибетские актеры не имели большого влияния при создании кинокартин[43].

Первый сценарием, написанным тибетцем на китайском языке, можно считать пьесу Таши Давы «Еше Долма» (тиб. ye shes sgrol ma, кит. Иси Чжома 益西卓玛, 2000 г.), вышедшую в мировой прокат под названием «Песня Тибета»[44].

По многим романам и пьесам Таши Давы были созданы телеспектакли, в том числе переведенные на тибетский язык. Например, роман «Ночь без света звезд» (кит. Мэйю сингуан дэ е 没有星光的夜) был экранизирован на тибетском языке под названием «Отважный человек из Кама» (тиб. khams pa'i pho rgod). Произведения других тибетских авторов, пишущих на китайском языке — Келзанг Цетена (тиб. skal bzang tshe brtan), Гонпо Таши (тиб. mgon po bkra shis), Тадина (тиб. rta mgrin) и др. также были экранизированы[45].

В настоящее время все больше и больше тибетских писателей обращаются к кинематографу: Ньима Дондуб, Жиде Ньима (тиб. zhi bde nyi ma), Ригден Гьяцо, Кьябчен Дедол, Тенпа Яргье, Таши Пелден, Чоне Юм Церинг (тиб. co ne yum tshe ring), Додаг (тиб. rdo grags), Церинг Дондуб, Кьюнгтар Гьел (тиб. khyung thar rgyal), Гангжун (тиб. gangs zhun) и др.[46] Часто их произведения экранизируются в форме телеспектаклей.

Многосерийные телеспектакли получили огромную популярность в Тибете. Первые китайские сериалы с дублированным переводом на тибетский язык начали транслироваться на двух лхасских телеканалах с 1985 г.[47]

На тибетскую тематику было создано около 28 сериалов из 350 серий. Только три из них снимались на тибетском языке. Американский исследователь Роберт Барнетт объединил их в следующие хронологические группы.

1. Ганьсу-цинхайские телевизионные спектакли на тему революционной борьбы (сер. 1980-х — нач. 1990-х гг.): трехсерийная мелодрама «Цветок Суру» (тиб. su ru me tog, кит. Сулу мэйдо 苏鲁梅朵),

[43] *Chenaktshang Dorje Tsering (Jangbu).* Reflections on Tibetan film. P. 279.
[44] Ibid. P. 281.
[45] *Dorje Tsering*. On the Relationship between Literature and Cinema in Tibet. P. 77.
[46] Ibid.
[47] *Barnett R*. Television Drama Series in Tibet. P. 56.

ТВ Ганьсу, 1984 г.), трехсерийная военная драма «Дорога, подобная небу» (кит. Тяньлу 天路, Цинхайское ТВ, 1984 г.), трехсерийная драматизация тибетского эпоса «Царь Гесар» (кит. Гэсаэр ван 格萨尔王) и др.

2. Первая волна пекинских телесериалов центрального китайского телевидения (CCTV) на тибетскую тематику (сер. 1990-х гг.): 12-серийный «Снежный обвал» (кит. Сюэ чжэн 雪征) о тибетской борьбе с Гоминьданом в Каме в 1951 г., драма «Дорога, подобная небу» (тиб. mkha' mnyam gzhung lam, кит. Тяньлу 天路), 25-серийная историческая реконструкция политической борьбы в Тибете в 1950-х гг. «Тибетский ветер и облака» (кит. Сицзан фэнъюнь 西藏风云) или «Время перемен в Тибете» (тиб. bod kyi dus 'gyur), 20-серийная реконструкция «Принцесса Вэньчэн» (кит. Вэньчэн гунчжу 文成公主) и др.

3. Семейные драмы, снятые в Лхасе для ТВ ТАР (кон. 1990-х — 2000-е гг.): «Стремление к Лхасе» (кит. Сянван Ласа 向往拉萨, 1997 г.), шестисерийная мелодрама «Хризантема с восьмью лепестками» или «Цветок келзанг с восьмью лепестками» (тиб. skal bzang me tog 'dab brgyad ma, кит. Гэсан мэйдо 格桑梅朵, 2001 г.), одна из наиболее популярных семейных драм 20-серийная история лхасской аристократической семьи «Истории прошлого Лхасы» (кит. Ласа ванши 拉萨往事, ТАР ТВ и CCTV, 2002 г.), первая тибетская ситуационная комедия «Счастливая жизнь» (тиб. spro snang ldan pa'i 'tsho ba, 2008 г.).

4. Вторая волна телесериалов, произведенных и транслировавшихся CCTV с 2003 г. — дорогостоящие многосерийные исторические художественные фильмы о событиях в Тибете в 1930–1940-х гг.: «Осевшая пыль» (кит. Чэнь ай ло дин 尘埃落定, 2003 г.) по одноименному роману Алая, «Песнь о Кандине» (кит. Кандин цингэ 康定情歌, 2004 г.), «Древний чайный путь» (кит. Ча ма гу дао 茶马古道, 2005 г.), «Шангри-ла» (кит. Сянгэлила 香格里拉, в производстве с 2007 г.).

5. Цинхайские комедии и фильмы на фольклорные темы (с 2008 г.) — первые сериалы, снятые тибетскими режиссерами на тибетском языке: «Предсказатель с головой свиньи» (тиб. mo ston phag mgo, кит. Чжутоу гуаши 猪头卦师, реж. Жиде Ньима, 2008 г.), «Истории вчерашнего дня» (тиб. kha sang gig tam rgyud, кит. Цзотянь дэ гуши 昨天的故事, реж. Додаг, 2009 г.), «По ту сторону гор» (тиб. ri'i pha rol), или «Браслет из слоновой кости» (тиб. ba so'i gdu bu, реж. Чоне Юм Церинг, 2008 г.)[48].

[48] Ibid. P. 58–61.

В 1992 г. был завершен тибетоязычный полнометражный фильм писателя, продюсера и режиссера из Амдо Пагмо Таши (тиб. phag mo bkra shis) «Стремление [к лугам]» (тиб. rtswa thang gi ‘khren zhen/ ‘khren zhen), также известный под названием «Ньима Церинг и Дава Долма» (тиб. nyi ma tshe ring dang zla ba sgrol ma, имена главных героев). Фильм повествует о переживаниях кочевника, ставшего конторским служащим в Синине, утратившего любовь, потерявшего семью и традиции. Фильм транслировался по Цинхайскому телевидению в 1993 г., но никогда не показывался в кинотеатрах[49].

Писатель Пема Цетен, один из наиболее известных современных тибетских режиссеров, стал первым тибетцем, окончившим в 2005 г. Пекинский университет кинематографии. Он является сценаристом и режиссером двух популярных фильмов — короткометражного «Луг» (тиб. rtsa’i thang, кит. Цаоюань 草原, 2004 г.) и полнометражного «Тихий камень *мани»* (тиб. lhing ‘jags kyi ma Ni rdo ‘bum, кит. Цзинцзин дэ мани ши 靜靜的嘛呢石, 2005 г.), выигравшего престижный китайский конкурс молодых режиссеров[50]. Фильм также был номинирован на премию «Новые течения» на 10-м Международном кинофестивале в Пусане[51].

В 2006 г. вышел полнометражный мистический фильм «Миларепа» об учителе тибетского буддизма молодого ламы из уезда Гонджо (восточный Кам) Сонама (тиб. bsod nams). В этом же году в Индии вышел одноименный фильм бутанского ламы Нетен Чоглинг-ринпоче (тиб. gnas brtan mchog gling rin po che). Другие известные тибетские режиссеры — Ригден Гьяцо из Амдо (тиб. rigs ldan rgya mtsho), первая тибетская женщина-режиссер Эр Мао и первый режиссер из Центрального Тибета Долма (тиб. sgrol ma). Они продолжают создавать фильмы на тему столкновения Тибета и современности[52].

Одной из тенденций современного тибетского кинематографа является создание документальных фильмов. Большинство документалистов — режиссеры из Амдо или студенты кинематографических учебных заведений. Некоторые из них — выпускники англоязычных программ Цинхайского педагогического универси-

---

[49] *Dorje Tsering.* On the Relationship between Literature and Cinema in Tibet. P. 77; Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. PIATS 2003: Tibetan Studies. Proceeding of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Managing Editor: Charles Rambler. Leiden, Boston, 2008. P. 267.

[50] Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. P. 268.

[51] Three times [Электронный ресурс] // Busan International Film Festival. URL: http://www.biff.kr/eng/html/archive/arc_history10_02.asp (дата обращения: 10.05.2014).

[52] Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. P. 269.

тета в Синине. Одними из наиболее известных документалистов являются Пагпа Дондуб (тиб. ‘phags pa don grub, кит. Пухуа Дуньчжу 普华丹珠) и Ченагцанг Дордже Церинг (тиб. lce nag tshang rdo rje tshe ring)[53].

Пагпа Дондуб изучал кинематографию в Великобритании и создал серию этнографических исследований тибетского образа в сельской местности и монастырях — «Тибетская деревенская свадьба» (тиб. bod kyi grong sde’i gnyen ston, 35 минут, 2005 г.), «Совершенство мудрости» (тиб. shes rab kyi pha rol, 27 минут, 2006 г.), «Жизнь тибетской женщины» (тиб. bod kyi bud med cig gi mi tshe, 52 минуты, 2006 г.). Фильмы были доступны в Интернете на сайте www.lulu.com, а также транслировались по телевидению за рубежом. В КНР они показаны не были[54].

Известный поэт и автор рассказов Ченагцанг Дордже Церинг также создал ряд документальных фильмов: «Мантрин» (тиб. sngags pa, 50 минут, 2005 г.), «Лхаджам — тибетская монахиня» (тиб. bod pa’i btsun ma a ne lha byams, 26 минут, 2007 г.), «Кукунор» (тиб. ko ko nor, 52 минуты, 2008 г.) и др.[55]

Среди современной тибетской молодежи (как студентов профессиональных учреждений, так и любителей) стало популярным создание короткометражных фильмов, призывающих сохранять и распространять тибетскую культуру[56].

Сегодня многие тибетцы посещают киношколы и после изучения основ кинематографии начинают снимать собственные фильмы. Одним из первых был уже упоминаемый режиссер Пема Цетен и его выпускная работа «Луг». К лучшим фильмам этого жанра сам Пема Цетен относит фильмы «Судьба» (тиб. las dbang, Лхаса) студента Пекинской академии кинематографии Цултим Зангпо (тиб. tshul khrims bzang po), «Водитель и лама» (тиб. kha lo ba dang bla ma, Ганьсу) выпускницы Колледжа многосерийного кино при Пекинской академии кинематографии Ринчен Долмы (тиб. rin chen sgrol ma), «Счастье деревни Таба» (тиб. tha ba sde ba’i bde skyid, Ганьсу) известного поэта и студента факультета режиссуры Пекинской академии кинематографии Цеванг Норбу (тиб. tshe dbang nor bu), «Коралловые бусы» (тиб. byu ru’i ske rgyan, Цинхай) известного комика,

[53] *Barnett R*. Documentaries by Tibetans in Tibet: the Digital Era // Latse Journal. Vol. 7. New York: Trace Foundation, 2011–2012. P. 49.

[54] Ibid.

[55] Ibid. P. 51.

[56] *Pema Tseden*. A Brief Introduction to New Student Short Films in the Tibetan Language // Latse Journal. Vol. 7. New York: Trace Foundation, 2011–2012. P. 58.

бывшего студента Сианьской академии кинематографии Жиде Ньимы (тиб. zhi bde nyi ma), «Барабанная дробь Тибета» (тиб. bod yul gyi rnga sgra, Цинхай) студента школы непрерывного образования при Пекинской академии кинематографии Лугьел Ярде (тиб. klu rgyal yar ‘ded), «Капля крови с лугов» (тиб. rtswa thang gi khrag thigs, Цинхай) студента Китайского университета связи Норданга (тиб. nor brang)[57].

В течение последних нескольких лет выросло также число короткометражных фильмов, созданных студентами-любителями. В основном фильмы посвящены описанию студенческой жизни. В качестве наиболее известных Пема Цетен называет работу «Улыбка Шераба» (тиб. shes rab kyi ‘dzam mdangs) Пацен Цетена (тиб. dpa’ btsan tshe brtan) и Лхамо Цетен (тиб. lha mo tshe brtan), «Путь» (тиб. lam) Катуб Таши (тиб. dka’ thub bkra shis), «Путь» (тиб. lam) Тендзин Ньимы (тиб. bstan ‘dzin nyi ma) и др.[58]

Иначе происходит развитие современного искусства в тибетской диаспоре. Правительство Тибета в изгнании, международные гуманитарные организации и частные спонсоры всячески поддерживают сохранение культурного наследия Тибета в диаспоре. Стремление сохранить язык, религию и традиционное искусство обусловлено контролем над тибетской культурой китайских властей и интеграцией тибетцев в индийское и западное сообщества. Кроме того, сохранение традиционного уклада жизни имеет для тибетцев практическое значение — возможность возвращения на родину для них связана с сохранением национальной принадлежности и традиций, что особенно важно для детей, рожденных в изгнании. Тибетцы пытаются сохранить свою культуру неизменной, что не может не влиять на развитие современного искусства[59].

Поддержка традиционного тибетского искусства осуществляется в Дхарамсале на государственном уровне правительством во главе с Далай-ламой, закрепляется образовательными программами в школах и институтах, продвигается посредством специальных туристических программ, спонсируемых властями и т. д. Важную роль для сохранения и развития тибетского искусства в изгнании играет Тибетский институт сценического искусства (ТИСИ, англ. Tibetan Institute for Performing Arts, TIPA) — государственный исследо-

[57] Ibid. P. 58–60.

[58] Ibid. P. 61–62.

[59] *Diehl K.* Echoes from Dharamsala: music in the life of a Tibetan refugee community. London: University of California Press, 2002. P. 66.

вательский, образовательный и культурный центр, основанный Далай-ламой в 1969 г. в Калимпонге. ТИСИ создан для сохранения традиционной тибетской музыки, танца и оперы и осуществляет профессиональную подготовку артистов, организует их выступления, а также обучает преподавателей начальных и средних тибетских школ диаспоры в Южной Азии. Ансамбль ТИСИ единственный в мире занимается постановками традиционной тибетской оперы, а для многих беженцев все создаваемые в ТИСИ произведения приравниваются к традиционному тибетскому искусству. Но на самом деле оперы, которые ставятся в ТИСИ, являются лишь упрощенными версиями оригинальных произведений[60].

Также на тибетцев оказывает влияние индийская культура и современные виды искусства. Так, огромную популярность среди тибетских беженцев всех возрастов приобрели индийские фильмы и поп-музыка[61].

Западный рок-н-ролл — еще один популярный современный музыкальный стиль в тибетской диаспоре. Тибетцы, рожденные и выросшие в Катманду, Дарджилинге или Дхарамсале с детства слышали кассетные записи «Иглз», Пола Маккартни, Эрика Клэптона[62]. Для всех тибетцев Запад — это символ свободы, предлагающий социальную альтернативу феодализму, теократии или коммунизму. Для многих представителей тибетской молодежи западный рок-н-ролл — помощник в борьбе за независимость, источник надежды, поддержки и вдохновения, ставший частью идеологии, средством реализации социальных изменений. Рок-н-ролл также воспринимается как часть западной поп-культуры и моды[63].

Первая современная песня, созданная в Дхарамсале под влиянием западной поп и рок-музыки, «Ты — любимая Лхамо» (тиб. khyed ni brtse ldan lha mo) была исполнена группой молодых тибетских студентов в 1970 г. и до сих пор пользуется популярностью.

Первые тибетские современные песни, написанные в Индии, были созданы молодыми музыкантами из ТИСИ. Эти песни в основном исполнялись под гитарный аккомпанемент из простых аккордовых последовательностей или тибетскую лютню *даньен*. Так, песня «Эта родина принадлежит всем нам» (тиб. pha yul de nga tsho'i tshang ma red) известного тибетского писателя и политического деятеля,

[60] Ibid. P. 71.

[61] Ibid. P. 123.

[62] Ibid. P. 145.

[63] Ibid. P. 168.

одного из самых противоречивых руководителей ТИСИ Джамъянг Норбу, была написана на мелодию американской классики «Эта земля наша» (англ. «This land is your land») Вуди Гатри до сих пор пользуется популярностью в тибетской диаспоре[64].

В начале 1980-х гг. популярность в Дхарамсале приобрели рок-группы западных буддистов, такие как Subterranean Vajra Hammer, Dharma Bums[65].

Только в 1988 г. появилась первая кассета, записанная тибетцами в изгнании в духе западного фолк-рока под названием «Современные тибетские народные песни». Авторами записи были трое молодых тибетцев из Дхарамсалы, называющие себя «Молодежь свободы» (тиб. rang btsan gzhon nu). Их песни охватывали широкий круг тем — от борьбы за политическую независимость Тибета до традиционной тибетской еды. Песни были исполнены под гитару и на основе простых вокальных гармоний. В 1990 г. Церинг Пелджор (тиб. tshe ring dpal ‘byor), известный гитарист группы, выросший на западных поп и кантри-хитах «Хрустальный ковбой» (англ. «Rhinestone Cowboy», 1975 г.) и «Повяжи желтую ленту вокруг старого дуба» (англ. «Tie a Yellow Ribbon ‘Round the Old Oak Tree», 1973 г.), выпустил сольную кассету под названием «Семена свободы» (тиб. rang btsan son rtsa). Для записи кассеты он взял у друга гитару и арендовал студию звукозаписи на две ночи. В 1994 г. Пелджор присоединился к дхарамсальской группе «Yak band»[66].

В 1990 г. вышла кассета «Тибетские песни» новой группы из ТИСИ, записанная в честь получения Далай-ламой в 1989 г. Нобелевской премии мира. Кассета представляла собой смесь современной музыки и традиционных тибетских песен, исполненных под аккомпанемент драм-машины. Запись была примечательна тем, что музыканты добавили в современные поп-роковые композиции традиционные инструменты, вокальные техники и народные мелодии[67].

В 1995 г. вышли кассеты Yak band и Ah-Ka-Ma Band. В них впервые использовались электро и ритм-гитары, бас-гитары и барабанные установки, что позволило говорить о появлении тибетского рок-н-ролла[68]. Ah-Ka-Ma Band зародилась в ТИСИ, вследствие чего получала большую поддержку официальных властей. Группа выступала

[64] *Diehl K.* Echoes from Dharamsala: music in the life of a Tibetan refugee community. P. 179.

[65] Ibid. P. 180.

[66] Ibid. P. 182.

[67] Ibid. P. 183.

[68] Ibid.

на широко освещаемых рок-вечерах в рамках ежегодных оперных фестивалей, организуемых ТИСИ; ее песни транслировались на массовых мероприятиях и праздниках. Несмотря на то, что музыка группы были интересной — включала электронные эффекты и традиционные тибетские инструменты флейту, цимбалы, лютню — тексты песен были достаточно однообразны и в основном содержали восхваления учителей ТИСИ и института в целом. Выпуск альбома «Akama» (2000 г.) был приурочен к 60-летней годовщине правления Далай-ламы[69].

В 1990-е гг. около 12 музыкальных групп и исполнителей из всей тибетской диаспоры выпустили кассеты. Многие из них подражали мягкому фолк-року «Молодежи свободы» или азиатскому попу. Более поздние альбомы записаны под сильным влиянием музыки индийских фильмов, непальского попа и американского рэпа, приобретающего огромную популярность среди тибетской молодежи[70].

Интересными музыкальными экспериментами стали кассета «Тибетская радуга Джа» (англ. «Rainbow Tibetan hJah» (1991), CD-диск «Возрождение» (англ. «Renewal», 1999) и CD-диск «Родина» (тиб. pha yul, 2001), созданные бывшими работниками ТИСИ, живущими в Северной Америке. Двое из них — Таши Дондуб (тиб. bkra shis don grub), известный также как Течунг (тиб. bkras chung), и Сонам Таши (тиб. bsod nams bkra shis) — являются также членами и создателями успешного ансамбля тибетского танца и оперы «Chaksam-pa» в Сан-Франциско. Альбомы представляли собой современную тибетскую музыку, исполненную на традиционных инструментах. Течунг совместно с пианистом Китом Уолкером (англ. Kit Walker) также выпускал сольные диски «Ярлунг: тибетские песни о любви и свободе» (англ. «Yarlung: Tibetan songs of Love and Freedom»), «Небесное сокровище» (англ. «Sky Treasure»)[71].

Многие члены тибетской диаспоры по всему миру нашли свои ниши на музыкальном рынке, однако количество тибетских музыкантов очень невелико. Несмотря на отсутствие китайского давления, тибетские музыканты в изгнании также сталкиваются с социальными, культурными и финансовыми сложностями при выборе музыкальной сферы деятельности. С одной стороны, каждый тибетец, занимающийся музыкой, считает своим долгом способствовать сохранению культурного наследия Тибета, с другой стороны, в обществе

[69] Ibid. P. 184.

[70] Ibid.

[71] Ibid. P. 185.

карьера музыканта в современном смысле слова не одобряется. В тибетском сообществе не поощряется поведение, подчеркивающее собственную значимость и индивидуальные достижения. Над артистами, дающими публичные концерты, подсмеиваются, их освистывают, поэтому авторы и композиторы в Дхарамсале предпочитают избегать публичных выступлений[72].

Молодые тибетские авторы также сталкиваются с языковыми трудностями, в связи с чем общей практикой стало обращение к старшему поколению — эрудированной аристократии и религиозным ученым при написании текстов песен. Музыканты предоставляют им лишь тему и ритмическую структуру будущей песни. Современные тибетские песни в основном призывают тибетцев объединиться и бороться за независимость. Популярными темами также являются исторические события, выражение грусти по утраченной прекрасной родине, восхваление Далай-ламы и других религиозных деятелей. Такая практика компенсирует (а иногда и скрывает) языковую некомпетентность молодого поколения, а также добавляет значимости музыкальному продукту. Однако большинство текстов написаны таким хорошим языком, что в силу плохого знания тибетского языка немногие слушатели и даже исполнители могут понять смысл этих популярных песен[73].

Таким образом, развитие культуры тибетского сообщества в ТАР и диаспоре происходит в условиях ограничений. В ТАР ограничивающим и иногда деструктивным фактором является влияние китайского правительства. В диаспоре тибетцы интегрированы в индийское сообщество и, с одной стороны, подвержены влиянию индийской культуры, с другой — стараются искусственно сохранить традиционную культуру неизменной. Кроме того, глобализация не позволяет тибетскому сообществу оставаться исключительно в рамках своей собственной культуры. Современные виды искусства смешиваются с собственно тибетскими, а также китайскими, индийскими и западными. Тибетцы в ТАР и в диаспоре пытаются найти собственное место в современном мире и создать современную, отличную от других культуру.

[72] Ibid. P. 194.
[73] Ibid. P. 231.

Изучение современной тибетской литературы — новая область тибетологии

В данном разделе рассматриваются современные западные исследования, посвященные анализу явлений литературного процесса в тибетских автономных административных образованиях КНР (с начала 1980-х гг.) и в тибетской диаспоре за пределами КНР (прежде всего, в Индии (с начала 1990-х гг.).

Основой для описания служат два сборника научных статей, посвященных современной тибетской литературе: «Исследования современной тибетской литературы» (2007)[1] под редакцией и с вводной статьей Стивена Дж. Вентурино[2] и «Современная тибетская литература и социальные изменения» (2008)[3] под редакцией и с вводной статьей Лоран Р. Хартли и Патриции Скьяффини-Ведани[4], а также с предисловием Мэттью Капстейна[5]. Авторами большей части материалов, опубликованных в этих сборниках, являются участники секций, посвященных современной тибетской литературе, в составе двух представительных конференций: 10-го семинара Международной тибетологической ассоциации (International Association for Tibetan Studies, Oxford, 2003) и ежегодной сессии Ассоциации азиатских исследований (Association for Asian Studies, Chicago, 2001)[6]. Первый сборник включает в себя 9, второй — 15 научных статей, написанных в общей сложности 17 авторами.

---

[1] Contemporary Tibetan Literary Studies. Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies.

[2] *Venturino S. J.* Introduction: Approaching Contemporary Tibetan Literature // Contemporary Tibetan Literary Studies. Leiden: Brill, 2007. P. 1–6.

[3] Modern Tibetan Literature and Social Change.

[4] *Hartley L. R., Schiaffini-Vedani P.* Introduction // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. XIII–XXXVIII.

[5] *Kapstein M. T.* Preface // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. VII–X.

[6] URL: https://www.asian-studies.org/absts/2001abst/China/Sessions.htm#S41 (дата обращения: 13.10.2014).

Авторы многих из представленных статей рассматривают процесс возникновения современной тибетской литературы под воздействием изменения идеологических установок и политического климата в КНР после окончания «культурной революции» (1966–1976), а также не слишком продолжительную, но все же историю развития современной тибетской литературы, ее нынешнее состояние и перспективы, а также — ретроспективно — предысторию. Так, в статье «Рост значения термина rtsom rig в тибетском литературном дискурсе»[7] Лоран Р. Хартли прослеживает историю возникновения термина «литература» (тиб. rtsom rig, кит. вэньсюэ 文学, в тибетском языке он возник благодаря китайскому влиянию). Этот термин в последующем стал употребляться применительно к литературе нового типа, в отличие от термина «кавья», обозначающего литературные произведения, которые до сих пор создаются тибетцами в традициях классической индийской поэтики, занимающей место первой из пяти «малых» индо-тибетских буддийских средневековых наук, наряду с синонимией, метрикой, астрологией и драматургией/хореографией. Историческим аспектам посвящены также статьи Церинг Шакьи «Развитие современной тибетской литературы в Китайской Народной Республике в 1980-е гг.»[8] и Хорцанг Джигме (тиб. hor tshang ‘jigs med) «Тибетская литература в диаспоре»[9].

Предметом рассмотрения статьи Лоран Р. Хартли «Неортодоксальные взгляды и новые ортодоксальные стихотворения: тибетские писатели в начале и середине XX в.»[10] является творчество литературных предшественников современных тибетских писателей: Гедун Чопела (1903–1951), Гитенг-ринпоче (1881–1944), Шелкар Лингпы и других. Нэнси Дж. Линь в статье «Дондуб Гьел и переработка тибетской “Рамаяны”»[11] анализирует связи современной тибетской литературы со средневековыми литературными традициями и переосмысление последних на примере литературных проектов

[7] *Hartley L*. Ascendancy of the Term Rtsom-rig in Tibetan Literary Discourse // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 7–22.

[8] *Tsering Shakya*. The Development of Modern Tibetan Literature in the People’s Republic of China in the 1980s // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 61–85.

[9] *Hortsang Jigme*. Tibetan Literature in the Diaspora // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 281–300.

[10] *Hartley L. R.* Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 3–31.

[11] *Lin N. G*. Dondrup Gyel and the Remaking of the Tibetan Ramayana // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 86–111.

выдающегося тибетского писателя Дондуб Гьела (1953–1985), направленных на современную переработку текстов тибетской «Рамаяны». Статья Джамъянг Дагпы (тиб. ‘jam dbyangs grags pa) «Анализ стихотворения “Юный Дондруп-посланник”»[12] представляет собой исследование стихотворения Лозанг Пелдена (тиб. blo bzang dpal ldan, 1881–1944) и влияния этого стихотворения на тибетскую литературу 1980-х гг.

Один из вопросов, активно обсуждаемых в контексте определения границ современной тибетской литературы, затрагивает этническую и языковую принадлежность авторов произведений, и позиция ряда участников тибетского литературного процесса заключается в том, что тибетская литература включает в себя только произведения, написанные на тибетском языке. Этот и связанные с ним вопросы обсуждаются в следующих работах: Патриция Скьяффини-Ведани «Изменения самоидентификации: создание “тибетских” литературных голосов в КНР»[13] и ««Кондор” летит над Тибетом: Чжаси (Таши) Дава и значение тибетского магического реализма»[14], Янгдон Дондуб «Рык снежного льва: тибетская поэзия на китайском языке»[15], Стивен Дж. Вентурино «Включение тибетской прозы в мир литературоведения: “Мандала Шерлока Холмса” Джамъянг Норбу»[16], Лара Макони «Один народ, два дискурса: тибетская литература новой эпохи и языковые дебаты»[17], Говард У. Ф. Чой «В поисках (вопрошании) своего “Я”: идентичность и идиотизм в “Алых маках” Алая»[18]. Перечисленные статьи посвящены литературным произведениям на китайском и английском языках, сам факт принадлежности этих произведений к тибетской литературе признается не всеми тибетскими писателями, критиками и литературоведами.

---

[12] *Jamyang Drakpa*. An Analysis of the Poem “Young Dondrup the Courier” // Contemporary Tibetan Literary Studies. Leiden: Brill, 2007. P. 95–110.

[13] *Schiaffini P*. Changing Identities: The Creation of ‘Tibetan’ Literary Voices in the PRC // Contemporary Tibetan Literary Studies. Leiden: Brill, 2007. P. 111–132.

[14] *Schiaffini-Vedani P*. The «Condor» Flies over Tibet: Zhaxi Dawa and the Significance of Tibetan Magical Realism // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 202–224.

[15] *Yangdon Dhondup*. Roar of the Snow Lion: Tibetan Poetry in Chinese // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 32–60.

[16] *Venturino S. J*. Placing Tibetan Fiction in a World of Literary Studies: Jamyang Norbu’s The Mandala of Sherlock Holmes // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 301–382.

[17] *Maconi L*. One Nation, Two Discourses: Tibetan New Era Literature and the Language Debate // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 173–201.

[18] *Choy H. Y. F*. In Quest(ion) of an «I»: Identity and Idiocy in Alai’s Red Poppies // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham; London. Duke University Press, 2008. P. 225–235.

Закономерности развития отдельных жанров и тематических направлений современной тибетской литературы на фоне богатейших традиций средневековой тибетской литературы раскрываются в таких статьях, как «Истории и история: появление исторической прозы в современном Тибете»[19] и «“Оракулы и демоны” в тибетской литературе сегодня: изображение религии в тибетоязычной художественной прозе»[20] Франсуаз Робэн, «Магический реализм и тибетская литература» Франца Ксавера Эрхарда[21], «Развитие и городское пространство в современной тибетской литературе» Риики Дж. Виртанен[22], «“Сердцебиение нового поколения”: обсуждение новой поэзии»[23] и «Снова о “Сердцебиении нового поколения”» Пема Бума[24].

В статьях Лары Макони «Современная тибетская литература из Шангри-ла: литературная жизнь и деятельность в тибетских областях Юньнань»[25] и Церинг Дондуба «Три современных монголо-тибетских писателя»[26] рассматриваются современные проявления тибетского литературного процесса, наблюдаемые в различных тибетских автономных административных образованиях КНР.

Некоторые организационные аспекты современного литературного процесса отражены в публикациях Грея Таттла «Интервью с Пема Бумом: Тибетская литература и Тибетская библиотека Лаце»[27] и Санггье Гьяцо (Гангжуна) «Современная тибетская литература и возникновение писательских кружков»[28].

---

[19] *Robin F*. Stories and History: the Emergence of Historical Fiction in Contemporary Tibet // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 23–42.

[20] *Robin F*. «Oracles and Demons» in Tibetan Literature Today: Representations of Religion in Tibetan-Medium Fiction // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 148–172.

[21] *Erhard F. X*. Magical Realism and Tibetan Literature // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 133–146.

[22] *Virtanen R. J.* Development and Urban Space in Contemporary Tibetan Literature // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 236–262.

[23] *Pema Bhum*. «Heartbeat of a New Generation»: A Discussion of the New Poetry // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 112–134.

[24] *Pema Bhum*. «Heartbeat of a New Generation» Revisited // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 135–147.

[25] *Maconi L*. Contemporary Tibetan Literature from Shangri-la: Literary Life and Activities in Yunnan Tibetan Areas, 1950–2002 // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 43–86.

[26] *Tsering Dhondup*. Three Contemporary Mongolian-Tibetan Writers // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 87–94.

[27] *Tuttle G*. Interview with Pema Bhum: Tibetan Literature and the Latse Tibetan Library // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 147–158.

[28] *Sangye Gyatso* (Gangzhün). The Rise of Writer Coteries // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 263–280.

Ознакомившись с содержанием сборников научных статей «Исследования современной тибетской литературы» (2007) и «Современная тибетская литература и социальные изменения», можно сделать вывод о том, что изучение современной тибетской литературы, за недолгий срок своего существования прошедшей значительный путь развития и продолжающей бурно развиваться, с начала 2000-х гг. постепенно конституируется как самостоятельная область тибетологии, в рамках которой выполняются диссертационные исследования, организуются секции научных конференций, выпускаются коллективные научные монографии, публикуются художественные переводы произведений. Внимание исследователей привлекают все важные направления изучения современного тибетского литературного процесса: история современной тибетской литературы, проблема этнической и языковой принадлежности авторов, связи с классической тибетской литературой и иными средневековыми и современными литературами, направления новаторства в литературной форме и содержании, особенности развития различных литературных жанров, отражение в литературных произведениях различных сторон жизни современных тибетских обществ, организационные аспекты формирования литературного процесса (писательские кружки, конференции, общества, периодические издания, издательства, библиотеки, исследовательские проекты, деятельность литературных критиков).

В июне 2014 г. в рамках 6-й международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока» впервые прошли заседания отдельной секции «Тибетская письменная традиция и современность» (руководитель П. Л. Гроховский), был издан сборник тезисов и докладов[29]. В секции приняли участие ученые из Германии, Индии, Франции, США, Чехии, Финляндии, Австрии, Канады и России. Санкт-Петербург предоставил площадку для всестороннего обсуждения проблем развития современной тибетской литературы после длительного перерыва в проведении специализированных секций по данной тематике.

Настоящее издание представляет собой первый шаг российских тибетологов к изучению явлений современного тибетского литературного процесса (на тибетском и китайском языках). В приложении помещены переводы ряда наиболее интересных произведений.

[29] Тибетская письменная традиция и современность. Тезисы и доклады. http://www.ifel.spbu.ru/?p=1321 (дата обращения 13.10.2014).

Произведения современной тибетской литературы уже используются на Кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ в рамках учебного процесса при изучении современного тибетского языка, а также при выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ. Собран достаточно большой корпус современных литературных публикаций на тибетском и китайском языках. Поэтому можно надеяться, что первые шаги в исследовании современной тибетской литературы будут продолжены российскими учеными.

Библиография

Источники

На русском языке

Гедун Чопел. Тибетское искусство любви / пер. с англ. М. Малыгиной. М.: Путь к себе, 1996.

Таши Дава. Душа, привязанная на кожаном шнурке / пер. О. Халиной // Современная китайская проза. Жизнь как натянутая струна. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007.

На западных языках

Alai. Red Poppies: An Epic Saga of Old Tibet / Trans. by H. Goldblatt, S. Linchuan Lin. Methuen Publishing Ltd., 2003

Alai. Tibetan Soul / Trans. by K. Gernant and Chen Zeping. Hawai`i University Press, 2012.

Bkra shis dpal ldan (trad. Dhondup, Yangdon). Tomorrow's Weather Will Be Better // Mānoa. 2000. 12. No. 2. Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet. P. 152–161.

Dimitrov D. Śabdālaṃkāradoṣavibhāga. Die Unterscheidung der Lautfiguren und der Fehler. Kritische Ausgabe des dritten Kapitels von Daṇḍins Poetik *Kāvyādarśa* und der tibetischen Übertragung *Scan ṅag me loṅ* samt dem Sanskrit-Kommentar des Ratnaśrījñāna, dem tibetischen Kommentar des Dpaṅ Blo gros brtan pa und einer deutschen Übersetzung des Sanskrit-Grundtextes. Teil 1–3. Marburg, 2007.

Döndrup Tsering. Excerpt from The Red Wind Scream (Rlung dmar 'ur 'ur) / Tr. by Dr. Heather Stoddard // Latse Library Newsletter. 2009–2010. Vol. 6. P. 84–86.

Dondrupgyäl. Le torrent de la jeunesse // Siècle 21. Littérature & société. 2011. № 18. P. 10–14.

English Poems of Gendun Choephel // Lungta. 1995. № 9. Two Thousand Years & More of Tibetan Poetry. P. 12–13.

Hopkins J. Tibetan Arts of Love: Sex, Orgasm & Spiritual Healing. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1992.

Huber T. The Guide to India. The Tibetan Account by Amdo Gendun Chopel. Dharamsala: Indraprastha Press, 2000.

Irina's Hat: New Short Stories From China / Ed. by J. Stenberg. Honolulu: University of Hawai`i Press, 2013.

Jangbu. Nine-Eyed Agate / Trans. by H. Stoddard. Lanham: Rowman and Littlefield, 2010.

Jinpa Th., Lopez D. S. Jr. Grains of Gold: Tales of a Cosmopolitan Traveler. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2014.

Kāvyādarśa. Sanskrit and Tibetan text / Ed. by Anukul Chandra Banerjee. Calcutta: University of Calcutta, 1939.

Lopez D. S. Jr. In the Forest of Faded Wisdom. 104 Poems by Gendun Chopel. [Электронный ресурс]. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. URL: http://books.google.ru/books?id=Da7ussoD2F4C (дата обращения: 23.05.2011).

Lopez D. S. Jr. The Madman's Middle Way. Reflections on Reality of the Tibetan Monk Gendun Chophel [Электронный ресурс] // Chicago; London: University of Chicago Press, 2006. URL: http://books.google.ru/books?id=DxmJmwDBUbkC (дата обращения: 23.05.2011).

Mengele I. dGe-'dun-chos-'phel: A Biography of the 20th-Century Tibetan Scholar. Dharamsala: Indraprastha Press, 1999.

Norbu Tsering. A Sheep Released to Life / Trans. by Weldon, Jim // Pathlight: New Chinese Writing. 2012. 1. P. 91–113.

Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet / Ed. by F. Steward, Herbert J. Batt, Tsering Shakya. Special issue of *Manoa*. 2000. 12. No. 2.

Tales of Tibet: Sky Burials, Prayer Wheels, and Wind Horses / Foreword by Tsering Shakya; ed., translator H. J. Batt. London, Oxford: Rowman & Littlefield, 2001.

Tashi Tsering. The Life of Reverend G. Tharchin, Missionary and Pioneer // Lungta. Iss. no. 11 (Winter 1998). P. 9–10.

Tharchin G. The English-Tibetan-Hindi Pocket Dictionary. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 1965.

Weise. Tibet's True Heart / Trans. by A. E. Clark. Ardsley: Ragged Banner, 2008.

The White Annals (Deb-ther dkar-po) by Gedun Chos-'phel / Trans. from the Tibetan by Norboo Samten. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1978.

На китайском языке

Алай 阿来. Цзышу 自述 (Автобиография) // 小说评论 (Сяошо пинлунь). С. 23–25.

Алай 阿来. Алай вэньцзи дади дэ цзети 阿来文集大地的阶梯 (Собрание эссе Алая: «Лестница с Земли»). Пекин 北京: 人民文学出版社, 2001.

Алай 阿来. «Природа — действующее лицо моих произведений» (阿来: "自然" 是我作品中的角色). Сайт: http://iel.cass.cn/news_show.asp?newsid=7839&detail=1&pagecount=0 (дата обращения 8.11.2012г.)

Еше Тенцзин 益西单增. Синцунь дэ жэнь 幸存的人 (Оставшиеся в живых). Пекин 北京:人民文學出版社, 1981.

Ма Юань 马原. Гандисы дэ юхо 冈底斯的诱惑 (Искушение горы Кайлас). Пекин 北京: 作家出版社, 1985.

Медон 梅卓. Шэсян чжи ай 麝香之爱 (Мускусная любовь). Лхаса 拉萨: 西藏人民出版社, 2007.

Норбу Церинг 罗布次仁. Цзе 界 (Граница). Лхаса 拉萨: 西藏人民出版社, 2011.

Пема Цеден 万玛才旦. Люлан гэшоу дэ мэн 流浪歌手的梦 (Сны бродячего певца). Лхаса 拉萨: 西藏民族出版社, 2011.

Сицзан синь сяошо 西藏新小说 (Новый тибетский роман) / ред. Сэбо 色波. Лхаса: 西藏人民出版社, 1989.

Сэбо 色波 ред. Чжичжэ дэ чэньмо 智者的沉默 (Молчание мудреца). Чэнду 成都: 四川文艺出版社, 2002.

Тао Лифань 陶立璠, *Мо Фушань* 莫福山, *Лю Ваньцин* 刘万庆 ред. Дандай цзан цзу дуаньпянь сяошосюань 当代藏族短篇小说选 (Избранные рассказы тибетцев). Пекин: миньцзу чубаньшэ 民族出版社, 1985.

Тун Га 通嘎, «Ты бредишь, а не поешь» (кит. Ни цзай июй, на бу ши гэяо 你在呓语, 那不是歌谣) // «Национальные литературы» 民族文学. 1993. № 5. С. 44–47.

Чжунго дуаньпянь сяошо цзинсюань 中国短篇小说精选 (Избранные рассказы Китая за 2007 год). 武汉 Ухань: 长江文艺出版社, 2008.

Цзоуцзинь сицзан. Вэньхуа цуншу《走进西藏》文化丛书 (Серия книг о культуре: «Пешком по Тибету»). Куньмин: 云南人民出版社, 2000.

На тибетском языке

kirti sprul sku. mdo smad pa dge ‘dun chos ‘phel gyi skor ngag rgyun lo rgyus phyogs bsdoms: dge ‘dun chos ‘phel gyi rab byed. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1983.

bkra b+ha. srin po g.yu rngog dang nyi ma lha sa. pe cin: mi rigs dpe skrun knang, 2012.

bkra shis dpal ldan. phyi nyin gyi gnam gshis de ring las legs pa yong nges cheng du: si khron mi rigs dpe skrun khang, 1991.

bkra shis dpal ldan. rgyud skud steng gi rnam shes. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1999.

bkras mthong thub bstan chos dar. dge ‘dun chos ‘phel gyi lo rgyus. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1980.

bkras gling dbang rdor. bkras zur tshang gi gsang ba’i gtam rgyud. lha sa: bod ijongs mi dmangs dpe skrun khang, 1997.

skal bzang ye shes. dpyad brjod mkhas pa ‘dzum shor. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

kha ba’i rnam shes. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991, 1994.

mkhas grub. dus bzhi’i so nam byed lugs mtshon pa’i tshig phreng ngag gi rol dbyangs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1991.

dge rgyas pa bstan ‘dzin rdo rje. shel dkar gling pa’i bka’ blon mi ‘gyur lhun grub rgyud bcas kyi lo rgyus mdor bsdus [Электронный ресурс] // bod kyi lo rgyus rig gnas dpyad gzhi’i rgyu cha bdams bsgrigs. khreng tu’u: si khron dpe skrun tshogs pa/ si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009. deb 8: sh. 187–195. URL: http://tbrc.org/link?RID=O8LS3516|O8LS35168LS4413$W1PD96945 (дата обращения: 13.08.2014).

dge ‘dun chos ‘phel gyi snyan rtsom thor bu // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod gnyis pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 408–409.

dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung ‘bum, ed. hor khang bsod nams dpal ‘bar. Lhasa: bod ljongs bod yig dpe rnying dpe skrun khang, 1990.

dge ‘dun chos ‘phel. rgya gar gyi gnas chen khag la bgrog pa’i lam yig // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod bzhi ba. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 257–292.

dge ‘dun chos ‘phel. rgyal khams rig pas bskor pa’i gtam rgyud gser gyi thang ma // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. pod gnyis pa. sh. 1–312. pod gsum pa. sh. 1–184.

dge ‘dun chos ‘phel. ‘dod pa’i bstan bcos // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod lnga pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 33.

dge ‘dun chos ‘phel. bod chen po’i srid lugs dang ‘brel ba’i rgyal rabs deb ther dkar po // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod dang po. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 168–242.

dge ‘dun chos ‘phel. ‘dod pa’i bstan bcos // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod lnga pa. sh. 1–72.

dge ‘dun chos ‘phel. bod chen po’i srid lugs dang ‘brel ba’i rgyal rabs deb ther dkar po. mi rigs dpe skrun khang, 2007.

dge ‘dun chos ‘phel. dbu ma’i zab gnad snying por dril ba’i legs bshad klu sgrub dgongs rgyan // mkhas pa’i dbang bo dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod bzhi ba. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2006. sh. 1–80.

dge ‘dun chos ‘phel. bla brang la bskur ba’i ka rtsom // dge ‘dun chos ‘phel. gsung ‘bum. pod gnyis pa. [khreng tu’u]: si khron dpe skrun tshogs pa; si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009. sh. 508–509.

dge ‘dun chos ‘phel. mi rtag pa dran pa’i gsung mgur // dge ‘dun chos ‘phel gyi gsung rtsom. pod gnyis pa. sh. 499–502.

dge ‘dun rab gsal. ‘gro / skyabs bcol la ‘gro. dharamsala: bod kyi dus bab, 2002.

rgya bod shan sbyar tshig mdzod. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1976**.**

sgrung gtam rlabs kyi gzegs ma. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 2001.

sgrung rtsom phyogs bsgrigs me tog phreng mdzes. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1984.

sgrung thung bdams bsgrigs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1983.

chab spel tshe brtan phun tshogs. bsil dus kyi bod ljongs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1991.

‘chi med rdo rje. rlung nag khrod kyi bya rgod. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

‘jam dpal rgya mtsho. skal bzang me tog. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1982.

«‘jig rten ril mo’am zlum po» Yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. [Электронный ресурс] //Vol. X No.1, 28.06.1938. URL: http://www.columbia.edu/cu/

lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/pages/ldpd_6981643_000_00000385.html?toggle=&menu=maximize&top=&left= (дата обращения: 03.05.2014).

'ju skal bzang, dor zhi gdong drug snyems blo. snyan ngag gi rnam bshad. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1990, 1992.

ljang bu. snyan rtsom gzi mig dgu pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2001.

rta nag sgrog 'gros. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991.

stag 'bum rgyal. kha ba med pa'i dgun kha. pe cin: mi rigs dpe skrun knang, 2012.

stag 'bum rgyal. lhing 'jags gi rtswa thang. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

bstan pa yar rgyas. byang thang gi mdzes ljongs. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

bstan pa yar rgyas. thag ring gi sbra nag. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2005.

tha snyad gsar pa'i phyogs bsgrigs rig gzhung skya rengs snang ba (tha snyad gsar bsgrigs). deb dang po. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1954. deb gnyis pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1955. deb gsum pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1956. deb bzhi pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1957.

thub bstan grags pa, dkar dgongs. lo ma ser po. zhang kang: then mA dpe skrun khang, 2002.

don grub rgyal. ka rkyang legs bshad gur gum me tog // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 249–250;

don grub rgyal. rkang lam phra mo // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 1–7.

don grub rgyal. 'khrul min rmi lam ngo mtshor dga' skyed // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 207–213.

don grub rgyal. go bder phab pa'i tun hong 'gyur gyi «rA ma Na'i rtogs brjod» // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 51–88.

don grub rgyal. goms gshis lags/ bdag gi snying gtam 'di la gson // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 236–241.

don grub rgyal. rgan po blo gyong // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 52–54.

don grub rgyal. rgya bod bar gyi mdza' mthun // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. sh. 242–248.

don grub rgyal. «rgyal po rA ma Na» rtogs brjod» kyi 'grel pa blo gsar ngang mo'i rol mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. 'grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 306–328.

don grub rgyal. «rgyal po rA ma Na'i rtogs brjod» kyi tshig gsar dka' 'grel blo gsal bung ba'i dga' ston // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. 'grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 329–348.

don grub rgyal. rgyal srid sna bdun la sbyor ba'i 'bel gtam // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 157–180.

don grub rgyal. rgyu ‘bras med pa’i mna’ ma // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997. sh. 56–77.

don grub rgyal. sgrung pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 318–328.

don grub rgyal. nga dang khu byung gnyis ka // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 36–42.

don grub rgyal. sngo tshod tshong khang gi mthong thos // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 398–401.

don grub rgyal. ‘jam mnyen rtswa’i glu sgra» bklags pa’i ‘char sgo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 14–20.

don grub rgyal. snyan ngag gi gzhung las rang bzhin brjod pa’i rgyan bshad pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 168–194.

don grub rgyal. snyan ngag la sbyor ba’i sgrung rtsom gzhon nu’i yid kyi mdzes rgyan // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 95–129.

don grub rgyal. ta chin gyi ‘thab ‘dzing glu dbyangs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 59–122.

don grub rgyal. bstod pa bklags pa’i ‘char snang // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 141–146.

don grub rgyal. bstod tshig me tog phreng mdzes // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 190–194.

don grub rgyal. «thang yig rnying ma las byung ba’i thu bhod kyi glegs bam» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 356–452.

don grub rgyal. «thang yig gsar rnying las byung ba’i thu bhod glegs bam» gyi zur bkod // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 453–519.

don grub rgyal. «thang yig gsar ma las byung ba’i thu bhod kyi glegs bam» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 273–355.

don grub rgyal. «deb ther dpyid kyi rgyal mo’i glu dbyangs» las ‘phros pa’i lo rgyus kyi rnam bshad thor bu dri med dngul gyi me long // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 131–457.

don grub rgyal. «deb ther dpyid kyi rgyal mo’i glu dbyangs» kyi tshig gsar ‘grel pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 40–214.

don grub rgyal. «deb ther dpyid kyi rgyal mo’i glu dbyangs» kyi tshigs su bcad pa’i snyan ngag gi ‘grel pa go mdzod ‘byed pa’i lde mig // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 1–39.

don grub rgyal. don grub rgyal gyi brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1990.

don grub rgyal. dri bzhon gyi bu mo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 8–11.

don grub rgyal. ‘di na yang drag tu mchong lding byed bzhin pa’i snying gson po zhig ‘dug // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 90–94.

don grub rgyal. ‘dre ‘bod rkang gling // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 205–247.

don grub rgyal. sprin dkar gyi ‘dab ma // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 231–235.

don grub rgyal. «gnam bde sgo mo’i snyan tshig ‘dra bshus» las tshan pa gsum // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 123–204.

don grub rgyal. gna’ rabs kyi rig gnas sgyu rtsal gyi bang mdzod — tun hong // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 91–109.

don grub rgyal. gna’ rabs bod kyi srid ‘dzin sa khul dang dpon rigs kyi lam lugs rob tsam bshad pa bung ba gzhon nu’i glu dbyangs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 199–229.

don grub rgyal. «rnal ‘byor gyi dbang phyug dam pa rje btsun mi la ras pa’i rnam thar» gyi tshig gsar ‘grel pa blo gsar rna ba’i bdud rtsi // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 234–305.

don grub rgyal. «rnal ‘byor gyi dbang phyug dam pa rje btsun mi la ras pa’i rnam thar» gyi mtshan don bshad pa blo gsal re ba skong ba’i nor bu // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. ‘grel rtsom phyogs bsgrigs. pod lnga pa. sh. 215–233.

don grub rgyal. pad mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 289–301.

don grub rgyal. sprul sku // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 119–155.

don grub rgyal. bu ldom po dang klu’i sras mo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 12–26.

don grub rgyal. bod kyi mgur glu byung ‘phel gyi lo rgyus dang khyad chos bsdus par ston pa rig pa’i khye’u rnam par rtsen pa’i skyed tshal. // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 316–583.

don grub rgyal. bod kyi btsan po khri lde srong btsan gyi lo rgyus mdo tsam brjod pa sngon byon mkhas pa’i bzhed dgongs kyi bum bzang mdzes par brgyan pa’i rma bya gzhon nu’i sgro mdongs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 230–315.

don grub rgyal. «bod kyi tshig rgyan rig pa’i sgo ‘byed ‘phrul gyi lde mig» // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 152–162.

don grub rgyal. bod kyi lo rgyus skor gyi bsam tshul thor bu ‘ga’ // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 64–90.

don grub rgyal. bod ces pa’i tha snyad kyi ‘byung khungs dngos bshad pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 21–27.

don grub rgyal. bod du ‘gro ba mi’i rigs byung tshul dang bod ces pa’i tha snyad kyi ‘byung khungs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 195–198.

don grub rgyal. bod gdong dmar can gyi rmo bo srin mo yin nam // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 126–130.

don grub rgyal. bod gna’ rabs kyi bka’i pho nya bgrod tshul gyi yig rnying ngo sprod // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 138–151.

don grub rgyal. bod gna’ rabs kyi slob gso’i skor gyi ‘char sgo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 54–63.

don grub rgyal. bod yig slob pa // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 43–50.

don grub rgyal. bya len ma’i zlos gar // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 1–58.

don grub rgyal. bla brang bkra shis ‘khyil gyi mthong thos mdor bsdus // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 110–137.

don grub rgyal. ‘bol rtsom zhogs pa’i skya rengs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1981.

don grub rgyal. ‘brug mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 302–317.

don grub rgyal. ‘brong stag thang // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 193–217.

don grub rgyal. ma rabs spun gnyis dang ya rabs spun gnyis // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 223–230.

don grub rgyal. mi rtag sgyu ma’i rmi lam // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 329–351.

don grub rgyal. «mi la ras pa’i rnam thar» gyi rtsom pa po’i lo rgyus // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 27–53.

don grub rgyal. btsan po’i bang so myul ba’i gtam rgyud // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 352–397.

don grub rgyal. rtswa thang gi lha mo // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 181–189.

don grub rgyal. rtsa thang dran glu // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 200–202;

don grub rgyal. rtsom gyi mtsho mor rlabs kyi me tog dgod // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 138–140.

don grub rgyal. rtsom rig sgyu rtsal gyi snang brnyan skor cung tsam gleng ba // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 163–167.

don grub rgyal. brtse dungs kyi rba rlabs // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 18–51.

don grub rgyal. tshul khrims rgya mtsho // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 78–118.

don grub rgyal. mtsho ‘brug gi rjes snyeg mkhan // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. sh. 248–272.

don grub rgyal. ze’u ‘bru // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. sh. 1–13.

don grub rgyal. rA ma Na'i rtogs brjod go bder sbyar mgur dbyangs blo gsar rna ba'i dpyid glu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 1–89.

don grub rgyal. rig pa'i dpa' bo rnams la phul ba'i bstod tshig // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 147–156.

don grub rgyal. lang tsho'i rbab chu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 130–137.

don grub rgyal. le lo can dang brtson 'grus can // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 203–206;

don grub rgyal. sad kyis bcom pa'i me tog // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 218–288.

don grub rgyal. sems gcong // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 1–17.

don grub rgyal. slob khrid dang sbyar ba'i rtsom rig gi zin bris // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. sh. 89–125.

don grub rgyal. slob grwa'i zhogs pa // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 195–199.

don grub rgyal. slob dpon la bsngags pa'i glu dbyangs // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod gcig po. sh. 214–222.

dung dkar blo bzang 'phrin las. snyan ngag la 'jug tshul tshig rgyan rig pa'i sgo 'byed. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1982)

bde skyid sgrol ma. snyan ngag gi mig chu. Сянган (Гонконг) 香港: Тяньма тушу юсянь гунсы 天马图书有限公司, 2002.

mdo mkhar zhabs drung tshe ring dbang rgyal. gzhon nu zla med kyi gtam rgyud. bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1979.

rdo rje rgyal. dzam gling rig pa'i dpa' bo rdo brag dge 'dun chos 'phel gyi byung ba brjod pa bden gtam rna ba'i bcud len. kan su'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1997.

rdo rje rgyal po. ye shes lha mo dang mgar ba stobs rgyal. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1980).

rdo rje tshe brtan. 'dzam gling ge sar rgyal po'i sgrung — brag dkar g.yu rdzong. lan gru'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 1998.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. 'grel rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. bsgyur rtsom phyogs bsgrigs. pod bzhi pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod dang po. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. thor rtsom phyogs bsgrigs. pod drug pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. dpyad rtsom phyogs bsgrigs. pod gsum pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1997.

spang rgyan me tog. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1993.

sprin gyi sgra dbyangs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991, 1992.

ban de mkhar. skyabs chen bde grol zhib ‘jug. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun knang, 2012.

ban de tshe ring. lang tsho’i mchod pa. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

bod kyi deng rabs snyan ngag rig pa. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun knang, 2013.

bod kyi rtsom rig gsar ba’i brtsams chos bdams bkod dang de dag gi bshad pa. lan kru’u: kan su’u mi rigs dpe skrun khang, 1998.

bod kyi brtsams sgrung ‘dems sgrig. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1985.

bod kyi lhug rtsom ‘dems sgrig. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1985.

blo bzang dpal ldan. zhu ‘phrin pho nya gzhon nu don grub // bod kyi dus rabs rim byung gi rtsom yig gces bsdus. pe cin: krung go’i bod rig pa dpe skrun khang, 2008. sh. 223–248. URL: http://tbrc.org/link?RID=O3JT2951|O3JT29513JT2966$W1KG5420 (дата обращения: 13.08.2014).

blo bzang dpal ldan. zhu ‘phrin pho nya gzhon nu don grub // rtsom yig gser gyi sbram bu. pod 3. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1988–1989. sh. 625–646. URL: http://tbrc.org/link?RID=O1PD98521|O1PD985212DB972012DB972132DB972222DB972312DB972402DB972492DB972792DB972932DB973072DB973212DB973592DB973772DB973952DB973772DB973952DB975022DB975062DB975102DB975142DB975182DB975222DB97526$W19680 (дата обращения: 31.08.2014).

‘brong bu rdo rje rin chen. gangs can bod yul du springs pa’i ‘phrin yig. zhang kang: then mA dpe skrun khang, 1999.

ma’o tse tung gig sung rtsom gces bsdus. pe cin: [mi rigs dpe skrun khang], 1967.

rma lho rtsom rig brtsams chos bdams bsgrigs. rma lho, 2003.

gtsang po’i pha rol. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1991, 1994.

rtsom dpyad gtam tshogs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1993.

rtsom rig mkhas chen phu’u zhi cin. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2008.

tshwa ‘dam zhogs pa’i mtshams sprin. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1994

tshe rgyal. thon mi sam+bho Ta. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

tshe tan zhabs drung. snyan ngag spyi don. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1981

tshe brtan rdo rje. tsong kha’i rgyal bo. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1998.

tshe rdor. skyed ma’i bka’ drin. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

tshe ring don grub. mes po. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2001.

tshe ring don grub. smug pa. zhang kang: gyi ling dpe skrun khang, 2002.

tshe ring don grub. tshe ring don grub kyi sgrung thung bdams bsgrigs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1996.

tshe ring don grub. tshe ring don grub kyi sgrung ‘bring phyogs bsgrigs. kan su’u mi rigs dpe skrun khang, 1997.

tshe ring don grub. rlung dmar ‘ur ‘ur. б. м., 2006.

mtsho lho’i rtsom rig brtsams chos gces bsdus. б.м., 1999.

mtsho sngon po’i glu sgra. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

zho ra bstan pa dar rgyas. mkhas dbang dge ‘dun chos ‘phel mchog gi mdzad rjes rags bsdus // dge ‘dun chos ‘phel: mkhas dbang dge ‘dun chos ‘phel sku ‘khrangs nas bgrang bya brgya ‘khor bar rjes dran rtsom yig. Sidhpur: Norbulingka Institute, 2002.

gzhis byes lhan ‘dzoms. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1993.

ye shes bstan ‘dzin. bslab bya nor bu’i phreng ba. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Vol. I. No. 1. 01.10.1925.

yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Vol. I. No. 2. 13.02.1926.

yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Vol. I. No. 3. 15.03.1926.

yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Vol. I. No. 4. 13.04.1926.

yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Vol. I. No. 5. 12.05.1926

yul phyogs so so’i gsar ‘gyur me long. Vol. I. No. 6. 11.06.1926.

rang grol. lang tsho’i rbab chu // sbrang char. 1983. № 2. sh. 56–61.

rang sgra. gangs ‘dabs kyi gtam rgyud — rang sgra’i sgrung gtam phyogs bsgrigs. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

ri kha blo bzang bstan ‘dzin. mdo smad mkhas pa dge ‘dun chos ‘phel // rgyun mkho’i chos srid shes bya gnas tshul. Varanasi: legs bshad gter mdzod khang, 1972. sh. 173–187.

reb gong rdo rje mkhar. rkyal ba’i ‘jig rten du myul ba’i gtam rgyud. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1998.

reb gong rdo rje mkhar. rnam shes kyi dgod sgra. khun ming: yun nan mi rigs dpe skrun khang, 1996.

ra’u ling J.K. ha ru’i phod thar dang tshe rdo. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2007.

ra’u ling J.K. ha ru’i phod thar dang gsang ba’i khang pa. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2010.

lang tsho’i rbab chu. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1993.

le ‘o thol su the. an na kha re ne na. Kangra: shes bya kun ‘dus rtsom sgrig lte gnas (Multi-Education Editing Center), 2003.

Saint-Exupéry A. rgyal sras chung ngu. Lausanne: Edition Favre, 2014.

shes rab rgya mtsho. dge ‘dun chos ‘phel // Bibliographical Dictionary of Tibet and Tibetan Buddhism. Edited by Khetsun Sangpo. Vol. 4. The rnying ma pa Tradition: Part 2. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1973. P. 634–657.

seng ge bdud mo dang gos sgam. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2006.

gser gyi gdu bu. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1992.

gsar bzhad me tog tshom bu. pe cin: mi rigs dpe skrun khang: 1983.

gsar bzhad me tog tshom bu. deb gsum pa. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1992.

bsod nams. rtswa thang me tog gi dri zhim. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 2002.

hu ra 'ja' pe. rmi lam 'khrug pa'i lo. lan gru'u: kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 2009.

hor khang bsod nams dpal 'bar. mkhas mchog dge 'dun chos 'phel gyi rtogs pa brjod pa dag pa'i snang ba // bod ljongs zhib 'jug. 1983. № 2. sh. 3–31.

hor gtsang 'jigs med. drang bden gyis bslus pa'i slong mo ba. Dharamsala: Youtse Publications, 1999.

lha byams rgyal. bod kyi gces phrug. pe cin: mi rigs dpe skrun knang, 2012.

lhag pa don grub. drel pa'i mi tshe. pe cin:mi rigs dpe skrun khang, 2000.

lhag pa don grub. mi mngon pa'i 'ching thag. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

lhun grub rnam rgyal. ka bshad bung ba dga' tshal. lha sa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1995.

lho yi dri bzhon. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1992.

a sngag tshe ring bkra shis. dge 'dun chos 'phel. si khron dpe skrun tshogs pa dang si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009.

a smyon bkra shis don grub. ston gyi rang sgra. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1999.

o rgyan rdo rje. mtho sgang gi rlung. khreng tu'u: si khron mi rigs dpe skrun khang, 1991.

Литература

На русском языке

Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Базаров Б., Гарри И. Тибетцы Кхама: опыт национальной политики КНР // Власть. 2010. № 5.

Воробьев М. В. Тибетская эмиграция в западной историографии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 8. С. 180.

Гарри И. Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете (1951–2001 гг.): автореф. дис. … докт. истор. наук. Улан-Удэ, 2010.

Гринцер П. А. Основные категории классической индийской поэтики. М.: Наука, 1987.

Гроховский П. Л. Изучение современной тибетской литературы — новая область тибетологии // Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы IV Международной научной конференции. 29 июня — 2 июля 2010 г. Т. 2. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 9–16.

Гроховский П. Творчество Дондуб Гьела (1953–1985) в истории современной тибетской литературы // Тезисы 5ой межд. конференции Проблемы Литератур Дальнего Востока, СПбГУ, т. 3.

Особенности жанров газетной публицистики [Электронный ресурс] // Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. URL: http://evartist.narod.ru/text10/05.htm#з_05 (дата обращения: 25.05.2014).

Коробова А. Продвижение национальных литератур как одно из приоритетных направлений политики КНР в области культуры // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2013. С. 398–399.

Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX вв. М.: Наука, 1993.

Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб.: Издание А. Терентьева, 2010.

Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Восточная литература РАН, 2005.

Москалев А. А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М.: Наука, 1992.

Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / под общ. ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Публицистический стиль [Электронный ресурс] // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: http://stylistics.academic.ru/127/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C#sel= (дата обращения: 25.05.2014).

Рерих Ю. Н. Тибетский язык. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Рифтин Б. Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 9–116.

Сыроежкин К. Л. Концепция национальной политики КПК на современном этапе развития КНР. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4soderjanie.html (дата обращения 24.03.2013)

Тибетская письменная традиция и современность. Тезисы и доклады. http://www.ifel.spbu.ru/?p=1321 (дата обращения 13.10.2014).

Функциональный стиль [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: http://tapemark.narod.ru/les/567a.html (дата обращения: 25.05.2014).

Цендина А. Д. И страна зовется Тибетом… М.: Восточная литература, 2002.

На западных языках

Библиотека Колумбийского университета. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html (дата обращения: 25.05.2014).

Интернет-магазин «Тибетская книга»: [сайт]. URL: http://www.tibetbook.net (дата обращения: 25.05.2014).

Портал «Высокие горы, чистые земли»: [сайт]. URL: http://www.highpeak-spureearth.com (дата обращения: 25.05.2014).

Проект «Tibet Web Digest»: [сайт]. URL: http://www.tibetwebdigest.com (дата обращения: 25.05.2014).

Тибетская гималайская библиотека: [сайт]. URL: http:// www.thlib.org (дата обращения: 25.05.2014).

Творческое объединение «Tibet Writes»: [сайт]. URL: http://www.tibetwrites.org (дата обращения: 25.05.2014).

Центр «Нитартха»: [сайт]. URL: http://www.nitartha.org, http://www.nitartha.net (дата обращения: 25.05.2014).

Электронная библиотека «Центр ресурсов по тибетскому буддизму»: [сайт]. URL: http:// www.tbrc.org (дата обращения: 25.05.2014).

Balk M. Tibetan Literature on the Rise: a Bibliographic Survey of Recent Publications // Тибетская письменная традиция и современность. Тезисы и доклады / отв. ред. П. Л. Гроховский. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2014. С. 5–6.

Barabantseva E. Overseas Chinese, ethnic minorities, and nationalism: de-centering China. London; New York: Routledge, 2011.

Baranovitch N. Representing Tibet in the Global Cultural Market // Music and Cultural Rights. Chicago: University of Illinois Press, 2009. P. 187–218.

Barnett R. Television Drama Series in Tibet // Tibetan Arts In Transition. A Journey through Theatre, Cinema and Painting. Seminars Proceedings. Rome, 2009. P. 51–70.

Barret R., Monroe G., Pillsbury A. Immersion Guides — Lhasa. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2007.

Bass C. Education in Tibet: Policy and Practice since 1950 [Электронный ресурс] // London, New York: Zed Bookss, 1998. URL: http://books.google.ru/books?id=cMg9W9NqjiUC (дата обращения: 23.05.2011).

Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Chicago; London: Serindia Publications, 2003.

Beth M. China's 'Tibetan' Frontiers: Sharing the Contested Ground. Leiden; Boston: Global Oriental, 2012.

Bray J. A. H. Franke's La Dvags Kyi Akhbar: the First Tibetan Newspaper // The Tibet Journal. Vol. XII. No. 3 (Autumn 1988). P. 58–63.

Buddhism in Contemporary Tibet: Religious Revival and Cultural Identity / Ed. by Goldstein M. C., Kapstein M. T. Berkeley: University of California Press, 1998.

Cabezón J. I., Jackson R. R. Editor's Introduction // Tibetan Literature: Studies in Genre / Ed. by José Ignacio Cabezyn and Roger R. Jackson [Электронный ресурс] // Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 1996 (Studies in Indo-Tibetan Buddhism). P. 14–15. URL: http://books.google.ru/books?id=-pJQjLzBBWgC (дата обращения: 23.05.2011).

The Cambridge Guide to Asian Theatre / Ed. by J. R. Brandon. Cambridge University Press, 1993.

Chenaktshang Dorje Tsering (Jangbu). Reflections on Tibetan film // Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. PIATS 2003: Tibetan Studies. Proceeding of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Leiden; Boston: Hotei Publishing, IDC Publishers, Martinus Nijhoff Publishers and VSP, 2008. P. 267–282.

Choy H. Y. F. In Quest(ion) of an «I»: Identity and Idiocy in Alai's Red Poppies // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham; London. Duke University Press, 2008. P. 225–235.

Choy H. Y. F. Remapping the Past: Fictions of History in Deng`s China 1979–1997. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Cultural Encounters on China`s Ethnic Frontiers / Ed. by S. Harrell. Seattle: University of Washington Press, 1995.

Dalai Lama XIV. Foreword // Fader H. L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. I. Kalimpong: The Tibet Mirror Press, 2002. P. IX–X.

Dawa Norbu. Introduction // Fader H. L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol. I. Kalimpong: The Tibet Mirror Press, 2002. P. XI–XII.

Dhondup K. Gedun Chophel: The Man Behind the Legend // Tibetan Review 21. № 10. October 1978. P. 10–18.

Diehl K. Echoes from Dharamsala: music in the life of a Tibetan refugee community. London: University of California Press, 2002.

Dorje Tharchin. Brief History of the Tibetan Newspaper // Letter Writers: Yik bskur rnam gshag. Kalimpong: The Tibet Mirror Press, 1956.

Dorje Tsering. On the Relationship between Literature and Cinema in Tibet // Tibetan Arts In Transition. A Journey through Theatre, Cinema and Painting. Seminars Proceedings. Rome, 2009. P. 75–78.

Dreyfus G. The Sound of Two Hands Clapping: The Education of a Tibetan Buddhist Monk [Электронный ресурс] // Berkeley: University of California Press, 2003. P. 101–106. URL: http://books.google.ru/books?id=lfHG136AfN0C (дата обращения: 23.05.2011).

Engelhardt I. Reflections in the Tibet Mirror: News of the World 1937–1946 // Mapping the Modern in Tibet. Hamburg: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2011. P. 205–264.

Engelhardt I. The Tibet Mirror Mirroring the Chinese Invasion of Tibet // International Conference: Exploring Tibet's History and Culture (19–21 November 2009). Programme. Delhi, 2009. P. 45.

Erhard F. X. Magical Realism and Tibetan Literature // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 133–146.

Fader H. L. Called from Obscurity: the Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin [Электронный ресурс] // Vol. I. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002; Vol. II. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004; Vol. III. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2009. URL: http://books.google.ru/books?id=mJ_YAAAAMAAJ (дата обращения: 31.07.2014).

Goldstein M. C. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley: University of California Press, 1992.

Grünfelder A. Tashi Dawa und die neuere Tibetische Literatur. Bochum: Projekt Verlag, 1999. (Edition Cathay, Bd. 41).

Gyatso J. Apparitions of the Self: The Secret Autobiographies of a Tibetan Visionary [Электронный ресурс] // Princeton: Princeton University Press, 1998.

URL: http://books.google.ru/books?id=lmqSoNsRSx8C (дата обращения: 23.05.2011).

Harrer H. Seven Years in Tibet. New York: Tarcher, 2009.

Hartley L. Ascendancy of the Term Rtsom-rig in Tibetan Literary Discourse // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 7–22.

Hartley L. R. Contextually speaking: Tibetan Literary Discourse and Social Change in the People's Republic of China (1980–2000): Ph. D. diss., Indiana University, 2003.

Hartley L. R. Heterodox Views and the New Orthodox Poems: Tibetan Writers in the Early and Mid-Twentieth Century // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 3–31.

Hartley L. R., Schiaffini-Vedani P. Introduction // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. XIII–XXXVIII.

Heberer T. China and its national minorities: autonomy or assimilation? Armonk: M. E. Sharpe, 1989.

Holm D. Folk Art as Propaganda: The Yangge Movement in Yan`an // Popular Chinese Literature and Performing Arts: in the People`s Republic of China 1949–1979 / Ed. By B. S. McDougall. Berkeley, 1984. P. 3–35.

hor khang bsod nams dpal 'bar. «The Tibetan Scholar dGe-'dun-chos-'phel» // Tibet Studies. 1989. № 1. P. 156–167.

Hortsang Jigme. Tibetan Literature in the Diaspora // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 281–300.

The Illuminator Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary. Padma Karpo Translation Committee / Director and Chief Editor Mr. T. Duff. Electronic Version 5.10. 2005. January 1.

Jackson R. R. "Poetry" in Tibet: Glu, mGur, sNyan ngag and «Songs of Experience» // Tibetan Literature: Studies in Genre. Ithaca, New-York: Snow Lion, 1996. P. 368–392.

Jamyang Drakpa. An Analysis of the Poem "Young Dondrup the Courier" // Contemporary Tibetan Literary Studies. Leiden: Brill, 2007. P. 95–110.

Jamyang Norbu. The happy light bioscope theatre & other stories (part 2) [Электронный ресурс] // Phayul. URL: http://www.phayul.com/news/article.aspx?id=26696&t=1&c=4 (дата обращения: 10.05.2014).

Jamyang Norbu. Newspeak & New Tibet: Part I. [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Newspeak-New-Tibet-Part-I (дата обращения: 25.05.2014).

Jamyang Norbu. Newspeak & New Tibet: Part II. [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Newspeak-New-Tibet-Part-II (дата обращения: 25.05.2014).

Jamyang Norbu. Newspeak & New Tibet: Part III. [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Newspeak-New-Tibet-Part-III (дата обращения: 25.05.2014).

Kapstein M. T. Dhondup Gyal: The Making of a Modern Hero // Lungta. 1999. Vol. 12. P. 45–48.

Kapstein M. T. The Indian Literary Identity in Tibet // Literary cultures in history: reconstructions from South Asia. Ed. by Sheldon Pollock [Электронный ресурс] // Berkeley: University of California Press, 2003. P. 747–802. URL: http://books.google.ru/books?id=ak9csfpY2WoC (дата обращения: 23.05.2011).

Kapstein M. T. Preface // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. VII–X.

Karmay S. Mountain Cults and National Identity in Tibet // Resistance and Reform in Tibet. Robert Barnett ed. London: Hurst. & Co. 1994. P. 112–120.

Kolas A., Thowsen M. P. On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier. Seattle; London: University of Washington Press, 2005.

Kuijp L. W. J. van der. On the Composition and Printings of the Deb gter sngon po by ‘Gos lo tsa ba gzhon nu dpal (1392–1481) [Электронный ресурс] // Journal of the International Association of Tibetan Studies. No. 2 (August 2006). URL: http:/www.thlib.org/collections/texts/jiats/#jiats=/issue02/ (дата обращения: 03.05.2014).

Kuijp L. W. J. van der. Tibetan Belles-Lettres: The Influence of Daṇḍin and Kṣemendra // Tibetan Literature: Studies in Genre. P. 393–410.

Lama Jabb. Modern Tibetan Literature and the Inescapable Nation. DPhil Oriental Studies thesis. Oxford: Wolfson College, University of Oxford, 2013.

Lin N. G. Dondrup Gyel and the Remaking of the Tibetan Ramayana // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 86–111.

Link E. P. The Uses of Literature: Life in the Socialist Chinese Literary System [Электронный ресурс] // Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 41. URL: http://books.google.ru/books?id=qhBYxOitb-MC (дата обращения: 10.08.2014).

Lopez D. S. Jr. Gendun Chopel: Tibet’s First Modern Artist. New York; Chicago: Trace Foundation and Serindia Publications, 2013.

MacKerras C. China’s Ethnic Minorities and Globalisation. Routledge: Curzon, 2003.

Maconi L. «Je est un autre»: La littérature tibétaine d’expression chinoise entre questions identitaires, débats linguistiques et négociations culturelles. Thèse de Doctorat, Institut National des Langues et Civilisations Orientales. Paris, 2008. Vol. 1–2.

Maconi L. Contemporary Tibetan Literature from Shangri-la: Literary Life and Activities in Yunnan Tibetan Areas, 1950–2002 // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 43–86.

Maconi L. One Nation, Two Discourses: Tibetan New Era Literature and the Language Debate // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham; London: Duke University Press, 2008. P. 173–201.

Makley C. The Violence of Liberation: Gender and Tibetan Buddhist Revival in Post-Mao China. Berkeley: University of California Press, 2007.

Manoa. Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet. 2000. 12. No. 2.

Martin D. Tibetan Histories. A Bibliography of Tibetan-Language Historical Works. London: Serindia Publications, 1997.

McGranaham C. *Sa spang mda' gnam spang mda'*: Murder, History, and Social Politics in 1920s in Lhasa // Epstein L. Khams pa Histories: Visions of People, Place and Authority. Leiden, Boston, Cologne: Brill, 2002. P. 103–127.

Mehra P. Tibet: Writings on History and Politics. New Delhi: Oxford University Press, 2011.

Modern Tibetan Literature and Social Change / Ed. by Lauran R. Hartley and Patricia Schiaffini-Vedani [Электронный ресурс] // Durham and London: Duke University Press, 2008. URL: http://books.google.ru/books?id=xTtVgvlV49MC (дата обращения: 23.05.2011).

Morcom A. Modernity, Power, and the Reconstruction of Dance in Post-1950s Tibet [Электронный ресурс] // Journal of the International Association of Tibetan Studies. Issue 3. December 2007. URL: www.jiats.org (дата обращения: 10.05.2014).

Morcom A. Unity and discord: Music and politics in contemporary Tibet. London: Tibet Information Network, 2004.

Newly-Discovered Artwork by Gedun Choephel // Latse Library Newsletter. 2004. Vol. II. P. 10–13.

Newman B. The Tibetan Novel and Its Sources // Tibetan Literature: Studies in Genre. P. 411–421.

Pema Bhum. «Heartbeat of a New Generation» Revisited // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 135–147.

Pema Bhum. «Heartbeat of a New Generation»: A Discussion of the New Poetry // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 112–134.

Pema Bhum. The Life of Dhondup Gyal // Lungta. 1995. Vol. 9 (Two Thousand Years & More of Tibetan Poetry). P. 17–29.

Pema Tseden. A Brief Introduction to New Student Short Films in the Tibetan Language // Latse Journal. Vol. 7. New York: Trace Foundation, 2011–2012. P. 58–63.

ProQuest Dissertations & Theses, ABI/INFORM Complete: [сайт]. URL: http://www.proquest.com (дата обращения 14.10.2014).

Robin F. La littérature de fiction d'expression tibétaine au Tibet (R.P.C.) depuis 1950: sources textuelles anciennes, courants principaux et fonctions dans la société contemporaine tibétaine. Thèse de Doctorat. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2003. Vol. 1, 2.

Robin F. «Oracles and Demons» in Tibetan Literature Today: Representations of Religion in Tibetan-Medium Fiction // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 148–172.

Robin F. Stories and History: the Emergence of Historical Fiction in Contemporary Tibet // Contemporary Tibetan Literary Studies. Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Ed. by Steven J. Venturino. Leiden; Boston: Brill, 2007. (Brill's Tibetan Studies Library, Vol. 10/6). P. 23–42.

Robin F. Tibetan Novels: Still a Novelty: A Brief Survey of Tibetan Novels Since 1985 // Latse Library Newsletter. 2009–2010. Vol. 6. P. 26–45.

Roerich G. N. The Blue Annals. Calcutta: Royal Asiatic Soceity of Bengal, 1949.

Samuel G. The Gesar Epic of East Tibet // Tibetan Literature: Studies in Genre. Ithaca, New York: Snow Lion, 1996. P. 358–367.

Sangye Gyatso (*Gangzhün*). The Rise of Writer Coteries // Modern Tibetan Literature and Social Change / L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani eds. Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 263–280.

Sawerthal A. The Melong. An Example of the Formation of a Tibetan Language Press. M. Phil. Thesis, University of Vienna, 2011.

Schiaffini P. Changing Identities: The Creation of 'Tibetan' Literary Voices in the PRC // Contemporary Tibetan Literary Studies. Leiden: Brill, 2007. P. 111–132.

Schiaffini-Vedani P. The «Condor» Flies over Tibet: Zhaxi Dawa and the Significance of Tibetan Magical Realism // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 202–224.

Schiaffini P. On the Margins of Tibetanness: Three Decades of Modern Sinophone Tibetan Literature // Sinophone Studies: A Critical Reader. Shu-mei Shih, Chien-hsin Tsai eds. Columbia University Press, 2013. P. 281–295.

Schiaffini P. Tashi Dawa: Magical Realism and Contested Identity in Modern Tibet»: Ph.D. dissertation, University of Pennsylvania, 2002.

Shih Chih-yu, Chen Yu-Wen. Tibetan Studies in Comparative Perspective. London: Routledge, 2012.

Shital Pradhan. The Tibet Mirror: The first Tibetan newspaper, now only a memory [Электронный ресурс] // Proud to be a Sikkimese. URL: http://sikhim.blogspot.com/2007/06/tibet-mirror-first-tibetan-newspaper.html (дата обращения: 25.05.2014).

Smith G. E. The Life of Gtsang smyon Heruka / Among Tibetan texts: history and literature of the Himalayan Plateau [Электронный ресурс] // Boston: Wisdom Publications, 2001. P. 59–80. URL: http://books.google.ru/books?id=_XzJlTrj6RMC (дата обращения: 31.07.2014).

Snellgrove D., Richardson H. A Cultural History of Tibet [Электронный ресурс] // New York; Washington: Praeger, 1968. URL: http://books.google.ru/books?id=zzI-AAAAIAAJ (дата обращения: 23.05.2011).

Snow Lion Publications: [сайт]. URL: http://www.shambhala.com (дата обращения: 25.10.2013).

Steward F., Batt Herbert, Tsering Shakya eds. Song of the Snow Lion: New Writing from Tibet. Special issue of *Manoa*. 2000. 12. No. 2.

Stoddard H. Le Mendiant de l'Amdo. Paris: Société d'Ethnographie, 1985.

Three times [Электронный ресурс] // Busan International Film Festival. URL: http://www.biff.kr/eng/html/archive/arc_history10_02.asp (дата обращения: 10.05.2014).

Thubten Samphel. Virtual Tibet: the Media [Электронный ресурс] // Where Tibetans Write. URL: http://www.tibetwrites.org/?Virtual-Tibet-The-Media (дата обращения: 25.05.2014).

Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. PIATS 2003: Tibetan Studies. Proceeding of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Managing Editor: Charles Rambler. Leiden; Boston, 2008.

Tibetan and Himalayan Digital Library [Электронный ресурс]. URL: http://old.thdl.org/xml/showEssay.php?xml=/education/tllr/reader/Reader_Text_Intros.xml&l=RCTI04&m=ID (дата обращения — 21.08.2009).

Tournadre N., Dorje S. Manual of Standard Tibetan. Language and Civilization. Ithaca; New York: Snow Lion Publications, 2003.

Tsering Dhondup. Three Contemporary Mongolian-Tibetan Writers // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 87–94.

Tsering Dцndrup's The Red Wind Scream // Latse Library Newsletter. 2009–2010. Vol. 6. P. 80–83.

Tsering W. Shakya. The Emergence of Modern Tibetan Literature Since 1950: Ph.D. Thesis, School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London, 2004.

Tsering Shakya. The Development of Modern Tibetan Literature in the People's Republic of China in the 1980s // Modern Tibetan Literature and Social Change / Ed. by L. R. Hartley, P. Schiaffini-Vedani Durham and London: Duke University Press, 2008. P. 61–85.

Tuttle G. Interview with Pema Bhum: Tibetan Literature and the Latse Tibetan Library // Contemporary Tibetan Literary Studies. P. 147–158.

Upton J. L. Cascades of Change. Modern and Contemporary Literature in the PRC's Junior-Secondary Tibetan Language and Literature Curriculum // Lungta. 1999. № 12. Contemporary Tibetan Literature. P. 17–28.

URL: https://www.asian-studies.org/absts/2001abst/China/Sessions.htm#S41 (дата обращения: 13.10.2014).

Venturino S. J. Introduction: Approaching Contemporary Tibetan Literature // Contemporary Tibetan Literary Studies. Leiden: Brill, 2007. P. 1–6.

Venturino S. J. Placing Tibetan Fiction in a World of Literary Studies: Jamyang Norbu's The Mandala of Sherlock Holmes // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 301–382.

Virtanen R. J. Development and Urban Space in Contemporary Tibetan Literature // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 236–262.

Virtanen R. J. A Study of Imagery in the Writings of Dhondup Gyal. Ph.D. Thesis. Helsinki: Institute for Asian and African Studies, 2011.

Wisdom Publications: [сайт]. URL: http://www.wisdompubs.org (дата обращения: 20.05.2013).

Yangdon Dhondup. Caught Between Margins: Culture, Identity and the Invention of a Literary Space in Tibet: Ph.D. Dissertation. London: University of London, SOAS, 2004.

Yangdon Dhondup. Dancing to the Beat of Modernity: the Rise and Development of Tibetan Pop Music // Tibetan modernities. Notes from the field on cultural and social change. PIATS 2003: Tibetan Studies. Proceeding of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oxford, 2003. Leiden; Boston: Hotei Publishing, IDC Publishers, Martinus Nijhoff Publishers and VSP, 2008. P. 285–304.

Yangdon Dhondup. Roar of the Snow Lion: Tibetan Poetry in Chinese // Modern Tibetan Literature and Social Change. P. 32–60.

Yue Yue. Le sujet des souffrances dans la littérature tibétaine sinophone: 1952–2000: Thèse de doctorat. Paris: Institut National des Langues et Civilisations Orientales, 2006.

На китайском языке

Алай 阿来. «Цзыжань» ши во цзопинь чжун дэ цзэсэ «自然”是我作品中的角色 [Электронный ресурс] // Institute of Ethnic Literature (IEL), Chinese Academy of Social Sciences (CASS). URL: http://iel.cass.cn/news_show.asp?newsid=7839&detail=1&pagecount=0 (дата обращения: 8.11.2012).

Дин Фань ред. 丁帆主编. Чжунго сибу сяньдай вэньсюэ ши 中国西部现代文学史 (История современной литературы западных районов Китая). 北京: 人民文學出版社, 2004.

Дондуб Вангбум 丹珠昂奔. Цзанцзу вэньхуа фачжань ши 藏族文化发展史 (История развития тибетской культуры). Ланьчжоу 兰州: 甘肃教育出版社, 2001.

Гэн Юйфан 耿予方. Цзанцзу дандай вэньсюэ 藏族当代文学 (Новейшая литература тибетцев). Пекин 北京: 中国藏学出版社, 1994.

Журнал «Исследования национальных литератур»: [сайт]. URL: http://iel.cass.cn/top.asp?channelid=130 (дата обращения: 10.10.2013).

Журнал «Национальные литературы»: [сайт]. URL: http://www.mzwxzz.com (дата обращения: 10.10.2013).

Журнал «Озеро Кукунор»: [сайт]. URL: http://www.cnki.com.cn/Journal/F-F2-QHHW.htm (дата обращения: 10.10.2013).

Журнал «Тибетская литература»: [сайт]. URL: http://www.xiza.qikan.com (дата обращения: 10.10.2013).

Китайский Тибет: [сайт]. URL: http://www.big5.tibet.cn/ (дата обращения: 10.10.2013).

Китайская тибетология: [сайт]. URL: http://www.tibetology.ac.cn (дата обращения: 10.10.2013).

Китайский центр новостей из Тибета: [сайт]. URL: http://www.tibet.cn (дата обращения: 10.10.2013).

Ли Хунжань 李鸿然. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шилунь 中国当代少数民族文学史论 (Теория истории современной литературы нацменьшинств в Китае)**.** Куньмин 昆明: 云南教育出版社, 2004.

Литература тибетцев: [сайт]. URL: http://www.tibetcul.com/ *Лхаджам* 拉先. Чуи цзанцзу дандай вэньсюэ дэ цзедин цзи гэ цзедуань дэ фачжань чжуанкуан 刍议藏族当代文学的界定及各阶段的发展状况 (Предварительные рассуждения о границах современной тибетской литературы и этапах ее развития) // 西藏大学学报 (Сицзан дасюэ сюэбал). 2006. Т. 21. № 3. С. 71–74.

Лхундуб Намгьел 伦珠朗杰. «Сицзан вэньи» дандай цзанцзу вэньсюэ фачжань дэ цзилу《西藏文艺》当代藏族文学发展的记录 («Тибетское искусство» и записки о развитии новейшей литературы тибетцев) // 中国西藏 (Чжунго сицзан). 1995. № 6.

Лю Дасянь 刘大先. Гаоюань дэ нюэр: цзанцзу дандай нюйсин сяошо шулюэ 高原的女儿:藏族当代女性小说述略 (Дочь высокогорья: о современном тибетском женском романе) // 民族文学 (Миньцзу вэньсюэ). 2008. № 3. С. 119–123.

Лю Ли 刘力, *Яо Синьюн* 姚新勇. Цзунцзяо, вэньхуа юй жэнь: Таши Дава, Алай, Фань Вэнь сяошо чжун дэ цзанчуань фэцзяо 宗教、文化与人: 扎西达

娃、阿来、范稳小说中的藏传佛教 (Религия, культура и человек: ламаизм в произведениях Таши Давы, Алая, Фань Вэня) // 西北民族大学学报 (哲学社会科学版) (Сибэй миньцзу дасюэ сюэбао). 2005. № 4. С. 88–94.

Лян Тинван 梁庭望, *Ли Юньчжун* 李云忠, *Чжао Чжичжун* 赵志忠 ред. Эрши шицзи чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ бяньняньши 二十世纪中国少数民族文学编年史 (Хроника литературы нацменьшинств Китая в XX веке). Шэньян 沈阳: 辽宁民族出版社, 2006.

Ма Лихуа 马丽华. Сюэюй вэньхуа юй цзанцзу вэньсюэ 雪域文化与西藏文学 (Культура Страны снегов и тибетская литература). Шанша 长沙: 湖南教育出版社, 1998.

Ма Сюэлян 马学良, *Лян Тинван* 梁庭望, *Чжан Гунцзинь* 张公瑾主编 ред. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ ши中国少数民族文学史 (История литератур малых народностей Китая). 中央民族学院出版社, 1992.

Ма Сюэлян 马学良, *Лян Тинван* 梁庭望, *Чжан Гунцзинь* 张公瑾主编 ред. Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шилунь 中国当代少数民族文学史论 (Теория истории новейшей литературы нацменьшинств Китая) (дополненное изд.). Пекин 北京: 中央民族学院出版社, 2001.

Ма Сюэлян 马学良, *Чабпел Цетен Пунцог* 恰白・次旦平措, *Дун Цзиньхуа* 佟锦华 ред. Цзанцзу вэньсюэ щи 藏族文学史 (История литературы тибетцев). Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1987.

Ма Сюэлян 马学良, *Чабпел Цетен Пунцог* 恰白・次旦平措, *Дун Цзиньхуа* 佟锦华 ред. Цзанцзу вэньсюэ щи 藏族文学史 (История литературы тибетцев). Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1994.

«Сицзан дандай вэньсюэ чуанцзо сяньчжуан юй фачжань цюйши»: сюэшу яньтаохуй цзуншу 西藏当代文学创作现状与发展趋势»:学术研讨会综述 («Новейшая тибетская литература и тенденции развития»: обзор научной конференции) // 西藏民族学院学报 (哲学社会科学版) (Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао). 2011. № 7. С. 135–136.

Сюй Цинь 徐琴. Цяньлунь сицзан дандай хуаюй сяошо дэ фачжань 浅论西藏当代汉语小说的发展 (О развитии современной тибетской литературы на китайском языке) [Электронный ресурс] // 西藏文学 (Сицзан вэньсюэ). 2011. № 5. URL: http://www.xjass.com/ls/content/2012–04/09/content_227720.htm (дата обращения 19.11.2012 г.).

Сюй Цинь 徐琴. Сицзан дэ мохуань сяньши чжуи: пин Таши Дава дэ мохуань сяньши чжуи西藏的魔幻现实主义: 评扎西达娃及其小说创作 (Магический реализм: оценка работ Таши Давы) // 西藏民族学院学报（哲学社会科学版）(Гуйчжоу миньцзу сюэюань сюэбао). 2005. № 3. С. 53–55.

Т. Сайнбаяр ред. 特・赛音巴雅・主编. Чжунго шаошу миньцзу дандай вэньсюэ ши 中国少数民族当代文学史 (История новейшей литературы нацменьшинств Китая). Гуйлинь 桂林: 漓江出版社, 1993.

Тибетская культурная сеть: [сайт]. URL: http://www.tibetcul.net, http://www.tibetcul.com. (На данный момент недоступен)

У Вэй 吴伟, *Гэн Юйфан* 耿予方. Сицзван вэньсюэ 西藏文学 (Тибетская литература). Пекин 北京: Учжоу чуаньбо чубаньшэ 五洲传播出版社, 2002.

У Чунъян 吴重阳. Чжунго сяньдай шаошу миньцзу вэньсюэ гайлунь 中国现代少数民族文学概论 (Предварительное рассуждение о современной литературе нацменьшинств Китая). Пекин 北京: 中央民族学院出版社, 1992.

Ху Пэйпин 胡沛萍, *Юй Хун* 于宏. Цзанцзу дандай ханьюй вэньсюэ юй цзанцзу вэньхуа синьли цяньси 藏族当代汉语文学与藏族文化心理浅析 (Современная китаеязычная литература Тибета и краткий анализ психологии культуры Тибета) // 西藏民族学院学报 (哲学社会科学版) (Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао). 2012. № 1. С. 38–43.

Ху Пэйпин 胡沛萍, *Юй Хун* 于宏. Чжаньфан дэ вэймэй чжи хуа 1980 няньдай сицзан ханьюй сяошо чуанцзо дэ ишу чжуйцю 绽放的唯美之花 — 1980 年代西藏汉语小说创作的艺术追求 (Распустившиеся цветы эстетизма: художественные поиски в тибетском китаеязычном романе 1980-х гг.) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 2011. № 1. С. 144–150.

Чао Гэцзинь 朝戈金. Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ сюэкэ дэ гайнянь, дуйсян хэ фаньвэя 中国少数民族文学学科的概念、对象和范围 (Научные границы, объект, понятие литературы нацменьшинств Китая) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 1998. № 2.

Чжунго да байкэ 中国大百科 (Большая китайская энциклопедия). Пекин: чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ 中国大百科全书出版社, 1986.

Чжунго дандай шаошу миньцзу вэньсюэ шигао 中国当代少数民族文学史稿 (Общая история новейшей литературы малых народностей Китая)。中南民族学院<中国当代少数民族文学史稿>编写组. Ухань 武汉: 长江文艺出版社, 1986.

Чжунго миньцзу миньцзянь удао цзичэн. Сицзан цзюань 中国民族民间舞蹈集成。西藏卷 (Собрание национальных народных танцев Китая. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN中心, 2000.

Чжунго миньцзянь гэяо цзичэн. Сицзан цзюань 中国民间歌谣集成。西藏卷 (Собрание народных песен Китая. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 1995.

Чжунго миньцзу миньцзянь циюэцюй цзичэн. Сицзан цзюань 中国民族民间器乐曲集成。西藏卷 (Собрание по музыкальным инструментам и народным мелодиям. Том «Тибет»). Пекин 北京, 2009.

Чжунго сицюй чжи. Сицзан цзюань 中国戏曲志。西藏卷 (Материалы о китайском театре. Том «Тибет»). Пекин 北京: 文化藝術出版社, 1993.

Чжунго яньюй цзичэн. Сицзан цзюань 中国谚语集成。西藏卷 (Собрание народных поговорок Китая. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 2001.

Чжунго цюйи иньюэ цзичэн. Сицзан цзюань 中国曲艺音乐集成。西藏卷 (Собрание по песенно-повествовательным жанрам. Том «Тибет»). Пекин 北京: 中国 ISBN 中心, 2007.

Чжу Ся 朱霞. Дандай цзанцзу вэньсюэ дэ вэньхуа цюаньши 当代藏族文学的文化诠释 (Культурная интерпретация современной тибетской литературы) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 1999. № 4. С. 64–69.

Чжу Ся 朱霞. Дандай цзанцзу вэньсюэ дэ доюаньхуа бэйцзин юй цзоцзя миньцзу вэньхуа шэньфэнь дэ цзяньгоу 当代藏族文学的多元文化背景与作家民族文化身份的建构 (Многообразный фон современной тибетской литературы

и конструирование национальной идентичности писателей) // 西藏民族学院学报 (Сицзан миньцзу сюэюань сюэбао). 2004. № 6. С. 29–32.

Чжэн Цзяньжу 郑靖茹. Сяньдай чуаньмэй юй цзанзцу дандай вэньсюэ 现代传媒与西藏当代文学 (Новые медиа и современная литература Тибета) // 民族文学研究 (Миньцзу вэньсюэ яньцзю). 2005. № 1. С. 98–101.

Чэнь Гоэнь 陈国恩. Шаошу миньцзу вэньсюэ цзэнмэ жуши 少数民族文学怎样入史 (Как литература малых народов вошла в историю) // 北方民族大学学报(哲学社会科学版). 2010. № 3.

*Цао Ся*曹霞. 现代性进程中的民族悲歌: 论阿来的《空山》(Движение модернизации в национальной песне скорби: о романе Алая «Пустая гора») // 《艺术广角》(«Ишу гуанцзяо»). 2009. № 2.

Цзанцзу вэньсюэ ши 藏族文学史 (История литературы тибетцев). 中央民族学院<藏族文学史>编写组编著. Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1985.

Цедор 次多. Цзанвэнь чуанцзо дэ дандай цзанцзувэньсюэ шупин 藏文创作的当代藏族文学述评 (Оценка новейшей тибетской литературы на тибетском языке) // 西藏文学 (Сицзан вэньсюэ). 2005. № 05.

Цетен 才旦. Лунь сицзан шэньми цзай цзанцзу вэньсюэ чуанцзо чжун дэ бяосянь 论西藏神秘在藏族文学创作中的表现 (О проявлениях мистического в литературе тибетцев) // 青海民族学院学报(社会科学版) (Цинхай миньцзу сюэюань сюэбао). 2004. № 10. С. 157–160.

Шао Яньцзюнь 邵燕君. «纯文学”方法与史诗叙事的困境: 以阿来《空山》为例 (Сложность сочетания метода «чистой литературы» и эпического изложения: на примере «Пустой горы» Алая) //《文艺争鸣》(«Вэньи чжэнмин»). 2009. № 02. С. 18.

Цзанцзу вэньсюэ ши 藏族文学史 (История литературы тибетцев). 中央民族学院<藏族文学史>编写组编著. Чэнду 成都: 四川民族出版社, 1985.

Ян Хун 杨红. Сицзан синь сяошо чжи юй сюньгэнь вэньсюэ сычао дэ ии 西藏新小说之于寻根文学思潮的意义 (Значение течения «поиска корней» для тибетского нового романа) // 贵州民族学院学报 (哲学社会科学版) (Гуйчжоу миньцзу сюэюань сюэбао). 2007. № 6. С. 141–144.

На тибетском языке

Ассоциация тибетских писателей за рубежом: [сайт]. URL: http://www.tibetanpen.org (дата обращения: 10.10.2013).

Литературный портал «Светильник»: [сайт]. URL: http://www.tibetcm.com (дата обращения: 10.10.2013).

Персональный сайт Чабдаг Лхамо Кьяба: [сайт]. URL: http://www.chapdak-lhamokyab.fr (дата обращения: 10.10.2013).

dge dbang dung dkar blo bzang ‘phrin las mchog gis mdzad pa’i bod rig pa’i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal. Delhi: China Tibetology Publishing House, 2006. sh. 604–606.

dge shes [*‘jigs med*] *dam chos*. dag yig shes bya rab gsal. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1954.

rgya bod shan sbyar tshig mdzod. pe cin: mi rigs dpe skrun khang, 1976.

dmu dge bsam gtan. rje dmu dge bsam gtan rgya mtsho’i gsung ‘bum. pod dang po. zi ling: mtsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1997.

Приложение

Переводы произведений Дондуб Гьела

Рассказ Церинга[1]

Каждый раз, когда я вспоминаю эту печальную и полную страданий историю, из моих глаз против моей воли потоком обрушиваются слезы — в недрах сознания, белого как снег, океаном бурлят страдания, и в небо взлетают брызги от необоримых волн, нагнанных ветром любви в моих мыслях. Так и есть, 24 года жизни в этом мире — история, в которой смешаны счастье и скорбь.

Мы с Лхакьи — два маленьких цветочных бутона, появившиеся в одном саду. Не только основы наших душ были соединены самой жизнью и нитью взаимной склонности с детских лет, но и лепестки любви развернулись одновременно, и совместно распустились цветы взаимной склонности. Однако лютый мороз бессердечных обычаев внезапно уничтожил великолепие юности молодого цветка, исполненного любви к жизни и упований на будущее, а я, юная пчелка, вожделенно вьющаяся вокруг него, был вынужден упасть в океан печали. Вообще-то у меня нет желания рассказывать эту печальную историю, но, поддавшись уговорам моего старшего брата, я стал склоняться к мысли о том, что эта печальная история может помочь мышлению наших родителей и старшего поколения освободиться из силков заблуждений или по меньшей мере может послужить предостережением для наших потомков, чтобы они не столкнулись с такими же страданиями, как Лхакьи и я. Поэтому я начну свое повествование.

Лхакьи и я были соседями. Поскольку нас не разделяло ничего, кроме общей стены между домами, мы с детства были неразлучными

---

[1] Первая глава повести «Цветок, побежденный морозом». Перевод с тибетского П. Л. Гроховского по изданию sad kyis bcom pa'i me tog // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. brtsams sgrung phyogs bsgrigs. pod gnyis pa. sh. 218–230.

товарищами по играм. Мы не только вместе складывали пирамидки из камней и как будто обменивались новогодними подарками, но и соревновались в том, у кого лучше и красивее получится сделать лошадок, осликов и других животных из красной глины. Мы играли в разные веселые игры: иногда мы делали вид, что я папа, а она мама и очень любим друг друга, иногда играли в прятки и пятнашки. В детстве Лхакьи и я были близки, как дети одних родителей, и любили друг друга, как брат с сестрой, однако мой старший брат Ригъяг и Лхакьи совершенно не переносили друг друга, как собака и коза, поставленные рядом. Иногда, когда мой старший брат задирал Лхакьи, Лхакьи обращалась ко мне за помощью, а я вступался за нее и «мстил» старшему брату. Поскольку мой старший брат не умел терпеть боль, я постоянно задирал его и даже заставлял называть старшим братом меня. Однажды мама, не сказав ни слова, стала колотить меня кулаками, не разбирая, куда попадет, а затем сказала, что это расплата за то, что я задирал старшего брата. Увидев, что я плачу, Лхакьи сказала: «Старший брат Церинг, ты не плачь! Если Ригъяг не называет тебя старшим братом, я готова с этих пор называть тебя старшим братом». И с тех пор она называла меня старшим братом, а я дорожил ей, как сестрой.

Эх, когда я вспоминаю эти события детства, то действительно испытываю радость и беззаботность. Наши детские мысли, пусть и пропитанные духом наивности, но не осквернённые страстью, были в согласии, как смешанные вода и молоко. Однако, по мере того как шло время, мы с Лхакьи постепенно взрослели, и лепестки цветов нашей юности тоже распускались, поэтому каждый раз, когда Лхакьи называла меня старшим братом, ее, казалось охватывали сомнение и неловкость, а когда я отвечал ей, мне приходилось делать над собой усилие. С этого времени наши отношения с Лхакьи начали переходить в новое состояние. В то время я заканчивал начальную школу и готовился к сдаче экзаменов в Педагогический колледж национальностей в Малхо. Мой отец оказывал мне большую поддержку и, говоря: «Если будешь усерден в учебе, в будущем получишь такую-то пользу и такие-то блага», — как мог убеждал и наставлял меня. Хотя в то время мне казалось, что отец очень любит меня и дорожит мной, в последующем — а именно, только сейчас я понял, что у тех слов отца была и другая цель.

«Да, теперь вы, оба брата, достигли возраста, когда вам нет нужды спрашивать у отца совета, а у матери — просить пищи. Не то что пора жениться — а давно пора!» — сказал отец, когда однажды после

ужина мы втроем с ним и братом сидели и пили чай с молоком. — «Однако старший из вас, двух братьев, — Ригъяг. Что отцовское имение хранит старший — это наш тибетский обычай, Церинг!» — отец подмигнул мне и продолжал говорить: «Ты самый умный из вас, двух братьев. Если сможешь поступить учиться, превосходно! Если не сможешь, придется поселиться в семье жены. Да…» — и отец погрузился в размышления. На лице старшего брата появилась торжествующая улыбка. Поскольку я был подростком, которому только исполнилось 15 лет, эти слова отца показались мне смешными, и я невольно усмехнулся.

Увидев, что я усмехнулся, отец слегка потрепал меня по шее и сказал: «Если теперь ты похож на орленка, окрепла сила крыльев. Если похож на малька, развилось умение плавать. Теперь ступай-ступай-ступай. Тебе, орленок, пора взлететь в небо. Тебе, малек, пора плыть в озеро. Овладевай знаниями, и нет ничего лучше этого!»

Поскольку во время пребывания в начальной школе я достиг хороших успехов в учебе, я не только чувствовал себя очень уверенно на экзаменах, но и задания оказались не очень сложными, и поэтому я легко сдал экзамены и поступил в Педагогический институт в Малхо. Когда я был готов отправиться в институт, все жители деревни — мужчины и женщины, старые и молодые — пришли проводить меня, и одна юная девушка в толпе людей не отрываясь смотрела на меня, и в уголках ее глаз блестели слезы. Даже если я не скажу вам, кто это была, вы и так отлично это знаете. Хотя я и испытывал сильное чувство, словно я не могу расстаться с ней, тем не менее желание овладевать знаниями занимало важное место в моих мыслях, и поэтому я, с помраченным сознанием и стиснутыми зубами, отправился по дороге, ведущей в местность Ребконг — Золотую Страну.

Что касается Педагогического института для нацменьшинств в Малхо, то он находился в уезде Малхо, и стоило войти в ворота института, как в ноздри проникал сладкий запах цветов алоэ, по правую и по левую руку от института располагались красивые палисадники с плодовыми деревьями, и каждый из двух палисадников был окружен со всех четырех сторон рядами стройных тополей; если смотреть издалека, они напоминали часовых-пехотинцев, одетых в форму цвета хаки и стоящих наизготовку. Внутри палисадников были груши и другие деревья, вершины этих деревьев сгибались под тяжелыми плодами, и когда их слегка шевелил прохладный и нежный осенний ветерок, их кроны снова и снова кланялись, словно приветствуя новых учеников, идущих со всех сторон — четырех

основных и четырех промежуточных, а цветы алоэ, лотосы, пионы, ирисы и другие большие и маленькие любимцы земли с довольными белыми, желтыми, синими и красными личиками красовались друг перед другом и улыбались один другому притворно любезными улыбками, подобно тому как юные девушки соревнуются в женственной красоте. Так и я вошел в этот институт в красивой и живописной местности и в течение одного учебного года проявлял усердие, постоянное, как течение реки, — как жаждущий хочет воды, а голодный — пищи; и после этого достиг хороших результатов в учебе. Однако, по несчастливому случаю, во время летних каникул я тяжело заболел и более трех месяцев был прикован к постели у себя на родине, и в результате физические силы мои пришли в упадок до такой степени, что я не мог устоять на ногах. Родители безмерно горевали, думая: «Сейчас нет и одного шанса из ста, что он выживет, а не умрет», а я пришел к такому выводу: «У меня нет заслуг для того, чтобы отправиться в институт в этой жизни. А сам я — человек с дурной кармой». Даже когда благодаря счастливому случаю моя болезнь была излечена целительным лекарством, то из-за столь подорванного состояния здоровья и сильной физической усталости я был вынужден постоянно находиться дома, восстанавливая силы.

Поскольку мало-помалу так прошло более половины года, руководство института решило, что я добровольно оставил учебу, и выслало мою регистрационную карточку в нашу коммуну. Теперь моя карма учащегося, держащего ручку, была исчерпана, и на смену ей пришла карма чернорабочего, таскающего корзины. Хотя в ту пору у меня на душе было очень тяжело, что я мог сделать? И тогда, утешая сам себя, я, стиснув зубы, влился в ряды рабочих моей деревни.

Поскольку я много лет не занимался таким трудом, в первые двадцать дней или даже больше мне пришлось очень нелегко: спина была натружена, руки и ноги болели. В частности, поскольку местность в нашей деревне была очень холмистая, мне действительно приходилось нелегко, когда я поднимался в гору и спускался вниз. В таких случаях Лхакьи принимала во мне безмерное участие и по возможности облегчала мое положение, неся мою корзину, лопату и прочие вещи, когда я шел на работу и когда возвращался после работы домой. Однако, поскольку она была подобна диадеме среди девушек из этой нашей общины, молодые люди собирались рядом с нею, словно пчелы, кружащие над цветком — болтали и не могли расстаться с ней, как не могут расстаться тело и тень, и поэтому отношения между Лхакьи и мной постепенно все больше и больше сходили на убыль.

Однажды, когда я возвращался домой после работы, я устал и присел на корточках на небольшом камне, и когда я сидел и отдыхал, кто-то сзади протянул две шершавые руки и полностью закрыл мне глаза. Силой чувственного восприятия я понял, что это были руки юной девушки, а поскольку на обеих руках, усердных в работе, появились мозоли, я понял, что это искусная в работе женщина. Мгновение спустя она отвела руки, и перед моими глазами стало светло. Это было похоже на то, как будто я вышел на свет из темной ямы. Когда я обернулся и посмотрел, это была Лхакьи. Лоб ее по высоте был равен трехдневной луне, а под бровями, напоминающими два широко раскинутых крыла белого ястреба, блестели два живых глаза, подобные глазам лани, в которых по кругу переливался свет воды. Они были наделены способностью мгновенно проницать все тайны в сознании собеседника, а пара щек с румянцем, выступающим на юной белой коже, были миловидны и прекрасны, словно очень спелый плод яблока; поскольку поношенная накидка, слегка истрепавшаяся по нижнему краю, прохудилась, можно было воочию видеть игривость безыскусной, естественной красоты, и это превращало поговорку старых времен о том, что хороший человек украшен одеждой, в ложь.

— Юноша по имени Бесподобный подобен тебе. Если потом ты женишься, тебе ведь будет стыдно перед женой, — так она шутливо сказала мне.

— Это тебя не касается. Нет смысла вести бессмысленные разговоры… Лучше беги за своими парнями. Тогда твои намерения сбудутся, — так я сказал с небольшим раздражением.

— Разве можно поймать золотую рыбку в океане ревности? Ты не слышал изречения: «Если управляешь деревней, нужно долгое терпение. Если ведешь дикую лошадь, нужен длинный укрюк»?

— Я не глава, управляющий деревней. И не слуга, ведущий лошадь. Хоть терпение и не долгое и укрюк не длинный, какое тебе дело?

— Хотя красный тигр резвится в лесу, спит он в логове. Хотя стервятник парит в небе, опускается он на скалу. Разве тебе не нужно логово, чтобы спать в нем, и скала, чтобы опускаться на нее?

Эх, разве не правду говорят, что внутри слов слова, а внутри костей костный мозг? Мне нечего было ответить. Прежде, даже если вокруг нее сновало туда и сюда множество парней, я чувствовал, что при первой же возможности Лхакьи запускала в меня каменную пращу слов, либо же тайную стрелу во мраке. Эх! Тайны девичьей души подобны заболоченному пруду, подернувшемуся ряской. Если бы я был волшебным камнем, очищающим воду, я мог бы растворить

всю замутняющую грязь, но ведь я — не кетака[2]. Так или иначе, на железном крючке любви задергалась рыбка нашей дружбы. Было ли это предзнаменованием счастья или же предвестьем того, что цель не будет достигнута? Оленю, попавшему в капкан, некуда бежать, а рыбе, попавшей в сеть, некуда плыть.

Впрочем, деревенские парни, как и прежде, оживленно кружили вокруг Лхакьи, словно во́роны, следующие за охотником, особенно Лхундуб — поскольку в нем сочетались красота, сила и умения, а семья его была зажиточна, при любой возможности он заигрывал с Лхакьи и притворно предлагал ей любую помощь. Поэтому каждый раз, когда я видел эти события своими глазами и слышал о них своими ушами, у меня возникало ощущение неподдельной горечи. Если говорить честно, и разрыв наших отношений с Лхундубом был связан с этим. Раньше я и Лхундуб были добрыми друзьями, но теперь, даже встретившись на дороге лицом к лицу, расходились в сторону, словно не узнавая друг друга. Как бы то ни было — раз у меня появился подобный соперник и его обстоятельства были в два раза лучше моих, у меня стали возникать очень большие опасения за продолжительность наших отношений с Лхакьи. Время от времени я думал: «Ведь в деревне много других молодых девушек; отчего мне так запала в душу именно Лхакьи? Хотя ее облик красив, это не объект для подношений. Пройдут месяцы и годы, и она, несомненно, покроется некрасивыми морщинами; хотя облик ее и приятен, кто знает, чему подобны ее мысли? Вообще, настроение красивой девушки переменчиво, как летняя погода. Только выглянуло солнце — и пошел дождь; прошел дождь, и появилась радуга; появилась радуга, и загремел гром; как только стихли раскаты грома — блеснула молния. Лучше бы найти себе более подходящую по духу подругу». Однако пчелка моих любовных устремлений как прикованная летела, чтобы опуститься на лепестки Лхакьи. Теперь я был не властен над своим сознанием, и поэтому я не осознавал того, что со мной происходило.

Однажды в середине лета, когда садящееся солнце готовилось скрыться за горой, старший брат показал мне кольцо с переплетающимся узором и сказал: «Церинг, подожди! Сейчас я отдам тебе один подарок», — и судя по особому ударению на слове «подарок» можно было ясно понять, что это очень важное дело.

Хотя про себя я подумал: «Наверное, его передала Лхакьи», — но все же задал вопрос:

— От кого это кольцо?

---

[2] Драгоценный камень, согласно поверьям, способный очищать мутную воду.

— Ты ведь не сомневаешься в том, чье оно. Иди сюда,— со смехом сказал старший брат, взял меня за безымянный палец и с силой надел на него это серебряное кольцо, добавив: — Как раз по размеру!

О, это было не просто серебряное кольцо — это был «памятный подарок», говоривший о том, что узы любви какой-то молодой девушки никогда не ослабнут. Обычная жизнь, чувство счастья, ожидание любви — все это украдкой проникло в прекрасный дом моих мыслей, словно кошка, караулящая мышь, или охотник, поджидающий газель, и ростки упований на взрослую любовь, вскормленные стремлением разделить радости и печали в течение всей жизни и согретые солнечными лучами сердечной склонности, впервые распустились лепестками на плодородной земле моего сознания, чистого как снег, и дали рождение распустившемуся цветку.

Однако, поскольку старший брат сказал: «Это кольцо передала мне Лхамо», — я похолодел внутри и не мог больше думать ни о еде днем, ни о сне ночью. Хотя Лхакьи и Лхамо были сестрами, как далеко были мои мысли от Лхамо по сравнению с Лхакьи, которая была объектом моих желаний и влюбленности! Как бы то ни было, хотя я и подумал: «Нужно найти какой-нибудь способ вернуть это кольцо Лхамо», пока такой возможности мне не представлялось, оно оставалось у меня.

Однажды вечером, как только мы со старшим братом легли спать в маленьком деревянном домике, он рассказал мне неожиданную новость. Вот о чем шла речь: в тот день между Лхундубом и Лхакьи произошла сильная перебранка, и хотя старший брат точно не знал ее причину, все же, судя по тому, что Лхакьи выкрикнула Лхундубу: «Какой же ты бессовестный!» А Лхундуб ответил ей: «Пусть я всю жизнь проведу в одиночестве, но на такой, как ты, не женюсь!» — можно было догадаться о причине их ссоры. Хотя в тот момент я почувствовал небольшое облегчение, мне всю ночь не удавалось заснуть, так как кольцо Лхамо все еще оставалось у меня в руках.

Впоследствии, вернув Лхамо это кольцо, я досконально понял все обстоятельства этой истории. Так или иначе, мы с Лхакьи стремились абсолютно к одному и тому же, однако об этих отношениях между Лхакьи и мной не знал никто, кроме Лхамо, а я не сказал ни слова даже старшему брату.

В это время пришел председатель нашей коммуны Таши и сообщил, что с завтрашнего дня я получаю повышение и становлюсь официальным служащим коммуны. Он сказал, что, поскольку я хорошо разбираюсь в текстах и могу немного читать и писать по-китайски, мне нужно стать в коммуне ветеринаром. Когда я ответил, что у меня нет никаких познаний в ветеринарии, он сказал: «Это не

беда. Мы отправим тебя на учебу в Тонгкорский зоотехникум. Местность в нашей коммуне подходит и для земледелия, и для скотоводства, но большинство бригад — скотоводческие, поэтому доктор Ли один не справляется. Что касается подробностей, приходи завтра в коммуну, и доктор Ли введет тебя в курс дела».

Эта новость обошла всю деревню, словно счастливая весть. Когда на следующий день я отправился в коммуну, Лхакьи следовала за мной на большом удалении. Подумав, что она провожает меня, я сказал, чтобы она возвращалась обратно, но Лхакьи ответила, что идет со мной в коммуну, чтобы оформить свидетельство о браке. Когда я объяснил ей, что я только-только стал служащим и еще должен ехать в Тонгкор на учебу, и поэтому не следует сейчас оформлять свидетельство о браке, в уголках ее глаз заблестели слезы, и она сказала: «Ведь теперь ты можешь стать государственным служащим — ты и внимания на такую, как я, не обратишь!» — и расплакалась. Когда я привел ей множество доказательств того, что она не права, и поклялся в итоге, что, как бы ни сложились обстоятельства, я никогда не изменю свое решение, она повернула назад, все еще недоверчиво то и дело оглядываясь на меня.

Когда я вернулся назад, проучившись два года в Тонгкорском зоотехникуме, уже произошли эти печальные события. Ах! Читатели, прошу вас запастись терпением, поскольку, как только я вспоминаю об этих событиях, меня охватывает чувство нестерпимого страдания, не говоря уже о том, чтобы рассказать вам о них.

Водопад юности[3]

Чистое голубое небо,
Теплый и нежный солнечный свет,
Широкая и пространная земля,
Прекрасные цветы,
Высокие и величественные вершины……
Э ма!——
Еще большее ликование
Вызывает поток, бурно несущийся
По крутому скалистому склону передо мной.
Смотри!
Вереницы пенящихся волн белы и прозрачны,
Светящиеся брызги — глазки на павлиньих перьях,

[3] Перевод с тибетского П. Л. Гроховского по изданию lang tsho'i rbab chu // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod dang po. sh. 130–137.

Перья на хвосте попугая,
Узор на парче,
Изображение лука Индры[4]……
Вслушайся!
Журчанье воды ясное и благозвучное,
Музыка юности — песня гандхарвов[5],
Голос Брахмы[6],
Речь Сарасвати7,
Пение кукушки……
О! — Это не обычный водопад в природе,
Величественное и впечатляющее переживание,
Сердце без страха,
Отвага без уныния,
Зрелое и мощное тело,
Прекрасные и изобильные украшения,
Приятная и благозвучная песня……
Это —
водопад юности молодежи Тибета — Страны Снегов.
Это —
энергия созидания тибетской молодежи 80-х годов XX века,
Дух борьбы,
Звуки песни юности.
О! О! О юность водопада,
Водопад юности!
Как у тебя появилась храбрость без страха,
—— Энергия без уныния,
—— Сила без убытка,
—— Мощь без истощения?
Да!
Дождевая вода, пролившаяся с неба весной,
Родники, пробившиеся из-под земли летом,
Сущностные соки инея и града осенью,
Внутренние соки льда и снега зимой.
Еще —
Вода ледников —— вода сланцев —— вода холмов —— вода лесов ——
Вода лугов —— вода гор —— вода долин —— вода вершин — — вода низин —
Кратко:

---

[4] Индра — в индийской мифологии — бог-громовержец, лук Индры — радуга.

[5] Гандхарвы — согласно индийской мифологии, музыканты, услаждающие слух богов.

[6] Брахма — бог-создатель мира в индийской мифологии.

[7] Сарасвати — богиня-покровительница речи, словесных искусств и музыки.

вода благоденствия,
—— вода, в которой берут начало добродетель и благо,
—— вода достижения целей,
—— вода восьми свойств,
—— вода изобилия и совершенства —
Сто восемь разнообразных родников,
Десятки, сотни тысяч разных видов вод,
Поскольку ты — вода единства,
Отваживаешься падать с обрывистого утеса,
Поскольку ты — вода всеобщего собрания,
Осмеливаешься низвергаться в узком ущелье.
Поскольку ты обладаешь отвагой для того,
чтобы собрать в себе все виды вновь пробивающихся вод,
Велика твоя широта восприятия,
силы развиты и могущество велико.
Поскольку ты отбросил надменность
и лишен скверны высокомерия,
Бег твоего течения долог и падающие воды бурны.
Поскольку ты обладаешь способностью
отбрасывать загрязнения и сохранять свою сущность,
Твои тело и сознание чисты, а великолепие юности обширно.
О водопад!
Ты свидетель истории,
И проводник в будущее,
В каждой капле твоей воды, лишенной скверны,
Находятся успехи и неудачи Тибета — Страны Снегов,
В каждой частичке твоих сверкающих брызг
Собраны взлеты и падения прохладной Снежной Страны.
Если бы тебя не было,
Как закалить меч грамматики?
Если бы тебя не было,
Как заточить резец искусств и ремесел?
Если бы тебя не было,
Не смогло бы раскинуть свои ветви древо медицины
И не смогли бы распуститься цветы теории познания
и поспеть плоды внутреннего знания — буддизма.
Если обобщить ——
Хотя в твоем сознании, подобном кристаллу,
Могут присутствовать
Раны истории,
Застарелые болезни раздоров,
Пена предрассудков,
Пыль консерватизма и тому подобное, —
Все же —
Поскольку ты обладаешь великолепием мощи

и развития юности,
Никогда не предоставляется возможности для того,
Чтобы твое сознание оказалось сковано в хранилище ледника
—— Под воздействием стужи трех зимних месяцев;
Пусть бритва метели сотни раз взрежет твой журчащий поток
— Разве можно поверить, что ты прекратишь свой бег?
А причина —
Поскольку исток твоих вод соединен с ледником,
А их завершение смешивается с океаном,
Долгий журчащий поток твоей истории
Дает нам величие и уверенность,
Благозвучное журчание твоих эпох
Дарует нам воодушевление и силы.
Слышишь ли? —— водопад?
Слышишь ли ты эти вопросы молодежи Тибета —
Страны Снегов?
Как быть, если лучший скакун поэзии страдает от жажды?
Как быть, если слон стихосложения изнурен зноем?
Как быть, если лев иносказания измучен надменностью?
Как быть, если младенец сценического искусства остался сиротой?
Если наследие астрологии утрачено, кто сохранит его?
Кто выйдет навстречу гостям, если юноша науки переехал в семью жены?
Если девушку технологии выдали замуж, кто станет ее мужем?
Да —— водопад.
Эти ответы, прозвучавшие в твоей ясной, чистой, приятной
и благозвучной песне,
—— впечатались в наше сознание, словно рисунок,
вырезанный на камне.
Воистину —
Удивительно прекрасное прошлое, сверкающее тысячами лучей,
не может заменить настоящее;
Разве утолит жажду сегодняшнего дня вчерашний день,
которому знаком запах щелочи?
Если в безжизненное тело истории, которую трудно обрести,
Не вдохнуть жизненные силы, соответствующие времени,
Не сможет пульсировать аорта прогресса,
Не сможет течь кровь в сердце нововведений,
Где уж там говорить о шагах передовых свершений!
О водопад!
В веренице твоих с ревом несущихся волн
И шумно рассыпающихся брызгах ——
Выражается наша сила
—— Сила нового поколения Тибета — Страны Снегов,
В широко растекающемся потоке твоих вод

И шуме твоих вод, текущих с ревом,
Проявляются наши упования
—— упования нового поколения Тибета — Страны Снегов.
Косность, робость, суеверия, лень ……
Им никогда не проникнуть в это наше поколение.
Отсталость, дикость, темнота, реакционность ……
Им вовсе нет места в этой нашей эпохе.
Водопад, о водопад!
Наши помыслы движутся в ритме твоего движения,
Наша кровь течет заодно с твоим потоком.
Хотя на пути в будущее
Много трудностей,
Молодежь Тибета лишена даже возможности страха,
Мы несомненно открываем путь прогресса
Для этой нашей национальности.
Приглядись!
Эти стройные ряды — новое поколение Тибета —
Страны Снегов.
Вслушайся
Эти звуки слаженного пения — звуки шагов молодежи
Тибета — Страны Снегов.
Широкий путь к свету,
Величественные задачи,
Счастливая жизнь,
Песни борьбы —
Во всем этом нет недостатка у молодости водопада,
И поэтому водопад молодежи не ослабевает.
Это ——
Водопад юности, берущий начало в словах
молодых поколений Тибета — Страны Снегов.
Это ——
Водопад юности, протекающий в сознании молодежи
Тибета — Страны Снегов.

И здесь есть живое сильно бьющееся сердце[8]

Прекрасно,
Удивительно,
Сердечно!
С момента возникновения всего сущего
Произошло возникновение удивительной истории,

[8] Перевод с тибетского П. Л. Гроховского по изданию ‘di na yang drag tu mchong lding byed bzhin pa’i snying gson po zhig ‘dug // dpal don grub rgyal gyi gsung ‘bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod dang po. sh. 90–94.

Красавицы Слова Будды и Комментариев, милых сердцу,
И множества разнообразных сокровищниц знаний,
о которых трудно забыть.
Эта наша национальность также, несомненно, возникла
На основе физического тела из плоти и крови;
Не возник ли наш дом в этой отдохновенной стране
Благодаря сознанию с растущими знаниями,
Жизненной силе достоинства,
Различению ментальных факторов,
Иллюзорному танцу, в котором встречаются и сходятся
материальное тело
И сознание, обладающие восемью свободами
и десятью богатствами,
Парам субъект-объект
И искусные средства — мудрость?
Воистину, есть удивительное и недоступное
для чужих умов предание
О наших предках
В те времена, когда способности говорить и понимать
смысл еще не обрели полноты,—
Об обезьяне-бодхисаттве и
Воплощении госпожи Бхрикути — горной демонице[9].
Хотя, скорее всего, могло быть время, когда их потомки
Облачались вместо одежды в листья деревьев
В пустынных чащах,
На обширных лугах и равнинах,
Пустых землях, пустых долинах,
Тем не менее это — свидетельства истории
И напоминание о случившемся.
О друг!
Не следует становиться хищником от того лишь, что ешь мясо.
Разве все, у кого красные лица, происходят от обезьяны?
И в прежние времена
В небе реяли знамена славы,
Гласившие: «Войска мясоедов — краснолицых тибетцев»,
Следы их героических свершений —
В Индии, Стране Благородных,
Области Великой Цин,
А также
Непале,
Кашмире,
Сиккиме,
Бутане.

[9] Имеется в виду одно из преданий о происхождении тибетцев.

Ощущаете ли вы, как звучат
звуки из облаков,
Мелодии вин[10],
Звуки песен гандхарвов,
Звуки песен Сарасвати?
Однако
Новые идеи,
Новые взгляды,
Новые стремления
Новые традиции —
То, что хотелось бы встретить в социалистической Стране
Снегов —
Знаете ли вы, что это такая же редкость, как рог единорога,
Шерсть черепахи,
Лотосы в небе,
Радуга на земле[11].
Вот так!
Даже если представляется,
будто в этой небесной сфере консервативности
Распухает облако косности
И сверкает молния робости,
Шансы на то, что прольется теплый дождь прогресса, невелики.
Однако пар надежд нации непременно поднимется в небо
И туча достоинства Страны Снегов непременно надвинется с юга;
Где бы она ни обосновалась — в странах, по которым лежит ее путь
или где она остановится,— непременно открыто прольется дождем.
Не падайте духом,
Новые поколения молодежи,
Хотя внушали как истину то, что в стране есть око знания,
Но поскольку есть три радостных решения и три дрожания,
К чему вам падать духом?
О, о, не терзайтесь в душе,
Молодежь Страны Снегов.
Если нет сил на нововведения,
Нет того, что называется прямотой,
А так называемые причина
и следствие оказываются ложью.
Однако
То, что я вижу перед своими глазами,—
Нектар счастья,
А то, что к тому же наполняет мои уши,—
Будущая жизнь.

[10] Вина — индийский струнный инструмент.
[11] Примеры несуществующего из буддийской логики.

Это — внутри меня — живое сильно бьющееся сердце,
И это вообще
может также быть ——
живое сильно бьющееся
сердце
внутри вас.

21 июля 1985 г.

Утро в институте[12]

Этот парк, со всех сторон окруженный вереницей деревьев,
Где крупные и мелкие птицы
непрерывно поют благозвучные песни,
Который во всех направлениях
украшен величественными многоэтажными зданиями, —
Вот Центральный институт национальностей!
Когда юноша — луч рассвета нового дня —
Обнимает девушку — землю, окутанную мраком, —
Ученики — бессчетные лотосы, охваченные сном,
Заняты спектаклем распускающегося лотоса чтения.
Э ма! Сейчас теплое и приятное время трех месяцев весны,
Деревья, украшенные зелеными листьями на ветвях,
Приветливые лица примулы-кокетки —
словно ряды зубов при улыбке,
Окликают стремительных юных путников.
Слушайте! Мелодичные звуки, наяву доносящиеся до ушей
Из середины рощи на другой стороне парка
Неотделимые от счастливой песни пчел,
Вдруг на время нарушили мое сосредоточение.
Поскольку, тщательно прислушиваясь, медленно ступая
Украдкой, пошел в сторону, откуда слышится песня,
Услышал такой разговор двух молодых тибетцев:
«Эй, слушай! Одноклассница Церингги Долма,
Поскольку я спокойно обдумал смысл слов,
в которых ты меня вчера критиковала,
И обрел уверенность в их правоте,
То ночью я лишился спокойствия сна.
Когда вспоминаю впустую растраченное драгоценное время,
Сожаление налетает, словно вьюга».
Когда услышала, на лице девушки появилась довольная улыбка,
И, бросив влюбленный взгляд на юношу, словно выпустив стрелу,

[12] Перевод с тибетского А. А. Ильиной по изданию slob grwa'i zhogs pa // dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum. snyan ngag phyogs bsgrigs. pod dang po. sh. 195–199.

Без улыбки сказала:
«Не болтай чепухи, друг Церингги Намгьял!
Если услышит незнакомый человек, нам двоим будет стыдно,
Откажись от склонности к чаю и пиву и стремись овладеть
Умением плавать в океане знаний, как рыба!»
Юноша кивнул головой, точно качнулся гибкий побег,
И снова прозвучали такие речи:
«О любезная подруга, несомненно, подобная Таре[13].
Если ты навсегда объединишься со мною,
обыкновенным человеком,
Начиная с этого времени, я тоже буду овладевать знаниями
И быстро наверстаю время, потерянное в прошлом году».
Наклонив желанную шею,
Девушка — рукой — чрезвычайно нежной на ощупь лозой,
Крепко-крепко обняла юношу за левое плечо
И произнесла низким голосом такие сокровенные слова:
«Поскольку мы оба дали обет в том, что наша любовь,
Подобная узору сплетенного узла,
будет незыблема, словно скала,
Так важно это рвение без промедления, скорее достигнуть
Вершины многоэтажного дворца социалистической учености».
Воочию увидев чувства этих двух молодых влюбленных,
Я был опьянен радостью,
И ко мне непроизвольно пришли такие мысли:
«Как прекрасно, что эти юноша и девушка, подобные чатаке[14],
В это благословенное время,
когда сияют солнечные лучи их молодости,
Устремляются в сторону знаний,
от которых веет ароматом жасмина,
Так же как лиса ищет себе пропитание».
В то время лицо юноши — круг полной луны
Повернулось к миловидной девушке — лотосу,—
Снова и снова блестя вереницей зубов — лунного света,
Шутя и смеясь, произнес такую речь:
«Любимая девушка, подобная молодым росткам,
Вечером снова приходи в этот парк,
И поскольку у меня на уме есть еще сокровенные речи,
Без утайки тебе расскажу».
Услышав это, красавица покраснела
И стыдливо наклонила голову,
И стрела, утайкой выпущенная вестниками-глазами,

[13] Тара — одна из бодхисатв в буддизме.

[14] Чатака — по индийским представлениям, птица, пьющая только дождевую воду, символ достоинства и разборчивости.

Безошибочно поразила свою цель — сердце юноши.
«Юноша, молодой человек,
ты будто напился хмельного чанга,
Не болтай чепухи, помолчи!
Если в глубине сознания — поток искренней любви,
Не нужно опасаться того, что саженец дерева засохнет».
Услышав это, я не выдержал и засмеялся,
И со звуком: «Тс!», эта парочка исчезла из виду.
В то время тот юноша, испускающий солнечное сияние
С бескрайнего неба во второй половине месяца
Пришел, чтобы избавить от страданий
Красавицу — лотос, закрывшийся при свете луны.
Девушка-ветер нежными и ласковыми руками
Обнимает за шеи деревья —
Словно юные павлины, услышав гром,
Подняли хвостовые перья радости, как круглые зонты.
Эти студенты, заучивающие наизусть
основные тексты рядом с деревьями,
Словно пчелы, стоит им возжелать
Нектара цветов объектов познания
Усердствуют в труде изготовления меда знаний.
Прожившие жизнь пожилые учителя
Не спеша проходят,
И от улыбок их лица покрываются морщинами
от радости и счастья,
Когда они посмеиваются над самонадеянностью
нового юного поколения.
Пышущие здоровьем студенты — юноши и девушки —
Некоторые занимаются бегом, некоторые — прыжками,
Некоторые забираются на железный шест,
Некоторые занимаются акробатикой, делая «ласточку».
Э ма! Эти десятки миллионов благих знамений,
Проявляющиеся весенним утром в институте —
Знак того, что дело национального образования
Развивается, подобно растущей луне.

Указатель имен тибетских литераторов и деятелей культуры

А

Алай 24, 238–246, 253, 254, 257, 280, 287, 293, 298, 300–302, 312, 315, 353
Ангаг Церинг Таши 68
Аньон Таши Дондуб 171

Б

Байдэнь 125
Бенде Кар 190, 191
Бенде Церинг 189
Бенко 22, 203, 216
Бонгтаг Рилу 324
Бучунг Сонам 324

В

Вангдор 175, 288

Г

Гангжун, см. также Санггье Гьяцо 342
Гедун 125
Гедун Рабсел 172
Гедун Чопел 5, 10, 16, 17, 33–70, 88, 90, 108, 171, 320, 325, 352
Геянг 237, 290, 297, 310, 311
Гитенг-ринпоче (Лозанг Пелден) 16, 17, 352, 353
Гонпо Гьелцен 125
Гонпо Таши 342
Гьюрме 183–185

Д

Дава Норбу 88
Дава Церинг 191
Даггонг Телинг Вангдор, см. Вангдор
Дадон 334, 336, 337
Дежин Кашо Чогъел Ньима 129
Декьи Долма 188
Декьи Цомо 236, 247
Демо-ринпоче 129
Джампа Гьелцен 181
Джампа Церинг 334
Джампел Гьяцо 19, 23, 124, 125, 163, 172, 235, 292, 294, 295
Джамъянг Жепа 37
Джамъянг Кьи 325
Джамъянг Норбу 74–77, 348, 353
Джамъянг Пелмо 125
Джангбу, см. также (Ченагцанг) Дордже Церинг 31, 32, 188, 296, 322
Джангкор Сонам Гьелпо 286
Джигме Дамчо 126
Джигме Пунцог 255, 298, 302
Джу Келзанг 17, 163, 184
Дземе Лозанг Пелден 56
Доби Дордже 186
Додаг 342
Докар Жабдунг Церинг Ванггьел 12, 20
Долма 344

Долма Кьяб 323
Донг 324
Донгбу Дордже Ринчен 130, 176
Дондуб Вангбум 159, 160–163, 248, 254, 287, 288, 298
Дондуб Гьел 5, 29–32, 133, 162, 180, 186, 188, 189, 191, 193–203, 206–210, 216–218, 222–224, 226–229, 231, 232, 264, 289, 294, 322, 325, 352, 353
Дондуб Церинг 322
Дордже Гьел 68
Дордже Гьелпо 26, 29, 125, 170
(Дордже) Тарчин 10, 53, 55, 71, 74, 80, 86–96, 109, 112, 113, 115, 117, 119, 128
Дордже Цетен 123, 177, 298
Дордже Церинг, см. также Джангбу, Ченагцанг Дордже Церинг 31, 163, 296, 298, 322, 345
Доржи Донгдуг Ньемло 184
Доре 335
Дубе 335
Дулха Гьел 189, 222
Дуглха Гьел 324
Дугон Церинг 186
Дунгкар Лозанг Тинле 25, 29, 32, 40, 46, 56, 62, 125, 161, 162

Е
Еше Долма 247, 298, 342,
Еше Тендзин 163, 182, 235, 247, 249, 289, 292, 296, 298, 302, 308
Еше Церинг 247, 287, 298
Ёнтен Гьяцо 56

Ж
Жабкар Цогдуг Рангдол-ринпоче 15
Жиде Ньима 342, 346
Жогдунг 325
Жора Тенпа Даргье 68

Й
Йидам Церинг 30, 165, 169, 247, 286, 295, 298, 302

К
Каргонг 188
Катуб Таши 346
Кедуб 181, 182, 295
Келзанг Вангдор — сын Деге 126
Келзанг Гьюрме 125
Келзанг Долма 331
Келзанг Дордже 161, 162, 165, 247, 298, 302
Келзанг Еше 28, 29, 125, 182, 296
Келзанг Цетен 342
Кенчен Гедун Гьяцо 58, 59
Кетхо 191
Кирти-тулку 67, 69
Кончог Цепел 320, 321
Кончог Церинг 247
Кьенраб Озер 125
Кьюнгтар Гьел 342
Кьябчен Дедол 190, 320, 324
Кьябчен Намдол 172

Л
Лангдун Пелджор, см. Пелджор
Лачунг Апо 46, 48, 65
Лодо Гьяцо 161
Лозанг Пелден 353
Лугьел Ярде 346
Лхагпа Дондуб 174, 175, 182, 183, 296
Лхагпа Пунцог 236, 282, 292, 294
Лхаджам (Гьел) 180, 279, 293–295, 298, 345
Лхамо Цетен 346
Лхундуб Намгьел 183, 282, 290, 296

М
Медон 258, 263–267, 271, 310
Менгбу Дондуб Церинг 186

Миларепа 15, 16, 46, 60, 204, 206, 217, 344
Миньяг Гонпо 125
Муге Самтен 19, 123, 125, 130, 161

Н
Нагпо Келзанг 177, 178
Нагцанг Нуло 180
Наропа 16
Нгагванг Гьяцо 125, 126
Нгагванг Келзанг 125
Нгагванг Тендзин 161, 251
Нгагпо 125
Нетен Чоглинг-ринпоче 344
Норбу 125
Норбу Церинг 166, 253, 261, 267–269, 271, 297
Норгье Лозанг Намгьел 125
Норданг 346
Норкьил Бучунг Гьел 191
Ньима Дондуб 171, 342
Ньима Паньдо 166

О
Огьен Дордже 182, 295
Огьен Чопел 180, 189

П
Пагмо Таши 344
Пагпа Гелег Намгьел 125
Пагпа Дондуб 345
Пацен Цетен 346
Пего 162, 298
Пелгон 335
Пелджор 163, 166, 235, 236, 282, 288, 292, 294, 297, 348
Пема Бум 29, 222, 354
Пема Намдон 166
Пема Цеванг Шастри 172
Пема Цетен 186, 256–263, 344–346
Пема Янгчен 302
Пунцог Ванггьел 125
Пунцог Таши 123, 125, 188

Р
Рабгье Пасанг 150, 161, 247, 286, 298, 302
Рангда 176, 177, 179
(Ребгонг) Дордже Кар 163, 171, 178
Ригден Гьяцо 171, 342, 344
Ригджунг Дондуб Таши 324
Рика Лозанг Тендзин 65, 69
Ринчен Долма 345
Ринчен Цега 185

С
Сакья-пандита Кунга Гьелцен 176, 210
Сампо Цеванг Ригдзин 129
Санггье 125, 187
Санггье Гьяцо, см.также Гангжун 161, 354
Сонам 187, 344
Сонам Вангмо 334
Сонам Дордже 125
Сонам Ринчен 251, 257
Сонам Таши 349
Сунграб Гьяцо 19, 25, 124, 125, 132, 294
Сэбо 24, 164, 235, 237, 238, 250, 252, 253, 257, 281, 287, 293, 298, 304–306, 313

Т
Таба 171, 191
Тагбум Гьел 171, 175, 189, 191
Таго 22
Тагьел 203, 216, 325
Тадин 342
Тадин Гонпо 302
Тарчин, см. Дордже Тарчин
Татен 249
Таши Кьи 192
Таши Дава 24, 164, 235, 238, 244, 247, 257, 287, 290, 298, 304–307, 312, 342, 353

Таши Пелден 133, 173, 174, 181, 236, 288, 290, 293, 295, 342
Таши Цеpинг 125
Тендзин Декьи 324, 325
Тендзин Намгъел 131
Тендзин Ньима 346
Тенпа Яргье 177, 182, 296, 342
Тетонг Тубтен Чодар 66, 67, 69
Течунг 349
Тинле Лхундуб Чокьи Гьелцен 125
Тонгга 255, 309
Тонми Самбхота 10, 72, 177
Тубтен Дагпа 188
Тубтен Джигме 247
Тубтен Легмон 129
Тэван 125

Х
Хорканг Сонам Пелбар 66–69, 125
Хорцанг Джигме 68
Хура Джапе 176

Ц
Цангдинг Даргье 171
Цангньон Херука 15
Цангъянг Гьяцо 15, 179, 249, 265
Цатул Нгагванг Лозанг 129, 150
Цеванг Норбу 302, 345
Цедор 174, 182, 283, 287, 296
Цеpинг Гьямо 306
Цеpинг Дондуб 130, 179, 188, 342, 354
Цеpинг Кьи 192, 322
Цеpинг Намгон 172
Цеpинг Озер 291, 325
Цеpинг Пелджор 348
Цетен 313, 336
Цетен Долма 336, 337
Цетен Дордже 176
Цетен Жабдунг 25, 125, 126
Цетен Янгчен 297
Цокье Дондуб Цеpинг 186
Цонгкапа 36, 48, 56, 210
Цултим Зангпо 345

Ч
Чабдаг Лхамо Кьяб 192, 322, 323
Чабпел Цетен Пунцог 160, 181, 295
Чанглочен Сонам Гьелпо 90, 129
Ченагцанг Дордже Цеpинг, см. также Джангбу, Дордже Цеpинг 345
Чиме Дордже 173
Чого Цеpинг 161
Чодаг 44, 55, 88, 129
Чокьонг Цеpинг 161
Чоло 125
Чоне Юм Цеpинг 342
Чопа Дондуб 186

Ш
Шардонг-ринпоче 25
Шелкар Лингпа 16–18, 352
Шераб Гьяцо 19, 38, 39, 46, 47, 50, 56, 65–67, 69, 70, 123, 125, 131
Шеуцанг Лхамо Дондуб 192

Э
(Элайя) Цетен Пунцог 86
Эр Мао 344

Я
Янгцо Кьи 130
Ярдунг 338

Summary

The book has been written by a team including a specialist in the Chinese philology Ekaterina Zavidovskaya, Ph.D. (Nanhua University, Taiwan), as well as professors and young scholars (Ph.D. candidates and students) of the Chair of Mongolian and Tibetan studies of the Saint-Petersburg State University) Associate Professor Pavel Grokhovskiy, Ph.D., Assistant Professor, Ph.D. Candidate Mariya Smirnova, students Natalia Mikhaylova and Anastasiia Ilina.

The chapter *Prerequisites and conditions of formation of the modern Tibetan literature in the PRC* deals with features of medieval Tibetan literature, beginnings of Modern Tibetan literature, state policy regarding the culture of ethnic minorities in the PRC in 1950s and 1960s and its influence on the development of the Tibetan language and literature, Tibetan language and literature during the Cultural Revolution period (1966–1976), the task of creating Modern Tibetan literature in the PRC in the 1980s and ways of its implementation.

The chapter *Life and Oeuvre of Gedun Chopel (1903–1951) — the First Modern Tibetan Scholar, Man of Letters and Enlightener* presents a study summarizing the existing records of Gedun Chopel's life, scholarly, literary and artistic works. Gedun Chopel is regarded as the first modern Tibetan scholar and one of the most controversial figures in the modern Tibetan history. Gedun Chopel's literary and scholarly oeuvre enjoys popularity not only among the Tibetan community, but also serves as a multidirectional research topic for many Western scholars. Certain facts about his life or works continue to spark disputes among researchers up to the present time. The chapter features biography of Gedun Chopel and his literary, scholarly and artistic works and gives an overview of the existing research on life and works of Gedun Chopel.

The chapter *Significance of the Tibetan newspaper Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long (1925–1963) for modernization of the Tibetan literary language and development of secular Tibetan literature* is devoted to the *Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long* (or, as it was called by its editor, *The Tibet Mirror*), the first periodical in the Tibetan language that was published by a Tibetan editor. Dorje Tharchin, the editor of *The Tibet Mirror* and a remarkable Tibetan religious and public leader, exerted every effort in his practically unprofitable, but enthusiasm-charged undertaking of newspaper issuing and its distribution among representatives of the Tibetan society. However, *Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long* not only presents the first example of the Tibetan mass media, but contains first pieces of modern Tibetan writing which determined a future development of the new Tibetan literary genres and contributed to the introduction of modern political and economic terminology and new grammatical and lexical features in the Tibetan language. The chapter describes the history of *The Tibet Mirror* and other newspapers in the Tibetan language preceding the publication of *The Tibet Mirror* or being published at the same time with it; provides an analysis of the first six issues of *Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long* (Vol. I No.1–6, dated 1925–1926) and discusses *Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*'s

input on the modernization of the Classical Tibetan Language and the newspaper's contribution to the establishment of the modern Tibetan literary writing.

The chapter *Tibetan literary language modernization as one of prerequisites of formation of modern Tibetan literature* deals with the vernacularization of the Tibetan literary language that was initiated by the Chinese authorities in the beginning of the 20th c. Modernization projects were aimed at filling the gap between written and spoken language and spreading of Communist ideas among Tibetans. The most influential factors which helped to overcome this rift were: creation of translation teams to translate in the Tibetan language Chinese propaganda and legal documents, educational materials, constitutions, directives and other official documents; development of publishing projects and journalism; establishment of the Tibetan writers associations and literary magazines; development of secular education.

The chapter *State policy regarding the literatures of the ethnic minority groups in PRC from the middle of 20th century: the case of the Tibetan literature* starts with a brief discussion of the relation between notions of "ethnicity" and "politics", both of which are directly linked to the state policy regarding the ethnic literatures in present day China. The first paragraph introduces the official policy towards ethnic groups within state borders of China, pointing at economic factor determining the policy in the underdeveloped areas mainly inhabited by the ethnic minorities. The second paragraph provides a brief account of how "ethnicity" and "ethnology" are defined and studied by the Chinese scholars and the Western academics studying China. The third paragraph focuses on the sources and materials, which shed light on the state policy in the ethnic minority areas (with focus on Tibet), e.g. Chinese, Russian and Western sources, each of the three biased in its own fashion. The forth paragraph discusses publications by the Chinese authors concerning ethnic literatures and their approach to the folklore and the author's literature. Paragraph five outlines how state policy affected Tibetan culture and literature after the Cultural Revolution, the emphasis is made on the language factor drawing important border between writing in Tibetan and Chinese.

The chapter *The modern Tibetan literary textual corpus: main sources and aspects of research* addresses the issues of describing the main published sources available to the present authors, making an emphasis on novels and the most well-known anthologies, mainly of prosaic works. It also provides a brief outline of the corpus of publications in the two most popular literary journals, *Tibetan Literature and Art* and *Light Rain*, as well as touches upon the less studied subjects like Tibetan critical and scholarly publications on modern literature and translations of Russian and Western literary works into Tibetan.

The chapter *Dondub Gyel (1953–1985) — the founder and ideologist of modern Tibetan literature, writer, critic, scholar* provides a short account of the main events in Dondub Gyel's life that lead him from a small village in Amdo, Tibet to a brilliant writer's career and a tragic, abrupt end. Along this journey he had overcome difficulties that many writers faced during the Cultural Revolution in China and helped revive the Tibetan literary tradition. It also gives a summary

of the works of Dhondub Gyel, including a description of his *Collected Works*: poems, short stories, essays, critical texts and literary studies, exploring different aspects of Tibetan life, language and history.

The chapter *Tradition and innovation in Modern Tibetan Literature: the case of poetic works by Dondub Gyel* deals with the issue of influence of traditional Indian poetics on the Tibetan medieval literature and gives some clues for the decision of the question whether the modern Tibetan poetry, exemplified in this case by Dondub Gyel's poetic works, was influenced by it.

The chapter *Reflection of the ethnic identity and special features of the sinophone Tibetan literature* starts with listing the most important works of the modern Tibetan literature (both Sinophone and written in Tibetan) selected by the Chinese scholar Geng Yufang. The second paragraph discusses the "borderland identity" of the renown Sino-Tibetan writer Alai and changes in his approach to the Tibetan culture after publishing the debut novel *The dust settles down* (2001, English translation *The Red Poppies*). The third paragraph discusses what changes occurred in the Tibetan prose, as seen from the two sets of the selected stories of the Sinophone writers (1985, 2002). The concluding paragraph approaches the prose of three writers of the younger generation — Pema Tseten (b. 1969, Ch. 万玛才旦, also a film director), Norbu Tsering (b. 1965, Ch. 罗布次仁) and female writer Medon (b.1966, Ch. 梅卓), they have been recognized in China, and their works are cited from the Lhasa based modern literature series *The Tibetan antelope* (zang lingyang).

The chapter *The modern Tibetan literature through the eyes of Chinese literary critics* aims to present a historical aspect of the modern Tibetan (Sinophone) literature studies in China, opinions and views of the Chinese scholars concerning issues of ethnicity, language and expressive means in the Tibetan literature. Primarily, we clarify what is expected from the "ethnic minorities` literature" (including the Tibetan one), since this concept has also been a part of the state policy discussed in a previous chapter. In order to understand the niche that the Tibetan literature occupies on the Chinese literary stage, the chapter addresses institutions, channels and journals designed to propagate the Tibetan literature among the Chinese readers. Chinese scholars and critics have come up with a periodization of the development of the modern Tibetan literature, which makes it a part of the Chinese history. Critics tend to view the Tibetan literature as something "mysterious", "cryptic", representing "the Other", basically it is only the Sinophone "new Tibetan novel" which is representing the entire literature to the Chinese critics, the majority of whom do not know the Tibetan language, and these views prove the cultural distance and boundaries existing between the Han Chinese and Tibetans despite their belonging to one state.

The Chapter *Modern Tibetan literature in the Internet* shows that the Modern Tibetan literature is spread in the Internet in all forms of websites: digital libraries, electronic publications, personal websites etc. Some works by modem Tibetan writers are available online at Internet portals on Tibet, the Tibetan language and culture. Works of modern Tibetan writers are mainly available as electronic versions of paper publications in online shops and digital libraries. Many modem

Tibetan writers also have personal websites, author's pages in theme-based websites with free posting or online literary magazines. Bogs are also widely spread. With the growing Western interest in Tibet a large amount of translations are published in websites about Tibet and Tibetan culture. There are also sites, created to translate Tibetan language resources, blogs and online magazines.

The chapter *Modern Tibetan literature among other arts: theatre, popular music, television, cinema* deals with the development and transformation of different forms of modern Tibetan art from the middle of the XX c. It describes the development of broadcasting media in Tibet; analyses changes undergone by the traditional Tibetan dance and music genres under the influence of the Chinese authorities and the process of globalization. It examines the use of modern music, theatre, television and cinema for Chinese state propaganda as well as the way Tibetans have used modern art forms to express their identity. The chapter also contains comparative analysis of the development of modern Tibetan art within the Tibetan diaspora.

The chapter *Contemporary Tibetan literary studies — a new field of Tibetan studies* explores contemporary Western approaches to studying literary process in Tibetan societies in PRC and abroad since early 1980-s (after the end of the Cultural Revolution). The analysis of two primary collective works on the modern Tibetan literature: *Contemporary Tibetan Literary Studies* (ed. by Steven J. , 2007) and *Modern Tibetan Literature and Social Change* (ed. by Lauran R. Hartley and Patricia Schiaffini-Vedani, 2008) leads to the conclusion that contemporary Tibetan literary studies have become a full-fledged field of Tibetan studies since early 2000s, investigating all major aspects of the contemporary Tibetan literary process: its history, the problems of writers' ethnical and linguistic background, engagement with traditions of classical Indian and Tibetan literature, influence of modern literatures, innovation in literary form and content, specific genre developments, social changes as reflected in works of art, organizational issues. The present volume's editor is glad to mention that although interest of Russian scholars to the modern Tibetan literature, language and culture is still quite fresh, in June of 2014 there was the first panel devoted to the modern Tibetan Literature (*Modernizing the Tibetan Literary Tradition*) organized in Russia in the framework of the 6th International scientific conference *Issues of Far Eastern literatures*, and a book of abstracts and papers was published online (http://www.ifel.spbu.ru/?p=1321). The panel was attended by scholars from Germany, France, USA, Czech Republic, Finland, Austria and Russia. The present volume is the first step of Russian scholars in Tibetan studies towards the understanding of contemporary Tibetan literary process (both in Tibetan and Chinese). There are Russian translations of selected works by Dondub Gyel and an index of names of Tibetan authors and workers of culture in the appendices.

The authors of the present volume dearly appreciate the help of the following foreign colleagues: Françoise Robin, Patricia Schiaffini-Vedani, Franz Xaver Erhard, Yangdon Dhondup, Tsering Shakya, Riika Virtanen, Nancy Lin, Nicole Willock, Lama Jabb, Steven Venturino, Nimrod Baranovich, Lauran Hartley, Michael Balk and Tsering Thar.

Содержание

Предисловие 5
Предпосылки возникновения современной тибетской литературы в КНР (*П. Л. Гроховский*) 9
Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) — первого современного тибетского ученого, литератора, просветителя (*Н. Н. Михайлова*) 33
Значение газеты «Юлчог сосой саргьюр мелонг» (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке (*Н. Н. Михайлова*) . 71
Политика модернизации тибетского литературного языка как одна из предпосылок возникновения современной тибетской литературы (*М. О. Смирнова*) 122
Политика КНР в отношении литератур национальных меньшинств с середины XX в.: на примере тибетской литературы (*Е. А. Завидовская*) 134
Корпус произведений современной тибетской литературы: основные источники и направления изучения (*П. Л. Гроховский*) 170
Дондуб Гьел (1953–1985) — основатель и идеолог современной тибетской литературы, литератор, критик, ученый (*А. А. Ильина*, *П. Л. Гроховский*) 193
Традиционное и новое в современной тибетской литературе (на примере поэтического творчества Дондуб Гьела) (*А. А. Ильина*, *П. Л. Гроховский*) 209
Отражение этнического самосознания и специфика современной тибетской литературы, написанной на китайском языке (*Е. А. Завидовская*) 233
Современная тибетская литература глазами китайских критиков (*Е. А. Завидовская*) 272
Современная тибетская литература в сети Интернет (*М. О. Смирнова*, *Е. А. Завидовская*) 316
Современная тибетская литература в ряду других искусств: театр, популярная музыка, телевидение, кинематограф (*М. О. Смирнова*) 329
Изучение современной тибетской литературы — новая область тибетологии (*П. Л. Гроховский*) 351
Библиография 357
Приложение
Переводы произведений Дондуб Гьела 381
Указатель имен тибетских литераторов и деятелей культуры 398
Summary 402

Contents

Preface. 5

Prerequisites and conditions of formation of the modern Tibetan literature in the PRC (*P. Grokhovskiy*) 9

Life and oeuvre of Gedun Chopel (1903–1951) — the first modern tibetan scholar, man of letters and enlightener (*N. Mikhaylova*). 33

Significance of the Tibetan newspaper *Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long* (1925–1963) for modernization of the Tibetan literary language and development of secular Tibetan literature (*N. Mikhaylova*) 71

Tibetan literary language modernization as one of prerequisites of formation of modern Tibetan literature (*M. Smirnova*). 122

State policy regarding the literatures of the ethnic minority groups in PRC from the middle of XX century: the case of the Tibetan literature (*E. Zavidovskaya*). 134

The modern Tibetan literary textual corpus: main sources and aspects of research (*P. Grokhovskiy*) 170

Dondub Gyel (1953–1985) — the founder and ideologist of modern Tibetan literature, writer, critic, scholar (*A. Ilina*, *P. Grokhovskiy*) 193

Tradition and innovation in modern Tibetan literature: the case of poetic works by Dondub Gyel (*A. Ilina*, *P. Grokhovskiy*) 209

Reflection of the ethnic identity and special features of the Sinophone Tibetan literature (*E. Zavidovskaya*) 233

The modern Tibetan literature through the eyes of Chinese literary critics (*E. Zavidovskaya*). 272

Modern Tibetan literature in the Internet (*M. Smirnova*, *E. Zavidovskaya*) 316

Modern Tibetan literature among other arts: theatre, popular music, television, cinema (*M. Smirnova*) 329

Contemporary Tibetan literary studies — a new field of Tibetan studies (*P. Grokhovskiy*) 351

Bibliography 357

Appendix. Russian translation of selected works by Dondub Gyel . . . 381

Index of names of Tibetan authors and cultural workers 398

Summary 402

Научное издание

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Под редакцией П. Л. Гроховского

Редактор *А. А. Золотова*
Корректор *М. Е. Рошаль*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 10.10.2014. Формат 60 × 90 1/16.
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А